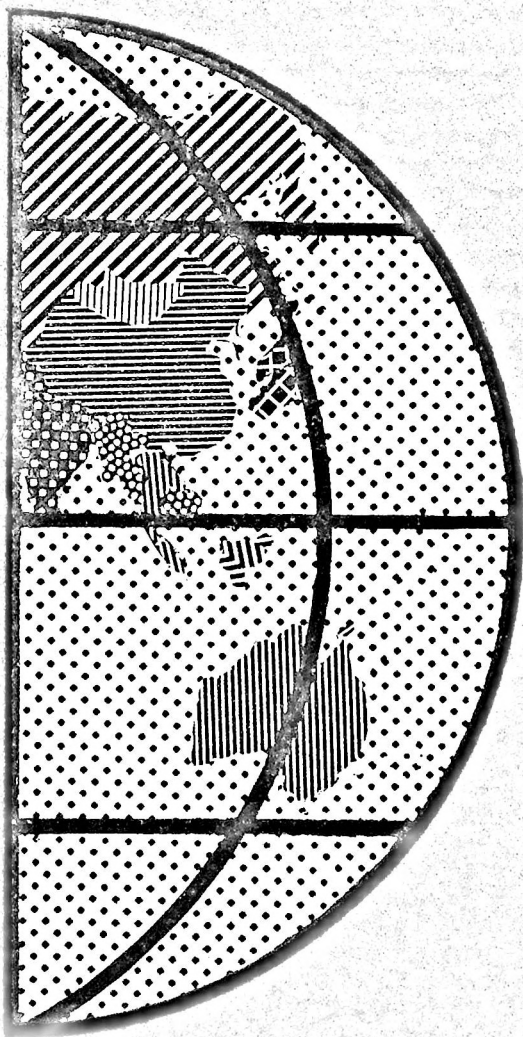

ISSN 0131-2812

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Великий Октябрь
и современность

Индия и безопасность
в Азии

«Китайская политика»
Вашингтона

Экономика КНР

Китай:
время далекое и близкое

Исповедь
китайского маршала

ИНСТИТУТ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
АН СССР

4/87

НОВЫЕ КНИГИ

Беспрозванных Е. Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений XVII — середина XIX в. — Хабаровск: Кн. изд-во, 1986. — 336 с. — 1 р. 30 к. 15 000 экз.

Кадымов Г. Г. Обновленный Лаос. — Киев: Политиздат Украины, 1987. — 120 с. — 20 к. 6 000 экз.

Хангай: Очерки о Монголии. — М.: Сов. Россия, 1987. — 192 с. — 60 к. 15 000 экз.

Кычанов Е. И. Основы средневекового китайского права (VII—XIII вв.). — М.: Наука, 1986. — 263 с. — 1 р. 90 к. 3 400 экз.

Аликанов К. М., Иванов В. В., Мальханова И. А. Русско-вьетнамский словарь: В 2-х т. Около 43 000 слов. — 3-е изд. — М.: Рус. яз., 1987. Т. 1. А-О. — 648 с. 6 р. 30 к. 42 000 экз.

Чимид М. Куланы: Рассказы. Пер. с монг.; Рис. А. Катина. — М.: Дет. лит., 1987. — 112 с., ил. — 50 к. 150 000 экз.

Березина Ю. И. Япония: Социальные последствия научно-технического прогресса. — М.: Наука, 1986. — 224 с. — 1 р. 70 к. 3150 экз.

Вельгус В. А. Средневековый Китай: Исследования и материалы по истории, внешним связям, литературе. — М.: Наука, 1987. — 203 с. — 1 р. 40 к. 3 000 экз.

В небе Китая. 1937—1940: Воспоминания сов. летчиков-добровольцев. — 2-е изд., испр., доп. Отв. ред., сост. Ю. В. Чудодеев. — М.: Наука, 1986. — 383 с., ил. — 1 р. 80 к. 40 000 экз.

Шихуа о том, как Трипитака Великой Тан добыл священные книги (Да Тан Санцзан цюй цзин шихуа). Пер. с кит., исслед. Л. К. Павловской. — М.: Наука, 1987. — 144 с. — (Памятники письменности Востока. Т. 82). — 1 р. 20 к. 8 000 экз.

Гусева Н. Р. Многоликая Индия. — 3-е изд., испр., доп. — М.: Наука, 1987. — 255 с., ил. — (Рассказы о странах Востока). — 95 к. 30 000 экз.

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

4/87

4 [64] 1987
Издается с 1972 г.

Научный, общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском,
английском, японском и испанском языках

СОДЕРЖАНИЕ

НАВСТРЕЧУ 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

ПОЛИТИКА.
ЭКОНОМИКА

ПЕРЕДОВАЯ. Октябрь и современность	3
<i>Т. Н. КАУЛЬ.</i> Проблемы безопасности в Азии	14
<i>М. Е. ТРИГУБЕНКО, Н. Л. ШЛЫК.</i> К вопросу об усилении непосредственного сотрудничества дальневосточных районов СССР с социалистическими странами Азии	21
<i>О. В. ДАВЫДОВ, В. В. МИХЕЕВ.</i> Некоторые аспекты внешней политики КНДР в свете международных отношений на Дальнем Востоке	33
<i>Б. Н. ЗАНЕГИН, К. В. ПЛЕШАКОВ.</i> «Китайская политика» Вашингтона и конгресс США	46
<i>О. Л. ОСТРОУХОВ.</i> Китайско-японские отношения: проблемы, перспективы	60
<i>Н. В. ШАСКОЛЬСКИЙ.</i> АТР в военных планах США	70

Проблемы АТР
Экономические и
социальные процессы
в КНР

<i>С. В. СТЕПАНОВ, В. Н. СОБОЛЕВ.</i> Экономика Китая в 1986 г.	81
<i>Е. Ф. СЕЛИВАНОВА.</i> Хозяйственная реформа в КНР и миграция населения	87
<i>Э. З. МАМОНОВ.</i> Реформа хозяйственного механизма и уголовное право в Китае	96
<i>С. А. ГОРБУНОВА.</i> Съезд народов Дальнего Востока и революционное движение в Китае	105

ИСТОРИЯ

НАУКА. ИДЕОЛОГИЯ.
КУЛЬТУРА

Из истории общественно-политической мысли	<i>С. Р. БЕЛОУСОВ.</i> Поиски альтернативы развития Китая: традиционализм или модернизм	112
Синология в странах Запада	<i>М. В. СОФРОНОВ.</i> Заметки о французском Китаеведении	128
Искусство	Художественные выставки 1986 г. в Советском Союзе	133

СТРАНЫ. ОБЫЧЛИ.
ТРАДИЦИИ

<i>Н. Т. ФЕДОРЕНКО.</i> Китай: время далекое и близкое	142
--	-----

**КОММЕНТАРИИ.
СООБЩЕНИЯ**

К. Ю. ФЕДОРОВ. Китайские ученые об экономике Советского Союза	153
К. А. ЕГОРОВ. К итогам пятой сессии ВСНП	161
М. Е. КИРЬЯНОВА. Обмен торгово-экономическими выставками между СССР и КНР	167
Н. О. КАПРАЛОВ. Договор Раротонга — шаг к безъядерному миру	173
Э. С. ГРЕБЕНЩИКОВ. ЭСКАТО — возраст зрелости	177
ПЭН ДЭХУАН. Страницы воспоминаний	181

ПУБЛИКАЦИИ

**ПО СТРАНИЦАМ
ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ**

**КНИЖНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ**

Б. Н. БАСОВ. Планирование семьи в Китае	196
А. И. СЕНАТОРОВ. Как строить мир и безопасность в АТР	200
В. А. АРХИПОВ. Корейский вопрос: правда истории и ее фальсификаторы	203
Ю. М. ОВЧИННИКОВ. Воспоминания китайского революционера	206
Б. В. ПОСПЕЛОВ. Литература Японии в борьбе за мир и демократию	209
В. Б. РАМЗЕС. В интересах взаимопонимания и добрососедства	212
Ю. В. ЦЫГАНОВ. Совместные предприятия в Китае	216
Ю. Е. ЕВГЕНЬЕВ. Проблемы НТР в Японии	220
Л. А. НИКОЛЬСКАЯ. Монография о творчестве Чэнь Байчэня	224

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

Развитие экономических связей дальневосточных районов СССР со странами АТР	227
Мир и молодежь в Азиатско-тихоокеанском регионе	229

Адрес редакции: Москва, 117848
ул. Крессинова, 27
тел. 124-09-04

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1987

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. А. АРХИПОВ (и. о. главного редактора), Г. В. АСТАФЬЕВ,
Р. С. БЕЛОУСОВ, Г. А. БОГДАНОВ, Г. Г. ГРЕБЕННИКОВ
(зам. главного редактора), М. С. КАПИЦА, И. И. КОВАЛЕНКО,
В. С. МЯСНИКОВ, В. Я. ПОРТЯКОВ, С. С. РАЗОВ,
О. Б. РАХМАНИН, И. А. РОГАЧЕВ, Б. В. САГАРЕВ (и. о. зам.
главного редактора), А. И. СЕНАТОРОВ, В. М. СОЛНЦЕВ,
М. Л. ТИТАРЕНКО, С. Л. ТИХВИНСКИЙ, И. Т. ФЕДОРЕНКО

НАВСТРЕЧУ 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

Октябрь и современность

Великая Октябрьская социалистическая революция — самое выдающееся событие XX в., возвестившее начало новой эры в жизни человечества. Время глубоко раскрыло ее непреходящее значение, показало гигантские возможности, которые открывает социалистическое общественное развитие. Великий Октябрь по прошествии лет не утрачивает исторической значимости, не уходит в прошлое. Время сообщает ему, как всякому эпохальному событию, особую власть над умами, современность высвечивает собственным светом его опыт и уроки.

В истории человечества было много революций, сыгравших большую роль в судьбах народов, в общественном развитии. Октябрьская революция по своему характеру и по историческим последствиям занимает среди них особое место. Она открыла эру освобождения рабочего класса, всех людей труда от бедствий, страданий и унижений, порожденных тысячелетним господством угнетателей. Она покончила с эксплуатацией человека человеком и положила начало переустройству общества в интересах самих трудящихся.

«...Мы вправе гордиться и мы гордимся тем,— писал В. И. Ленин,— что на нашу долю выпало счастье начать постройку советского государства, начать этим новую эпоху всемирной истории, эпоху господства нового класса, угнетенного во всех капиталистических странах и идущего повсюду к новой жизни, к победе над буржуазией, к диктатуре пролетариата, к избавлению человечества от ига капитала, от империалистических войн».

Октябрь изменил и продолжает менять лицо нашей планеты. Вызванные им к жизни всемирно-исторические силы социализма и прогресса ставят как вполне достижимую и реальную цель коренную перестройку всей системы международных отношений.

* * *

Советский народ, вступивший во второй год двенадцатой пятилетки — год 70-летия Великого Октября,— занят мирным созидательным трудом, претворением в жизнь исторических решений XXVII съезда нашей партии, январского (1987) Пленума ЦК КПСС.

Великий Октябрь продолжается в наших делах сегодня. В стране разворачивается перестройка, революционная по своей сути созидательная работа. Цель ее — ускорить прогресс советского общества. Перестройка все глубже утверждает в жизни партии и страны революционный ленинский дух.

Ныне советское общество встало перед необходимостью свершения качественных сдвигов, качественных изменений практически во всех сферах — в развитии производительных сил и производственных отношений, в радикальной и всеохватывающей демократизации социально-политической, гуманитарной сфер общественной жизни, в интенсификации духовного про-

цесса, развитии человека как главной ценности. Нынешний переломный период, необходимость скорейшего устранения последствий замедленного развития, ошибок и недостатков недавнего прошлого обязывают к поистине революционным действиям: революционным по безотлагательности, глубине и темпам их осуществления. Таким образом, в ходе перестройки совершаются как по сути, так во многом и по способам решения назревших проблем революционные преобразования. Это прежде всего стремление не откладывая в долгий ящик, без длительной раскачки приступить к осуществлению намеченного XXVII съездом, смелость в выдвижении острых вопросов нашего развития, их гласное обсуждение, нарастающее единство слова и дела, требовательная бескомпромиссность в кадровой политике.

«Мы проходим через интересный этап, через интересную полосу исторического развития, на социалистической базе хотим обновить все стороны нашей жизни,— отмечал М. С. Горбачев на встрече с участниками Иссик-Кульского форума.— Мы не отказываемся от наших ценностей, от того, во что верим, от того, что вывело Россию на уровень, на котором она сегодня находится. Просто мы обнаружили, что плохо или, мягко говоря, недостаточно использовали то, что дает наша система для развития экономики, социальной сферы, культуры. Более того, мы обнаружили, что у нас произошли определенные деформации, никак не согласующиеся с социалистическими ценностями. И то, что мы сейчас встали на путь перестройки, используя гласность и демократию, это вызвало огромный резонанс в нашем народе. Мы почувствовали такую поддержку, которой не было уже, может быть, десятилетиями».

Крупные принципиально важные решения приняты на состоявшемся январском Пленуме ЦК КПСС. Они вооружают нашу партию и народ теорией перестройки, мобилизуют их на более глубокие реформы, на смелые меры, призванные придать социализму самые современные формы общественной организации. Сегодняшний день, как и всякий новый день в созидании социализма, ищет и находит свою обновленную связь с великими традициями Октября, жизнью и деятельностью В. И. Ленина. Это — связующее звено различных поколений революционеров так же, как и история ленинской мысли на всех этапах ее движения и развития, это — неотъемлемая часть истории современности и всего нашего отечественного наследия. Умение соответствовать эпохе не имеет ничего общего с бесстрастной фиксацией смены лет, безвозвратно уходящих в прошлое. Чувствовать время — значит быть причастным к нему, осознавать себя частицей неудержимого восхождения человечества по ступеням социального прогресса.

Сегодня мы боремся за то, чтобы поднять советскую экономику на высший в мире уровень эффективности и научно-технического прогресса. Тем самым будет значительно расширена база для дальнейшего роста народного благосостояния и всестороннего развития всех членов общества, удовлетворения материальных и духовных потребностей людей.

XXVII съезд партии глубоко, по-ленински осмыслил переживаемое время, соединил в своих решениях величие целей и реализм возможностей. Съезд стал уроком правды, который имеет непреходящую политическую и нравственную ценность. Бескомпромиссная, открытая оценка всего, что мешает идти вперед,— это принципиальная, ленинская позиция, показатель силы партии. В этой связи Ленин говорил, что когда перед нами вставали практически новые задачи, для их решения словно из земли вырастали новые силы, которых никто не подозревал еще накануне

перелома. Так и сегодня: в партии и народе вырастают, включаются в революционное дело перестройки новые силы, еще вчера себя не проявлявшие.

Напряженной работой, преодолением застойных явлений, повышением инициативности и ответственности рабочий класс, колхозное крестьянство, народная интеллигенция, все нации и народности оказывают поддержку политической линии и практической деятельности ленинской партии. В выработанной съездом стратегии ускорения социально-экономического развития страны, всеобъемлющем обновлении советского общества наш народ видит выражение своих глубочайших жизненных интересов. Благодаря усилиям советского народа планируемые преобразования приобретают все более реальные очертания, воплощаются в конкретных делах.

Для успешной реализации планов мирных свершений, процветания нашей страны советскому народу нужны прочный мир, благоприятная международная обстановка. Миролюбие Советского Союза вытекает из самой природы социалистического строя. Социализм и мир неразделимы, об этом убедительно свидетельствует вся история Советского государства. Одна из важнейших черт политики нашей партии — органическое единство заботы о мире и заботы о защите революции. Оно завещано нам В. И. Лениным и Великим Октябрем. Защита социалистического Отечества, Советской власти, исторических завоеваний трудящихся всегда занимала и продолжает занимать важное место в теоретической и практической деятельности КПСС. Эти вопросы глубоко и всесторонне раскрыты в ленинском учении о революции, которое на каждом этапе исторического развития нашего государства обогащалось и обогащается нашей партией новыми выводами и положениями. На этой прочной теоретической основе партия и государство решают ответственные задачи военного строительства, развития и укрепления Вооруженных Сил СССР.

В нынешних условиях и обозримой перспективе вопросы защиты революционных завоеваний в государственном и интернациональном масштабах, т. е. в рамках мирового социалистического содружества, будут оставаться актуальными до тех пор, пока для Советского Союза и его союзников будет существовать военная угроза со стороны милитаристских кругов, агрессивных сил империализма, прежде всего США и НАТО в целом. Раскручивая маховик гонки вооружений, американский империализм стремится не только добиться военного превосходства над Советским Союзом, но и «измотать» нас экономически, помешать осуществлению наших народнохозяйственных и социальных программ. Эти расчеты обречены на провал, но вследствие авантюризма их авторов они крайне опасны.

Неослабное внимание нашей партии к коренным проблемам защиты революции, социалистических завоеваний советского народа неразрывно связано с коренными чертами и важнейшими особенностями самого Октября, грандиозного дела, которому он положил начало, с огромным влиянием, оказываемым процессом созидания нового общества в нашей стране на весь дальнейший ход истории человечества. «Великая Октябрьская социалистическая революция, — подчеркивается в новой редакции Программы КПСС, — стала переломным событием всемирной истории, определила генеральное направление и основные тенденции мирового развития. Она положила начало неодолимому процессу — смене капитализма новой, коммунистической общественно-экономической формацией».

70-летие Великого Октября наступает в обстановке, когда человечество поставлено перед проблемой выживания. Будущее мира — мира противоречивого, но единого и взаимосвязанного — определяется сегодня. Мир может

и должен быть избавлен от угрозы ядерной войны. Жизнь в условиях безопасности, независимости и прогресса может и должна быть обеспечена всем народам.

Курс нашей партии и государства в мировой политике — последовательно миролюбивый. Советский Союз к международным проблемам подходит реалистически, гибко, руководствуясь новым политическим мышлением. Он неуклонно будет вести дело к тому, чтобы у порога третьего тысячелетия государства сбросили ядерные доспехи, чтобы не допустить оружие в космос, сократить и в конце концов уничтожить его на Земле.

* * *

Еще в 1913 г. В. И. Ленин отмечал, что «в Азии везде растет, ширится и крепнет могучее демократическое движение... Просыпаются к жизни, к свету, к свободе сотни миллионов людей... Вся молодая Азия, то есть сотни миллионов трудящихся в Азии имеют надежного союзника в лице пролетариата всех цивилизованных стран. Никакая сила в мире не может удержать его победы, которая освободит народы Европы и народы Азии».

Великая Октябрьская социалистическая революция ускорила ход исторических событий в мире, положила начало кризису колониальной системы, открыла эпоху национально-освободительных революций в колониальных и зависимых странах, оказала огромное и революционизирующее влияние на угнетенные народы, подняла их на борьбу за свободу и независимость.

Октябрьская революция подняла бурную волну национально-освободительного движения во всех странах Востока: в Китае, Индии, Индонезии, Вьетнаме и др.

С первых дней своего существования родина Великого Октября выступила другом и союзником всех поработанных и угнетенных народов, чем свидетельствовали разработанные под руководством В. И. Ленина нешлепительские акты Советского государства. Руководствуясь основными принципами ленинской внешней политики, Советский Союз полностью поддерживает законные устремления народов освободившихся стран, их решимость избавиться от всех форм империалистической эксплуатации.

Решения XXVII съезда нашей партии направлены на дальнейшее развитие и укрепление дружественных отношений, на поддержку народов, отстаивающих свою свободу, на укрепление солидарности с силами прогресса, демократии и национальной независимости в странах Азии, Африки и Латинской Америки.

«Партия,— говорится в новой редакции Программы КПСС, принятой на XXVII съезде Коммунистической партии Советского Союза,— последовательно проводит линию на расширение связей Советского Союза с освободившимися странами, с глубокой симпатией относится к устремлениям народов, испытавших на себе тяжкое, унижительное иго колониального рабства. Свои отношения с этими странами Советский Союз строит на основе строгого уважения их независимости и равноправия, поддерживает борьбу этих стран против неоклониалистской политики империализма, против остатков колониализма, за мир и всеобщую безопасность».

Опираясь на всестороннюю поддержку Советского Союза и других социалистических государств, многие развивающиеся страны зарубежного Востока более активно и решительно выступают против империалистического гнета, за укрепление политической независимости и экономической самостоятельности. Широкое и тесное сотрудничество между го-

сударствами социалистического содружества и развивающимися странами Востока является наглядным подтверждением воплощения ленинских идей союза между мировым социализмом и национально-освободительным движением. В Программе КПСС отмечается: «Большое значение партия придает солидарности, политическому и экономическому сотрудничеству со странами социалистической ориентации. Каждый народ главным образом собственными усилиями создает необходимую для построения нового общества материально-техническую базу, добивается повышения благосостояния и культуры масс. Советский Союз в меру своих возможностей оказывал и будет оказывать народам, идущим этим маршрутом, помощь в хозяйственном и культурном строительстве, подготовке национальных кадров, повышении обороноспособности и в других областях».

В настоящее время азиатско-тихоокеанское направление советской внешней политики — составная часть общей платформы международной деятельности КПСС, разработанная апрельским Пленумом и XXVII съездом партии. Советский Союз в соответствии с принципиальной линией XXVII съезда стремится придать динамизм своим двусторонним отношениям со всеми без исключения странами АТР.

Великая Октябрьская социалистическая революция оказала большое влияние на Монголию. Она открыла перед монгольским народом путь к освобождению от феодально-колониального гнета, путь к социализму, минуя капитализм. Идеи В. И. Ленина об этапах постепенного перехода от феодализма к социализму, минуя капитализм, нашли отражение в программных документах МНРП. Опыт Монголии подтвердил, что некапиталистический путь развития отсталых народов представляет своеобразную цепь коренных революционных преобразований, происходящих в экономике, политике, идеологии. При этом важнейшим условием некапиталистического пути развития является руководство всем процессом перестройки общества со стороны партии, стоящей на марксистско-ленинских позициях, а также помощь стран победившего социализма.

Монгольская народная революция, победившая под непосредственным влиянием освободительных идей Октябрьской революции, открывшая перед монгольским народом светлый путь к свободе и прогрессу, с самого начала развивается как неразрывная составная часть мирового революционного процесса. Монгольская Народная Республика, минуя капиталистическую стадию развития, преодолев за короткий срок многовековую отсталость, вот уже 65 лет уверенно идет по пути социализма.

В 1986 г. монгольский народ отметил 65-летие исторической встречи В. И. Ленина и Д. Сухэ-Батора и подписания первого Соглашения об установлении дружественных отношений между революционной Монголией и Советской Россией. По мере продвижения МНР по пути строительства социализма все прочнее становится братский союз монгольского и советского народов, постоянно расширяются масштабы всестороннего сотрудничества, обогащаются его содержание и формы, растет созидательный потенциал нашей дружбы.

Реальный социализм на древней монгольской земле — это живое воплощение идей Великого Октября. Достигнутый сегодня уровень развития МНР, ее впечатляющие успехи во всех сферах общественной жизни — это плоды тесного союза с победившим пролетариатом, братской помощи и постоянной поддержки родины Октября.

XIX и XXVII съезды марксистско-ленинских партий МНРП и КПСС, подчеркнул Генеральный секретарь ЦК МНРП Ж. Батмунх, еще раз подтвердили решимость наших партий и народов еще более углублять и рас-

ширять нерасторжимые узы ленинской дружбы и тесного сотрудничества наших стран и народов.

Нет сомнения в том, что монголо-советская дружба достигнет новых высот, еще более эффективным и тесным станет наше плодотворное сотрудничество во всех областях общественной жизни. Такова воля нашей партии, таково искреннее стремление наших двух братских народов.

Великий Октябрь донес до Китая, являвшегося полуфеодальной и полуколониальной страной, марксистско-ленинское учение. Победа Октября в корне изменила положение в Китае, открыла новую полосу в историческом развитии этой великой азиатской страны, ускорив процесс социально-политического обновления китайского общества. Октябрьская революция воспринималась в Китае прежде всего как освобождение трудового народа от всех форм социального гнета и несправедливости в прямом противоборстве как с отечественными эксплуататорами, так и с международным империализмом, как вдохновляющий пример для поработанного Китая. Великий Октябрь побудил китайских революционеров пересмотреть прежние представления об исторических судьбах Китая, по-новому поставить вопрос о путях социального и национального обновления страны, дал мощный толчок антиимпериалистическому и антифеодальному движению. Лучшие умы Китая приветствовали Октябрьскую революцию. Выдающийся китайский революционер-демократ Сунь Ятсен в 1918 г. в приветственной телеграмме на имя В. И. Ленина от имени своей партии выражал «глубокое восхищение тяжелой борьбой, которую ведет революционная партия Вашей страны», и выразил надежду, что «революционные партии Китая и России объединятся для совместной борьбы».

Для советского народа важны отношения с КНР прежде всего потому, что мы соседи, что у нас самая протяженная в мире сухопутная граница. Уже поэтому нам, детям и внукам нашим predetermined жить рядом «отныне и во веки веков». Но дело, конечно, не только в этом. История возложила на советский и китайский народы чрезвычайно ответственную миссию. От двух крупнейших социалистических государств зависит многое в международном развитии.

В последние годы произошло заметное улучшение в отношениях наших стран. Советские люди с пониманием и уважением воспринимают выдвинутую Коммунистической партией Китая цель — модернизировать страну, построить в перспективе социалистическое общество, достойное великого народа. У нас с Китаем, насколько можно судить, приоритеты сходные — ускорение социально-экономического развития. Почему бы нам не поддерживать друг друга, не сотрудничать в осуществлении своих планов там, где это очевидно пойдет на пользу обоим? Чем лучше будут отношения, тем больше мы сможем обмениваться опытом друг с другом.

С удовлетворением отмечаем, что наметился положительный сдвиг в экономических связях СССР и КНР. Убеждены, что исторически сложившееся взаимодополнение советской и китайской экономик дает большие возможности для расширения этих связей, в том числе и в приграничных районах. Мы предложили сотрудничество с КНР по космосу, в которое можно было бы включить подготовку китайских космонавтов. Большие возможности взаимопольного обмена — в сфере культуры, образования. Мы готовы и искренне желаем всего этого.

Советское государство обращается ко всем азиатско-тихоокеанским странам с призывом к сотрудничеству во имя мира и безопасности. Каждый, кто стремится к этим целям, кто рассчитывает на лучшее бу-

дущее своих народов, найдет в нас доброжелательных собеседников и честных партнеров.

В истории не бывает прямых аналогий, но возникают сходные ситуации, и потому для нас столь ценен и поучителен плодотворный опыт прошлого. В статье «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции» В. И. Ленин писал: «Мы начали уже необходимую перестройку нашей экономической политики. Мы имеем уже в этой области некоторые — правда, небольшие, частичные, но все же несомненные успехи. Мы уже кончаем, в этой области новой «науки», приготовительный класс. Твердо и настойчиво учась, проверяя практическим опытом каждый свой шаг, не боясь переделывать начатое неоднократно, исправлять свои ошибки, внимательно вникая в их значение, мы перейдем и в следующие классы. Мы пройдем весь "курс"...»

Быстрому распространению правды об Октябрьской революции в Корею способствовало ее соседство с Россией. После победы Октября в Корею проникали и быстро распространились революционные идеи марксизма-ленинизма, которые постепенно стали теоретической основой тактики и стратегии корейского национально-освободительного движения.

В августе 1945 г. Советская Армия освободила Корею от японского колониального господства. После осуществления революционно-демократических преобразований в северной части страны был взят курс на строительство социализма. В сентябре 1948 г. была провозглашена Корейская Народно-Демократическая Республика. За сорок с лишним лет, прошедших после освобождения Кореи, страна добилась значительных успехов в продвижении к провозглашенной цели — социализму. Опыт КНДР подтвердил преимущества социалистического пути развития, правомерность марксистско-ленинской теории о действии общих закономерностей социалистического строительства.

Социалистические преобразования, самоотверженный труд корейского народа под руководством трудовой партии Кореи, сотрудничество с социалистическими странами способствовали превращению КНДР в исторически короткие сроки в индустриально-аграрное государство. Ныне решение задач социалистического строительства в КНДР проходит в сложных внешнеполитических условиях. Активизация деятельности Вашингтона по сколачиванию тройственного союза США — Япония — Южная Корея, реваншистские настроения в японских правящих кругах, милитаризация южнокорейского общества создают новые препятствия на пути объединения Кореи, затрудняют решение социально-экономических задач. Верным и надежным союзником КНДР в борьбе против сил реакции выступают Советский Союз, другие страны социалистического содружества.

Как отмечал М. С. Горбачев 24 декабря 1986 г. на приеме в Большом Кремлевском дворце в честь Генерального секретаря ЦК Трудовой партии Кореи, Президента Корейской Народно-Демократической Республики Ким Ир Сена, «советско-корейское сотрудничество поднялось на новую ступень во всех сферах жизни. Оно верно служит дальнейшему сближению наших народов и государств, делу социализма... Советские люди хорошо понимают, в каких трудных условиях приходится корейскому народу строить социалистическое общество. Четыре десятилетия продолжается раскол страны, вызванный реакционными силами Юга и американским империализмом...» И все это делается с одной целью: помешать общенародному прогрессу, повернуть историю вспять. Правое дело корейского народа — воссоединение Родины — горячо поддерживает советский народ.

«И сегодня советский народ, — отметил Ким Ир Сен, — оставаясь неизмен-

но верным долгом братьев по классу и союзников, оказывает нашему народу активную поддержку и содействие в его борьбе за строительство социализма и самостоятельное мирное объединение родины. Наш народ никогда не забывает об этом и благодарен ему за это».

Ныне отношения дружбы и сотрудничества между народами Советского Союза и Корейской Народно-Демократической Республики поднимаются на новую ступень развития в соответствии с духом договоренностей, достигнутых на встречах и переговорах руководителей двух стран в Москве, получают всесторонний расцвет во всех областях политики, экономики, культуры.

В книге «Октябрьская революция и освобождение народов Востока» Хо Ши Мин писал: «Подобно тому как восходящее солнце гонит прочь тьму, так Октябрьская революция озарила новым светом историю человечества».

Основа братской дружбы и боевой солидарности советского и вьетнамского народов была заложена Великой Октябрьской социалистической революцией, которая оказала решающее воздействие на развитие революционного движения во Вьетнаме, так же как и на подъем национально-освободительной борьбы угнетенных народов всего мира. «Октябрьская революция,— писал Хо Ши Мин,— не только оказала народам Востока решающую помощь, нанеся первый непоправимый удар их общему врагу — империализму. Она им показала также пример подлинной национальной свободы народов, ранее угнетенных царизмом.

Октябрьская революция предоставила народам всех рас право на самоопределение и практические средства для осуществления этого права».

Победа советского народа над фашистской Германией в Великой Отечественной войне и разгром милитаристской Японии в значительной мере обусловили победу революционных сил во Вьетнаме. Следуя заветам выдающегося марксиста-ленинца, последовательного интернационалиста Хо Ши Мина, Коммунистическая партия Вьетнама в исторически короткий срок, невероятно трудных условиях проделала титаническую работу. Победа в борьбе с угнетателями и иноземными захватчиками принесла стране независимость и национальное единство, вызвала в мире восхищение героическим народом Вьетнама. Трудолюбивый вьетнамский народ, руководимый коммунистической партией, опираясь на братскую помощь стран социалистического содружества, строит новое общество. Коммунистическая партия Вьетнама проводит большую работу по преодолению трудностей, застойных явлений на пути продвижения вперед, сосредоточивает внимание коммунистов на острых проблемах, решительно вскрывает недостатки, перестраивает организационную и кадровую работу в связи с требуемыми преобразованиями в социально-экономической сфере. В Советском Союзе с удовлетворением отмечают, что концепция социально-экономической политики, проводимой во Вьетнаме, свободна от волюнтаризма, от стремления перескочить через необходимые этапы развития, основывается на проверенных историей принципах социалистического строительства. У советских людей вызывает глубокое удовлетворение тот факт, что весь комплекс многоплановых советско-вьетнамских отношений, скрепленных Договором о дружбе и сотрудничестве между СССР и СРВ, базируется на принципах марксизма-ленинизма и социалистического интернационализма.

• • •

Положения, оценки и выводы XXVII съезда КПСС по коренным проблемам международной обстановки, об основных тенденциях и противо-

речиях современного мира дают нам возможность шире и глубже осмыслить проблемы защиты страны, завоеваний социализма, прежде всего в связи с обострением военно-политической обстановки в мире, сохранением военной опасности вследствие усиления агрессивности империализма, особенно американского. Верная марксизму-ленинизму, принципам пролетарского, социалистического интернационализма, ленинским заветам, наша партия неуклонно руководствуется основополагающими идеями великого вождя революции, обогащает их новыми положениями и выводами, отражающими реальности нашего времени.

Менее чем год назад Советский Союз выдвинул программу обеспечения международной безопасности и мирного взаимодействия в азиатско-тихоокеанском регионе. С тех пор события на континенте получили как бы новый мощный импульс. Активизировались поиски путей обеспечения безопасности и сотрудничества. Заметно оживились отношения между многими государствами региона. Вместе с тем события на континенте высветили всю сложность и трудность проблем безопасности, мира и сотрудничества, с которыми сталкиваются сегодня страны и народы Азии и Тихого океана.

В настоящее время Азия переживает сложный период в своей истории. Силы империализма и милитаризма во главе с США усиливают в регионе свое военное, в том числе ядерное присутствие, стремятся расширить здесь сеть своих военных баз, сколотить новые милитаристские блоки и превратить Азию в еще одну арену военно-политической конфронтации с миром социализма, силами национального освобождения. Милитаризация региона идет нарастающими темпами. Ее последствия могут оказаться крайне опасными. По подсчетам Лондонского института стратегических исследований, военные расходы стран азиатско-тихоокеанского региона составили в 1986 г. почти 560 млрд. долл., или свыше двух третей всех средств, которые тратятся на военные цели в современном мире. Особую опасность миру и международной безопасности представляют обширные программы США по вовлечению бассейна Индийского океана в планы «звездных войн». Под них приспособляются американские военные базы, центры управления, слежения и приема информации, расположенные в бассейне, идут работы по созданию в Индийском океане системы, позволяющей выводить из строя спутники. Все это, естественно, не может не вызывать озабоченности и тревоги в регионе.

Безопасность и благополучие стран в Азии не могут рассматриваться в отрыве от положения на других континентах. В этом одна из особенностей ракетно-ядерного века, когда безопасность может быть только взаимной, всеобщей. В этом также заключается объяснение того, что предложение Советского Союза о создании всеобъемлющей системы международной безопасности получает растущую поддержку на континенте. Оно полностью отражает реальности и требования ядерного века, отвечает жизненным интересам народов Азии и всего мира. Оно направлено на утверждение мирного сосуществования как высшего принципа международных отношений.

Советская программа создания безъядерного мира особенно созвучна настроениям народов Азии, где взорвались первые американские атомные бомбы и где планировалось применение американского ядерного оружия «в региональных конфликтах», против корейского, вьетнамского и китайского народов. Большое значение имеет объявление юга Тихого океана безъядерной зоной как важного шага в борьбе за безъядерный мир. То, что Советский Союз и Китай, две крупные державы региона, обя-

завшиися не применять первыми ядерное оружие, подписали протоколы 2 и 3 к Договору Раротонга (объявляющего южную часть Тихого океана безъядерной зоной), придает данному шагу особую значимость.

Исключение насилия из практики межгосударственных отношений — одна из главных задач современности. Именно насилие является источником напряженности и конфликтных ситуаций во многих частях мира, в том числе в Азии. Необходимо отметить особое значение Делийской декларации, подписанной М. С. Горбачевым и Р. Ганди, как исторического документа, нацелившего внимание мировой общественности на искоренение насилия, указавшего пути к созданию безъядерного ненасильственного мира.

Конструктивные предложения азиатских социалистических стран, мирные усилия других государств вносят важный вклад в дело укрепления взаимопонимания, развития сотрудничества, создания системы безопасности на континенте.

В конце марта 1987 г. в Пекине состоялась региональная конференция ООН в рамках всемирной кампании за разоружение для стран Азии и Тихого океана. Она стала позитивным вкладом в дело установления и развития диалога между странами региона, в поиски путей решения проблем безопасности. Конференция показала, что международные организации, в особенности ООН, могут и должны играть более активную роль в решении региональных проблем безопасности и мира.

Всемерное содействие укреплению безопасности на Азиатском континенте, развитию взаимопонимания и сотрудничества между государствами региона является важнейшим направлением внешнеполитической деятельности Советского Союза. При этом СССР исходит из приоритетного значения укрепления дружбы и сотрудничества с азиатскими социалистическими странами, усиления нашего взаимодействия с братскими странами в интересах обеспечения мира и безопасности в регионе. Построенные на принципах пролетарского, социалистического интернационализма, отношения СССР с МНР, КНДР, ЛНДР, НРК, СРВ являются частью общеазиатской, тихоокеанской безопасности.

Мир и безопасность нельзя обеспечить с помощью политики силы и конфронтации. Они могут быть достигнуты только на основе уважения законных интересов и прав всех стран и народов, через укрепление взаимопонимания, добрососедства, развитие широкого международного диалога, мирное решение спорных проблем и конфликтных ситуаций. Именно этими убеждениями руководствовался Советский Союз, когда предложил создать механизм, исключающий применение силы в отношениях между государствами Азии и района Тихого океана, провести общеазиатский форум за мир и сотрудничество с участием представителей широкой общественности, организовать встречу парламентариев континента.

Благородным целям укрепления мира в Азии, создания атмосферы доверия и взаимопонимания, установления добрососедских отношений между государствами континента служит осуществленный в этом году вывод части советских войск из Монголии. Осуществляемая в соответствии с договоренностью между двумя сторонами, эта мера еще раз подчеркивает подлинно интернационалистскую роль советских воинских частей, временно находящихся в стране по просьбе правительства МНР.

СССР последовательно продолжает свой принципиальный курс на развитие контактов со странами региона по партийной, парламентской и общественной линиям, на солидарность и взаимодействие со всеми миролюбивыми силами в поисках путей укрепления доверия и сотрудничества между странами азиатско-тихоокеанского региона.

Страны и народы мира могут и должны создать новый демократический, справедливый и ненасильственный мир, свободный от ядерного оружия. Естественно, азиатско-тихоокеанский регион составил бы его неотъемлемую часть. Встреча М. С. Горбачева и Р. Рейгана в Рейкьявике, которая состоялась под благотворным воздействием советских мирных инициатив последнего времени, продемонстрировала всему миру, что договориться и добиться ликвидации ядерного оружия вполне возможно, причем в сравнительно короткий срок. Первая всеобъемлющая программа обеспечения международной безопасности и мирного взаимодействия в азиатско-тихоокеанском регионе, с которой выступил Советский Союз, итоги визита М. С. Горбачева в Индию дали мощный импульс для активизации борьбы за мир и стабильность в Азии и Тихоокеанском бассейне, ведут к созданию новых справедливых, демократических, свободных от ядерного оружия и насилия отношений между государствами в регионе.

В настоящее время перед человечеством стоит серьезная задача — предотвратить мировую термоядерную войну и сохранить мир и безопасность на нашей планете.

По вине агрессивных и поджигательских действий американских империалистов день ото дня все более накаляется международная обстановка, мир и безопасность на земном шаре оказались перед лицом серьезной опасности. Если не пресечь и не сорвать авантюристические планы правящих кругов США, направленные на развязывание ядерной войны, то на нашу планету обрушатся непоправимые бедствия. Ядерная война, угрожающая жизни человечества и его цивилизации, должна быть предотвращена, и мир должен быть сохранен, этого жаждут все народы.

* * *

Как сказано в Обращении ЦК КПСС к советскому народу, 70-летие Октября наступает в обстановке, когда сам род людской поставлен перед проблемой выживания. Будущее мира — мира противоречивого, но единого и взаимосвязанного — определяется сегодня. Планета может и должна быть избавлена от угрозы ядерной войны. Жизнь в условиях безопасности, независимости и прогресса может и должна быть обеспечена всем народам. Не все здесь зависит от СССР, от стран социализма. Но то, что зависит, мы сделаем, и сделаем сполна.

Пока международная реакция подстегивает гонку вооружений, пока она не отказалась от политики социального реванша и «крестовых походов» против социализма, КПСС и Советское государство будут делать все необходимое для поддержания на должном уровне оборонной мощи нашей страны, социалистического содружества. Советские люди могут быть уверены: военного превосходства империализма мы не допустим никогда, ни при каких обстоятельствах.

На борьбу за мир мы обращаем весь политический авторитет, все международное влияние нашей страны. И они будут тем действеннее, чем лучше пойдут дела у нас дома, чем глубже будет наше сотрудничество с братскими социалистическими странами. Социализм и мир неразделимы. Чем могущественнее социализм, тем прочнее мир. Идеалы Октября зовут к труду во имя благополучия советского народа, во имя процветания Родины, во имя социализма и мира.

*ТРИЛОКИ НАТХ КАУЛЬ,
Чрезвычайный и Полномочный Посол
Республики Индия
в Советском Союзе*

Стремление к безопасному существованию уходит корнями в глубокую историю. Оно ведет свое начало со времени возникновения и развития нашей планеты и установления равновесия природных и географических сил на ней.

С выходом на историческую арену «гомо сапиенс», или человека мыслящего, со свойственным ему инстинктом образовывать группы и сообщества, понятие безопасности стало приобретать все более явные и отчетливые формы. Были разработаны концепции самообороны и защиты от внутренней и внешней угрозы. Попытки некоторых государств покорить другие страны или добиться господства над ними порождали международные конфликты и разжигали кровопролитные войны. Вполне естественно поэтому, что малые и более слабые страны либо сдавались на милость победителя, либо объединялись или вступали в союз с более сильными соседями для оказания сопротивления захватчикам. В ходе этого процесса одни государства исчезали, другие набирали силу, взамен старых стран появлялись новые. Такой, кратко говоря, была история человечества до наших дней.

По мере развития транспорта и коммуникаций господство на морях и в воздухе стало приобретать решающее значение. Европейские морские державы умели подчинить себе значительные территории в Азии, Африке и Америке, народы которых не обладали военной мощью, порожденной тогдашними новейшими техническими достижениями. Многие европейские государства создали собственные колониальные империи, включавшие обширные заморские владения. Жажда обогащения, желание монополизировать источники сырья, стремление к безраздельному господству — все это приводило к конфликтам между самими империалистическими державами. Именно это послужило причиной первой и второй мировых войн.

Так называемые великие державы попытались установить нечто вроде равновесия сил между собой. Для этого мир был поделен на сферы влияния. Сложился военные союзы, призванные увековечить колониальное господство великих держав и устранить любую угрозу их гегемонии.

Между тем ни одна система равновесия сил не может существовать вечно, если она основана на господстве одной нации над другой, если она зиждется на несправедливости и эксплуатации, на неравенстве и угнетении. Особенно трудно было сохранить господство колониальных держав над странами, находившимися за тысячи километров от метрополии. И вот в итоге неизбежное произошло. В 1776 г. Америка провозгласила свою независимость. Она заявила о том, что стремление к счастью является неотъемлемым правом любой нации и каждого отдельного человека. Великая француз-

ская революция 1789 г. выдвинула высокие принципы свободы, равенства и братства. Однако эти принципы предполагалось применять только в отношении к гражданам метрополии, и они ни в коем случае не распространялись на жителей «заморских территорий». Принципиально новый подход к международным отношениям дала Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г. в России, которая призвала к миру, основанному на равенстве и мирном сосуществовании между различными социально-экономическими системами. Революция в Индии и завоевание ею независимости в 1947 г. стали еще одним важным событием во всемирной истории, которое символизировало собой начало конца империалистического и колониального господства капиталистических западных держав в Азии и Африке, в Карибском бассейне и на юге Тихого океана.

Вторая мировая война привела к созданию Организации Объединенных Наций. Хотя по сравнению с деятельностью Лиги Наций это было значительным шагом вперед, в ООН сохранилась концепция пяти так называемых великих держав, обладающих постоянным членством в Совете Безопасности и имеющих право одним-единственным голосом наложить вето на любую его резолюцию. Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН не имеют обязательного характера и по своей природе представляют собой лишь рекомендации. Принцип единогласия пяти великих держав при голосовании по вопросам мира и безопасности, заложенный в Уставе ООН, очень скоро проявил свою иллюзорность. Великие державы оказались разделенными на два враждебных блока, и бывшие союзники стали врагами. «Холодная война» привела к возникновению кризисов почти во всех районах мира. Можно назвать кризисы в Берлине (1948), в Корее (1950), Индокитае (1954), в Суэце (1956), Ливане (1958), Конго (1960), а также в других странах, таких, как Кипр, Намибия, государства Ближнего Востока и др. В ходе этих кризисов Организация Объединенных Наций не сумела эффективно выполнить свои миротворческие функции из-за позиции некоторых великих держав, в первую очередь США и Великобритании, построенной на концепции «холодной войны».

Именно против политики «холодной войны» было направлено основанное первым премьер-министром Индии Джавахарлалом Неру движение неприсоединения, которое было призвано преодолеть трудности политически и идеологически расколотого мира. В этом смысле политика Индии послужила вдохновляющим примером для большинства освободившихся от колониального гнета государств. Они увидели преимущества вновь обретенной независимости для достижения свободы взглядов и суждений и не пожелали оказаться вовлеченными ни в один из противостоящих друг другу военных блоков.

Выдвинутые Дж. Неру идеи развития стран азиатского региона имели как географический, так и геополитический характер. Они были основаны на принципах равенства и справедливости, взаимного уважения всех государств и невмешательства во внутренние дела друг друга, на принципах мирного сосуществования и мирного урегулирования всех международных проблем.

С целью претворения в жизнь своих идей Дж. Неру приложил много усилий для созыва в марте — апреле 1947 г., то есть за несколько месяцев до провозглашения независимости Индии, конференции по отношению между странами Азии. В работе конференции приняли участие делегации 25 стран, в том числе Афганистана, Бирмы, Вьетнама, Индокитая, Китая и др., а также представители советских республик Закавказья и Средней Азии и наблюдатели от ООН, Лиги арабских стран и институтов международных (или тихоокеанских) отношений СССР, Англии, США и Австралии.

В своей речи по всендийскому радио 7 сентября 1946 г. Джавахарлал Неру говорил: «Мы намерены, насколько это возможно, держаться в стороне от

политики силы, проводимой противостоящими друг другу группировками, которая в прошлом вела к мировым войнам и опять может привести к еще большим бедствиям». Он стремился наладить отношения дружбы и сотрудничества с Англией и странами Британского содружества наций. Он выражал симпатии азиатским народам, борющимся за освобождение от колониального гнета. В этой речи он посылал приветствия народу Соединенных Штатов Америки, «которому судьба уготовила важную роль в международных делах». Он приветствовал также и другую великую страну современного мира — Советский Союз. «Он является нашим соседом в Азии,— отмечал Дж. Неру,— и нам неизбежно придется решать много общих задач и иметь дела друг с другом». С особой теплотой он говорил о Китае, подчеркивая, что «эта могучая страна со славным прошлым, наш сосед, была нашим другом на протяжении веков, и эта дружба сохранится и окрепнет».

В 1949 г. Дж. Неру попытался найти конкретное воплощение своему «азиатскому подходу» к международным делам путем созыва конференции стран Азии в ответ на агрессивные действия Голландии против Индонезии.

На конференции стран Азии по индонезийскому вопросу, состоявшейся 20—23 января 1949 г. в Дели, Дж. Неру говорил: «Сейчас мы в значительной степени находимся под влиянием европейского образа мышления, американского образа мышления и иногда образа мышления Москвы в том, что касается международных дел... Вполне естественно, с появлением независимых государств в Азии возникает то, что можно назвать азиатским подходом к миру... На политику Индии влияние оказывают не только факторы истории и традиций, но и ее географическое положение. Конечно, в первую очередь нас волнуют отношения с ближайшими соседями, а затем уже и с другими странами, поскольку в данном случае географическое положение имеет самое важное значение. Вот почему возник новый подход, который в широком смысле этого слова можно назвать азиатским подходом. Однако это ни в коем случае не означает враждебного отношения к Европе, Америке или Советскому Союзу».

Дж. Неру был убежден в том, что если азиатские страны, в особенности Индия и Китай, смогут наладить отношения дружбы и мирного сосуществования, они внесут тем самым важный вклад в дело мира и безопасности в Азии. Индия всегда чувствовала свою ответственность за развитие международной обстановки и поэтому, например, взяла на себя функции председателя комиссии нейтральных стран по репатриации во время войны в Корее. Дж. Неру приложил также немало усилий для созыва конференции по Индокитаю, документы которой легли в основу Женевских соглашений 1954 г.

Дж. Неру был инициатором соглашения о торговле и связях между Тибетским районом Китая и Индией, в преамбуле которого были сформулированы вошедшие в историю пять принципов мирного сосуществования — «панча шила», которые приветствовались во всем мире. Он сыграл ведущую роль в созыве и проведении Бандунгской конференции стран Азии и Африки в апреле 1955 г. К числу его заслуг относится участие Китая в этой конференции. Принципы, зафиксированные в решениях Бандунгской конференции, наряду с принципами «панча шила» составили основу разработанной Дж. Неру концепции мира, безопасности и сотрудничества между государствами Азии и Африки.

Подобная трактовка международных проблем не является исключительной привилегией Индии, хотя этому можно найти объяснение в истории нашей страны, в ее традициях, в особых качествах ее руководителей, которые сумели завоевать независимость путем ненасильственной борьбы. И все же она была первой страной, выдвинувшей эти концепции. При этом не претендуя на монополию на мудрость, Индия убеждена в том, что отстаиваемые ею принципы могут в равной степени отвечать и ее национальным интересам, и принести пользу

международному сообществу в целом. В нынешнюю эпоху мир и безопасность в Азии жизненно необходимы. Ведь в последнее время центры напряженности и конфликтов переместились из Европы в страны Азии и тихоокеанского региона.

Именно поэтому необходимо, чтобы такая страна, как Индия, сыграла самой природой отведенную ей роль «моста взаимопонимания» между Юго-Восточной и Юго-Западной Азией, между Центральной и Южной Азией, что послужит созданию климата мира и расширению сферы международного сотрудничества и взаимопонимания, в особенности в Азии, на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана. С момента завоевания независимости в 1947 г. Индия играла важную роль в достижении мирного решения международных конфликтов, таких, как суэцкий кризис 1956 г., события 1958 г. в Ливане, события 1960 г. в Конго, конфликты на Кипре, в Палестине, Южной Африке, в районе Карибского бассейна и в Центральной Америке. Индия находится на передовых рубежах борьбы против превращения Индийского океана в «американское озеро», чего Соединенные Штаты пытаются добиться, создавая военную базу на острове Диего-Гарсия и размещая в Индийском океане, в Персидском заливе и Средиземном море свои пятый и седьмой флоты и СЕНТКОМ. Индия играет также важную роль в борьбе против расистского режима Претории в Палестине и против продолжающейся агрессии Израиля.

Многие империалистические и бывшие колониальные державы с неодобрением относятся к независимости суждений и самостоятельной политике таких стран, как Индия. Вместе с тем необходимо откровенно признать, что и некоторые неприсоединившиеся государства не разделяют наш подход к международным проблемам. Думается, что этим государствам трудно проявить подлинную самостоятельность политического мышления и вырваться из плена концепций мирового устройства, разработанных в канцеляриях и академических кругах Европы и Америки.

Империалистические державы сначала стремились расширить сферу своего влияния путем создания военных блоков, таких, как СЕАТО и СЕНТО, в которые были втянуты некоторые из развивающихся стран, например Пакистан, Филиппины, Таиланд и др. Однако развитие движения неприсоединения и укрепление его влияния на освободившиеся государства, входившие ранее в военные блоки, побудили их отказаться от членства в них, что привело к распаду СЕАТО и СЕНТО. Сейчас движение неприсоединения насчитывает в своих рядах более 100 государств. Оно выступает как позитивная, конструктивная и мощная моральная сила в деле борьбы за мир и равенство во всем мире.

Естественно, такое развитие событий вовсе не устраивает западные великие державы, и в первую очередь Соединенные Штаты. Они пытаются расколоть движение неприсоединения, противопоставить одни страны другим, навязать им гонку вооружений, поставив оружие одним (например, Пакистану) в противовес другим (в частности, Индии) или даже вооружая обе воюющие стороны, как в случае с ирано-иракским конфликтом. К чести Советского Союза, необходимо сказать, что он последовательно поддерживает движение неприсоединения в его борьбе против расизма, колониализма и империализма. И все же добиться прочного мира в Азии и тихоокеанском регионе пока не удалось из-за того, что после десяти лет разрядки в мире разразилась вторая «холодная война». Очевидно, что нынешняя американская администрация не желает установления системы международных отношений, основанной на суверенном равенстве всех народов. Она всячески препятствует созданию нового, справедливого международного экономического порядка и отказывается от применения военных санкций против режима Претории. В русле политики Соединенных Штатов следуют многие их союзники.

Если в какой-то степени подобная ситуация могла быть объяснима в доядер-

ный век, то сейчас, с развитием ядерного оружия, с ней нельзя мириться. Угроза ядерной катастрофы не знает идеологических барьеров и государственных границ. Ядерная война способна уничтожить всех людей, независимо от их социальной, экономической, этнической или иной принадлежности.

Политика Индии в вопросах войны и мира, разоружения и гонки вооружений, несправедливости и угнетения, с одной стороны, справедливости и свободы — с другой, абсолютно ясна. Джавахарлал Неру в 1954 г. первым выступил за всеобъемлющее ядерное разоружение под соответствующим международным контролем. В Организации Объединенных Наций Индия первой выступила против милитаризации околоземного и космического пространства. Тем не менее Индия не может слепо и безоговорочно принимать на веру такие международные соглашения, как Договор о нераспространении ядерного оружия. Этот договор имеет, на наш взгляд, дискриминационный характер, поскольку он накладывает обязательства на государства, не обладающие ядерным оружием, в то время как ядерные страны свободны от международного контроля.

Несмотря на то что на протяжении уже 13 лет Индия располагает ядерной энергетикой, она неизменно в одностороннем порядке провозглашает, что будет использовать ядерную технологию исключительно в мирных целях, и строго придерживается этого правила.

В условиях существования Договора о нераспространении ядерного оружия обладающие им державы не предприняли сколько-нибудь значительных мер к сокращению и уничтожению ядерного оружия, как предполагалось этим договором. Можно было бы только приветствовать, если бы обладающие ядерным оружием государства выступили с заявлением, подобным тому, которое сделала Индия. Жизнь настоятельно требует заключения международного соглашения о запрещении использования ядерного оружия, о прекращении его испытаний, о замораживании всех ядерных запасов и уничтожении всего ядерного оружия в сравнительно короткий период времени. Индия считает, что ядерное разоружение является настоятельным требованием сегодняшнего мира, если человечество хочет выжить и спасти свою цивилизацию от уничтожения. Поэтому Индия приветствует инициативы, выдвинутые Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым и направленные на достижение разоружения в целом и ядерного разоружения в частности. Индия также приветствует предложения М. С. Горбачева относительно безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе, высказанные им в речи во Владивостоке.

Азия — обширный континент, на котором находятся страны с различными политическими, экономическими и культурными системами. Поэтому материализация идеи безопасности на этом континенте потребует определенного времени. На протяжении веков Индия имеет дружеские отношения со многими странами. — от Японии, Китая и Монголии на Дальнем Востоке до Фиджи, Новой Зеландии и Австралии в районе Тихого океана, от стран Индокитая и АСЕАН в Юго-Восточной Азии до соседей в Южной Азии, а также с традиционными друзьями среди арабских стран и Ираном в Западной Азии. Индия развивает дружественные отношения с государствами Африки, Карибского бассейна, Центральной и Южной Америки. Она хочет жить в мире и дружбе со всеми странами мира. Однако дружба представляет собой улицу с двусторонним движением. Индия будет относиться дружески к любой стране в той степени, в какой эта страна будет проявлять дружбу по отношению к ней. Если же какое-либо государство отнесется враждебно к нашей стране, то она постарается преодолеть эту враждебность и, насколько возможно, завоевать дружеское расположение.

Мы рады, что СССР признает потенциал и важность Индии в деле достижения мира, стабильности и прогресса как в Азии и районе Тихого океана, так и

в мире в целом. Мы благодарны Советскому Союзу за то, что всякий раз в случае необходимости он протягивает нам руку дружбы и сотрудничества. Национальные интересы наших государств не противоречат друг другу. Между Советским Союзом и Индией нет различий, которые могли бы причинить вред или омрачить нашу дружбу и сотрудничество. Устойчивое расширение отношений между двумя нашими странами предусмотрено индо-советским Договором о мире, дружбе и сотрудничестве от 9 августа 1971 г., в переговорах о заключении которого принял скромное участие и я.

Дружба Индии с Советским Союзом не направлена против какой-либо третьей страны. Она является частью, причем очень важной частью, более широкой концепции дружбы между всеми странами Азии и мира в целом. СССР является одновременно и европейской, и азиатской страной. Действительно, две трети его территории находятся в Азии. Именно поэтому мы высоко оцениваем то большое внимание, которое было уделено проблеме мира и безопасности в Азии и районе Тихого океана в знаменитой речи Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева во Владивостоке. Мы приветствуем поворот от евро- или америкоцентризма к азиатско-тихоокеанской точке зрения. Возможности сотрудничества между Индией и Советским Союзом, а также между ними и другими странами Азии и бассейна Тихого океана воистину грандиозны.

Это нашло свое подтверждение во время визита М. С. Горбачева в Индию в ноябре прошлого года, в ходе которого Генеральный секретарь ЦК КПСС и премьер-министр Индии Раджив Ганди подписали Делийскую декларацию о принципах свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира. Она способствует достижению нового, справедливого и демократического мирового порядка, при котором для разрешения возникающих в мире конфликтов будет использоваться сотрудничество, а не конфронтация, мирный диалог, а не военная сила, добрососедство, а не междоусобные войны. Содержащиеся в Делийской декларации положения полностью соответствуют целям движения неприсоединения, которое видит главные проблемы нашего времени в достижении мира, мирного сосуществования, национальной независимости, разоружения и прогресса. Делийская декларация заслуживает всемирной поддержки, поскольку она воплотила в себе надежды и чаяния людей. Она указывает пути и средства, при помощи которых может быть устранена угроза ядерной катастрофы, международные противоречия будут разрешаться путем мирного диалога, а не военных действий.

Что в настоящее время угрожает безопасности в Азии и других районах мира? Это главным образом стремление некоторых государств господствовать над остальными. Это предпринимаемые рядом промышленно развитых стран попытки добиться главенствующего положения и эксплуатировать развивающиеся неприсоединившиеся страны. Такая амбициозная политика не раз приводила к региональным конфликтам. В итоге острая обстановка, сложившаяся вокруг Афганистана и Кампучии. Она препятствует мирному урегулированию ирано-иракской войны. И это всего лишь несколько примеров.

Попытки дестабилизировать положение в некоторых ведущих неприсоединившихся государствах, таких, как Индия, путем предоставления сложной и новейшей военной техники Пакистану не помогут разрешить проблемы субконтинента, они ведут только к наращиванию гонки вооружений, которая делает мирное разрешение конфликта более труднодостижимым. Путь к мирному решению проблем Индийского субконтинента был указан на конференции в Симле в 1972 г., где отмечалось, что Индия и Пакистан пришли к согласию урегулировать противоречия путем мирных двусторонних переговоров без какого-либо вмешательства извне.

Между тем милитаризация Пакистана и его ядерные амбиции, особенно

в свете «особых отношений» между Исламабадом и Вашингтоном, не могут не вызывать беспокойства как у Индии, так и у Советского Союза. Помощь афганским контрреволюционерам, базирующимся на пакистанской территории, путем поставок современного оружия из Соединенных Штатов, использующих Пакистан в качестве посредника, также не может привести к разрешению афганской проблемы. Индия по собственному опыту знает, что поставляемое Пакистану оружие использовалось в прошлом против нее. Опасность того, что военное руководство Пакистана, уже предпринимавшее ранее неудачные военные авантюры, попробует вновь пустить в ход полученное современное оружие (особенно учитывая тот факт, что оно заявляло об обладании ядерной технологией), не вызывает ничего, кроме озабоченности у Индии, Советского Союза и других миролюбивых азиатских стран.

И все же Индия пытается проводить политику мира и сотрудничества по отношению к Пакистану, как и к другим странам. Однако было бы ошибкой считать такую политику проявлением слабости. За годы своей истории Индия сумела пережить много трудных моментов и возродилась как объединенная нация после двух столетий колониального господства. Мы полны решимости защитить с таким трудом завоеванную независимость и использовать ее для упрочения мира и доброй воли, для лучшего взаимопонимания и сотрудничества между нашей страной и всеми другими государствами, в первую очередь с нашими ближайшими соседями и странами, расположенными близко к нам, — Советским Союзом и Китаем, с государствами Юго-Восточной и Юго-Западной Азии, Индокитаем, с Японией, Австралией, Новой Зеландией и со странами южной части тихоокеанского региона. Индия стремится к сотрудничеству со всеми государствами Азии и Тихого океана, особенно с прибрежными странами тихоокеанского региона, с борющимися народами Юга Африки, с народом Палестины, со странами Карибского бассейна и Центральной Америки.

Для осуществления этого все страны должны предпринять шаги с целью созыва в рамках ООН конференции, посвященной практическому созданию зоны мира в обширном Индийском океане. 56 государств, чью территорию омывают воды этого океана, обладают громадной площадью и значительными людскими ресурсами. Пока уровень милитаризации Индийского океана не такой, как, скажем, в Атлантическом океане или в Средиземноморье, но это только пока.

Военная конфронтация, последовавшая за первой «холодной войной», не должна быть перенесена в Индийский океан. Индийская общественность и индийские парламентарии с воодушевлением восприняли выдвинутые Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым предложения по практической реализации этой долгосрочной задачи. Индия и Советский Союз все более интенсивно сотрудничают для достижения важной цели — созыва конференции по Индийскому океану к концу 1988 г.

Голос народов Индии и Советского Союза, население которых вместе насчитывает миллиард человек, не может не быть услышан миром. Нельзя не принимать во внимание и Делийскую декларацию, в которой отражены надежды и чаяния не только наших двух народов, но и всего человечества. Это первый, но очень важный шаг на пути к достижению международного взаимопонимания, мира, сотрудничества, безопасности и развития в азиатско-тихоокеанском регионе и во всем мире. Как говорилось в решении Политбюро ЦК КПСС по итогам визита в Индию М. С. Горбачева, «продвижение к этим целям могло бы осуществляться поэтапно, путем создания атмосферы доверия и конструктивного сотрудничества на двусторонней и многосторонней основе».

К вопросу об усилении непосредственного сотрудничества дальневосточных районов СССР с социалистическими странами Азии

*М. Е. ТРИГУБЕНКО,
кандидат экономических наук
Н. Л. ШЛЫК,
кандидат экономических наук*

XXVII съезд КПСС указал на необходимость всемерного совершенствования и обогащения хозяйственного взаимодействия СССР с социалистическими странами, в том числе путем развития прямых производственных связей, поиска новых, более эффективных форм сотрудничества. Эта же идея была затронута в выступлениях М. С. Горбачева во время поездки летом 1986 г. на Дальний Восток, но уже применительно к развитию сотрудничества Советского Союза с социалистическими странами Азии. Выступая во Владивостоке, М. С. Горбачев, в частности, заявил: «Мы будем всемерно крепить дружбу и активизируем многообразные связи с Монгольской Народной Республикой, Корейской Народно-Демократической Республикой, Социалистической Республикой Вьетнам, Лаосской Народно-Демократической Республикой, Народной Республикой Кампучией». М. С. Горбачев указал также на важность расширения советско-китайских экономических отношений, исходя из сходства приоритетов ускорения социально-экономического развития, исторически сложившегося взаимодополнения советской и китайской экономик. Все это, подчеркнул он, дает большие возможности для расширения советско-китайских связей, в том числе в приграничных районах¹.

Проблема сотрудничества с социалистическими странами, нацеленного на ускорение развития дальневосточных районов Советского Союза, имеет актуальнейшее значение, поскольку партия поставила задачу создать здесь высокоэффективный народнохозяйственный комплекс, органично входящий в систему общесоюзного и международного разделения труда. Предстоит сжатое по срокам решение проблемы масштабного освоения ресурсов Дальнего Востока.

М. С. Горбачев в числе основных направлений по созданию на Дальнем Востоке высокоэффективного народнохозяйственного комплекса отметил важность усиления его экспортной специализации, качественного улучшения, кардинального изменения, нового подхода к развитию экспортной политики дальневосточных районов, указал на необходимость «оживить и прибрежную, и приграничную торговлю, осваивать прогрессивные формы экономических связей с зарубежными странами, в том числе производственную кооперацию, совместные предприятия, создавать специализированную экспортную базу»².

Для динамизации экспортной политики на Дальнем Востоке имеются объективные экономические предпосылки. Определяющими среди них являются созданный экономический задел, наличие мощной сырьевой базы, благоприятное географическое положение региона по отношению к емкому рынку Тихоокеанского бассейна, опыт участия районов Дальнего Востока в развитии внешнеэкономических связей страны.

Дальневосточный экономический район (ДВЭР), в который входят Приморский и Хабаровский края, Амурская, Сахалинская, Камчатская и Магаданская области и Якутская АССР, занимает важное место в ресурсном обеспечении экономики СССР. Среди других районов он выделяется обилием минерально-сырьевых и биологических ресурсов, пока еще мало изученных. Здесь к настоящему времени выявлено более 70 видов полезных ископаемых³. На регион приходится 34 % потенциальных запасов угля, 30 % гидроресурсов, большая часть добычи золота, велики здесь запасы вольфрама, олова, цинка, свинца, строительных материалов.

Высока роль в хозяйственном развитии района биологических ресурсов. В ДВЭР сосредоточено 35 % лесных площадей Советского Союза и 28 % запасов древесины⁴, что позволяет увеличивать объемы заготовок (в настоящее время более 30 млн. м³) и развивать комплексную переработку древесины. Однако ценность лесных ресурсов Дальнего Востока определяется не только их масштабами и высоким качеством древесины, но и, в неменьшей степени, богатствами животного и растительного мира. В дальневосточных лесах обитает более 40 видов промысловых животных (соболь, песец, ондатра, белка, лисица и др.), произрастает до тысячи видов лекарственных растений и учтено 140 видов пищевых растений. Пока эти богатства используются неполно и нерационально, особенно дикорастущие растения. Сегодня регион поставляет государству 38 % всей промысловой пушнины, однако его сырьевые ресурсы позволяют увеличить объем заготовок в 1,5—2 раза, а дикорастущих растений — в 5—10 раз⁵.

Значительны на Дальнем Востоке морские биологические ресурсы. Уже сегодня в регионе добывается около 40 % рыбо- и морепродуктов, получаемых в стране (в том числе 99,5 % лосося, 60—70 % сельди и 100 % крабов). Здесь производится также свыше 45 % общесоюзного выпуска рыбных консервов и более 40 % непищевой продукции (кормовой муки, жиров рыб и морских зверей и т. п.). Имеющиеся запасы шельфовой зоны дальневосточных морей и открытой части Тихого океана позволяют увеличить эту долю за счет новых объектов промысла, расширения его географии. По прогнозам специалистов, к 2000 г. доля Дальнего Востока составит 50—55 % общесоюзной добычи⁶.

За последние 20 лет объем промышленного производства здесь возрос в 2 раза, сельскохозяйственного — в 1,5 раза при росте численности населения в 1,4 раза⁷. В промышленности сложились отрасли союзной и экспортной специализации: лесная, рыбная, цветная металлургия⁸. Однако Дальний Восток все еще находится на начальной стадии своего экономического развития, это преимущественно топливно-сырьевой район: на долю добывающих производств приходится 30 % промышленной продукции⁹.

В последние годы накопилось много проблем в развитии народного хозяйства ДВЭР. Сейчас доля региона в общем промышленном производстве составляет около 3 %, а в союзном экспорте немногим более 3 %¹⁰. Причина замедления развития ДВЭР кроется в резком отставании производственной (транспорт, энергетика, строительный комплекс) и социальной инфраструктуры (нехватка жилья, не удовлетворен спрос населения на основные товары, услуги). Низки качественные показатели развития экономики: на долю интенсивных факторов приходится не более 20 % прироста промышленного произ-

водства. Уровень производительности труда в ДВЭР на 15—20 % ниже общесоюзного.

Несмотря на относительно развитый агропромышленный комплекс, имеются трудности с обеспечением населения необходимыми продовольственными товарами. Потребление превышает собственное производство по мясу и молоку в 2 раза, овощам и картофелю — в 1,4 раза. Регион удовлетворяет свои потребности во фруктах менее чем на треть¹¹. Почти половина продовольствия завозится из других районов. Даже при более широкой специализации сельскохозяйственного производства в будущем этот район при интенсивном притоке рабочей силы будет испытывать дефицит, особенно в плодоовощной продукции. Ощущается острая нехватка товаров легкой промышленности. Собственное швейное производство удовлетворяет потребности региона лишь на 65 %. На Дальнем Востоке остро стоит вопрос преодоления дефицита трудовых ресурсов, что отчасти объясняется экстремальными климатическими условиями: на $\frac{1}{5}$ территории Дальнего Востока среднегодовые температуры отрицательные, на этот район распространяется вечная мерзлота. Закреплению трудовых ресурсов в ДВЭР препятствует резкая нехватка и неудовлетворительное качество жилья. При этом надо иметь в виду, что стоимость обустройства и содержания одного работника в ДВЭР в среднем в 2,5 раза выше, чем в обжитых среднеширотных районах¹².

Близость восточных районов СССР к емкому рынку азиатско-тихоокеанского региона (АТР), наличие целого ряда сырьевых ресурсов и готовых изделий, интересующих страны АТР, заинтересованность в приобретении у прилегающих стран многих видов машин, оборудования, новейшей технологии, сырьевых ресурсов и готовых изделий обусловили относительно развитие форм сотрудничества: производственно-трудовую кооперацию в разработке лесных ресурсов (КНДР); транспортные услуги, организацию совместных компаний по вылову и обработке рыбы (США, Канада, Новая Зеландия, Сингапур); компенсационные соглашения по лесу и углю (Япония); прибрежную и приграничную торговлю (Япония, Австралия, КНДР, КНР). Это позволило создать экспортный потенциал, позволяющий обеспечивать 20 % торговли СССР со странами АТР, в том числе 40 % советского экспорта в Японию¹³. Вместе с тем доля АТР во внешней торговле СССР не превышает 9 %.

Несмотря на увеличение за последние 15 лет объема дальневосточного экспорта, структура его практически не изменилась: более 80 % приходится на лесную и рыбную промышленность. Незначительно пока участие в региональном экспорте вспомогательных и обслуживающих отраслей производственного комплекса. Их доля в экспортных поставках либо снижается (топливная и химическая промышленность), либо сохраняется примерно на одном уровне (машиностроение, строительные материалы, товары народного потребления).

ДВЭР находится сейчас накануне смены концепции развития: перехода от сырьевой специализации к глубокой переработке, в том числе созданию эффективных производств, включая наукоемкую продукцию, новые технологии. Вместе с тем существующий научный задел используется пока недостаточно. ДВЭР практически не вовлечен в Комплексную программу научно-технического прогресса стран СЭВ до 2000 г., слабо используются научные идеи и изобретения ДВО АН СССР в контактах со странами Запада.

В разрабатываемых прогнозах развития ДВЭР приоритет отдан инфраструктурным отраслям, фронтальному развитию всех районов, с тем чтобы поднять потенциал Дальнего Востока. Важную роль в решении этой задачи, на наш взгляд, должно сыграть развитие внешнеэкономического сотрудничества с акцентом на упрочение многообразных связей с социалистическими странами. Речь идет о создании новой экспортной стратегии развития с учетом того,

что качественный уровень внешнеэкономических связей здесь должен быть на порядок выше, чем в других районах.

Разработка внешнеэкономической стратегии на Дальнем Востоке должна, по-видимому, охватить три аспекта: региональный, структурный, организационный. Региональный аспект состоит в определении места каждого внешнеэкономического партнера в связях с ДВЭР, сохранении приоритета в них за социалистическими странами Азии с учетом дифференцированного подхода и экономической взаимовыгодности. Структурный — в определении реальных предпосылок для развития научно-технического сотрудничества, производственной специализации и кооперации с социалистическими странами Азии в отраслях машиностроения, в швейной, текстильной и кожевенной промышленности, в черной металлургии; в использовании на территории Дальнего Востока трудовых ресурсов социалистических стран Азии; создании совместных предприятий, в том числе с участием фирм третьих стран; более полном обеспечении населения Дальнего Востока продовольствием и промышленными потребительскими товарами. Для повышения эффективности сотрудничества СССР с социалистическими странами Азии требуется проработать и организационные вопросы: создать более гибкий механизм управления региональными внешнеэкономическими связями, придать сотрудничеству долговременный характер.

Социалистические страны Азии до недавнего времени занимали скромное место во внешнеэкономических связях дальневосточного региона. Например, в «малой» (приграничной и прибрежной) торговле их доля еще в начале 80-х гг. не превышала 5—7 % в общем региональном экспорте. В целом для торговли с социалистическими странами Азии характерно несоответствие уровня экспорта возможностям региона. В структуре дальневосточного экспорта в социалистические страны Азии все еще преобладают товары, спрос на которые в самом регионе существенно превышает производство (нефтепродукты, строительные материалы, черные металлы, продовольствие и др.). В то же время в недостаточной степени используются экспортные возможности регионального машиностроения и лесоперерабатывающих отраслей, местной промышленности, кустарных промыслов; сотрудничество ведется в основном по линии малой торговли, практически до последнего времени не учитывались выгоды промышленной кооперации, научно-технического обмена, прямых связей.

Приграничное сотрудничество СССР с МНР, КНДР и КНР имеет довольно давние традиции и в известной мере устоявшиеся формы. Но следует заметить, что МНР в силу географического положения и устоявшихся традиций не сотрудничает с ДВЭР, а развивает региональные связи с районами Сибири. Так, приграничная торговля с Монголией развивается по линии потребсоюзов Бурятской АССР, Читинской области и Алтайского края. При этом товары советского ширпотреба местного производства обмениваются на продукцию монгольского животноводства, рыбу, сено, силос, кожаные изделия. Малая торговля по отношению к советско-монгольской торговле в целом составляет всего 0,7 %¹⁴. Получили развитие и некоторые другие формы приграничного сотрудничества. Видимо, к связям с МНР целесообразно подключить и ДВЭР, особенно учитывая спрос в регионе на продукцию животноводства, верхнюю одежду и обувь, развивать кооперационные связи и местную торговлю.

Ассортимент советско-корейской приграничной торговли шире, чем советско-монгольской, хотя ее доля в общем объеме торговли между двумя странами также незначительна — не превышает 1 %¹⁵. Советско-корейская приграничная торговля осуществляется по линии Всесоюзного внешнеторгового объединения «Дальинторг», специально созданного для ведения прибрежной и приграничной торговли со странами АТР и пока не раскрывшего в полной мере своих возможностей из-за ведомственных барьеров, отсутствия хозяйственной

самостоятельности. В КНДР с советского Дальнего Востока поставляются машины и оборудование, нефтепродукты, деловая древесина, целлюлоза, прокат, а также потребительские товары. КНДР со своей стороны поставляет дальневосточникам металлорежущие станки, кабель, цемент, одежду и спортивную обувь, посуду, свежие овощи и фрукты¹⁶.

С 1967 г. активно проводятся совместные лесоразработки в Хабаровском крае, с 1975 г. — в Амурской области: для нескольких лесозаготовительных хозяйств корейская сторона поставляет рабочую силу, СССР — транспорт, лесозаготовительные средства. В районах лесоразработок построены лесоперерабатывающие предприятия, производящие технологическую щепу. Отраслью взаимного сотрудничества стало рыболовство. СССР ведет лов рыбы в 200-мильной зоне КНДР, в портах КНДР производятся ремонтные работы советских судов, ей переданы несколько судов для использования их в качестве плавучих баз¹⁷.

Развивается сотрудничество железнодорожного, морского и воздушного транспорта: поддерживаются тесные деловые связи между железнодорожными станциями Хасан и Туманган, услугами корейского порта Раджин пользуется Дальневосточное морское пароходство. С 1974 г. существует прямое воздушное сообщение между Хабаровском и Пхеньяном.

Приграничная советско-китайская торговля имеет тридцатилетний стаж (с 1957 г.). Сначала она велась под общим руководством Центросоюза за счет рыночных фондов местного производства, максимальный ее объем составлял (1960) — 5,8 млн. руб. С 1968 по 1983 г. торговля была прекращена. После возобновления приграничных связей с советской стороны в ней участвует «Дальинторг», с китайской — торговые компании провинции Хэйлунцзян, автономного района Внутренняя Монголия. Масштабы «малой» (приграничной) торговли резко возросли: 1983 г. — 6 млн. руб., 1984 г. — 15,2 млн. руб., 1985 г. — 25,3 млн. руб., 1986 г. — 28 млн. руб.¹⁸ Однако, как и в торговле с МНР и КНДР, удельный вес малой торговли составлял в 1985 г. в общем объеме советско-китайской торговли менее 2 %, что свидетельствует о слабой задействованности экономики ДВЭР на Китай. В то же время КНР захватила лидерство в дальневосточном экспорте в социалистические страны Азии: 50 % в 1985 г. против 9 % в 1980 г.

Значительно расширился ассортимент взаимной торговли. Из СССР в КНР в рамках приграничной торговли поставляются удобрения, цемент, кальцинированная сода, пилочник, оконное стекло, легковые автомобили, мотоциклы, мотороллеры, стиральные машины, пылесосы и пр. В КНР закупаются мороженая свинина и говядина, мясные и овощные консервы, колбасы, соя-бобы, арахис, фрукты, трикотажные, швейные и меховые изделия и прочий ширпотреб.

За короткое время значительно расширился состав участников приграничной торговли. К коллективам потребительской кооперации Амурской и Читинской областей, Приморского и Хабаровского краев, положивших начало товарообменным операциям, подключились организации Бурятской АССР, Иркутской и Сахалинской областей. В составе «Дальинторг» создана специализированная фирма «Дальпригран».

Вместе с тем проблема экономического сотрудничества дальневосточных районов Советского Союза с КНР выходит ныне далеко за рамки собственно приграничной торговли, актуальным является развитие и обогащение его форм. Последнее обстоятельство имеет тем большее значение, что и китайская сторона проявляет в настоящее время встречное стремление в сторону качественного развития подобного сотрудничества. Так, китайская печать высоко оценивает перспективы развития приграничных связей с советским Дальним Востоком; высказывается точка зрения относительно того, что этот район Советского

Союза должен стать основным партнером во внешнеэкономическом сотрудничестве Северо-Востока Китая¹⁹.

После окончания войны во Вьетнаме, воссоединения Севера и Юга и образования СРВ интенсифицировались связи СРВ с дальневосточными районами Советского Союза. На Дальний Восток поступает основная часть вьетнамского экспорта продовольственных товаров: тропические фрукты, овощи, кофе, чай, некоторые изделия кустарных промыслов; с Дальнего Востока во Вьетнам направляется разнообразная продукция производственного и потребительского назначения, позволяющая сгладить дефицитность вьетнамской экономики: машины, цемент, пиломатериалы, деловая древесина, консервы. Доля поставок товаров народного потребления в СРВ из СССР пока крайне незначительна — 1,8 % в 1985 г.

Развивается активное, ставшее традиционным сотрудничество советских и вьетнамских докеров, геологов, океанологов, ученых различных специальностей. Большой вклад в разведку и добычу нефти на континентальном шельфе Юга СРВ вносит интернациональный коллектив советско-вьетнамского предприятия «Вьетсовпетро», где плодотворно трудятся нефтяники с острова Сахалин. В короткие сроки в Вунгтау открыто крупное месторождение нефти, в июне 1986 г. получена первая нефть с шельфового месторождения «Белый тигр». Построены две стационарные морские платформы и еще две строятся. Ведется подготовка к строительству нефтеперерабатывающего завода. Подготовлены сотни квалифицированных рабочих, инженеров, техников — кадровая основа будущей нефтяной и газовой промышленности Вьетнама²⁰.

СССР и СРВ осуществляют сотрудничество в области производства во Вьетнаме овощей и фруктов с целью поставки их преимущественно в дальневосточные районы Советского Союза. На перевозке грузов заняты в основном суда Дальневосточного морского судоходства, совершающие более 300 рейсов год. Однако реализация этого сотрудничества сталкивается с большими трудностями. Доля СРВ в закупках СССР овощей и фруктов остается незначительной: по данным за 1985 г., овощи свежие — 4,1 %, фрукты и ягоды чуть более 1 % (по группе импорта пищевых товаров). Поставки этой продукции за прошлую пятилетку не только не увеличились, но даже сократились. Так, в 1982 и 1985 гг. импорт из СРВ составил: бананы — 13 и 9,9 тыс. т, ананасы — 4,1 и 2,8 тыс. т, овощи свежие — 6,6 и 10,2 тыс. т, кофе натуральный — 11,3 и 4,3 тыс. т, чай — 6,8 и 4,9 тыс. т²¹. Причины кроются в неотлаженности механизма сотрудничества, неготовности инфраструктуры в СРВ и дальневосточных регионах СССР к приему скоропортящейся продукции, в неурегулированности отношений вьетнамских внешнеторговых организаций с индивидуальным сектором, основным производителем овощей и фруктов во Вьетнаме. В Политическом докладе ЦК КПВ VI съезду КПВ (декабрь 1986 г.) отмечалось, что «необходимо... принять решительные меры по улучшению организации экспорта сельскохозяйственной продукции в дальневосточные районы СССР»²².

Накопленный опыт позволяет сделать вывод, что сотрудничество с социалистическими странами Азии может сыграть существенную роль в решении задач социально-экономического развития дальневосточного региона СССР. Вместе с тем представляется, что это сотрудничество, как и развитие в целом внешнеэкономических связей Дальнего Востока, может быть существенно расширено за счет совершенствования имеющихся и использования новых форм внешнеэкономической деятельности, преодоления инерции и увеличения инициативности местных административных и хозяйственных органов, предоставления им больших прав в принятии оперативных решений, самостоятельности во внешнеэкономической деятельности. В этой связи хотелось бы указать наиболее целесообразные, с нашей точки зрения, направления и резервы развития

непосредственного сотрудничества советского Дальнего Востока с социалистическими странами Азии.

Вырабатывая концепцию сотрудничества с социалистическими странами Азии, необходимо учитывать уровень и перспективные цели их развития. Так, МНР и КНДР поставили задачу завершения построения материально-технической базы социализма, совершенствования структуры своего народного хозяйства на основе ускорения научно-технического прогресса и повышения эффективности экономики и управления. КНР решает проблему крупных структурных сдвигов в экономике и обществе, наращивает темп индустриализации. В СРВ в предстоящем пятилетии намечена нормализация производства, должны быть решены проблемы, связанные с повышением жизненного уровня населения, развитием экспорта, дооснащением имеющихся мощностей в промышленности. Все это позволит ускорить социалистическую индустриализацию в последующие годы.

Общим для всех стран, на наш взгляд, является усиление заинтересованности в сотрудничестве с дальневосточными районами Советского Союза. Это может способствовать обеспечению последних продовольственными и промышленными товарами широкого потребления, уменьшению тем самым товарного дефицита и повышению жизненного уровня населения Дальнего Востока. Решение этой задачи возможно путем развития прямой производственной кооперации между дальневосточными предприятиями и предприятиями СРВ, КНР, КНДР, МНР по производству товаров легкой промышленности. Опыт такого сотрудничества уже имеется в производстве из советского давальческого сырья белья, верхней одежды, заготовок для обуви в СРВ и КНДР. В декабре 1986 г. подписано межправительственное соглашение о сотрудничестве между СССР и КНДР в производстве товаров легкой промышленности в 1987—1990 гг. и на период до 2000 г.²³ Объем давальческих операций между странами значительно расширился. Подобные соглашения могли бы быть заключены и с другими странами: скажем, изготовление готовой продукции в Китае с использованием нашего текстильного, пушно-мехового и кожевенного сырья с последующим экспортом готовых изделий как в СССР, так, возможно, и в третьи страны.

Вместе с тем межгосударственная форма сотрудничества по производству товаров широкого потребления нуждается в дополнении прямыми связями на уровне отрасли, объединений и предприятий, что может способствовать более активному включению дальневосточных предприятий и объединений в подобно-го рода промышленную кооперацию. Пока же ни одно из 300 промышленных предприятий и объединений ДВЭР не получило права выхода на внешний рынок, что сдерживает их заинтересованность в производстве продукции для экспорта. Промышленная кооперация может быть перенесена и на другие отрасли, например по изготовлению мебели, производству товаров длительного пользования (часов, швейных машин, холодильников, телевизоров, радиоаппаратуры и пр.). Наряду с использованием давальческих операций может применяться подетальная, поузловая кооперация, в ряде случаев могут быть созданы совместные хозрасчетные предприятия. С КНДР уже достигнута договоренность о совместном строительстве текстильного комбината на 100 тыс. веретен²⁴.

К этой форме сотрудничества близко примыкает развитие прямого регионального обмена товарами широкого потребления, подключение к нему других контрагентов. Сейчас эту работу выполняет с советской стороны внешнеторговое объединение «Дальинторг», однако подобная централизация товарных операций, на наш взгляд, малоэффективна. К торговле с социалистическими странами Азии на советском Дальнем Востоке могут быть привлечены местные отделения Центросоюза, предприятия и учреждения Министерства торговли и потребкооперации. Можно, в порядке эксперимента, начать прямой товаро-

обмен между городами-побратимами, товарные операции между крупными универмагами, организацию комиссионной торговли швейными изделиями, прежде всего особо модными, использовать другие формы, достаточно широко применяемые в отношениях СССР с европейскими социалистическими странами.

Актуальным является вопрос о сотрудничестве в агросфере и использовании ресурсов Тихого океана. В СССР большое внимание уделяется программе «Океан», т. е. комплексному освоению морских ресурсов Тихого океана. Особое место отводится ресурсам океана в обеспечении страны морепродукцией. Прибрежные воды Дальнего Востока перспективны для промышленного развития марикультуры, создания морских «ферм». Здесь свой опыт могли бы передать предприятиям Дальнего Востока КНР, КНДР и СРВ, особенно в области искусственного разведения морепродуктов и выработки из них готовой продукции.

Большой народнохозяйственный интерес представляет сотрудничество в рисоводстве, производстве сои, овощей и фруктов с учетом опыта социалистических стран Азии в этих отраслях. Сотрудничество в развитии рисового хозяйства активно осуществляется пока лишь по линии научно-технических связей. Советские и корейские специалисты общими усилиями изучают вопросы защиты растений от вредителей, использования минеральных удобрений в рисоводстве, новые методы диагностики инфекционных и неинфекционных болезней риса, проблемы экологии и рефлексотерапии²⁵. Целесообразно применение корейского, вьетнамского и китайского опыта в производстве разнообразных видов соевой продукции, в том числе соевого соуса, который пользуется традиционным спросом на Дальнем Востоке и завоевал популярность в других районах СССР. Дальний Восток, являясь главной соевой плантацией страны, пока изготавливает из этой ценной продукции ограниченный набор товаров (главным образом масло, муку, шрот). Более широкое использование зарубежного опыта по переработке сои и производству из нее разнообразной продукции позволило бы пополнить стабильную группу экспорта дальневосточных товаров. Сейчас дальневосточными хозяйственными организациями прорабатывается вопрос о совместном с КНР, СРВ и КНДР развитии агрокомплекса, в том числе и путем организации специализированных госхозов.

В плане решения социальных проблем на Дальнем Востоке немаловажное значение имеет организация отдыха, особенно в зимнее время, с использованием курортных баз КНДР, СРВ, расширения туризма в МНР и КНР.

На Дальнем Востоке наметилось отставание темпов жилищного строительства, социальной инфраструктуры. Например, обеспеченность жильем на Дальнем Востоке составляет 84 % по сравнению со среднереспубликанской²⁶. На XXVII съезде КПСС поставлена задача «в целях закрепления кадров в районах Сибири и Дальнего Востока обеспечить опережающий рост уровня жизни населения этих районов». Для этого требуется создание развитого строительного комплекса, укомплектование его рабочими. Известно, что, например, в КНДР накоплен большой опыт в строительстве жилого фонда и культурно-бытовых объектов, имеется современная строительная техника, опытные кадры, которые можно использовать на строительстве жилищных комплексов в дальневосточных районах СССР. С КНДР могла быть создана совместная строительномонтажная организация.

Перспективной сферой сотрудничества социалистических стран Азии является хозяйственное освоение зоны БАМ. Уже в обозримом будущем она станет новым индустриальным центром страны, здесь возникает мощный центр тяжелой промышленности и лесоразработок, который будет интегрирован во внешнеэкономическую деятельность дальневосточных районов. Морскими воротами для внешних связей являются порты Ванино и Восточный, причем через послед-

ний будет проходить подавляющая часть внешнеторговых грузов. Здесь созданы современнейший угольный и контейнерный терминалы, комплекс по перевозке технологической шепы.

В Южно-Якутском территориально-производственном комплексе создается крупнейший в стране центр по добыче коксующихся углей. Здесь же на базе месторождения железных руд («Таежное» с запасом в 1 млрд. т) намечено создать новую металлургическую базу на Дальнем Востоке²⁷.

Азиатские социалистические страны проявили интерес к совместному развитию черной металлургии в дальневосточных районах, уже накоплен опыт сотрудничества в развитии черной и цветной металлургии с КНДР. Сейчас в КНДР при техническом содействии СССР началось сооружение второй очереди расширения металлургического завода имени Ким Чака в городе Чхончжине для увеличения выплавки стали с 1 до 2,4 млн. т и ее переработки в горячекатаный лист²⁸. Несмотря на разнообразный ассортимент производимых в КНДР стали и проката, может быть налажен эффективный обмен с ней некоторыми видами продукции.

Хорошие перспективы имеет развитие в зоне БАМ промышленности по производству меди, олова, апатитов, калийных, фосфорных удобрений, лесоразработки, развитие лесоперерабатывающих предприятий.

Участие заинтересованных стран в развитии указанных отраслей могло бы иметь многообразные формы: компенсационная форма сотрудничества, промышленная кооперация, использование рабочей силы и пр. После принятия в СССР постановлений о совершенствовании управления внешнеэкономическими связями²⁹ этот процесс должен быть интенсифицирован, особенно, на наш взгляд, в зоне БАМ и в других дальневосточных районах.

Реальные возможности для углубления сотрудничества имеются в развитии лесопереработки. На Дальнем Востоке к 2000 г. объем производства лесобумажной продукции будет значительно превышать размеры ее внутрирайонного потребления, что создает благоприятные условия для увеличения дальневосточного экспорта лесных товаров. Значительное увеличение экспортных поставок пиломатериалов возможно за счет ускоренного развития деревообрабатывающей промышленности, прежде всего в зоне Байкало-Амурской магистрали.

Азиатские социалистические страны могут привлекаться к сотрудничеству в области развития дальневосточного машиностроения, в том числе путем создания совместных предприятий, развития специализации и кооперации. Наиболее динамичен этот процесс с КНР и КНДР, имеющих развитый машиностроительный комплекс, а в перспективе — с СРВ. В торговле машинами и оборудованием с азиатскими странами в настоящее время участвуют некоторые машиностроительные предприятия Дальнего Востока: Уссурийский машиностроительный завод, Хабаровский судостроительный завод, объединение «Спаскцемент»³⁰.

Более 30 машиностроительных предприятий региона принимают участие в выполнении различных экспортных заказов, хотя доля экспорта в общем объеме производства отрасли не превышает 3 %. Из общего количества экспортируемых машин и оборудования подавляющая часть минует азиатский рынок: только 5—7 % поставляется в АТР. Аналогичная картина наблюдается и во внутрисоюзном распределении дальневосточной продукции машиностроения, поскольку от 50 до 90 % ее вывозится в одни районы страны, а потребности региона в значительной мере удовлетворяются за счет ввоза из других районов. Машиностроительный комплекс Дальнего Востока пока не привлечен к участию в приграничной торговле. Из поставляемых ныне за рубеж бытовых товаров длительного пользования на месте производятся только холодильники, в то

время как в регионе выпускается большой перечень товаров потребления: товары хозяйственно-бытового назначения, слесарные инструменты, сельскохозяйственный инвентарь и многое другое, что могло бы найти спрос у населения КНДР и СРВ и северных провинций Китая.

Кроме того, дальневосточные предприятия могли бы поставлять в социалистические страны Азии, например в Китай, токарные станки-автоматы, кузнечно-прессовое и энергетическое оборудование, зерно- и сеноуборочные комбайны, дизель-генераторы, силовые трансформаторы, литейно-очистные машины, козловые и мостовые краны. Производство этих видов продукции на Дальнем Востоке быстро возрастает. Они занимают ведущее место в региональном экспорте машинотехнических изделий во многие страны.

В перспективе намечается создание на Дальнем Востоке ряда новых производств, ориентированных на внедрение в машиностроение передовых научно-технических достижений (изготовление деталей методом порошковой металлургии, производство нестандартного оборудования и средств механизации ручного труда, режущих инструментов, штампов и пресс-форм). Ускоренными темпами будут развиваться в регионе электротехническая промышленность, производство горно-шахтного оборудования, приборостроение, подъемно-транспортное машиностроение, производство сельскохозяйственных машин, химическое и нефтяное, а также океаническое машиностроение.

В этой связи в будущем представляется целесообразным участие отдельных машиностроительных заводов ДВЭР в изготовлении продукции для некоторых предприятий Китая, строительство и реконструкция которых будет осуществляться при содействии Советского Союза³¹.

На протяжении уже довольно длительного времени Советский Союз и КНДР развивают промышленную кооперацию в области судостроения по советским заказам и технологии. Поэтому ныне, учитывая курс ТПК на модернизацию и техническое обновление, целесообразно начать сотрудничество в станкостроении, особенно по производству современных высокоточных станков, ЧПУ, модулей, в приборостроении, электротехнике, электронике, производстве средств информации и в других новейших отраслях с подключением заинтересованных третьих стран. Использование их капитала, особенно при организации хозяйственных совместных предприятий и хозяйственных организаций, стало возможным после принятия соответствующих законов в КНР, КНДР; проекты Закона об иностранных капиталовложениях и Закон о передаче технологии подготовлены во Вьетнаме.

Наконец, большие резервы имеются в развитии научно-технического сотрудничества. В этом вопросе выделим особую экономическую важность для развития хозяйственных комплексов советского Дальнего Востока сотрудничества с Северо-Востоком Китая в районе бассейна реки Амур и осуществления здесь водохозяйственного строительства. В декабре 1986 г. было проведено первое заседание советско-китайской комиссии для руководства разработкой схемы комплексного использования пограничных участков рек Аргунь и Амур и подписан соответствующий протокол. Приоритет на нынешнем этапе сотрудничества отдан гидроэнергетике, коммунальному водоснабжению, защите от паводков³². Реализация указанных договоренностей будет способствовать дальнейшему расширению сотрудничества между СССР и КНР.

Важным для развития производительных сил ДВЭР представляется возобновление советско-китайского сотрудничества в проведении совместных рыбохозяйственных, океанологических и лимнологических исследований в западной части Тихого океана, которые осуществлялись в прошлом на основе соглашения 1956 г. между СССР, ДРВ, КНР, КНДР. Объединение усилий социалистических стран в этом важном для рыболовства районе позволило бы получать

более полные данные о состоянии его сырьевой базы и промысловых возможностях. Сейчас дальневосточные организации активно участвуют в проведении таких исследований с учеными Вьетнама, КНДР, Японии, США и других стран.

Советский Дальний Восток, КНР, КНДР и СРВ расположены в зоне Тихоокеанского рудного пояса, богатого разнообразными полезными ископаемыми, поэтому целесообразным является объединение геологических научных и производственных коллективов для прогнозирования и поиска минеральных ресурсов, комплексного освоения этих богатств на основе современных достижений НТП.

* * *

В соответствии с указаниями, содержащимися в выступлениях М. С. Горбачева во время его поездки в районы Дальнего Востока, подготовлен проект Долговременной государственной программы комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 г.³³ Первоочередное внимание в нем уделено усилению комплексности, устранению диспропорций, дальнейшей специализации. Приоритетное значение получают социальные задачи на Дальнем Востоке и в Забайкалье. Внешнеэкономический фактор должен стать составной частью Долговременной программы, для этого необходима разработка научной концепции сотрудничества ДВЭР с АТР на основе комплексно-целевого подхода.

Москва — Хабаровск

¹ См.: «Правда», 29.VII.1986.

² Там же.

³ См.: В. П. Чичканов. Принципы и методы долгосрочного планирования экономики региона. М., 1986, с. 96.

⁴ См.: «Коммунист», 1985, № 16, с. 94.

⁵ См.: Г. И. Сухомиров. Что может дать наша тайга. Хабаровск, 1986, с. 11.

⁶ См.: П. А. Минакир, О. М. Рензин, В. П. Чичканов. Экономика Дальнего Востока: Перспективы ускорения. Хабаровск, 1986, с. 42.

⁷ См.: «Правда», 29.VII.1986.

⁸ Наряду с этим на Дальнем Востоке получили развитие машиностроение, электроэнергетика, промышленность строительных материалов. На долю машиностроения приходится около 23 % валовой продукции промышленности региона. Наибольшее развитие получили электротехническая и станкостроительная промышленность, производство подъемно-транспортного, горно-шахтного и горнорудного оборудования, приборостроение, сельскохозяйственное машиностроение и др.— См.: «Коммунист», 1985, № 16, с. 94, 95.

⁹ См. там же.

¹⁰ См.: «Правда», 29.VII.1986.

¹¹ См.: «Коммунист», 1985, № 16, с. 99.

¹² См.: «Известия Сибирского отделения Академии наук СССР», серия общественных наук, вып. 1, 1981, № 1, с. 44; «Газовая промышленность», 1981, № 2, с. 43.

¹³ См.: «БАМ: первое десятилетие». Новосибирск, 1985, с. 171.

¹⁴ См.: «ЭКО», 1981, № 12, с. 68; «Экономическая газета», 1985, № 12, с. 20.

¹⁵ См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1986, № 1, с. 163.

¹⁶ См. там же, с. 161.

¹⁷ См. там же.

¹⁸ См.: «Экономическая газета», 1986, № 47, с. 23; «Международная жизнь», 1986, № 9, с. 156. Вместе с тем эти объемы еще недостаточны, учитывая, что общий товарооборот в 1986—1990 гг. составит 12 млрд. руб.

¹⁹ См.: «Вэйлай юй фачжань», декабрь 1985; «Гоцзи маон вэньти», 1986, № 2.

²⁰ См.: «Правда», 21.XII.1986.

²¹ См.: Внешняя торговля СССР в 1985 г. Статистический сборник. М., 1986, с. 204.

²² См.: «Правда», 16.XII.1986.

²³ См. там же, 19.XII.1986.

²⁴ См.: «Экономическая газета», 1986, № 9, с. 21.

²⁵ См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1986, № 3, с. 188.

²⁶ См.: «Плановое хозяйство», 1986, № 2, с. 104.

²⁷ См.: «Коммунист», 1985, № 15, с. 40.

²⁸ См.: Коре́йская Народно-Демократическая Республика. М., 1985, с. 179.

²⁹ См.: Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по совершенствованию управления внешнеэкономическими связями» и «О мерах по совершенствованию управления экономическим и научно-техническим сотрудничеством с социалистическими странами». — «Экономическая газета», 1986, № 40, с. 10.

³⁰ См.: «Экономическая газета», 1986, № 47, с. 23.

³¹ См. там же, 1987, № 7, с. 20. В частности, китайские организации проявили интерес к налаживанию сборки в КНР советских легковых автомобилей с поставкой узлов и комплектующих изделий из СССР, к строительству и ремонту на китайских верфях судов для СССР. Заслуживают детального изучения вопросы кооперации в производстве энергетического оборудования, железнодорожного подвижного состава.

³² См.: «Правда», 19.XII.1986.

³³ См.: «Плановое хозяйство», 1986, № 12, с. 119.

Некоторые аспекты внешней политики КНДР в свете международных отношений на Дальнем Востоке

*О. В. ДАВЫДОВ,
В. В. МИХЕЕВ*

Развитие международных отношений на Дальнем Востоке в значительной мере определяется состоянием и динамикой основных противоречий современного мира, которые проявляются здесь в своем региональном «срезе». Одной из точек пересечения интересов мирового социализма и капитализма является Корейский полуостров, имеющий важное значение для определения общего политического климата на Дальнем Востоке.

Противоречия двух мировых систем на Дальнем Востоке, в частности в районе Корейского полуострова, проявляются на двух политических уровнях: с одной стороны, это противоречия между социалистическими и капиталистическими странами, чьи интересы непосредственно затрагиваются в регионе; с другой стороны — между КНДР и Южной Кореей, носящие во многом специфический характер, отражающий состояние разделенной нации.

В дальневосточном регионе также тесно переплетаются и вступают в противоречие интересы двух центров современного империализма — США и Японии. Здесь в полной мере наблюдается противоборство центробежных и центростремительных тенденций, отражающих меняющееся соотношение сил между Соединенными Штатами и Японией. Так, стремление Вашингтона подчинить Японию своим интересам сталкивается с намерением Токио играть активную политическую и экономическую роль на Дальнем Востоке. Появление собственных монополистических потенций у Южной Кореи заметно обостряет ее конкурентную борьбу с США и Японией. Возникают такие сферы взаимодействия Сеула с Вашингтоном и Токио, в которых подчиненность внешнеполитического курса Южной Кореи США и Японии становится не столь абсолютной, как прежде, вносит своеобразие в конфигурацию межимпериалистических противоречий, сложившихся в регионе в предшествовавший период.

На Дальнем Востоке проявляются противоречия между империализмом и развивающимися странами. США рассматривают этот регион как плацдарм для дальнейшего усиления империалистической экспансии в азиатско-тихоокеанском регионе (АТР) в целом. При этом Японии и Южной Корее отводится важная роль в реализации идеи так называемого тихоокеанского сообщества (ТОС), которое Вашингтон хотел бы поставить на службу американским монополиям и военно-промышленному комплексу, с тем чтобы предотвратить прогрессивные преобразования в азиатских странах, породить там новые конфликты.

Важная роль в регионе принадлежит социалистическим странам. В их отношении к некоторым международным проблемам есть различия. Однако эти различия не являются непреодолимыми. В качестве одного из преимуществ социализма М. С. Горбачев на XXVII съезде КПСС назвал его способность учиться и, в частности, учиться «не допускать коллизии интересов различных социалистических государств, взаимно их гармонизировать, находить взаимоприемлемые решения даже самых сложных проблем»¹. Развитие политической ситуации на Дальнем Востоке во многом определяется состоянием советско-китайских отношений. В этом регионе, находящемся вблизи границ СССР и КНР, могла бы быть реализована отмечавшаяся XXVII съездом КПСС возможность для Советского Союза и Китая «работать совместно, взаимодействовать на равноправной и принципиальной основе, не в ущерб третьим странам»².

Ведя активный поиск путей снятия противоречий, существующих в дальневосточном регионе, СССР делает упор на упрочении взаимодействия с социалистическими странами. Партнером СССР в этом поиске выступает, в частности, КНДР. Последняя как суверенное независимое государство, член мировой системы социализма проводит активную самостоятельную внешнюю политику, позволяющую ей играть заметную роль в развитии международных отношений в регионе. Вступая во взаимоотношения с другими странами, КНДР реализует свои собственные интересы, ощущает преимущества интернационалистских основ сотрудничества с социалистическими государствами, противостоящего давлению империалистических держав, ведет поиск решения существующих здесь проблем. Сферой первоочередного внимания Пхеньяна являются события на Корейском полуострове и вокруг него.

Корейский полуостров служит ареной столкновения двух противоположных подходов к перспективам общемирового и регионального развития.

С одной стороны, это агрессивная политика США, стремящихся превратить дальневосточный регион в новый фронт военно-политического противостояния СССР и странам социализма, использовать существующие здесь нерешенные политические проблемы для нагнетания международной напряженности. Ключ к осуществлению своих замыслов Вашингтон видит не только в наращивании собственных милитаристских усилий, закреплении своего политического и экономического присутствия в регионе, но и в подключении к своим планам экономических и военных ресурсов ряда азиатских стран, прежде всего тех, где у власти находятся реакционные режимы. США стремятся выявить и свести воедино деструктивные элементы во внешней политике ряда государств и режимов региона для создания здесь максимально широкой «сферы согласия» на антисоциалистической основе. В этих целях Вашингтон активно использует имеющиеся у него договоры безопасности с Сеулом и Токио, ведет политическую и дипломатическую работу по созданию военно-политического блока Вашингтон — Сеул — Токио, по вовлечению Японии и Южной Кореи в программу «звездных войн». США предпринимают все более настойчивые попытки упрочить военно-политическое сотрудничество между Южной Кореей и Японией и создать тем самым «недостающую грань» нового милитаристского «треугольника».

С другой стороны, действиям США и их союзников противостоит позиция СССР и стран социализма, заинтересованных в мирном и справедливом решении региональных проблем и последовательно выступающих за реализацию своих миролюбивых интересов. Эта позиция нашла отражение в выдвинутых Советским Союзом предложениях о комплексном подходе к проблемам азиатской безопасности. XXVII съезд КПСС отметил настоятельную необходимость «координации, а затем и объединения усилий в интересах полити-

ческого урегулирования болезненных проблем, чтобы параллельно на этой основе хотя бы снять остроту военного противостояния в различных районах Азии, стабилизировать там обстановку»³.

Конкретным шагом СССР по оздоровлению климата в АТР стал выдвинутый М. С. Горбачевым в его выступлении во Владивостоке план обеспечения безопасности в Азии и зоне Тихого океана. Этот план, имея своим стержнем объединение международных усилий по ослаблению напряженности, предусматривает целый ряд неотложных мер по вопросам регионального урегулирования, в том числе и в Корее. Как отмечал М. С. Горбачев, существует «возможность не только снять опасную напряженность на Корейском полуострове, но и начать движение по пути решения национальной проблемы всего корейского народа»⁴.

Выдвигая миролюбивые инициативы, СССР со всей определенностью отмечает, что он не намерен использовать совпадение региональных интересов или подходов к региональным проблемам различных социалистических стран для проведения блоковой политики. В Заявлении Советского правительства от 23 апреля 1986 г. отмечалось, что в основе оздоровления обстановки в АТР, в том числе на Дальнем Востоке, должен лежать принцип развития равноправного открытого сотрудничества. «При таком подходе... — подчеркивалось в Заявлении, — не может быть места сколачиванию блоков и контрблоков, созданию всякого рода «осей», «треугольников», формированию замкнутых группировок, культивированию протекционизма и дискриминационных мер...»⁵

* * *

Политические цели государств, чьи интересы так или иначе затрагиваются в дальневосточном регионе, во многом фокусируются в их подходе к развитию отношений с КНДР, к решению корейской проблемы.

СССР строит отношения с КНДР на принципах марксизма-ленинизма и социалистического интернационализма, неизменно поддерживает усилия Республики в борьбе за объединение родины на мирных демократических началах, без вмешательства извне. Советско-корейский Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 1961 г. является основой взаимоотношений двух стран. Подтвердив в договоре стремление участвовать «во всех международных действиях, имеющих целью обеспечение мира и безопасности на Дальнем Востоке», Советский Союз и КНДР указали, что объединение Кореи «должно быть произведено на мирной и демократической основе»⁶. Более четверти века, прошедшие с момента подписания договора, показали, что он отвечает коренным интересам обеих стран, надежно служит обеспечению безопасности на Дальнем Востоке⁷.

Советский Союз поддерживает инициативы КНДР о превращении Корейского полуострова в безъядерную, мирную зону⁸, о проведении трехсторонних переговоров с участием КНДР, США и Южной Кореи с целью замены Соглашения о перемирии между КНДР и США мирным договором и принятия декларации о ненападении между Севером и Югом⁹. СССР солидаризируется с негативным отношением КНДР к идее «перекрестного признания», выдвигаемой странами Запада и предполагающей одновременное вступление Севера и Юга в ООН и установление дипломатических отношений СССР и КНДР с Южной Кореей, а США и Японии — с КНДР. Поддержку Советского Союза получают усилия КНДР, направленные на развитие внутрикорейского диалога. «Если исходить из действительно корейских интересов, — отметил в своей речи во Вла-

дивостоке М. С. Горбачев. — нет разумных причин уходить от серьезного диалога, который предлагает КНДР»¹⁰.

Развитие ситуации в Корее Советский Союз рассматривает с позиций комплексного подхода к проблемам безопасности в Азии, суть которого, как отмечал М. С. Горбачев, состоит в том, чтобы «объединить усилия всех азиатских государств, независимо от их общественного строя, во имя обеспечения мира и стабильности»¹¹. При этом СССР исходит из того, что Дальний Восток, как и АТР в целом, должен подключиться к общемировому процессу, направленному на предотвращение термоядерной катастрофы и обеспечение условий мира, добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества¹².

Примерно с середины 80-х гг. происходит активизация советско-корейских отношений по всем линиям. Этому во многом способствовал визит в СССР в 1984 г. партийно-государственной делегации КНДР во главе с Ким Ир Сенем. Крупными вехами в развитии наших отношений стали визиты в СССР министра иностранных дел КНДР Ким Ен Нама, премьера Административного Совета Республики Кан Сен Сана, визиты в КНДР Г. А. Алиева, Э. А. Шеварднадзе. Эти контакты внесли весомый вклад в реализацию принципиальных договоренностей, достигнутых в ходе встречи на высшем уровне. Они продемонстрировали совпадение точек зрения сторон по многим внешнеполитическим вопросам, дали новые свидетельства принципиальной позиции СССР по проблеме национального воссоединения Кореи, расширили сферу советско-корейского политического взаимодействия, экономического и научно-технического сотрудничества.

Новый импульс советско-корейским отношениям был дан в ходе дружественного визита в СССР Ким Ир Сена в октябре 1986 г. На состоявшейся советско-корейской встрече на высшем уровне стороны выразили удовлетворение динамичным развитием двусторонних отношений, отметили наличие возможностей для дальнейшего углубления связей во всех сферах сотрудничества¹³. Давая оценку переговорам с Ким Ир Сенем, М. С. Горбачев сказал: «Итог переговоров однозначен — они еще раз подтвердили обоюдное желание всемерно развивать сотрудничество и обмен опытом социалистического строительства, взаимодействовать в борьбе за оздоровление обстановки в Азии и в бассейне Тихого океана, за предотвращение ядерной катастрофы, к которой толкает человечество агрессивная и опасная политика империализма»¹⁴.

КНР в 80-е гг. значительно активизировала корейское направление своей внешней политики. С 1982 г. регулярно (1—2 раза в год) проходят китайско-корейские встречи на высшем уровне, в ходе которых обсуждаются актуальные вопросы двусторонних отношений, а также международные проблемы, в том числе положение на Корейском полуострове и вокруг него. Важную роль в развитии сотрудничества между КНР и КНДР играет Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 1961 г. При праздновании 25-летия этого договора стороны отметили его вклад в упрочение китайско-корейской дружбы, в обеспечение мира и безопасности на Дальнем Востоке.

В подходе КНР к корейской проблеме существует ряд моментов, совпадающих с позицией СССР и других социалистических стран: Китай объективно заинтересован в устранении очага напряженности вблизи своих границ, он поддерживает борьбу КНДР за мирное демократическое объединение родины, выступает за урегулирование корейского вопроса путем переговоров. Так, во время визита Ким Ир Сена в КНР в 1982 г. китайские руководители продемонстрировали поддержку требованиям КНДР о «немедленном выводе американских войск из Южной Кореи» и создании единого корейского государства¹⁵. Позже эта позиция была подтверждена во время визита Генерального секретаря ЦК КПК Ху Яобана в КНДР в 1984 г. Китайский руководитель

тогда отметил: «Китай выступает против присутствия американских войск в Южной Корее... поддерживает самостоятельное мирное объединение Кореи»¹⁶.

Вместе с тем позиция Китая отличается спецификой, отражающей те экономические и политические интересы, которые он преследует на Дальнем Востоке. КНР берет на себя роль посредника в установлении и поддержании контактов между КНДР и США. Так, в январе 1984 г. премьер Госсовета КНР Чжао Цзянь во время пребывания в США изложил Р. Рейгану предложения КНДР по мирному урегулированию на Корейском полуострове.

В Китае рассматривают Корейский полуостров как сферу пересечения интересов четырех ведущих держав: США, Японии, КНР и СССР.— признавая тем самым важность учета подходов всех заинтересованных государств в корейском урегулировании. При этом в КНР считают возможным «быстрое решение корейской проблемы», одновременно указывая на «существующие препятствия». В Китае вину за нерешенность корейского вопроса возлагают на США, отмечая, что Соединенные Штаты — единственная из четырех заинтересованных стран осуществляют военное присутствие в Корее, и они должны «нести особую ответственность за развитие событий в регионе»¹⁷.

В Пекине подвергли критике позицию рейгановской администрации за отказ от реализации выдвинутой КНДР в 1984 г. идеи проведения трехсторонних переговоров с участием КНДР, Южной Кореи и США, за нарушение преемственности внешнеполитической линии Вашингтона по корейской проблеме, нежелание следовать предложению Дж. Картера об организации аналогичных переговоров, которое было сделано в 1979 г. в «Совместном американо-южнокорейском коммюнике». КНР осуждает ежегодные американо-южнокорейские военные маневры «Тим спирит» как мешающие развитию отношений между Севером и Югом, выступает, как отмечалось выше, за немедленный вывод американских войск из Южной Кореи.

Китай положительно оценивает развитие диалога между КНДР и Южной Кореей, «приветствует каждый шаг обеих частей Кореи по пути объединения и кооперации», разделяет идею национальной государственной консолидации независимо от различий в идеологии и общественных системах, выступает против «перекрестного признания» и создания «двух Кореи»¹⁸. В КНР считают, что развитие внутрикореяского диалога поможет в деле нормализации положения на полуострове и создания условий «для развития отношений между заинтересованными странами и двумя частями Кореи». Ход внутрикореяского диалога Китай рассматривает и с той точки зрения, что состояние конфронтации негативно сказывается на экономическом положении КНДР и Южной Кореи. «Тяжелое бремя военных расходов.— подчеркивает китайская печать,— отрицательно влияет на жизненный уровень обеих сторон». В КНР констатируют: «Обе стороны поняли, что конфронтация только приносит вред».

В качестве важного условия успешного продвижения внутрикореяского диалога в КНР называют улучшение отношений между КНДР, с одной стороны, США и Японией — с другой. «Развитие отношений КНДР с США и Японией,— отмечают в Пекине,— будет положительным фактором для более тесных контактов Севера и Юга... Север начал проводить более гибкую политику и изменять свой подход к отношениям с США, Японией и другими странами»¹⁹.

Планы различных американских администраций направлены на сохранение и усиление контроля за ситуацией в районе Корейского полуострова с целью достижения выгодного для США соотношения сил на Дальнем Востоке. Такой подход был наиболее определенно сформулирован Г. Киссинджером. «Наши интересы в Корее,— заявил бывший госсекретарь США,— связаны с тем, что там находится точка пересечения многих центров силы... и, помимо всего

прочего, тем, что Япония полагает, что ее безопасность тесно связана с событиями на Корейском полуострове»²⁰.

Политику в отношении КНДР Соединенные Штаты строят с позиции силы: они нагнетают свое военное присутствие на Юге Кореи, постоянно создают угрозу КНДР с расположенных в дальневосточном регионе американских баз, блокируют ее мирные инициативы, направленные на ослабление напряженности в регионе и нормализацию отношений с США. Вашингтону не выгодно мирное демократическое решение корейской проблемы, он выступает за сохранение раскола страны и создание двух корейских государств.

Для нынешнего этапа деятельности американской дипломатии в отношении Корейского полуострова характерно стремление к обеспечению широкого согласия и координации усилий Запада под эгидой США. В 1986 г. корейский вопрос впервые был вынесен на обсуждение во время токийского совещания руководителей семи крупнейших капиталистических стран. Участники совещания выразили «озабоченность» по поводу «обеспечения стабильности» на Корейском полуострове, предложили, чтобы «Северная и Южная Корея в качестве первого шага к смягчению напряженности были приняты в ООН в качестве полноправных членов»²¹.

В США продолжается поиск различных политических комбинаций вокруг путей решения корейского вопроса. В частности, предлагаются новые варианты «перекрестного признания». Согласно одному из них, закрепление статус-кво на полуострове могло бы быть достигнуто путем дипломатического признания Южной Кореи Китаем, а КНДР — Японией²². Как видно, этот вариант не только противоречит предложениям КНДР, но и направлен на то, чтобы проигнорировать интересы СССР в решении корейского вопроса.

В 80-е гг. в американской стратегии в отношении Корейского полуострова наблюдается переход от политических методов борьбы к военно-силовым средствам достижения поставленных целей. Ставка делается на обострение конфронтации, нагнетание антикоммунистической истерии, изменение существующего соотношения сил на Корейском полуострове. Переход к такому курсу отражает неудовлетворенность Вашингтона и наиболее реакционной части правящей сеульской верхушки наметившимися перспективами диалога Север — Юг и их опасения потерять контроль над развитием ситуации на полуострове. Действия США во многом обусловлены также их обеспокоенностью обострением внутривнутриполитической ситуации в Южной Корее, все более решительными выступлениями оппозиции против диктатуры Чон Ду Хвана и американского военного присутствия, требованиями радикальных политических реформ.

В этой ситуации политические комбинации Вашингтона, рассчитанные на получение пропагандистского эффекта, отходят на второй план ввиду их низкой результативности. Вместо этого ставится задача перекрыть все каналы связей между Севером и Югом, возложив ответственность за это на КНДР, исключить всякую возможность развития контактов между Пхеньяном и южнокорейской оппозицией и в конечном итоге отбросить внутрикореяский диалог на исходный уровень.

Япония, выступая активным партнером США на Дальнем Востоке, в своей внешней политике придает большое значение Корейскому полуострову. Еще в 1964 г. в докладе, составленном при участии японских информационных и разведывательных служб, отмечалось, что Япония является незаменимой базой обороны Кореи и, наоборот, Южная Корея контролирует вход в Японское море и является крайне важной для обороны Японии. Историческая цель номер один японской внешней политики состоит в том, чтобы не допустить перехода Южной Кореи в руки враждебных сил²³. Позже этот подход был закреплен в японо-американском коммюнике 1969 г.: «Безопасность Корей-

ской Республики (то есть сеульского режима.— Авт.) является необходимым элементом безопасности самой Японии»²⁴.

Строя свою политику в отношении Кореи на основах «стратегического партнерства» с США, Япония выступает противником предложений КНДР об объединении Кореи, отстаивает идею создания «двух Корей» путем «перекрестного признания» Севера и Юга. Такой подход получил подтверждение в заявлении Я. Накасонэ при оглашении Токийской экономической декларации во время встречи руководителей семи ведущих капиталистических держав в Токио (май 1986 г.). «Мы,— заявил японский премьер,— вновь подтверждаем нашу уверенность, что вступление двух Корей в ООН будет предпочтительнее, чем существующее положение, как с точки зрения ООН, так и с точки зрения ослабления напряженности»²⁵. С таких же позиций Токио прореагировал и на предложение КНДР о проведении трехсторонних переговоров, выдвинув требование о привлечении к ним Японии, Китая и СССР, что, по мнению японских правящих кругов, способствовало бы продвижению по пути к осуществлению «перекрестного признания» и позволило бы Японии оказывать большее влияние на развитие внутрикореянской ситуации.

Делая ставку на обеспечение японского присутствия в процессе урегулирования в Корее, Токио выражает поддержку продолжению диалога Север — Юг, заявляя о готовности делать все возможное для создания атмосферы, которая способствовала бы успеху переговоров²⁶. При этом усилия японских лидеров направлены на диверсификацию экономических и политических контактов с Южной Кореей, укрепление договорно-правовой базы двусторонних отношений. Указывая на «стратегический» характер японо-южнокорейского сотрудничества, Я. Накасонэ отмечал, что сотрудничество с Югом имеет большое значение для развития ситуации «в Северо-Восточной Азии и в Азии в целом»²⁷.

В последнее время активизируется проработка корейской проблематики в ходе японо-американских встреч на высшем уровне. Действуя с солидарных с США позиций по проблемам Корейского полуострова, Япония стремится в то же время сохранить за собой определенную свободу маневра, подчеркнуть самостоятельность подхода Токио к ситуации в Корее. Отказываясь от установления официальных отношений с КНДР, японские правящие круги идут на сохранение контактов в неполитической области, не препятствуют «частным» поездкам в Пхеньян японских граждан, включая членов правящей ЛДП. В этой связи привлекает внимание поездка в Пхеньян в 1986 г. члена парламента Японии И. Тани, являющегося членом внутривластной фракции Накасонэ. Как сообщала печать, этот визит состоялся по инициативе японского премьера, направившего через Тани личное послание руководителям КНДР²⁸.

Подобные маневры японского правительства свидетельствуют также о его стремлении играть посреднические функции в отношениях между частными к корейским событиям странами, отражают наличие у Японии собственных интересов на Корейском полуострове, которые она стремится реализовать в обход своих американских и южнокорейских союзников-конкурентов.

КНДР испытывает военно-политическое давление со стороны Южной Кореи. Наблюдающееся в 80-е гг. наращивание военной мощи сеульского режима является дополнительным фактором осуществления в отношении КНДР силовой политики, проводимой правящими кругами США.

Южная Корея создает постоянную военную угрозу Северу, осуществляя провокации в демилитаризованной зоне, проводя различные военные учения, как совместные с США, так и односторонние. В политической сфере не прекращается борьба Сеула за ослабление позиций КНДР на мировой арене. В середине 80-х гг., например, обхаживанию со стороны Южной Кореи под-

верглись африканские страны, в которых, как считают в Сеуле, позиции Пхеньяна предпочтительнее, а также страны тихоокеанского региона, являющегося приоритетным объектом южнокорейской внешней политики. Стремясь создать альтернативу укреплению позиций Пхеньяна в развивающихся странах и в движении неприсоединения, Сеул выступает активным проводником идеи создания ТОС, что позволит ему, по замыслам правящих кругов, ослабить связи стран региона с КНДР.

В середине 80-х гг. в свете начавшегося диалога Север — Юг в отношении Южной Кореи к КНДР появились новые моменты. В Сеуле вынашивают планы сыграть на чувствах национального единства и противопоставить национализм как одну из основ внешней политики единой Кореи отношениям Пхеньяна и Сеула со своими союзниками. При этом здесь не оставляют амбициозных планов превратить Корею в крупную азиатскую державу, которая могла бы составить конкуренцию ведущим державам региона. Этому же способствуют и активно формирующиеся в последние годы политические и экономические интересы набирающих силу южнокорейских монополий, которые также стремятся к большей самостоятельности и независимости от своих американских и японских партнеров-конкурентов.

Такой подход находит отражение в научной и политической литературе Южной Кореи. В частности, получающую распространение точку зрения выражают авторы монографии «Корейский вопрос и международная политика»: «Мы все желаем объединения. Если объединить нашу трудолюбивую и выдающуюся нацию, насчитывающую свыше 35 млн. человек на Юге и около 20 млн. на Севере, то мы обеспечили бы ее жизнеспособность, внутреннее и внешнее развитие и тогда не только бы не отставали ни от одной из азиатских стран, но, наоборот, выполняли бы пропагандистскую роль примера... Мы должны искать мирные пути объединения, проявляя мудрость и мелость. Объединению должно предшествовать создание гарантий мира на Корейском полуострове и восстановление взаимного доверия»²⁹.

В свете такого подхода в Сеуле в середине 80-х гг. вносятся некоторые коррективы в жесткий курс в отношении КНДР: в рамках диалога Север — Юг идут на осуществление обмена делегациями по линии Красного Креста, выдвигают предложения по налаживанию экономического сотрудничества и т. д. При этом Сеул не оставляет своих прежних целей — использовать возможные каналы связей с КНДР для оказания психологического давления на своих северокорейских соотечественников.

Однако быстрое развитие внутрикорейского диалога, как уже отмечалось выше, не отвечает интересам США и наиболее реакционных кругов южнокорейского руководства. Поэтому в позиции Сеула по объединению по-прежнему доминирует стремление увести переговоры от коренного поворота во внутрикорейских отношениях, подменить обсуждение ключевых проблем отношений дискуссиями по второстепенным вопросам, затормозить принятие конкретных решений в рамках переговоров по линии Красного Креста и экономической линии. Южная Корея фактически парализовала встречи по подготовке межпарламентских переговоров, отказавшись от обсуждения вопроса о принятии декларации о ненападении между Севером и Югом и сделав попытку подменить его надуманным вопросом о разработке «конституции единой Кореи»³⁰.

Линия на подрыв переговоров камуфлируется риторикой о необходимости установления правильного «порядка приоритетов» в ведении диалога, «поиска его новых форм», «создания атмосферы доверия и примирения». Фактически же Сеул проводит курс на «сохранение статус-кво путем признания существующих реальностей». Примечательно в этой связи, что в период активизации диалога министр иностранных дел Южной Кореи заявил, что лучший способ

ослабить напряженность на Корейском полуострове — вступление Севера и Юга в ООН, подчеркнув при этом, что Южная Корея должна быть допущена в ООН одна, если Север откажется от вступления в ООН двух Корей³¹.

* * *

80-е гг. отмечены возрастающим значением внешней политики КНДР как существенного фактора развития политической ситуации в Азии, в частности на Дальнем Востоке. Все более настойчивым становится стремление Республики наладить конструктивные отношения с расположенными здесь странами, внести позитивный вклад в решение сложных международных проблем. Внешнеполитический курс страны приобретает все более динамичный, активный и наступательный характер. В условиях обострения политической ситуации на Дальнем Востоке и массивного военно-политического давления со стороны сил империализма КНДР стремится к дальнейшему укреплению и расширению связей с социалистическими странами.

В Пхеньяне активно поддерживают внешнеполитические инициативы СССР, направленные на обеспечение всеобщего мира и безопасности. Широкий отклик в КНДР вызвало Заявление М. С. Горбачева от 15 января 1986 г. Здесь отмечают, что высказанные в нем предложения «отвечают чаяниям и требованиям корейского народа, открывают возможности для прекращения безумной гонки вооружений и предотвращения ядерной катастрофы»³². Корейское руководство высоко оценило усилия советской стороны в Рейкьявике. Во время визита в СССР в октябре 1986 г. Ким Ир Сен заявил о полной поддержке конструктивной позиции, занятой советской стороной на встрече руководителей СССР и США в Рейкьявике, «создающей уникальный шанс для ликвидации ядерного оружия, исторического перелома в развитии международных отношений».

КНДР с одобрением восприняла Заявление Советского правительства от 23 апреля 1986 г. «Позиция Советского Союза, — отмечалось в Пхеньяне, — свидетельствует о том, что он дорожит миром в Азии и уважает национальные интересы стран этого региона»³³. Поддержку КНДР получили мирные инициативы и предложения, содержащиеся в речи М. С. Горбачева во Владивостоке. В Пхеньяне подчеркивают, что эти предложения «вновь убедительно продемонстрировали позицию СССР, направленную на ослабление напряженности в азиатско-тихоокеанском регионе, развитие отношений добрососедства и сотрудничества между государствами»³⁴. Особое внимание пресса КНДР уделила тому месту в выступлении М. С. Горбачева, где речь шла об обстановке в Корее. Корейская печать писала, что выступление Генерального секретаря ЦК КПСС «демонстрирует искреннее стремление Советского Союза к миру, его уважение к национальным интересам КНДР»³⁵.

Важное место во внешней политике КНДР занимает китайское направление. Руководители Республики подчеркивают, что корейско-китайская дружба имеет «глубокие исторические корни», что «неразрывные узы между КНДР и КНР представляют собой отношения между революционными соратниками и классовыми братьями»³⁶. В КНДР приветствуют позицию Пекина по Корейскому полуострову. Во время визита в КНДР в 1984 г. Ху Яобана Ким Ир Сен выразил «благодарность КПК и китайскому правительству за поддержку предложений о трехсторонних переговорах и за усилия по их практической реализации»³⁷.

Отношения КНДР с США остаются ненормализованными по вине американской администрации. Вашингтон отказывается от конкретных действий, которые могли бы привести к замене действующего соглашения о перемирии

от 1953 г. на мирный договор, что способствовало бы нормализации двусторонних отношений.

Выступая с активных антиимпериалистических позиций, КНДР подвергает критике политику США, направленную на обострение международной напряженности, развитие гонки ядерных вооружений, раздувание региональных конфликтов, поддержку реакционных режимов, осуждает акты государственного терроризма. КНДР резко критикует стремление США увековечить раскол Кореи. Особую озабоченность Пхеньяна вызывают действия Соединенных Штатов в АТР. Большую опасность, по мнению корейского руководства, представляют попытки Вашингтона создать в Азии агрессивный военно-политический блок на базе консолидации реакционных сил этого региона в целях установления американской гегемонии.

Острую критику в связи с этим встречают в КНДР проекты ТОС. Здесь видят связь данной концепции с современными американскими планами укрепления «восточного фланга НАТО», а также с известной доктриной японских империалистов времен второй мировой войны относительно строительства «Великой сферы процветания в Восточной Азии», реализация которой имела тяжелые последствия для корейского народа.

В КНДР отмечают, что концепция ТОС является прежде всего продуктом «сговора американских империалистов и японской реакции», которые стремятся к политическому, экономическому и военному господству в АТР. «Корейский народ, — отмечает журнал «Кыллоджа», — будет решительно бороться за сохранение и укрепление мира в азиатско-тихоокеанском регионе и выступать против планов создания здесь различного рода агрессивных «союзов» и «сообществ»³⁸.

КНДР выступает за установление добрососедских отношений с Японией. Препятствием для развития нормальных межгосударственных отношений является нежелание Токио признать Корейскую Народно-Демократическую Республику в качестве суверенного государства. Законную тревогу и протесты вызывают в КНДР дискриминационные акты японских властей в отношении корейского национального меньшинства в Японии, попытки японских правящих кругов приукрасить мрачную историю японского колониального владычества в Корее в 1910—1945 гг.

Вместе с тем в Пхеньяне учитывают, что японская общественность, некоторые политические круги проявляют интерес к развитию связей с КНДР. В этих условиях корейское руководство выражает готовность к развитию контактов с лояльно настроенными политическими силами. Республика поддерживает регулярные и активные контакты с СПЯ (чему в значительной степени способствовал визит в КНДР в 1984 г. председателя партии Исибаси), с ассоциацией парламентариев по содействию японо-корейской дружбе, в которую входят представители большинства политических партий Японии, включая правящую ЛДП, с Обществом по развитию торговли Япония — КНДР, с созданными в ряде префектур Японии комитетами в поддержку борьбы корейского народа за самостоятельное мирное объединение Кореи.

Приветствуя такое развитие событий, Ким Ир Сен в интервью журналу «Сэкай» сказал: «Наш народ дорожит дружбой и сплоченностью с японским народом, прилагает активные усилия для дальнейшего развития отношений дружбы с ним. Мы осуществляем различные поездки, контакты и обмен между народами двух стран — Кореи и Японии, тепло, как своих друзей, встречаем представителей различных кругов Японии, прибывающих к нам с чувством дружбы к нашему народу». В КНДР не закрывают двери и для контактов с официальными кругами Японии при условии изменения их политики в отношении КНДР, «выработки Токио самостоятельного политического курса»³⁹.

Предмет особой озабоченности КНДР — положение на Корейском полуострове, через призму которого рассматриваются отношения Республики с Южной Кореей. Пхеньян предпринимает активные шаги к тому, чтобы расчистить путь к разрядке напряженности и скорейшему решению проблемы объединения Кореи. К их числу относятся: упоминавшаяся выше идея трехсторонних переговоров между КНДР, Южной Кореей и США; предложения о превращении Корейского полуострова в безъядерную зону и по разработке дополнительных мер безопасности в районе совместной охраны в демилитаризованной зоне, о проведении переговоров с участием министра народных вооруженных сил КНДР, главнокомандующего вооруженными силами ООН в Южной Корее и министра обороны Южной Кореи для обсуждения вопросов о войсках и сокращении вооружений; предложения о проведении военно-политических переговоров между Севером и Югом на высоком уровне.

Наряду с этим КНДР предпринимает усилия к расширению рамок диалога Север — Юг. В конце 1984 г. были возобновлены прерванные в начале 70-х гг. переговоры по линии Красного Креста. Новым каналом диалога стали экономические переговоры, а также предварительные встречи сторон для подготовки межпарламентских встреч.

Одна из наиболее насущных проблем в отношениях Север — Юг связана с восстановлением разделенных семей. В 1985 г. состоялись VIII—X раунды переговоров по линии Обществ Красного Креста КНДР и Южной Кореи по этим вопросам. На переговорах Север выступил с предложением обсудить в качестве главного вопрос о свободных поездках и встречах разделенных семей и выдвинул проект соглашения о завершении в течение одного-двух лет разработки процедурных проблем, с тем чтобы затем приступить к практической организации поездок⁴⁰. Важным результатом переговоров стала организация в сентябре 1985 г. обмена поездками художественных коллективов Севера и Юга и групп посетителей родных мест (всего по 151 человеку с каждой стороны).

В конце 1984 г. стороны приступили к обсуждению вопросов экономического сотрудничества. КНДР выступила за то, чтобы в ближайшие год-два начать сотрудничество и обмен в таких областях, как совместное освоение природных ресурсов, рыболовство, сельское хозяйство, с тем чтобы впоследствии перейти к координации развития экономики в национальном масштабе⁴¹. В целях оперативного обсуждения указанных вопросов была достигнута договоренность о создании совместной комиссии на уровне заместителей премьеров для руководства и координации экономической деятельности Севера и Юга.

В апреле 1985 г. на четвертой сессии ВНС КНДР седьмого созыва была выдвинута идея проведения межпарламентских переговоров КНДР и Южной Кореи. Предложения КНДР предусматривали осуществление подготовки совместного совещания парламентов Севера и Юга либо переговоров представителей парламентов в целях принятия совместной декларации о ненападении.

Сформулированная КНДР концепция развития внутрикорейских отношений предусматривает по мере создания соответствующих условий углубление его содержания и переход к более высоким формам общения. В новогоднем выступлении 1985 г. Ким Ир Сен отмечал: «Если диалог между Севером и Югом будет развиваться в соответствии с чаяниями народа и идеалами воссоединения родины, то он может постепенно перерасти в переговоры на более высоком уровне, в конечном итоге могут быть осуществлены политические переговоры на высшем уровне между Севером и Югом»⁴².

В Пхеньяне полагают, что такую встречу необходимо тщательно подготовить. При этом стороны должны отказаться от проведения военных маневров, воздерживаться от клеветнических высказываний, а сеульские власти не подав-

лять борьбу народа за демократию¹³. КНДР считает, что Север и Юг должны подходить к диалогу ответственно, с общих позиций, заключающихся «в стремлении воссоединить страну», а не использовать диалог для закрепления статус-кво на полуострове¹⁴.

Нормализации внутрикорейской ситуации отвечала бы и реализация предложений КНДР о проведении XXIV Олимпийских игр одновременно в Сеуле и Пхеньяне. Однако это предложение встречает противодействие сеульских властей, под различными предлогами отказывающихся от того, чтобы сделать шаг навстречу большему взаимопониманию и созданию обстановки взаимного доверия в Корее.

* * *

КНДР находится в центре острых политических проблем, оказывающих воздействие на международный климат на Дальнем Востоке и требующих своего безотлагательного и исчерпывающего решения. Ее пример демонстрирует преимущества тех принципов, на которых строятся взаимоотношения между странами социализма и которые позволяют не только успешно противостоять постоянному военно-политическому давлению империализма, но и проводить самостоятельную внешнюю политику, играть роль активного фактора международных отношений.

Безусловно, окончательное решение корейского вопроса требует времени, коренного изменения политической психологии и мышления. Выбор конкретного варианта решения этого вопроса — дело самого корейского народа. В то же время, учитывая, что решение корейского вопроса было бы важным шагом на пути к стабилизации положения на Дальнем Востоке и что КНДР все более становится объектом коллективного воздействия западных держав, представляется важным объединение усилий стран социализма для создания необходимых условий вокруг Корейского полуострова в целях дальнейшего продвижения внутрикорейского диалога.

С другой стороны, активизация внешнеполитической деятельности КНДР создает новые возможности для нахождения наиболее рациональных путей сочетания интернациональных и национальных интересов Республики в борьбе за обеспечение мира и безопасности на Дальнем Востоке, для энергичного отстаивания Пхеньяном общих интересов мирового социализма в данном регионе, внесения весомого вклада в нахождение мирных форм снятия существующих здесь противоречий.

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986, с. 72.

² Там же.

³ Там же, с. 70.

⁴ «Правда», 29.VII.1986.

⁵ Там же, 24.IV.1986.

⁶ Отношения Советского Союза с народной Кореей. М., 1981, с. 196.

⁷ См.: «Правда», 4.VII.1986; «Проблемы Дальнего Востока», 1986, № 3, с. 184—189.

⁸ «Правда», 4.VII.1986.

⁹ См. там же, 24.V.1984.

¹⁰ Там же, 29.VII.1986.

¹¹ Там же, 30.VIII.1985.

¹² См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1986, № 1, с. 20.

¹³ См.: «Правда», 25.X.1986.

¹⁴ Там же.

¹⁵ См.: «Нодон синмун», 19.IX.1982.

- ¹⁶ Там же, 7.V.1984.
- ¹⁷ «Beijing Review», 1985, September 23, vol. 28, N 38, p. 16.
- ¹⁸ Ibid., p. 18.
- ¹⁹ Ibid., p. 17—18.
- ²⁰ In: «Department of State Bulletin», 1.X.1976, p. 550.
- ²¹ «Far Eastern Economic Review», 22.V.1986, p. 32.
- ²² «Korea Herald», 7.II.1985.
- ²³ «Department of State Bulletin», 1.X.1976, p. 550; Without Parallel. The American-Korean Relations Since 1945. N.-Y., 1974, p. 213.
- ²⁴ In: «Asian Survey», 1976, November, p. 922.
- ²⁵ «Japan Bulletin, Embassy of Japan, Moscow, USSR», N 86 — 2, May 6 1986.
- ²⁶ In: «Korea Herald», 3.V.1986.
- ²⁷ «Far Eastern Economic Review», 13.II.1986, p. 33.
- ²⁸ Ibid., 22.V.1986, p. 30.
- ²⁹ Хангук мунчжева кукче чончхи. Сеул, 1984, с. 375.
- ³⁰ «Минчжу чосон», 9.IV.1986.
- ³¹ In: «Korea Herald», 27.IV, 12.VII.1985.
- ³² «Нодон синмун», 31.I, 5.II, 6.II.1986.
- ³³ Там же, 6.V.1986.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же, 19.IX.1982.
- ³⁷ Там же, 7.V.1984.
- ³⁸ «Кыллоджа», 1985, № 5, с. 96.
- ³⁹ «Нодон синмун», 7.VII.1985.
- ⁴⁰ ЦТАК, Информационный бюллетень, 29.V.1985, с. 18—19; 28.VIII.1985, с. 16—19.
- ⁴¹ «Кыллоджа», 1985, № 5, с. 86—87.
- ⁴² «Нодон синмун», 1.I.1985.
- ⁴³ «Кыллоджа», 1986, № 1, с. 83.
- ⁴⁴ «Нодон синмун», 1.I.1986.

«Китайская политика» Вашингтона и конгресс США

*Б. Н. ЗАНЕГИН,
доктор исторических наук
К. В. ПЛЕШАКОВ,
кандидат исторических наук*

Отнoшения между Соединенными Штатами и КНР составляют существенный аспект международных отношений на общемировом уровне и в азиатско-тихоокеанском регионе. Иначе и не может быть, учитывая выдающееся место этих государств в мировой политике, значимость и уровень их интересов, наличие средств влияния на международную обстановку (политических, экономических, силовых). Этот феномен современных международных отношений тем более привлекает внимание, что Соединенные Штаты и Китай принадлежат к разным социальным системам; это не может не оказывать влияния на их взаимный подход друг к другу и в особенности на формирование и реализацию «китайской» политики Вашингтона. Анализ отношений между США и Китаем представляется особенно необходимым, поскольку они переживают в последние годы сложную эволюцию, обусловленную, как представляется, содержанием социально-политического развития американского и китайского обществ. Имеется в виду процесс преодоления левацких тенденций «культурной революции» во внутренней и внешней политике современного Китая. С другой стороны, в общественно-политической жизни США все это время развивался «консервативный цикл», в ходе которого политикоформирующие функции перешли к правым сегментам американского общества.

Указанным обстоятельством в значительной мере определяются особенности нынешних американо-китайских отношений.

До начала 80-х гг. они отличались неустойчивостью, чередованием подъемов и спадов. В последнее же время отношения между США и КНР приобрели относительно ровный характер, их развитие идет сравнительно умеренными, но устойчивыми темпами. Идеологические различия и социально-политические разногласия дают о себе знать чаще, чем в прошлом, но стороны предпочитают подходить к существующим и возникающим проблемам прагматически, не допуская их отрицательного воздействия на развитие конструктивных связей.

Вместе с тем под влиянием отмеченного выше уточнения социальных детерминантов внешней политики обоих государств в американо-китайском взаимодействии появляются новые черты, утверждение и развитие которых, как можно предположить, со временем изменит в существенной степени характер отношений между двумя странами, заставит стороны приспособляться к новым обстоятельствам.

В связи с этим обращают на себя внимание изменения в приводимых

доводах расширения и углубления делового сотрудничества между США и КНР, появление и закрепление асимметрии в мотивировке взаимосвязей. В результате развития позитивных тенденций в подходе Пекина к международным делам, с одной стороны, и усиления агрессивности и антисоветизма во внешней политике Вашингтона — с другой, распался существовавший до начала 80-х гг. американо-китайский антисоветский консенсус взаимопонимания и взаимодействия. Потребности внутреннего развития побудили руководство КНР пересмотреть внешнеполитические приоритеты в пользу оздоровления международного положения, и в частности улучшения отношений с Советским Союзом, не отказываясь, впрочем, от расчетов на привлечение ресурсов капиталистического Запада для реализации программы модернизации страны.

В отличие от недавнего прошлого, когда главным направлением внешней политики КНР была установка на развитие политического («стратегического») взаимодействия с США, направленного против интересов третьих стран, сейчас на первый план вышла заинтересованность в экономическом сотрудничестве с Соединенными Штатами, в создании благоприятных (мирных) международных условий для реализации планов модернизации страны. Китайское руководство неоднократно указывало на это. 20 апреля 1987 г. Дэн Сяопин в беседе с Генеральным секретарем КПИ (м) Е. М. Ш. Намбудирипадом отметил, что основная политика, проводимая в Китае, — это развитие народного хозяйства и защита мира во всем мире. Как нам представляется, это высказывание является одним из примеров того, что в политике КНР так называемые стратегические мотивы теряют свое значение. Более того, они приходят в явное противоречие с целями внешней политики Пекина, превращаясь постепенно в помеху его линии на оздоровление международного обстановки.

По-иному обстоит дело в Соединенных Штатах, где над внешней политической довлеют представления о неизбежности конфликта между КНР и Советским Союзом, желание использовать его в интересах американского империализма. Несмотря на очевидные изменения в международной позиции китайской стороны, «китайская» политика США, как и прежде, руководствуется «стратегическими» мотивами: развивая весь комплекс отношений с КНР, Вашингтон исходит из того, что они примут в конце концов облик столь желаемого правящими кругами США антисоветского альянса. Что касается экономических интересов США в Китае, то они пока слишком незначительны, чтобы служить движущей силой развития отношений с КНР. В самом деле, американо-китайская торговля, например, оборот которой в 1986 г. составил 8 млрд. долл., почти в три раза уступает объему американской сепаратной торговли с китайской провинцией Тайвань, хотя население этой провинции (17 млн. чел.) почти в 60 раз меньше населения континентальной части Китая. Очевидно, шаги, которые предпринимаются администрацией Рейгана по развитию экономических связей с КНР, диктуются не экономическими интересами США и тем более не альтруистическими соображениями, а все теми же политическими и стратегическими мотивами¹, расчетами использовать экономические рычаги для реализации коалиционной стратегии.

Расхождение в мотивах явственно сказалось на состоянии отношений между Соединенными Штатами и КНР. В их развитии в начале 80-х гг. возникла заминка, из которой, однако, стороны вышли на основе компромисса: китайская сторона сохранила некоторые из точек совпадения с внешнеполитическим курсом Вашингтона по ряду международных проблем в рамках политики противостояния гегемонии «двух держав»; Соединенные Штаты,

примирившись с китайской критикой некоторых направлений американской внешней политики, согласились несколько расширить возможности оказания финансового, экономического, научно-технического и военного содействия модернизации КНР. При этом Вашингтон, пойдя навстречу запросам китайской стороны, преследовал прежде свои собственные цели углубления американского влияния на внешнюю политику Пекина, социально-экономическую и социально-политическую обстановку в КНР. О том, что эта тенденция в «китайской» политике США сохраняет значение и сейчас, свидетельствует последний визит госсекретаря США в КНР (1—6 марта 1987 г.). В ходе визита Дж. Шульц, рекламируя капитализм и свободное предпринимательство, пытался воздействовать на социальную политику и экономический курс КНР, не говоря уж о его попытках сократить зону американо-китайских противоречий по международным вопросам за счет изменения внешнеполитической позиции китайского правительства².

С появлением асимметрии в мотивировке взаимосвязей возникла и другая особенность нынешних отношений между США и КНР: стал сужаться и терять свое прежнее значение «стратегический аспект» американо-китайского взаимодействия на международной арене. К данному моменту совпадение стратегических интересов сохранилось лишь по отдельным, локальным (хотя и существенным) проблемам. Однако такое совпадение более не определяет характера американо-китайских отношений в целом, как это было до конца 70-х гг. Более того, в свете перспектив советско-китайской нормализации и урегулирования международных кризисов, составляющих питательную среду антисоветских комбинаций империализма, намечается тенденция к дальнейшему сужению совпадения внешнеполитических позиций США и КНР.

Естественно, что эти перемены, явно неблагоприятные для внешнеполитических расчетов американской реакции, оказывают заметное воздействие на политикоформирующий процесс. Что касается правых, консервативных сегментов американского общества, которым принадлежит сейчас решающая роль в этом процессе, то для них характерен рост недоверия к КНР как к коммунистической стране, потеря интереса к Китаю как к «стратегическому» партнеру. Это в свою очередь недвусмысленным образом сказывается на общественном мнении, для которого в последнее время стали характерными проявления пассивности в подходе к этой, еще недавно острой политической проблеме. Эту черту общественно-политических настроений в период правления президента Рейгана отмечают в своих исследованиях американские наблюдатели³.

Лишь в самое последнее время победа демократической партии на промежуточных выборах в ноябре 1986 г. продемонстрировала вызревающие в американском обществе тенденции поставить предел дальнейшему распространению «консервативной волны», ограничить влияние на общественно-политическую жизнь страны правоконсервативной республиканской реакции. При том, что политика Вашингтона по отношению к Китаю в общем ее виде пользуется поддержкой республиканцев и демократов, подход обеих партий к отношениям с КНР отличается довольно существенными нюансами. Возникает в связи с этим вопрос: повлияют ли на «китайскую» политику Вашингтона результаты промежуточных выборов в США 1986 г., завершившиеся значительной победой демократической партии и завоеванием большинства в конгрессе США? В каком направлении может измениться политика США по отношению к КНР под влиянием этого факта? В предлагаемой вниманию читателей статье авторы пытаются дать хотя бы в первом приближении ответ на эти вопросы.

II

«Китайская» политика администрации Рейгана в целом повторяет в своей принципиальной сущности курс, принятый еще на ранней стадии нормализации отношений с КНР в начале 70-х гг. президентом Р. Никсоном и его помощником по национальной безопасности Г. Киссинджером и развитый в период президентства Дж. Форда и Дж. Картера. Основу этой преемственности составляет общая концепция «китайской» политики США, выработанная предшественниками, а именно представление о возможности и целесообразности использовать в американских интересах «китайский фактор»⁴. Важно подчеркнуть, что эта общая установка составляет одновременно основу двухпартийного консенсуса по вопросу о политике в отношении КНР. Однако правоконсервативным постулатам администрации Рейгана не соответствует «деидеологизированная» политика республиканской администрации Никсона — Киссинджера с ее концепцией введения «китайского фактора» в трехчленное уравнение американо-советской разрядки. Оказалась непригодной также установка стратегии демократической администрации Картера и ее автора З. Бжезинского на развитие с КНР «квазисоюзнических» отношений ценой отказа от сохранения Тайваня в сфере стратегических интересов США и прекращения военно-политической поддержки гоминьдановского режима.

В связи с этим администрация Рейгана, несколько снизив стратегическую значимость для США отношений с КНР, поставила их вместе с тем в зависимость от готовности китайского руководства принять в качестве условия якобы неофициальные отношения Соединенных Штатов с гоминьдановскими властями на Тайване, включая зафиксированную в американском законодательстве (Закон об отношениях с Тайванем 1979 г.) «заинтересованность» американской стороны в «безопасности» острова. В этих целях законом предусмотрены также поставки вооружений армии тайваньского режима, сохранение экономического сотрудничества и т. д.

Этим обусловлена двойственность «китайской» политики нынешней администрации. Опасаясь окончательно утратить перспективу хотя бы урезанного «стратегического» (антисоветского) взаимодействия с КНР, но не желая отказаться и от Тайваня, Вашингтон проявил готовность дополнить развитие делового (экономического, научного) сотрудничества с КНР содействием усилению военного и военно-промышленного потенциала Китая. США, в частности, дали согласие на поставки в КНР некоторых видов техники и технологии военного назначения и вооружений. Предполагается побудить этим китайскую сторону проявить интерес к возможностям такого рода в расчете, что она отнесется с пониманием к американской позиции по тайваньскому вопросу и восстановит интерес к стратегическим аспектам американо-китайских отношений, в существенной степени утраченный после XII съезда КПК (сентябрь 1982 г.).

Анализ «китайской» политики администрации Рейгана позволяет сделать вывод, что в рамках двухпартийного консенсуса существуют достаточно серьезные различия в позициях по вопросу об отношениях с КНР как в лагере консерваторов, так и на уровне обеих партийных платформ. Эти различия, хорошо известные по материалам полемики в печати, достаточно ясно проявляются в деятельности конгресса, позволяя судить об особенностях подхода к КНР различных политических группировок.

Вместе с тем прошедшие в ноябре 1986 г. промежуточные выборы в конгресс показали, что китайская проблема в значительной мере перестала в настоящее время привлекать внимание политических кругов и общественности США, ушла на задний план внешнеполитических дебатов. Такая пас-

сивность в отношении «китайской» политики вызвана рядом взаимозависимых факторов, приведших в итоге к тому, что китайская проблема утратила свою остроту.

В связи с этим необходимо прежде всего указать на то обстоятельство, что на споры о Китае успокаивающим образом начала действовать отлаженная и в целом нормально функционирующая система американо-китайских отношений, лишенных в последнее время острых перепадов и сенсаций. Официозная пропаганда при этом неизменно стремится изображать отношения с КНР в розовом свете, маскировать случающиеся время от времени осложнения, давать оптимистическую оценку их состоянию и перспективам, закрывая глаза на социальные и идеологические противоречия, проявляющиеся в подходе КНР к отношениям с США. Что касается промежуточных выборов, то в избирательных дебатах политика по отношению к КНР была заслонена более насущными для американцев заботами внутреннего порядка и более острыми внешнеполитическими вопросами, такими, как гонка вооружений, политика США в Центральной Америке и др.

То же можно сказать и о нынешней консервативной администрации, активность стратегии которой на китайском направлении была к тому же в определенной степени парализована моментом неопределенности в американо-китайских отношениях, возникшим и начавшим набирать силу после XII съезда КПК (сентябрь 1982 г.). Американские консерваторы с понятными опасениями взирают на неблагоприятную с их точки зрения эволюцию внешнеполитических установок КНР, проявляют осторожность в своем движении навстречу потребностям китайского партнера, в особенности в том, что относится к предоставлению Китаю высокосложных технологий, блокируя этим прогресс в развитии конструктивного сотрудничества. С другой стороны, несмотря на давление активных антикоммунистических кругов, Белый дом и госдепартамент стремятся сгладить критику «китайского коммунизма», опасаясь ослабить и без того достаточно хрупкую основу отношений с КНР.

В конечном итоге гласная дискуссия вокруг «китайской» политики Вашингтона на всех уровнях в США оказалась на какое-то время приглушенной именно в результате тех перемен, которые внесла Компартия Китая в программу внутреннего строительства, раскрыв новые перспективы развития социализма, и во внешнюю политику, придав ей более определенное антиимпериалистическое содержание.

Пожалуй, главным здесь было то, что для многих в США, имея в виду прежде всего консервативные круги, надежды на размывание социально-экономического строя в КНР и «сползание» Китая к капитализму под влиянием расширения связей с Западом оказались несбыточными иллюзиями. Политика расширения связей с внешним миром и экономическая реформа, усилившая роль товарно-денежных отношений в экономике страны, казались некоторым политическим деятелям и китаеведам в США достаточной гарантией постепенного отхода КНР от социализма, исчезновения объективного противоречия между социально-экономическими системами двух стран. Безусловно, политика широких связей с Западом и экономическая реформа при всем их положительном значении для развития народного хозяйства КНР вызвали ряд трудностей в строительстве социализма. Влияние буржуазной идеологии на китайское общество оказалось достаточно серьезным; на сегодняшний день его кульминацией стали демонстрации молодежи под лозунгами «политической либерализации» в духе буржуазной демократии в декабре 1986 — январе 1987 г. Следует подчеркнуть, однако, что эти неблагоприятные тенденции были замечены руководством КПК давно, с самого начала нового политического курса, намеченного 3-м пленумом ЦК КПК

11-го созыва (1978). Уже в 1979 г. были приняты активные меры против полулегальных и нелегальных организаций, ориентированных на демократию западного образца и зачастую поддерживающих прямую связь с западными эмиссарами. По мере того как влияние Запада на китайское общество, в первую очередь молодежь, возрастало, росла и обеспокоенность руководства КПК, и именно это обстоятельство стало одной из причин пересмотра в начале 80-х гг. подхода к отношениям с Соединенными Штатами. Китай пошел на более дистанцированные отношения с США, на достаточно широкую критику социально-экономических устоев и внешней политики Америки, ее идеологии и нравов. Китайские руководители стали прямо говорить об отрицательных явлениях, сопровождающих реализацию политики расширения связей с внешним миром. Так, 6 января 1986 г. заместитель премьера Госсовета КНР Тянь Цзюнь, например, сказал: «В процессе осуществления нашей открытой политики для внешнего мира упадочная буржуазная идеология и образ жизни неизбежно попадут в наше общество и будут развращать умы людей. Это доказали прошедшие годы. Отвратительные явления, которые были уничтожены в новом Китае после его основания в 1949 г., начинают всплывать на поверхность»⁵.

Еще более определенно высказывались китайские руководители и научно-политическая печать по поводу того, что Китай не может перейти на капиталистический путь развития. Дэн Сяопин заявил 4 апреля 1986 г.: «Если бы Китай пошел по капиталистическому пути... это было бы бедствием для человечества»⁶. Отвечая на вопрос читателя по поводу «социализма с китайской спецификой», молодежная газета «Чжунго циннянь бао» писала: «То, что мы учимся способам управления экономикой у развитых капиталистических стран, отнюдь не означает, что мы некритически воспринимаем капитализм; социализм с китайской спецификой — это развитие социализма в китайских условиях, а вовсе не социализм пополам с капитализмом»⁷.

Все эти прямые свидетельства того, что Китайская Народная Республика не только не намерена в ходе реформы отходить от социализма, но и полна решимости бороться с проникновением буржуазной идеологии, вызвали крайне негативную реакцию правящих кругов США, которая иногда прорывалась наружу. «Судя по моему опыту,— сказал, например, посол США в КНР Уинстон Лорд, касаясь критики политического строя Америки, развернутой в средствах массовой информации КНР,— даже самые образованные китайцы не понимают американской системы». При этом он обрушился на «закрытый» характер китайского общества: «Что же касается американцев, то постижению нами Китая по-прежнему мешает формальный, ограниченный характер предоставляемого нам доступа, будь то наши журналисты, ученые или правительственные должностные лица»⁸.

Помимо идеологической линии, проводимой КПК внутри страны, разочарование американского истеблишмента вызвало и изменение внешнеполитической стратегии КНР.

Отказавшись от широкого блокирования с США во внешнеполитической области и заняв несравненно более сбалансированную, чем в 70-е гг., позицию на мировой арене, Китайская Народная Республика приступила к проведению независимого внешнеполитического курса. Между тем этот курс плохо согласуется с глобальной антисоветской стратегией Вашингтона, поскольку он направлен на обеспечение интересов китайского народа, которые, естественно, в подавляющем большинстве случаев не совпадают с интересами правящих кругов США. Не устраивают Вашингтон и многие важные моменты юровой внешней политики КНР: критика Соединенных Штатов как гегемонистской «сверхдержавы», отказ от поддержки «стратегической оборон-

ной инициативы» Рейгана, критика региональных аспектов внешней политики США) военное присутствие в Южной Корее, политика в Центральной Америке, на Ближнем Востоке, на Юге Африки, военные провокации против Ливии и Ливана, оккупация Гренады и т. д.).

Таким образом, КНР не только не оправдала надежд США на изменение ее классовой природы, но и начала проводить внешнеполитический курс, гораздо менее устраивающий Вашингтон, чем курс 70-х гг. Естественно, что начало нормализации отношений с Советским Союзом резко противоречило планам Вашингтона по использованию в интересах американского империализма «китайского фактора».

Однако, за исключением отдельных проявлений недовольства и обеспокоенности, правящие круги США предпочли, как отмечено выше, не давать резких оценок политике КНР, понимая, что любое неделекатное вмешательство только осложнит американо-китайские отношения. Все это и приводит к тому, что в США «китайскую» политику официальные лица предпочитают не обсуждать. Это не исключает, впрочем, спекуляций на отношениях с КНР в военно-политической области, которые призваны создать впечатление о наличии стратегического взаимопонимания между Америкой и Китаем, затруднить нормализацию советско-китайских отношений. Уинстон Лорд, например, заявил: «Мы (Соединенные Штаты и КНР.— Авт.) соглашаемся — без лишнего шума, — что существенное американское присутствие в Азии отвечает интересам мира в этом регионе»⁹.

III

Американский конгресс не стал исключением: на него также в известной мере повлиял своеобразный мораторий на обсуждение китайских проблем. Тем не менее в силу того, что конгресс является менее консолидированным органом, чем любое другое ответвление американской политической системы, проблемы китайской политики несколько раз все же всплывали на его слушаниях, и это позволяет составить некоторое представление о расстановке сил по данному вопросу в кругах, формирующих внешнюю политику Соединенных Штатов.

До промежуточных выборов 1986 г. в конгрессе произошло размежевание по таким вопросам «китайской» политики, как продажа КНР электронного оборудования стоимостью 550 млн. долл. для модернизации перспективного китайского истребителя-перехватчика F-8 (50 комплектов), американо-китайское соглашение о сотрудничестве в области ядерной энергетики, которое вступило в силу 11 декабря 1985 г., права человека в Китае и некоторые другие вопросы. Среди тех, кто возражал против продажи Китаю американского электронного оборудования, были в основном консервативные деятели, неприемлющие «китайский коммунизм»: сенаторы Фрэнк Мурковски (республиканец, штат Аляска, председатель подкомитета по делам Восточной Азии и Тихого океана при сенатском комитете по иностранным делам), Барри Голдуотер (республиканец, штат Аризона, председатель сенатского комитета по делам вооруженных сил), Джесси Хелмс (республиканец, штат Вирджиния), Малькольм Уоллоп (республиканец, штат Вермонт), член палаты представителей Джеральд Соломон (республиканец, штат Нью-Йорк, член подкомитета палаты представителей по делам Азии и Тихого океана). Противники сделки выступали с протайваньских позиций. Характерно, однако, что поддержка «китайской» политики обеими партиями продолжала действовать: речь шла не о запрещении сделки и не о блокировании попыток администрации манипулировать «китайским фактором», а лишь об увязке

сделки на продажу КНР электронных систем с обороноспособностью Тайваня. В связи с этим предлагалось одновременно с поставками вооружения КНР принять меры по модернизации материальной части ВВС Тайваня. «Мне не по душе мысль о том, чтобы помогать красным китайцам, не помогая в то же время Тайваню», — заявил Барри Голдуотер¹⁰. Тот же подход проявился в выступлении Фрэнка Мурковски: «Продажа этого вооружения и авиационного оборудования Китаю должна быть подвергнута тщательному анализу в свете наших отношений с Тайванем. Мы должны по-прежнему лавировать между Пекином и Тайбэем, хотя эти поставки, возможно, отвечают нашим интересам, поскольку сдерживают русских»¹¹. Позицию правого крыла выразил Барри Голдуотер: «По моему мнению, в нынешней администрации слишком много таких деятелей, которые взирают на коммунистический Китай через розовые очки. Слишком велика необоснованная уверенность в том, что руководители и политика этой страны не изменятся к худшему... США вступили на скользкий путь, и неизвестно, куда он приведет»¹². Только формальное препятствие — затягивание голосования — помешало республиканцам в конгрессе провести голосование по вопросу о продаже оборудования для истребителей. Джесси Хелмс, имея в виду Тайвань, заявил по этому поводу: «Это еще один пример предательства по отношению к нашим друзьям»¹³.

Некоторые сенаторы и конгрессмены продолжали выражать недовольство подписанием соглашения о сотрудничестве с КНР в ядерной области. Сенатор Джон Гленн (демократ, штат Огайо), который пытался в свое время внести поправки в соглашение, чтобы не допустить использования Китаем американского ядерного оборудования и технологии для модернизации своих стратегических сил, продолжал критиковать соглашение. Член палаты представителей Эдвард Марки (демократ, штат Массачусетс) подчеркивал, что соглашение не гарантирует принятия мер предосторожности в отношении использования экспортируемых ядерных материалов¹⁴.

Наконец, в конгрессе поднимался вопрос о правах человека в КНР, принявший форму грубого вмешательства во внутренние дела Китая и вызвавший решительный протест китайского правительства. Одновременно обсуждался вопрос о гражданских правах на Тайване. В отношении КНР, в частности, было выдвинуто обвинение в применении «негуманных методов» контроля над рождаемостью. Это обвинение исходило из кругов, близких к религиозному фундаментализму, и поддерживалось блоком либеральных ревнителей «прав человека» в других странах с консервативными противниками политического сближения с КНР. 2 августа 1986 г. сенатский комитет по иностранным делам принял резолюцию о правах человека в КНР и на Тайване. В резолюции, относящейся к КНР, указывалось, что отношения между США и Китаем были бы лучше, если бы правительство КНР гарантировало «уважение неприкосновенности семьи» и демократические свободы. В части, относящейся к Тайваню, содержался призыв отменить цензуру, разрешить деятельность оппозиционных партий¹⁵.

IV

Таким образом, в условиях, когда даже крайне правые деятели (Б. Голдуотер, Дж. Хелмс) не идут дальше критики отдельных действий администрации на китайском направлении, все же в конгрессе и вне его обозначился круг лиц, критически оценивающих «китайскую» политику администрации Рейгана в целом и будущность американо-китайских отношений. В основе их беспокойства лежит осознание того факта, что КНР уже через

два-три года после установления в 1979 г. дипломатических отношений с США стала отходить от прежней направленности американо-китайского сближения, что не оправдалось расчеты на китайско-советские противоречия как основу отношений между Вашингтоном и Пекином.

Деятели правой ориентации начинают задаваться вопросом, безопасно ли развивать отношения с народным Китаем, который, несмотря на все реформы, продолжает оставаться «коммунистической страной»? В связи с этим неминуемо всплывает проблема Тайваня, проблема американских обязательств перед гоминьдановской администрацией. Правые в конгрессе прямо ставят вопрос, не перегнули ли США палку в балансировании между КНР и Тайванем в сторону сближения с КНР? Для консервативных кругов США, продолжающих рассматривать гоминьдан в качестве американского союзника против «китайского коммунизма», а сам Тайвань как важный компонент обороны США на «выдвинутых рубежах», это — существенная проблема. На повестку дня в будущем может вновь вернуться вопрос, бурно дебатировавшийся в свое время: в какой степени Соединенные Штаты могут «доверять» КНР? Эти беспокойства, в высшей степени характерные для правых антикоммунистических кругов, могут при известных условиях способствовать их консолидации в блок и даже выделению из ныне существующего консенсуса по вопросам «китайской» политики США.

Если в конгрессе в какой-то мере звучали отголоски былых общенациональных дебатов по проблемам «китайской» политики США, то навряд ли они существенно повлияли на результаты промежуточных выборов 1986 г. Опросы общественного мнения указывали, что американские избиратели интересовались прежде всего внутренними вопросами (экономическая конъюнктура, борьба с наркоманией, налоговая реформа) и личными качествами кандидатов, не включали проблему отношений с КНР. Общественное мнение, в целом по причинам, указанным выше, демонстрировало относительную индифферентность к этой проблеме. Это обстоятельство в какой-то степени отражено в результатах опроса, проведенного с 1 по 8 февраля 1986 г. среди 1512 лиц, представляющих все слои населения. Согласно результатам опроса, 39 % американцев выразили убеждение, что за последние 5 лет отношения между Китаем и Америкой улучшились (45 % считают, что изменений не произошло), 64 % не рассматривают Китай как военную угрозу для США (84 % уверены, что между США и КНР не будет ядерного конфликта в этом столетии). В то же время опрос обнаружил высокую степень антисоветизма: 96 % опрошенных считают СССР главной военной угрозой¹⁶. В этом обстоятельстве следует, видимо, искать объяснение поддержки американцами «китайской» политики администрации Рейгана, несмотря на некоторый рост подозрительности к КНР, ее социально-экономической природе в связи с изменениями внутри- и внешнеполитического курса КНР после XII съезда КПК.

Прошедшие выборы подтверждают предположение, что правящим кругам США в основном удалось лишить партийной окраски вопрос об отношениях с Китаем и добиться общенационального единомыслия по вопросам «китайской» политики США. Сотрудничество с КНР рассматривается прежде всего как часть стратегии противодействия Советскому Союзу. Сенатор Гэри Харт (демократ, штат Колорадо) отразил эту тенденцию, предложив смотреть на Китай как на «временно укрощенную коммунистическую страну», действующую (наряду с некоторыми другими странами) «вне обычного контекста отношений между Востоком и Западом»¹⁷. При этом, надо полагать, американские политические круги и общественность удовлетворились

статусом связей с Тайванем, который закреплен в законе об отношениях с Тайванем, поскольку ни нынешняя администрация, ни какие-либо другие влиятельные силы не стремятся в данное время нарушить сложившийся консенсус. Отдельные выступления лобби в пользу повышения уровня отношений с гоминьдановским режимом и проявления недоверия к КНР в тех или иных формах, высказываемого отдельными сенаторами и конгрессменами, не выходили за пределы рутинных прений в конгрессе и не повлияли на ход предвыборной кампании 1986 г.

Современная обстановка, однако, придала несколько иное содержание консенсусу по «китайской» политике. К его старому содержанию — развитию отношений с КНР, допускающих те или иные уступки в тайваньском и некоторых других вопросах, чтобы удержать КНР в русле американской политики (американо-китайского сближения по «стратегическим» мотивам), — прибавилось нечто новое: до поры до времени не подвергать официальному сомнению верность избранного курса на китайском направлении, несмотря на существующее серьезное разочарование относительно намерений руководства КНР. Как видно, такое понимание консенсуса характерно в той или иной степени для всех группировок правящего класса США.

Что же может разрушить это единомыслие, которое является результатом достаточно хрупкого компромисса между различными группировками политикоформирующих кругов США? Очевидно, таким событием может быть либо такое сближение Китая с Советским Союзом, которое лишит какого-либо смысла надежды на использование «китайского фактора» в американских интересах, либо радикальное изменение в американо-китайских отношениях под влиянием, например, обострения спора из-за Тайваня. В обоих случаях потребуются пересмотр политики в отношении КНР и соответственно переоценка места Тайваня в стратегических планах США.

V

Как известно, промежуточные выборы 1986 г. завершились победой демократов. Демократическая партия получила большинство в сенате (55:45), сохранила и значительно расширила свое преобладание в палате представителей (259:176). В связи с переходом контроля над конгрессом к демократической партии возникает вопрос: как это обстоятельство может повлиять на подход конгресса к проблемам КНР и на «китайскую» политику республиканской администрации; могут ли демократы предложить какую-либо альтернативу нынешней стратегии Вашингтона на китайском направлении?

Учитывая сложившееся к настоящему времени положение, которое представляется довольно устойчивым, может быть высказан ряд предположений.

Вряд ли можно ожидать, в частности, значительного повышения в конгрессе интереса к Китаю. Внимание его будут по-прежнему занимать внутренние социально-экономические и известные внешнеполитические проблемы, вызывающие, как правило, острую озабоченность американской общественности. Это в свою очередь позволит администрации проводить беспрепятственно свою прежнюю политику в отношении КНР, основанную на посылках антисоветской стратегии, в особенности в азиатско-тихоокеанском регионе. В связи с этим можно и в дальнейшем ожидать готовности американской стороны развивать отношения с КНР во всех сферах. При этом администрация сохранит свой нынешний подход и к тайваньской проблеме. Вряд ли Вашингтон будет проявлять в ближайшее время заметное беспокойство по поводу стремления китайской стороны выровнять отношения с США и СССР, поскольку советско-китайские отношения еще находятся в начальной стадии

улучшения и по большинству важных параметров отстают, иногда значительно, от отношений между США и КНР. К тому же в Соединенных Штатах замечается известная нервозность по поводу того, что слишком резкая реакция на советско-китайскую нормализацию может повлиять на ситуацию в геополитическом треугольнике США — КНР — СССР неблагоприятным для американской стратегии образом.

Известные основания есть для того, чтобы предположить, что в конгрессе обновленного состава консервативная группировка сохранит определенное влияние на подход к Китаю. Такое предположение подтверждается призывами в пользу предоставления права на самоопределение и независимость Тайваню, раздающимися в конгрессе уже после промежуточных выборов. Эти призывы не прошли мимо внимания китайской дипломатии. Представитель МИД КНР расценил их как «грубое вмешательство во внутренние дела Китая»¹⁸. Маловероятно, что консервативные члены республиканской партии в дальнейшем снизят свою активность. К тому же немало консерваторов имеется в конгрессе и среди членов демократической партии. Следует отметить, что консервативная тенденция, при всей условности границы, отделяющей ее от либеральных воззрений, в своем воинствующем виде проявляется в сумме признаков. Характерно, однако, что члены конгресса, выступающие с жестких позиций в отношении Советского Союза, как правило, в отличие от либералов, демонстрируют вместе с тем недоверие и к «коммунистическому Китаю» (например, сенатор Джесси Хелмс). Однозначна позиция этих деятелей и по тайваньскому вопросу. Можно предположить в связи с этим, что они будут продолжать высказывать недоверие в отношении КНР, но не слишком мешать администрации в развитии отношений с КНР при условии, что будут соблюдаться интересы гоминьдановской администрации на Тайване.

Тайваньская проблема имеет еще одно измерение. Дело в том, что вопрос о Тайване был превращен американскими консерваторами в вопрос чести Америки, в вопрос ее верности «союзническому долгу», ее обязательствам перед «свободными» нациями защищать их от «коммунистической угрозы». Этот компонент всегда присутствовал в американском подходе к тайваньской проблеме, но в настоящее время он усилился. Причиной тому был кризис доверия к администрации, который порожден скандалом вокруг тайных поставок оружия Ирану. «Ирангейт» поставил под вопрос политическую честь Соединенных Штатов даже в глазах американского обывателя, и естественно, что теперь политики будут упираться на верность своим словам и взятым на себя обязательствам. Легенда о моральной ответственности Америки за все происходящее в мире, таким образом, усилит позиции тайваньского лобби и может сделать официальную американскую позицию по тайваньскому вопросу менее прагматичной и более жесткой, чем того бы хотелось сторонникам развития отношений с КНР с дальним «стратегическим» прицелом.

Вместе с тем наличие у правоконсервативных сил достаточно прочных позиций в конгрессе позволяет предположить, что при резком изменении внешних обстоятельств они могут активизироваться и повлиять на «китайскую» политику США или даже задать ей новое направление. Такие изменения внешних обстоятельств могут проявиться, если правые силы в США увидят угрозу в улучшении советско-китайских отношений, а также при новом повороте в тайваньской проблеме в результате изменения расстановки сил в Тайбэе, которая приведет к попытке провозгласить независимость Тайваня. Перемены могут произойти и в результате отказа Пекина и далее считаться с вмешательством США, препятствующим справедливому решению

тайваньской проблемы, готовности КНР применить законные средства для воссоединения территории острова с континентальным Китаем.

Принимая во внимание тот факт, что в Пекине высоко ценят завоеванные позиции в отношениях с Западом, особенно с США, первый вариант развития событий на ближайшие годы представляется сомнительным: китайское руководство исходит из долгосрочных планов получения содействия Запада в реализации программы модернизации страны, рассчитанной на ряд десятилетий, включая начало нового века. С другой стороны, изменения в тайваньской проблеме, по-видимому, находятся в рамках возможного, учитывая, в частности, нестабильную политическую ситуацию на Тайване (усиление местной оппозиции режиму гоминьдана) и предстоящий уход лидера гоминьдана Цзян Цзинго с политической арены. Такой поворот событий может повлиять и на подход КНР к проблеме Тайваня. Следует учитывать, однако, что Пекин, принимая то или иное решение по тайваньскому вопросу, должен будет принять во внимание возможность возникновения у США реакции, неблагоприятной для всего комплекса отношений КНР с западным миром.

Естественно, что на американо-китайские отношения могут действовать и другие крупные проблемы мировой политики, например состояние американо-советских отношений. Они не рассматриваются здесь, поскольку их влияние на позицию консерваторов по проблеме отношений с КНР при сохранении в общем виде на какое-то время нынешних социально-политических тенденций в США вряд ли будет очень значительным и непосредственным. З. Бжезинский дает понять в одной из своих последних работ, что при наличии у США и КНР общих «стратегических интересов» (в наличии таковых Бжезинский не сомневается) Соединенные Штаты примирятся с такой трактовкой независимости внешней политики КНР, когда наряду с критикой в адрес США по тем или иным проблемам в ней найдет место и оппозиция Советскому Союзу по другим проблемам¹⁹.

Итак, в существующих условиях, которые сохранятся по крайней мере до очередных президентских выборов, политика США по отношению к Китаю вряд ли серьезно изменится. Нельзя вместе с тем исключить, что в последние годы президентства Рейгана, в условиях падения его личного влияния и ослабления консервативной волны, обусловившей приход к власти нынешней республиканской администрации, демократы попытаются повлиять на «китайскую» политику Вашингтона. Представление о направлении такого влияния может дать анализ концепций по этому вопросу, имеющих у теоретиков демократической партии.

В конгрессе на слушаниях (май 1984 г.) об американо-китайских отношениях и перспективах их развития бывший помощник президента по национальной безопасности в демократической администрации Картера З. Бжезинский, представляющий определенные (по преимуществу антисоветские) круги своей партии, изложил одну из альтернатив «китайской» политики демократов.

На первое место он поставил задачу всемерного расширения американо-китайской торговли, посоветовав снять в максимальной степени ограничения на поставку в КНР наукоемких товаров, предусмотренных соглашениями западных стран о координации торговли с социалистическими странами (его предложение означает, по существу, отказ от такого контроля).

Далее Бжезинский предложил искать пути смещения акцента в американо-китайских отношениях с чисто двустороннего подхода, характерного для текущей «китайской» политики США, на многостороннюю основу — доби-

ваться с помощью союзников и друзей вовлечения КНР в различные международные мероприятия в АТР.

Наконец, в военно-политической сфере Бжезинский рекомендовал Вашингтону параллельно с развитием военных связей (имея в виду прежде всего поставку в КНР вооружений) расширять в отношениях с КНР консультации стратегического содержания. По мнению Бжезинского, в таких консультациях сможет в какое-то, не слишком отдаленное время принять участие Япония. Результатом в конечном итоге стало бы, как надеется бывший помощник президента, образование «железного треугольника безопасности на Дальнем Востоке» (выражение Бжезинского)²⁰.

Аргументируя свой подход к «китайской» политике, Бжезинский отметил в своей последней книге, опубликованной в США в конце 1986 г., что безопасность США и Японии будет в значительной мере зависеть от их отношений с Китаем²¹. «По мере все большего вовлечения экономики США в сотрудничество со странами Тихоокеанского бассейна в целом и в условиях, когда американская военная мощь вселяет чувство политической безопасности в регионе,— пишет он,— формирование тихоокеанского треугольника представляет наиболее многообещающее направление развития в глобальном американско-советском соперничестве»²².

Как представляется, позиция Бжезинского, выраженная в практических предложениях, демонстрирует неудовлетворение антисоветских кругов демократической партии подходом администрации Рейгана к темпам развития отношений с КНР вообще и их военного и стратегического компонентов в особенности. Группировки демократов, исходящие из представлений, что американско-китайские отношения уже развиваются по коалиционному сценарию, недовольны тем, что Рейган и Шульц снизили стратегическое значение отношений с КНР, не обращаются более к формуле «общности стратегических интересов» и сдерживают формирование альянса с Пекином, в политике которого продолжают тем не менее видеть прежде всего антисоветский фактор.

В этом смысле позиция Бжезинского дает представление о возможной «китайской» политике американского правительства в случае перехода Белого дома к демократам.

В своих рекомендациях Бжезинский опускает вопрос о Тайване, присоединяясь к позиции по этому вопросу нынешней администрации. Это может быть объяснено опасениями противопоставить свою «китайскую» политику, приемлемую в целом для консерваторов, влиятельному в данное время правому (протайваньскому) крылу республиканской партии. Подход демократов, в особенности группировки, которая олицетворяется людьми типа Бжезинского, хорошо известен. Об этом свидетельствует опыт администрации президента Джими Картера (1976—1980), «китайская» политика которой определялась в основном Бжезинским. В то время нормализация дипломатических отношений с КНР была достигнута ценой значительных уступок по тайваньскому вопросу: администрация удовлетворила все предварительные условия китайской стороны — разорвала дипломатические отношения с гоминьдановским режимом, денонсировала американско-тайваньский договор о совместной обороне, эвакуировала с острова американский военный контингент. Можно предположить в связи с этим, что «китайская» политика новой демократической администрации, скорее всего, характеризовалась бы попытками в еще большей мере «отступить» от Тайваня при условии, если бы это повысило действенность американского влияния на внешнюю политику и внутреннюю ситуацию в КНР.

Естественно предположить, что победа демократов на промежуточных выборах и расширение их представительства в сенате и палате предста-

вителей сделают конгресс более восприимчивым к концепциям и подходам идеологов демократической партии, в частности и по вопросу об отношениях с КНР. Однако, как неоднократно отмечалось в американской политологической литературе, то, что могут позволить себе в «китайской» политике консерваторы, не дозволено либералам²³. Попытка демократов, направленная на «либерализацию» китайской политики Вашингтона в духе очерченного Бжезинским курса в обеих его частях — развитие «стратегических» отношений с КНР и сокращение связей с Тайванем, — неизбежно встретила бы решительное сопротивление со стороны правоконсервативных сил в конгрессе. Уместно вспомнить в связи с этим, что в 1979 г. правоконсервативная оппозиция забаллотировала принятие законопроекта о «новых отношениях с Тайванем», внесенного демократической администрацией Картера. Поправки, включенные тогда по настоянию консерваторов в окончательный текст закона, оказались настолько существенными, что сам закон превратился в юридическое орудие вмешательства США во внутренние дела КНР, которое активно используется в настоящее время администрацией Рейгана.

¹ In: *Beyond China's independent foreign policy*. N. Y., 1985, p. 145.

² См.: «Правда», 10.III.1987.

³ In: *Eagle resurgent? The Reagan era in American foreign policy*. Boston — Toronto, 1987, p. 289.

⁴ См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1986, № 4, с. 51.

⁵ «Beijing Review», 10.II.1986, p. XII.

⁶ «Жэньминь жибао», 5.IV.1986.

⁷ «Чжунго циннянь бао», 23.I.1986.

⁸ «Washington Times», 1.VI.1986.

⁹ Ibid.

¹⁰ «Washington Post», 25.III.1986.

¹¹ Ibid., 1.II.1986.

¹² Ibid., 21.III.1986.

¹³ Ibid., 11.V.1986.

¹⁴ Ibid., 26.III.1986.

¹⁵ In: «Congressional Record», 2.VIII.1986.

¹⁶ «Washington Post», 15.III.1986.

¹⁷ Ibid., 15.VI.1986.

¹⁸ «Жэньминь жибао», 12.III.1987.

¹⁹ In: Z. Brzezinski. *Game Plan: A Geostrategic for the Conduct of the US — Soviet Contest*. Boston — N.Y., 1986, p. 211.

²⁰ In: *United States — China relations: Today's realities and prospects for the future*. Hearing before the Committee on foreign relations, 98th Congr., 2d sess., U.S. Senate, May 17, 1984. Wash., 1984, p. 30—31.

²¹ In: Z. Brzezinski. *Op cit.*, p. 215.

²² Ibid., p. 220.

²³ In: *Eagle resurgent? The Reagan era in American foreign policy*, p. 289.

Китайско-японские отношения: проблемы, перспективы

О. Л. ОСТРОУХОВ

В последнее время все большее внимание привлекает к себе динамичное развитие отношений между КНР и Японией, которые стали приобретать особенно большой размах с конца 70-х гг.: за этот период в несколько раз вырос объем торгово-экономических отношений, значительно расширились и углубились политические контакты на уровне правительств, активно развивались связи между представителями общественности двух государств. Как с китайской, так и с японской стороны неоднократно раздавались заявления о том, что ныне китайско-японские отношения переживают «самый прекрасный период за всю историю их развития» и что «дружба двух стран будет продолжаться от поколения к поколению». Тем не менее время от времени в отношениях КНР и Японии проявляются острые проблемы как экономического, так и политического характера, которые ставят китайско-японские отношения перед серьезными испытаниями.

* * *

Наиболее далеко КНР и Япония продвинулись на пути развития двусторонней торговли, объем которой увеличился с 3,5 млрд. долл. в 1977 г. до 18,9 млрд. долл. в 1985 г. Япония — крупнейший торговый партнер КНР, на ее долю приходится более четверти всего внешнеторгового оборота Китая. В то же время КНР превратилась во второй по значению после США рынок сбыта Японии. На долю Японии пришлось 48 % (8,1 млрд. долл.) от всей суммы закупок заводского комплектного оборудования и передовой технологии, осуществленных КНР за рубежом в 1978—1985 гг.¹ В 1984 г. КНР, обогнав США, стала крупнейшим покупателем японской стали. В 1985 г. Китай импортировал из Японии около 11 млн. т, то есть одну треть всего японского экспорта стали, на сумму 3,2 млрд. долл.² В первой половине 1985 г. Китай стал вторым крупнейшим покупателем японских автомобилей³. Быстрыми темпами увеличиваются объемы закупок Китаем японских потребительских товаров. Так, например, ежемесячное поступление японских телевизоров возросло с 10 тыс. шт. в 1983 г. до 350 тыс. к лету 1985 г.⁴ Китай, таким образом, стал крупнейшим покупателем японских телевизоров и вторым по величине рынком для японских холодильников⁵.

Большого размаха достигли связи двух стран в финансово-кредитной сфере. В 1979—1983 гг. японское правительство предоставило КНР кредит на сумму 300 млрд. иен (1,3 млрд. долл.), а в ходе визита в Китай в марте 1984 г. премьер-министра Японии Я. Накасонэ было объявлено о предоставлении КНР нового правительственного займа в размере 470 млрд. иен (2,08 млрд. долл.) из расчета 3 % годовых на 30 лет⁶. Эти средства предназначены для совершенствования инфраструктуры КНР — сооружения электростанций, железнодорожного и портового строительства, реконструкции средств связи⁷. Значитель-

ные средства были получены Китаем от Экспортно-импортного банка Японии. Уже реализована первая группа займов на сумму 420 млрд. иен (1,68 млрд. долл.). В конце 1984 г. был подписан еще ряд соглашений, в соответствии с которыми Экспортно-импортный банк обещал предоставить КНР новые займы на сумму 580 млрд. иен (2,32 млрд. долл.). Банк Китая подписал также два соглашения с японскими частными банками — в 1979 г. и 1982 г. — о получении от них займов в размере 70 млрд. иен (280 млн. долл.), которые были использованы при строительстве Баошаньского металлургического комбината и для развития нефтепромыслов в Дацине. На протяжении 1981—1984 гг. КНР выпустила и реализовала на японском финансовом рынке пять серий облигаций на сумму 85 млрд. иен (340 млн. долл.)⁸. В 1985 г. Банк Китая, Китайская корпорация международного поручительства и инвестиций и Фуцзяньская корпорация международного поручительства и инвестиций изыскивали на токийских рынках средства на сумму около 140 млрд. иен. В первые три месяца 1986 г. объем заемных операций китайских внешнеэкономических организаций еще более расширился, достигнув 135 млрд. иен — половины всей суммы заемных средств, полученных на токийских рынках капиталов представителями зарубежных государств⁹. В 1982—1983 гг. Экспортно-импортный банк Японии предоставлял Банку Китая ежегодные займы на сумму 5 млрд. иен (20 млн. долл.) для технической реконструкции малых и средних предприятий. Китайско-японское финансово-экономическое сотрудничество развивалось также по пути создания совместных финансовых предприятий. Банк Китая и некоторые японские банки создали такие совместные предприятия, как «China Globe Leasing Co. Ltd.», «CCAC Finance Ltd.», «The Kincheng Banking Corp.-Bank of Tokyo Finance Co.»¹⁰.

С конца 70-х гг. усилиями КНР и Японии была создана довольно развитая система политических контактов на различных уровнях. Практически ежегодно организуются встречи в верхах, проводятся регулярные консультации на уровне министров, в том числе в рамках китайско-японских совещаний с участием министров иностранных дел, внешней торговли, финансов и т. д., договоренность о которых была достигнута в 1979 г. Устанавливаются тесные рабочие контакты между представителями отдельных министерств. Обсуждение некоторых важных вопросов происходит во время частых неофициальных визитов представителей двух стран в рамках политики «народной дипломатии». В 1984 г. был создан Комитет китайско-японской дружбы XXI века, основной задачей которого объявлено «изучение возможностей расширения добрососедских отношений Японии и Китая в сферах политики, экономики, культуры, науки и техники, а также предоставление своим правительствам соответствующих консультаций»¹¹.

Активное развитие получили связи двух стран между представителями научных, общественных и религиозных кругов, а также контакты в области культуры и спорта. Китайско-японский обмен делегациями увеличился за период с 1972 по 1983 г. в 20 раз, а число участников делегаций достигло 180 тыс. человек в год¹². В 1984 г. эта цифра увеличилась до 278 тыс. человек¹³. Следует отметить не только широкомасштабность, но и высокий уровень неофициальных связей двух стран — многие делегации и отдельные представители принимаются в столицах обоих государств на самом высоком уровне.

Что же определяет столь интенсивное развитие китайско-японских отношений, в особенности с конца 70-х гг.? Очевидно, что, помимо географической близости двух стран и многовековой традиции контактов их народов, существует целый комплекс более глубоких и сложных факторов, определяющих взаимную заинтересованность обоих государств в развитии двусторонних отношений.

В конце 70-х гг. в КНР был взят курс на осуществление коренной модернизации страны. Важной составной частью этого курса стала «открытая политика», призванная обеспечить ускорение модернизации за счет привлечения иностранных капиталов и передовой зарубежной технологии. Большое место в контексте «открытой политики» отводилось китайским руководством развитым капиталистическим странам, среди которых Япония занимает особое место, что связано со следующими обстоятельствами. Во-первых, в КНР принимается во внимание, что по ряду причин, о которых будет сказано ниже, самые широкие политические, деловые, общественные круги Японии стоят за активное развитие японо-китайского сотрудничества. При этом следует отметить, что в Японии нет сколь-либо значительных сил, которые препятствовали бы развитию отношений с КНР, как это делает, например, в США довольно влиятельное протайваньское лобби. Во-вторых, являясь второй державой капиталистического мира по уровню экономического развития, Япония в то же время уступает США и некоторым другим государствам Запада в военно-политическом отношении, а также испытывает гораздо большую по сравнению с этими странами зависимость от импорта сырья и энергии¹⁴. Это позволяет КНР избежать слишком большой односторонней зависимости от Японии при сравнительно широком размахе сотрудничества. В-третьих, поскольку Япония в отличие от США не является державой глобального уровня («сверхдержавой»), то даже относительно тесные связи с ней не представляют для КНР большой угрозы быть вовлеченной в серьезные военно-политические авантюры мирового империализма. Это обстоятельство имело особое значение в конце 70-х — начале 80-х гг., когда китайское руководство проводило рискованную политику создания «единого фронта борьбы против гегемонизма».

Повышенное внимание Японии к КНР определяет комплекс разнообразных факторов. В экономическом отношении японских предпринимателей всегда привлекали огромные потенциальные возможности китайского рынка, значительная часть которых с конца 70-х гг. стала реализовываться на практике. Дополнительный интерес к китайскому рынку возник у японских предпринимателей в конце 70-х гг., когда в Японии развернулась структурная перестройка производства, в ходе которой высвобождалось большое количество устаревшего оборудования, имевшего значительный спрос в Китае. Еще более возросла роль китайского рынка для японских товаров в связи с подъемом волны протекционизма на рынках США и Западной Европы. К 1985 г. только в Пекине около 250 японских компаний учредили свои представительства, что почти в десять раз больше количества соответствующих представительств компаний Англии¹⁵ — страны, установившей дипломатические отношения с КНР более трех десятилетий назад.

Особое место занимают отношения с КНР во внешнеполитической стратегии Японии. К концу 70-х гг. в Японии была разработана концепция «комплексного обеспечения национальной безопасности», одним из основных положений которой было требование мира и стабильности в мире и в регионе как условия безопасности Японии. В этой связи большое внимание японскими политическими деятелями уделялось развитию стабильных дружественных отношений с КНР — государством, которое обладает самой многочисленной армией в мире, оснащенной ракетно-ядерным оружием. При этом японские правящие круги видят залог стабильности внешнеполитического курса КНР прежде всего в стабильном внутривнутриполитическом развитии Китая, важным средством обеспечения которого является, по их мнению, программа модернизации КНР.

Однако в курсе китайского руководства на модернизацию страны правящие круги Японии видят не только условие внутренней стабильности Китая, но и на-

чало отхода от принципов социалистического строительства, полагая, что сам характер осуществляемых в КНР реформ предоставляет Западу шанс взять в Китае социальный реванш и что этот шанс должен быть использован, причем как можно более результативно. Именно эту цель преследуют они, «оказывая содействие» модернизации КНР. Об этом откровенно пишет близкий к официальным кругам Токио японский политолог М. Сибусава, который видит роль такого рода «помощи» в «усилении позитивных элементов китайской политики»¹⁶. В данном направлении действовал, в частности, японский премьер-министр Я. Накасонэ во время своего визита в Пекин в марте 1984 г. Японский руководитель фактически связал дальнейшее улучшение японо-китайских торгово-экономических отношений с прекращением в КНР кампании против «духовного загрязнения» (суть которой заключается в борьбе против чуждых социализму идеологии и образа жизни), поскольку эта кампания, дескать, вызывает сомнения японцев в стабильности курса «открытой политики»¹⁷. Таким образом, оказывая экономическое «содействие» КНР в осуществлении программы модернизации, японский капитал стремится тем самым повлиять на ход внутривластного развития Китая в выгодном — «позитивном» — для него направлении, дабы достигнуть, по словам другого японского политолога, С. Томода, «величайшей цели» — «приблизить китайскую систему... к либеральной»¹⁸, то есть капиталистической.

Следует также отметить еще один аспект «китайской» политики Токио, который приобретает все большее значение: усиление внимания к КНР в контексте курса японских правящих кругов на «приведение политического влияния Японии в соответствие с ее экономической мощью». Связанный с ростом экономической мощи японского империализма в 70-х гг., этот курс был фактически возведен в ранг государственной политики с активизацией в Японии в начале 80-х гг. националистических сил. В настоящее время Японию больше не устраивает роль сателлита в отношениях с США. Не пытаясь оспаривать роль Соединенных Штатов как лидера стран Запада, японские правящие круги стремятся не только обеспечить себе при решении наиболее важных проблем мировой политики, в особенности касающихся тихоокеанского региона, статус равноправного союзника США, но и более того — посредника между развивающимися странами региона и державами Запада. Стремясь наладить, в частности, «особые отношения» с КНР, японское руководство рассчитывает тем самым, с одной стороны, укрепить свои политические позиции в регионе, с другой — продемонстрировать США и другим странам мира, что японская внешняя политика стала важным самостоятельным фактором, оказывающим серьезное влияние на формирование международной обстановки в тихоокеанском регионе. Другими словами, дальнейшее развитие японо-китайских отношений, несомненно, позволит приобрести японскому руководству немалый политический капитал.

И наконец, еще одно обстоятельство, подталкивающее японское правительство к дальнейшему развитию отношений с КНР, — известное чувство симпатии, которое испытывает к Китаю большинство населения Японии. В ходе проводившегося в июне 1982 г. опроса японского общественного мнения 89 % опрошенных охарактеризовали отношения с КНР как «имеющие огромную важность для Японии»; 76 % опрошенных, отвечая на вопрос, с какой из азиатских стран Японии надо в первую очередь поддерживать близкие дружественные отношения, назвали КНР¹⁹. 70 % участвовавших в опросе общественного мнения, проводившемся в октябре 1984 г. канцелярией японского премьер-министра, заявили, что они «испытывают дружеские чувства по отношению к США и КНР»²⁰. В Японии активно действуют шесть крупнейших организаций японо-китайской дружбы, сами размеры которых говорят о значении, придавае-

мом в стране развитию отношений с КНР. Так, например, в парламентской лиге японо-китайской дружбы насчитывается 549 членов, что значительно превышает количество членов в соответствующих парламентских лигах для других стран — традиционных партнеров Японии (в парламентской лиге «Япония — ЕЭС» состоит 182 члена, в парламентской лиге японо-австралийской дружбы — только 47²¹).

Таким образом, преследуя различные цели и руководствуясь различными соображениями, японские и китайские руководители тем не менее стоят за активное развитие двусторонних отношений. Однако различия в мотивах, побуждающих их развивать эти отношения, являются причиной серьезных расхождений в вопросах, касающихся содержания и условий развития китайско-японских связей.

В последние годы резко обострились китайско-японские противоречия в торгово-экономических отношениях. Наиболее остро встала проблема огромного отрицательного сальдо Китая в торговле с Японией, которое в 1983 г. составило 1,6 млрд. долл., в 1984 г. — уже 2 млрд. долл., а темпы его роста в 1985 г. были поистине беспрецедентны: за первые семь месяцев года дефицит КНР достиг 2,7 млрд. долл., за первые три квартала — 4 млрд. долл., за весь год он составил сумму в 5,9 млрд. долл.²² Подобный дисбаланс оказывает серьезное дестабилизирующее влияние на китайскую экономику. В результате, по оценкам западных экономистов, валютные запасы КНР сократились за 1985 г. с 17 до 10 млрд. долл.²³, что поставило под угрозу процесс планомерного финансирования многих проектов.

Китайские экономисты указывают на следующие факторы, способствовавшие увеличению дефицита КНР в торговле с его крупнейшим партнером. Во-первых, возрос объем импорта из Японии сырья, полуфабрикатов, машин и химических продуктов для покрытия нужд Китая. Во-вторых, увеличение китайского экспорта в Японию нефти, угля, текстиля и сельскохозяйственной продукции произошло по низким ценам, в то время как импорт из Японии был «дорогим и слишком большим»²⁴. При этом, как указывает китайская сторона, увеличению экспорта КНР препятствуют японские ограничения на ввоз из Китая шелка, сатина, некоторых сельскохозяйственных продуктов и ряда других товаров²⁵. Следует также отметить, что увеличение импорта из Японии происходило в условиях ослабления в начале 1985 г. контроля центральных органов за порядком расходования валюты на местах.

Огромный торговый дефицит вызвал серьезную озабоченность в КНР. В китайской печати стало появляться большое количество материалов, в которых прямо указывалось на невозможность стабильного развития торговли между двумя странами в условиях значительного роста отрицательного сальдо китайской стороны. Дэн Сяопин, принимая японскую торгово-промышленную делегацию во главе с Е. Инаяма, заявил, что только путем улучшения китайско-японского торгового баланса «можно обеспечить светлое будущее экономических отношений двух стран»²⁶.

Решение проблемы торгового дисбаланса китайская сторона видит прежде всего в увеличении Японией закупок в КНР нефти, угля, текстиля, пищевых продуктов, традиционных товаров²⁷, которые в качестве основной экспортной продукции КНР на ближайшие годы называются и в «Предложениях ЦК КПК относительно составления седьмого пятилетнего плана экономического и социально-политического развития», принятых на Всекитайской конференции КПК в сентябре 1985 г.²⁸ Однако китайские планы не совпадают с расчетами японской стороны. По прогнозам японских фирм, в ближайшие годы импорт в Японию текстильных изделий, продовольствия, нефти, угля и других видов сырья значительно сократится²⁹. Следует также отметить и весьма ограничен-

ные возможности китайской экономики значительно увеличить экспорт нефти и угля — основного вида экспортной продукции КНР — в связи с тем, что в условиях острой нехватки энергии в Китае темпы добычи энергоресурсов остаются значительно ниже темпов роста промышленного производства³⁶. Таким образом, существенный рост китайского экспорта в Японию в ближайшее время вряд ли возможен.

Одним из выходов в создавшемся положении было бы, по мнению китайской стороны, увеличение удельного веса в китайско-японских торгово-экономических отношениях объема передаваемой японской стороной технологии и прямых инвестиций в китайскую экономику, что позволило бы укрепить экспортную базу КНР. О необходимости шагов в этом направлении говорил Дэн Сяопин в беседе с Я. Накасонэ 25 марта 1984 г.³¹ Принимая японского экономиста Х. Инаба, премьер КНР Чжао Цзыян связал в единую программу улучшения состояния и перспектив развития китайско-японских торгово-экономических отношений три аспекта: увеличение китайского экспорта в Японию, повышение уровня передачи передовой японской технологии КНР и активизацию прямых инвестиций японского капитала в китайскую экономику³².

Однако вплоть до последнего времени Япония предпочитала развивать экономические отношения с Китаем главным образом за счет развития торговли. К марту 1984 г. японские капиталовложения составляли лишь 6 % от всех иностранных прямых инвестиций в экономику КНР³³; функционировало всего 8 совместных китайско-японских предприятий из насчитывавшихся в то время в КНР 188 предприятий с участием иностранного капитала³⁴. Несмотря на то что в 1984/85 финансовом году сумма японских прямых инвестиций в Китае выросла в 38 раз и достигла 114 млн. долл.³⁵, доля Японии в общем потоке иностранных прямых инвестиций в КНР не возросла: из 2300 соглашений о зарубежных прямых инвестициях в КНР, подписанных в 1985 г., японский капитал принял участие лишь в каждом тридцатом проекте³⁶; к началу 1986 г. доля японских капиталовложений среди иностранных прямых инвестиций увеличилась по сравнению с мартом 1984 г. всего на 0,6 %³⁷. Подобную позицию японская сторона объясняла ссылками на неблагоприятный инвестиционный климат в Китае: несовершенство законодательства, регулирующего отношения в этой сфере; сомнения в стабильности курса «открытой политики» и т. д. Об этом, в частности, говорил во время своего визита в Китай в марте 1984 г. Я. Накасонэ³⁸.

Столь же неохотно идет японская сторона на передачу КНР передовой технологии, что, по мнению китайских и ряда западных специалистов, связано с нежеланием японского капитала способствовать превращению Китая в сильного торгового конкурента³⁹. Поэтому, например, японская автомобилестроительная компания «Ниссан» настояла на том, чтобы Китай обязался не экспортировать пикапы, которые будут производиться по ее лицензии в провинции Цзилинь⁴⁰. Существуют также и объективные трудности, препятствующие более активному технологическому сотрудничеству двух стран, которые связаны с огромными различиями в уровнях развития экономики и технологии.

Китайское руководство прилагает немало усилий, чтобы преодолеть связанный с вышеупомянутыми сомнениями и опасениями японских политических и деловых кругов субъективный фактор, мешающий развитию технологического и инвестиционного сотрудничества. С самой высокой трибуны в КНР неоднократно заявлялось о стабильности «открытой политики», в том числе и после ухода с политической арены ее творцов — Дэн Сяопина, Чжао Цзыяна, Ху Яобана⁴¹, а также о том, что «Китай никогда не станет конкурентом Японии ввиду различий в уровнях экономического развития»⁴².

Во время визита в Японию в апреле 1985 г. председатель ПК ВСНП

Пэн Чжэнь призвал японские деловые круги привести в соответствие уровень инвестиционной и технологической кооперации с уровнем развития торговли, отметив при этом, что торговля является лишь одной из сторон экономического сотрудничества⁴³. В качестве дополнительного довода китайский руководитель заявил о существовании прямой зависимости между возможностью успешной реализации китайской программы модернизации (в чем, как уже говорилось выше, Япония весьма заинтересована) и притоком из-за рубежа капиталов, технологии и передового опыта управления⁴⁴. Пэн Чжэнь указывал также, что дальнейшее развитие экономических связей будет определять и развитие политических отношений между двумя странами.

Обострившиеся экономические проблемы двусторонних отношений сочетались с обострением проблем политического характера, связанных с усилением националистических и милитаристских тенденций в политике кабинета Я. Накасонэ, в частности с визитом японского премьер-министра 15 августа 1985 г. в военный мемориал Ясукуни, где вместе с погибшими в годы второй мировой войны захоронены главные военные преступники. Этот визит был осуществлен в контексте планов Я. Накасонэ и его единомышленников по «поднятию национального духа японцев», «излечению японского народа от военного синдрома», то есть был по сути частью политики нынешнего японского кабинета, направленной на усиление военно-политического потенциала Японии. Визит Я. Накасонэ вызвал волну возмущения в КНР. В сентябре — ноябре 1985 г. в ряде китайских городов состоялись стихийные студенческие манифестации. Демонстранты выступали как против возрождения в Японии милитаризма, так и против экономической экспансии Японии в Китай⁴⁵.

На официальном уровне в Пекине также все чаще стала проявляться настороженность в отношении наиболее откровенных всплесков милитаризма нынешнего японского кабинета. Если на рубеже 70—80-х гг. в КНР всемерно приветствовались усиление японской военной мощи и укрепление японо-американских военных связей, то в последние годы китайское руководство стало занимать в этих вопросах более сдержанную позицию. Признавая за Японией право иметь необходимые вооруженные силы для самообороны, китайская сторона стала при этом высказывать в адрес японского правительства предупреждения «не ошибиться, решая, до какой степени увеличивать свои вооружения»⁴⁶, не пытаться «оживить милитаризм, который противоречит воле китайского и японского народов, дружбе между двумя государствами и миру во всем мире»⁴⁷.

Таким образом, к концу 1985 г. в китайско-японских отношениях обострился целый ряд проблем как экономического, так и политического характера, что серьезно осложнило отношения двух стран. Однако, поскольку как в Японии, так и в КНР существует твердая заинтересованность в дальнейшем развитии двусторонних отношений, с обеих сторон были предприняты шаги, направленные на смягчение создавшейся ситуации.

Стремясь решить проблему структуры и баланса торгово-экономических отношений, японская сторона активизировала в последнее время переговоры по созданию в Китае предприятий с участием частного японского капитала. Этому в немалой степени способствовало принятие японским правительством закона по гарантии инвестиций частного капитала за рубежом, в соответствии с которым инвестору выплачивается компенсация в размере 60—90 % от утраченного в случае определенных чрезвычайных обстоятельств вложенного капитала⁴⁸. В конце 1986 г. японским премьер-министром были даны указания министерству внешней торговли и промышленности разработать дополнительные меры по стимулированию интереса японского частного бизнеса к активизации прямых инвестиций в КНР⁴⁹. С другой стороны, был принят ряд мер по не-

посредственному увеличению Японией импорта китайской продукции. В мае 1986 г. группа японских бизнесменов посетила Китай с целью изучения возможностей расширения закупок китайских товаров⁵⁰. Японская сторона была также вынуждена согласиться с требованиями китайской стороны резко активизировать бартерные отношения в китайско-японских торговых связях — мерой китайского правительства, направленной на экономию иностранной валюты и поддержание торгового баланса⁵¹. В результате японские торговые компании, по их оценкам, будут вынуждены принять в 1987 г. китайские товары в качестве компенсации за 50—60 % их экспорта в КНР (в 1985 г. встречная торговля охватила лишь около 10 % японского экспорта в КНР)⁵². Выравниванию внешнеторгового баланса послужит, возможно, ревальвация иены.

Правящий кабинет Японии решил также на время воздержаться от наиболее одиозных проявлений духа милитаризма. Премьер-министр Я. Накасонэ отменил, в частности, свой второй официальный визит в мемориал Ясукуни.

В ответ китайское руководство пошло на то, чтобы смягчить напряженность, возникшую в отношениях между двумя странами в связи с августовским визитом Я. Накасонэ в Ясукуни. 28 сентября 1985 г. Ху Цили и Ли Пэн — оба члены Политбюро и Секретариата ЦК КПК, заместители премьера Госсовета КНР — собрали представителей китайского студенчества и рекомендовали им воздержаться от акций, угрожающих развитию китайско-японских отношений. В октябре 1985 г. тогдашний Генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан, выступая перед членами Комитета китайско-японской дружбы XXI века по случаю второй сессии этого Комитета, назвал четыре принципа, «имеющих решающее значение для развития китайско-японской дружбы» и представляющих, по его словам, позицию китайского правительства и КПК. В своей речи китайский руководитель декларировал необходимость усилий с обеих сторон для развития «дружбы от поколения к поколению», осудил тех, кто препятствует развитию этой дружбы как в Китае, так и в Японии, «провоцируя конфликты или потворствуя попыткам оживить милитаризм»⁵³.

Таким образом, ввиду своих долговременных интересов, взаимной заинтересованности в дальнейшем развитии двусторонних отношений как Япония, так и КНР идут на взаимные уступки, на достижение компромиссов.

Большая роль в этих усилиях отводится формированию «атмосферы взаимного доверия». Это выразилось, в частности, в достижении во время визита в ноябре 1983 г. в Японию Генерального секретаря ЦК КПК Ху Яобана соглашения о том, что отношения КНР и Японии будут строиться с учетом трех принципов — «мира и дружбы», «равенства и взаимной выгоды», «длительной стабильности», — определенных во время визита в Японию в мае — июне 1982 г. премьера КНР Чжао Цзыяна и зафиксированных в документах XII съезда КПК⁵⁴, а четырех (четвертым стал принцип «взаимного доверия»⁵⁵).

Однако, несмотря на усилия обеих сторон, взаимные экономические и политические противоречия не только остаются, но и имеют тенденцию к обострению.

Выступая в японском парламенте во время своего визита в Японию в апреле 1985 г., Пэн Чжэнь признал, что дальнейшее развитие китайско-японских отношений будет происходить в условиях конкурентной борьбы двух стран⁵⁶. Впрочем, тенденцию к усилению китайско-японской конкуренции было бы бессмысленно отрицать. Уже в середине 70-х гг. Китай при всех своих ограниченных ресурсах теснил Японию на рынках Гонконга, Сингапура и Малайзии; еще сильнее столкнется КНР с японским капиталом при осуществлении задач своей нынешней внешнеэкономической стратегии (поиск новых и расширение имеющихся рынков, увеличение в экспорте удельного веса технологий, а также продукции машиностроения, электроники, других современных отраслей производства), провозглашенных на сентябрьской (1985) Всекитай-

ской конференции КПК в «Предложениях ЦК КПК относительно составления седьмого пятилетнего плана экономического и социально-политического развития»⁵⁷. Причем именно на Японию китайские специалисты указывают как на главного экономического конкурента Китая в ближайшие годы⁵⁸. Экономическая конкуренция КНР и Японии будет, безусловно, сопровождаться усилением их политического соперничества.

Таким образом, характеризуя отношения между КНР и Японией, следует отметить, что они достигли высокого уровня развития, в особенности в торгово-экономической сфере, благодаря наличию глубокой обоюдной заинтересованности, связанной со стремлением обеих стран к усилению своих позиций за счет развития сотрудничества с контрагентом. При этом КНР надеется на получение от Японии максимального экономического содействия в осуществлении своей программы модернизации. Япония же, помимо чисто экономических выгод от двустороннего сотрудничества, преследует далеко идущие политические цели, связанные с ростом военных и политических амбиций японских правящих кругов. Как КНР, так и Япония вынуждены в целях дальнейшего развития двусторонних отношений идти на взаимные уступки — КНР в политической сфере, Япония в экономической, — что способствует военно-политическому усилению Японии и экономическому развитию КНР, а это в свою очередь может привести к новым, более сильным столкновениям интересов КНР и Японии на международной арене.

¹ In: «Current History», 1986, vol. 85, № 512 (September), p. 276.

² Ibid., p. 256.

³ In: «Financial Times», 20.VIII.1985.

⁴ Ibid., 14.XII.1985.

⁵ Ibid., 20.VIII.1985.

⁶ In: «Far Eastern Economic Review», 1984, № 14, p. 12.

⁷ In: «Beijing Review», 1984, vol. 27, № 14, p. 10.

⁸ Ibid., 1985, vol. 28, № 22, p. 34.

⁹ In: «Far Eastern Economic Review», 1986, № 17, p. 78.

¹⁰ In: «Beijing Review», 1985, vol. 28, № 22, p. 34.

¹¹ Ibid., 1984, vol. 27, № 14, p. 7.

¹² In: «Journal of Northeast Asian Studies», 1984, vol. III, № 1, p. 78.

¹³ См.: «Жэньминь жибао», 23.IV.1985.

¹⁴ В КНР полагают, что эта зависимость будет продолжаться по крайней мере до конца нынешнего столетия. — См.: «Гоцзи вэньцзю», 1982, № 5, с. 16—19.

¹⁵ In: «Financial Times», 20. VIII. 1985.

¹⁶ Shibusawa Masahide. Japan and the Asian Pacific Region: Profile of Change. N-Y, 1984, p. 171.

¹⁷ In: «Far Eastern Economic Review», 1984, № 14, p. 12—13.

¹⁸ «Politique Internationale», 1985, № 28, p. 206.

¹⁹ In: Chinese Defence Policy. Urbana — Chicago, 1984, p. 224—225.

²⁰ «Japan Quarterly», 1985, vol. XXXII, № 1, p. 107.

²¹ In: «Liberal Star», 1985, vol. 14, № 160, p. 11; ibid., № 161, p. 14; ibid., № 165, p. 11.

²² In: «Beijing Review», 1985, vol. 28, № 44, p. 4; «Financial Times», 14.XII.1985; «Far Eastern Economic Review», 1986, № 17, p. 73.

²³ In: «Financial Times», 14.XII.1985.

²⁴ In: «Beijing Review», 1985, vol. 28, № 47, p. 29.

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid., № 39, p. 10.

²⁷ In: «Beijing Review», 1985, vol. 28, № 47, p. 29. Нефть, текстиль и пищевые продукты составили в 1984 г. 84 % китайского экспорта в Японию. — In: «Financial Times», 20.VIII.1985.

²⁸ In: «Beijing Review», 1985, vol. 28, № 40, p. XVI—XVII.

²⁹ In: «Far Eastern Economic Review», 1986, № 3, p. 94.

³⁰ Если рост промышленного производства КНР в 1984 г. составил 14,2 %, то добыча угля и нефти возросла всего на 8 %. — «Жэньминь жибао», 21.III.1985.

- ³¹ In: "Beijing Review", 1984, vol. 27, № 14, p. 9.
- ³² См.: «Жэньминь жибао», 15.V.1985.
- ³³ In: "Far Eastern Economic Review", 1984, № 14, p. 13.
- ³⁴ In: "Japan Quarterly", 1984, vol. XXXI, № 3, p. 260; см.: «Проблемы Дальнего Востока», 1985, № 2, с. 84.
- ³⁵ In: "Far Eastern Economic Review", 1986, № 24, p. 71—72.
- ³⁶ Ibid., № 17, p. 74.
- ³⁷ In: "Far Eastern Economic Review", 1986, № 47, p. 18.
- ³⁸ Ibid., 1984, № 14, p. 12—13.
- ³⁹ См., напр.: Перспективы развития тихоокеанского региона и модернизация Китая. Шанхай, 1985, с. 6, 37, 114 (на кит. яз.); "Current History", 1986, vol. 85, № 512 (September), p. 257.
- ⁴⁰ In: "Current History", 1986, vol. 85, № 512 (September), p. 276.
- ⁴¹ См., напр.: «Хушэн», 1985, № 1, с. 2—4.
- ⁴² «Жэньминь жибао», 15.V.1985.
- ⁴³ См. там же, 23, 25.IV.1985.
- ⁴⁴ См. там же, 26.IV.1985.
- ⁴⁵ In: "Far Eastern Economic Review", 1985, № 42, p. 15—16; ibid., 1986, № 2, p. 10—11.
- ⁴⁶ «Жэньминь жибао», 18. II.1983; "Journal of Northeast Asian Studies", 1984, vol. III, № 1, p. 77.
- ⁴⁷ "Beijing Review", 1985, vol. 28, № 36, p. VI.
- ⁴⁸ Перспективы развития тихоокеанского региона и модернизация Китая. с. 119.
- ⁴⁹ In: "Far Eastern Economic Review", 1986, № 47, p. 18.
- ⁵⁰ Ibid., № 24, p. 84.
- ⁵¹ См.: «Жэньминь жибао», 13.V.1986.
- ⁵² "Far Eastern Economic Review", 1986, № 35, p. 48.
- ⁵³ "Beijing Review", 1985, vol. 28, № 43, p. 6.
- ⁵⁴ См.: XII Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая. Документы. Пекин, 1982, с. 62.
- ⁵⁵ In: "Beijing Review", 1983, vol. 26, № 49, p. 6.
- ⁵⁶ См.: «Жэньминь жибао», 25.IV.1985.
- ⁵⁷ In: "Beijing Review", 1985, vol. 28, № 40, p. XVI—XVII.
- ⁵⁸ См.: Перспективы развития тихоокеанского региона и модернизация Китая, с. 112.

*Н. В. ШАСКОЛЬСКИЙ,
кандидат военных наук*

В последние годы вашингтонская администрация уделяет особое внимание азиатско-тихоокеанскому региону (АТР). Здесь находят прямое воплощение глобальные задачи американской внешней политики, связанные с курсом администрации Рейгана на «восстановление американского лидерства в мире». Увеличение военно-политической активности США в Восточной Азии и Тихом океане преподносится как «поразительный успех» американской политики последних лет. Представители администрации заявляют, что они создают здесь систему новых связей, которая станет «важнейшим вкладом в дело глобального прогресса в следующем столетии»¹.

В силу ряда объективных и субъективных факторов в 80-е гг. внимание к Тихоокеанскому региону значительно усилилось. «Как калифорниец, я придаю особое значение нашим тихоокеанским интересам, — заявил Рейган, — я хочу, чтобы мою администрацию вспоминали как людей, полностью осознающих важность для нас Тихого океана и Азии»². Этот подход материализуется как в наращивании здесь американской военной мощи, так и в военно-экономической политике.

По представлению нынешней администрации, американские экономические интересы, безопасность и стабильная обстановка в регионе, а также доверие к США их союзников должны опираться на военную мощь, воплощением которой является присутствие в Азии и на Тихом океане американских вооруженных сил, которые размещены ныне почти по всему периметру Тихого океана, в том числе в непосредственной близости от границ СССР, — на так называемых «передовых рубежах». Их дислокация обеспечивается наличием большого числа военных баз за пределами Американского континента и двусторонними соглашениями с рядом тихоокеанских стран. США имеют базы на Гавайях и Гуаме, разместили их на Филиппинах, в Японии и Южной Корее, имеют возможность пользоваться портами и базами Таиланда, Австралии. В этих же целях используются острова Микронезии.

Разработка милитаристских планов, направленных против Советского Союза и других социалистических стран, осуществление в регионе других задач американской политики возлагается в первую очередь на Тихоокеанское объединенное командование вооруженными силами США, размещенное на Гавайских островах. В непосредственном подчинении его находятся две армейские дивизии (в Южной Корее и на Гавайских островах), две дивизии морской пехоты (на Окинаве и в Калифорнии), бригада морской пехоты (на Гавайских островах), эскадрилья стратегических бомбардировщиков, десять эскадрилий истребителей и пять эскадрилий самолетов тактической поддержки, а также почти половина корабельного состава американских ВМС — шесть авианосцев, около ста других крупных надводных кораблей, 40 атомных многоцелевых подводных лодок, 32 крупных десантных корабля, 12 эскадрилий патрульных самолетов морской авиации. Кроме того, уже разворачивается эскадра стратегических подводных лодок-ракетоносцев «Огайо» и соединение истребителей-бомбардировщиков F-16 на базе Мисава.

В западном районе Тихого океана постоянно находится крупная группировка военно-морских сил в составе двух авианосцев, 22 крупных надводных кораблей других классов, 20 атомных подводных лодок, 14 крупных десантных кораблей и кораблей поддержки. Основные наземные силы передового базирования в западной части Тихоокеанского региона сосредоточены в Японии (50 тыс. человек) и в Южной Корее (40 тыс. человек). Задача этих сил — демонстрировать готовность США немедленно начать военные действия, а также создать благоприятные условия для переброски в этот район американских подкреплений с Гавайских островов и из Калифорнии³.

В качестве основного рычага военно-силовой политики в АТР США используют свой военный флот. Творцы американской военной стратегии считают, что из всех видов вооруженных сил именно военный флот больше всего подходит для реализации идеи «глобального устрашения» и защиты американских «жизненных интересов» во всем мире. «Военно-морские силы, — говорил начальник штаба ВМС США адмирал Уоткинс, — главное средство, которое мы используем для быстрой и четкой демонстрации наших намерений другим странам»⁴.

Наибольшую опасность для дела мира представляют морские ядерные вооружения. Среди стратегической «триады» США отдают предпочтение именно их морскому компоненту: 55 % ядерных зарядов, нацеленных на объекты, расположенные на территории СССР и других социалистических стран, размещены на подводных лодках-ракетоносцах. По заявлениям американских военных руководителей, морским стратегическим силам будет отводиться ведущая роль в стратегических наступательных вооружениях по крайней мере до конца столетия.

Увеличение военной мощи Тихоокеанского флота США за время правления рейгановской администрации может показаться не таким значительным, если за основной показатель принимать численность боевых кораблей. Этим обычно — в значительной мере в пропагандистских целях — и оперируют американские политологи и военные руководители. Однако качественный анализ дает другую картину. Корабли устаревших типов уступили место кораблям новейших образцов, вооруженным последними моделями морского оружия, обладающим существенно более высокими боевыми характеристиками и соответственно большей военной мощью.

Развертывание нового вида стратегического оружия — подводных лодок-ракетоносцев типа «Огайо» — началось именно на Тихом океане, что показывает, какое место отводится этому региону в американских военных планах. Для них была построена специальная база на Тихоокеанском побережье в Бангоре (штат Вашингтон) — первая в США. Взамен находившихся на Тихом океане десяти подводных лодок типа «Дж. Вашингтон», построенных в начале 60-х гг. и выведенных теперь из состава стратегических сил, в 1986 г. здесь размещено 8 новейших подводных ракетносцев «Огайо». По оценке экспертов, одна подводная лодка «Огайо» с ракетами «Трайидент-1» по боевой эффективности в десять раз превосходит подводную лодку с ракетами «Поларис». Вместо 160 ракет «Поларис А-3» с 480 боеголовками без индивидуального наведения США располагают в настоящее время на Тихом океане 192 ракетами «Трайидент-1», имеющими 1536 боеголовок с индивидуальным наведением. К 1989 г. предполагается завершить развертывание Тихоокеанской эскадры. Тогда в ее составе будет 10 таких лодок с 240 ракетами, имеющими около 2000 боеголовок. Начиная с 1989 г. именно на этих лодках планируется размещение ракет «Трайидент-2» — оружия первого удара.

Задача «ядерного устрашения», помимо подводных лодок-ракетоносцев,

возложена и на авианосцы. В их распоряжении находится сейчас свыше 500 самолетов — носителей ядерного оружия. В боевом составе ВМС США насчитывается 13 больших авианосцев, из них шесть — в распоряжении 3-го и 7-го Тихоокеанских флотов.

Но этим не ограничивается наращивание морских наступательных стратегических вооружений США. Более 150 надводных кораблей и торпедных подводных лодок решено вооружить ядерными крылатыми ракетами средней дальности «Томагавк» (с дальностью 2600 км). По плану Пентагона, уже в 1986 г. 20 надводных кораблей и 32 торпедные подводные лодки должны иметь на вооружении эти ракеты, причем преимущество отдается Тихоокеанскому флоту. К концу 80-х гг. ВМС США планируют разместить на своих кораблях свыше 2000 ракет «Томагавк».

Большое внимание уделяет администрация Рейгана и совершенствованию своих многоцелевых подводных лодок, а также увеличению военной мощи надводного флота на Тихом океане. Здесь появился переоборудованный линкор «Нью-Джерси». Министр ВМС США Д. Леман в 1982 г. назвал его «самым современным боевым кораблем в мире», отметил, что это был первый надводный корабль, получивший на вооружение ядерные крылатые ракеты «Томагавк». Надводный флот Тихого океана пополнился еще тремя новейшими атомными крейсерами типа «Вирджиния», а вместо десяти старых эсминцев постройки 50-х гг. в состав кораблей охраны вошли пять современных типа «Спрюенс» и «Кидд» и 16 фрегатов типа «Оливер Х. Перри», вооруженных противокорабельными ракетами «Гарпун», универсальными ракетами «Стандарт» и противолодочными вертолетами.

Американские вооруженные силы ведут активную работу по усилению готовности флота к боевым действиям, особенно тех его соединений, которые находятся вблизи границ СССР. Быстрыми темпами увеличиваются запасы военно-морского оружия и снаряжения, необходимого для длительного ведения боевых действий. За первые три года эти запасы увеличились почти вдвое. «За 34 года моей службы я еще не видел такой высокой боеготовности нашего флота, как сейчас», — так оценивал эти мероприятия начальник штаба ВМС США адмирал Уоткинс.

Известно, что ВМС и морской пехоте отводится основная роль в силах быстрого развертывания, призванных защищать «американские интересы» в любом районе земного шара. На развитие средств морской перевозки войск и военных грузов администрация Рейгана выделила на пятилетие 6 млрд. долл. — это больше, чем ассигновывалось на эти цели всеми послевоенными правительствами США, вместе взятыми, хотя они тоже не оставляли без внимания этот вопрос.

Маневры для отработки переброски войск в районы, близкие к юго-восточным границам СССР, проводятся ежегодно в рамках учений «Тим спирит». В них участвует до 75 тыс. американских военнослужащих (а вместе с южнокорейскими — до 200 тыс. человек). Такой же провокационный характер имеют и учения военно-морских соединений, которые проводят американцы в Японском и Охотском морях.

Стремясь оправдать наращивание военного потенциала на Тихом океане необходимостью защиты от «советской агрессии», американская пропаганда создает миф об угрозе своим морским коммуникациям, утверждая, что их блокирование приведет в случае войны к катастрофическим последствиям для экономики США.

Поскольку тезис о необходимости защиты морских коммуникаций в интересах самих США звучит недостаточно убедительно, то для наращивания военной мощи приводится еще и другая причина. Руководители США

заявляют, что важнейшая задача американских ВМС — защищать интересы друзей США в западной части Тихого океана. Однако готовность американского руководства идти на риск военной конфронтации ради защиты союзнических интересов, особенно в том случае, если эти интересы не будут соответствовать собственно американским, подвергается законному сомнению и среди проамерикански настроенных специалистов. «Несмотря на неоднократные американские заявления о поддержке Японии, мало вероятно, чтобы США рассматривали защиту японских морских коммуникаций в качестве первоочередной задачи своих ВМС», — пишет журнал «Джейнс дифенс ревью»⁵. Можно согласиться с мнением Ф. Купера, занимавшего в прошлом высокие посты в британском министерстве иностранных дел и министерстве обороны, что главная задача американских ВМС на Тихом океане — это защита именно американских интересов. В случае несовпадения этих интересов с интересами союзников США навряд ли будут выступать в их защиту, а могут действовать и в прямо противоположном направлении⁶.

Помимо общих с союзниками интересов, у США есть, однако, достаточно причин для организации защиты морских коммуникаций в Тихом океане. Можно привести высказывание такого авторитетного лица, как адмирал Р. Лонг, бывшего главнокомандующего объединенными силами США на Тихом океане. Давая показания перед членами палаты представителей, он заявил: «Без этих коммуникаций мы не сможем поддерживать наши силы в Северо-Восточной Азии, снабжение которых в случае войны на 90 % будет осуществляться морем»⁷. Адмирал, как видно, поставил точки над «и». Для осуществления крупных наступательных операций, особенно при затяжном характере войны, нужно будет подвозить подкрепления и организовывать дополнительное снабжение войск через Тихий океан. При нарушении морских коммуникаций эти агрессивные задачи действительно могут оказаться под угрозой срыва. Если говорить по существу дела, то в «критическом» положении в случае нарушения морских коммуникаций могут оказаться не США, а выдвинутые на передовые рубежи их войска и сами агрессивные планы в отношении советского Дальнего Востока и других стран на Азиатском континенте.

На самом деле защита американских коммуникаций от советских подводных лодок не является главной целью наращивания американской мощи в Тихом океане, постоянного совершенствования противолодочной авиации, военных надводных и подводных сил, а также технических средств, размещенных в глубинах Тихого океана и в космосе. Эта цель заключается в том, чтобы попытаться нарушить глобальное и региональное стратегическое равновесие за счет изменения соотношения морского компонента ракетно-ядерных сил. Этот вывод подтверждают и американские исследователи, когда их выступления носят не пропагандистский характер, а обращены к специалистам. «Главная задача Тихоокеанского флота — обеспечить свободу маневра подводных лодок с ракетами «Трайдент» и одновременно препятствовать действиям советских подводных лодок-ракетоносцев, в том числе и тех, которые находятся в Охотском море и в Арктике»⁸. Он ставит перед ВМС и более конкретные задачи, например, вести подготовку к превентивному уничтожению советской авиации, надводных и подводных сил, обеспечивающих действия советских ракетоносцев.

Центральным фактором, способствующим реализации своих экономических и политических интересов в регионе, США считают американско-японский военно-политический союз. В последние годы военное сотрудничество двух стран становится все более глубоким и разносторонним, уточняются взаимные военные обязательства, чтобы в случае необходимости быть

готовыми к использованию вооруженных сил и США и Японии без траты времени на согласование процедур принятия решений о начале и характере военных действий. По существу США ведут дело к подрыву конституционных ограничений Японии, запрещающих использовать вооруженные силы во внешнеполитических целях.

Переход к согласованию процедур принятия решений в военной области и планов подготовки и проведения военных операций представляет собой существенный шаг в сторону привлечения Японии к глобальным задачам США. Такая политика полностью соответствует объявленному премьер-министром Накасонэ курсу на «общий пересмотр и переоценку послевоенной политики Японии»⁹.

Как заявил министр обороны США Уайнбергер, США рассматривают Японию в качестве такой же передовой базы своей антисоветской военной стратегии, как и страны Западной Европы, входящие в НАТО¹⁰.

Расширяя круг военных задач, к которым привлекаются японские вооруженные силы, США преследуют попутно и чисто коммерческую цель — навязать Японии дополнительные военные заказы тех видов вооружений, которые американская промышленность пока не производит.

Другой военно-политический союз — США и Южной Кореи — предоставляет США наилучшие условия для проведения их антисоветской политики в регионе. Это единственный союз США в Азии, в котором вооруженные силы сторон находятся под единым командованием, что отвечает стремлению США держать их в постоянной готовности к немедленным действиям. При такой структуре командования вполне очевидно, что в случае военного конфликта южнокорейские силы могут быть использованы не только для решения задач на Корейском полуострове, но и подключены к выполнению более широких американских планов.

Проводимая Южной Кореей политика дает все основания американским руководителям относить ее к числу своих «наиболее верных союзников». На совместных военных учениях (США и Южная Корея проводят до пяти крупномасштабных учений в год), кроме «оборонительных» сценариев, направленных на борьбу с «угрозой с Севера», отрабатываются и совместные наступательные операции под предлогом нанесения «ответного удара» в случае «агрессии СССР в районе Персидского залива». Главные задачи учений — повышение готовности к немедленным боевым действиям, создание условий для проведения их без пополнения запасов извне на период свыше двух месяцев, а также для быстрого пополнения наличных войск подкреплениями с других баз и из самих США. С помощью американского союзника вооружение южнокорейской армии и ВВС постоянно модернизируется. Только в 1985 г. США предоставили Южной Корее кредиты на покупку новейшего американского вооружения на сумму 230 млн. долл., что превышает выделенные кредиты остальным получателям американской военной помощи в районе Тихого океана (Таиланд, Филиппины, Индонезия, Малайзия), вместе взятым.

Военно-политические союзы с Японией и Южной Кореей привлекают США исключительно выгодным географическим положением этих стран по отношению к СССР. Географические преимущества позволяют им создавать реальную угрозу Советскому Союзу, препятствовать выходу его кораблей в открытый океан, используя относительно небольшие военные средства для блокады проливов.

На основе этих двух двусторонних союзов США пытаются создать тройственный военно-политический союз США — Япония — Южная Корея. Однако несмотря на то, что и Южная Корея и Япония полностью поддер-

живают антисоветский курс военной политики США в Тихом океане, создание тройственного союза сталкивается с объективными и субъективными трудностями. Соединенным Штатам не удастся пока объединить эти страны едиными военными интересами, создать для них убедительную модель военной угрозы, когда у них могла бы появиться насущная необходимость для военно-политического объединения.

Преобразование двух военно-политических союзов в один трехсторонний союз усложняется также тем, что Японии и Южной Корее трудно договориться по вопросу о взаимных обязательствах. Правительство Южной Кореи считает, что ее вооруженные силы уже вносят существенный вклад в оборону Японии от «угрозы с Севера» (якобы преграждают путь в сторону Японии советским кораблям и самолетам). В то же время оно выражает недовольство, что взамен не имеет никакой гарантии на военную помощь со стороны Японии в случае военных действий на полуострове. Японское же правительство замалчивает вопрос о подобных «гарантиях» и воздерживается от непосредственного участия в совместных маневрах «Тим спирит», ежегодно проводимых США и Южной Кореей, поскольку вынуждено считаться с антивоенными положениями японской конституции, которые несовместимы с учениями, направленными против конкретного противника. Однако эти же положения конституции не мешают японским руководителям санкционировать активное участие своих вооруженных сил в совместных учениях с ВМС, ВВС и армией США (за послевоенные годы проведено более 150 подобных учений), а также в многосторонних учениях «РИМПАК».

Понятно, что без более тесного сближения Японии и Южной Кореи в военной области тройственный союз с США невозможен. Существуют факторы, которые могли бы заинтересовать Японию в таком сближении. Во-первых, Южная Корея является сложным узлом противоречий в непосредственной близости от Японии, КНР и СССР. Япония хотела бы держать под контролем развитие событий в этом районе. Во-вторых, размещенные в Южной Корее ядерные силы США рассматриваются Японией как составная часть американского «ядерного зонтика», на который в значительной степени ориентирована военная политика самой Японии. В-третьих, вооруженные силы США, размещенные в Южной Корее, оцениваются в Токио как дополнительный вклад в обеспечение безопасности Японии.

Есть, однако, моменты, которые осложняют создание такого союза и могут даже привести к тому, что в случае его создания США не получат ожидаемых преимуществ. Так, при достаточной прочности проверенных временем военно-политических связей США с Японией и США с Южной Кореей связи между самой Японией и Южной Кореей стали бы слабым и уязвимым местом такого союза, а противоречия между ними могли бы отрицательно повлиять на их связи с США. Кроме того, американско-японский союз еще недостаточно оформлен в организационном отношении, в нем нет такой определенной военной структуры, какая имеет место в союзе США — Южная Корея; разный уровень военных связей будет еще одним слабым местом союза. Существуют психологические факторы, которые препятствуют прямому политическому и военному сближению Японии и Кореи: в Южной Корее многие опасаются усиления милитаризации Японии, учитывая опыт оккупации Кореи в 1910—1945 гг. и японской политики во 2-й мировой войне. Серьезной проблемой может стать и продолжающаяся дискриминация проживающих в Японии около 600 тыс. корейцев, вопрос о которой периодически выдвигается при двусторонних контактах. И наконец, на позицию правительства Южной Кореи в отношении участия в тройственном союзе могут повлиять и внутривнутриполитические факторы. В случае заключения тройственного союза традиционно отрицатель-

ное отношение широких масс корейского населения к японскому милитаризму может значительно расширить социальную базу оппозиции.

Тройственный блок неизбежно еще сильнее привязал бы Японию к геополитическим задачам, которые ставит перед собой американское руководство. Вхождение в многосторонний военно-политический союз еще более сузило бы возможности Японии для проведения самостоятельной внешней политики в регионе и в мире.

Сдерживание Японией развития прямых военных связей с Южной Кореей объясняется, по-видимому, и исторически сложившейся антипатией между двумя партнерами, и культивируемым среди японцев отношением к корейцам как к «низшей расе».

И все же поощрение Соединенными Штатами милитаризации Японии и интенсивное вооружение Южной Кореи создают благоприятные условия для реализации планов объединения этих стран в единую военную группировку под руководством США. Фактически с помощью правительств этих двух стран Соединенные Штаты уже сейчас создали полукольцо своего военного присутствия, проходящего по Японским островам и Южной Корее, которое при поддержке авиации, действующей с расположенных на островах американских аэродромов и авианосных соединений, постоянно присутствующих в близлежащих акваториях, может быть использовано для развертывания агрессии против СССР. Разумеется, вооруженные силы США, как показывает опыт агрессивных войн американского империализма на Корейском и Индокитайском полуостровах, могут быть использованы с военных баз в Азии и против других стран региона.

Сейчас приходится считаться с тем, что свои агрессивные планы США могут реализовать и без оформления тройственного союза, располагая существенными рычагами для подключения к своим военным операциям в Северо-Восточной Азии вооруженных сил как Японии, так и Южной Кореи.

Военно-политический союз США, Австралии и Новой Зеландии уже при его создании в 1951 г. рассматривался Соединенными Штатами как инструмент для возможного объединения под своей эгидой стран Юго-Восточной Азии и бассейна Тихого океана. Однако эти планы осуществить не удалось.

Само соглашение о блоке АНЗЮС не предусматривало жесткой военно-политической структуры и объединенного командования вооруженными силами наподобие НАТО, поэтому отношения США с Австралией и Новой Зеландией в военной области находятся в определенной зависимости от политических позиций правительств этих стран.

Пришедшие в последние годы к власти лейбористские правительства американских союзников по блоку не согласились с оценкой «советской угрозы», которую им навязывают США, и пытались внести некоторые коррективы в свои отношения со старшим партнером по блоку. Основной вопрос касался военных обязательств, связанных с претворением в жизнь американских глобальных планов ракетно-ядерной войны против СССР. Оба правительства попытались отмежеваться от участия в подготовке первого ядерного удара и поэтому решили запретить заход американских военных кораблей с ядерным оружием на борту в свои порты. Однако после соответствующего нажима в феврале 1984 г. правительство Австралии объявило, что не будет требовать сведений о наличии ядерного оружия на американских военных кораблях, посещающих ее порты, что равносильно отказу от требований не допускать ядерное оружие на свою территорию.

Задачи, которые США ставят перед блоком АНЗЮС, ярко обнаружались во время событий начала 1985 г. На основе решения новозе-

ландского правительства о безъядерном статусе страны в ее порт не был допущен американский ракетный эсминец «Бьюкенен» после того, как США не дали гарантий, что на его борту нет ядерного оружия. США отреагировали жесткими мерами — прекращением связей с новозеландскими вооруженными силами, запретом Австралии передавать Новой Зеландии военную информацию, отменой маневров «Си игл», еще пяти совместных учений и других мероприятий, запланированных на 1985 г. И это несмотря на то, что Новая Зеландия в послевоенное время была одним из самых лояльных союзников США, поддерживала их в корейской и вьетнамской войнах и почти во всех других агрессивных акциях.

В ходе конфликта выявилось несовпадение интересов США и Новой Зеландии в этом так называемом «равноправном» союзе. Сразу стало ясно, что США нуждаются в Новой Зеландии гораздо больше, чем сама Новая Зеландия нуждается в американской «защите». Глобальные планы мирового господства американского империализма требуют, чтобы их вооруженным силам было обеспечено присутствие в возможно большем числе районов земного шара. И дело вовсе не в гарантии предоставления американского «зонтика» своему союзнику. Базируя носители американского ядерного оружия в портах своих партнеров, США намерены включить их в потенциал американского первого удара и таким образом подставить в качестве мишени для ответного удара.

Как известно, правительство Новой Зеландии выступает не против блока АНЗЮС, соглашение о котором предусматривает совместные военные действия входящих в него стран в случае внешнего нападения. Но в том-то и дело, что безъядерный статус блока, когда его нельзя использовать в агрессивных целях, не устраивает США. Больше всего они опасаются, что примеру Новой Зеландии могут последовать и другие их союзники.

К тому же есть особые причины, по которым для США особенно важно в ближайшие несколько лет соблюдать введенное ими правило не сообщать принимающей стране, есть или нет ядерного оружия на данном корабле. До последнего времени в чисто военном плане это не играло существенной роли при оценке морского компонента глобального и регионального баланса ядерных сил, так как ракетно-ядерное оружие большой и средней дальности располагалось только на подводных лодках-ракетоносцах, численность которых определялась для каждой страны согласованными пределами и могла достаточно надежно контролироваться национальными средствами. Баллистические ракеты имеют только ядерные боезаряды, и, таким образом, заход такой лодки в иностранный порт имел однозначный смысл. После того как США пошли на нарушение требований протокола, приложенного к Договору ОСВ-2, о запрещении размещения на морских носителях крылатых ракет с дальностью свыше 600 км и стали устанавливать на своих надводных кораблях и подводных лодках ядерные ракеты «Томагавк», дело существенно изменилось. Как известно, американская программа развертывания этих ракет рассчитана до 1992 г., когда они будут установлены примерно на 150 морских носителях, а по состоянию на конец 1986 г. ракеты «Томагавк» должны были получить около 50 надводных кораблей и многоцелевых подводных лодок. Таким образом, не сообщая, на каких именно кораблях есть ядерные ракеты, США ставят уже сейчас задачу рассредоточить внимание советских вооруженных сил по всем американским потенциальным носителям этого оружия первого удара и таким образом затруднить защитные действия от фактических его носителей. Именно этими соображениями в значительной степени и объясняется жесткая реакция США на попытки их союзников защитить собственные интересы. Сам по себе относительно небольшой военный потенциал Новой Зеландии вряд ли интересует США. На ее

территории нет американских военных баз, да и сама она находится в пяти тысячах километров от той линии так называемой «передовой обороны», на развитие которой нацелены американские военно-политические союзы в Тихом океане.

В важный плацдарм, опираясь на который Соединенные Штаты могут обеспечить своим вооруженным силам благоприятный стратегический режим на Дальнем Востоке, в Юго-Восточной Азии и в западной части Тихого океана, превращаются острова Микронезии. Полностью поглотив эту подопечную территорию, они превратили ее под вывесками «содружества» и «свободной ассоциации» в свои колониальные владения. Соединенные Штаты намерены поставить мир перед свершившимся фактом.

В отношениях к странам Юго-Восточной Азии США также в первую очередь преследуют свои собственные стратегические и политические интересы — контроль за имеющими важное стратегическое значение морскими путями, проходящими вблизи берегов этих стран, противопоставление стран АСЕАН социалистическим странам Индокитая, организацию еще одного звена цепи «передовой линии обороны», окружающей Азиатский континент.

Однако, несмотря на все свои усилия, США не удалось организовать в Юго-Восточной Азии еще один антисоветский блок. Они сталкиваются с явно выраженным нежеланием стран АСЕАН придать своей ассоциации военно-политический аспект. Эти страны очень осторожно относятся к предложениям о формализации военно-политических связей с развитыми странами в рамках многосторонних отношений, резонно считая, что это может нанести вред их суверенитету. Тем не менее США все же ищут пути для поощрения милитаризации стран АСЕАН, они не отказались и от планов вовлечения их в орбиту своей антисоветской политики.

В последние годы Соединенные Штаты уделяют особое внимание развитию прямых военных связей со странами АСЕАН. В этих целях США используют заинтересованность этих стран в совместных военных учениях как средство повышения профессиональной подготовки национальных вооруженных сил, обогащения передовым американским военным опытом. В 1984 г. Тихоокеанское командование США объявило о своих планах увеличить число и масштабы военно-морских учений с этими странами.

Участие в совместных учениях дает Соединенным Штатам возможность отработать систему оперативного взаимодействия с военными силами стран АСЕАН, стимулировать приобретение ими новейшего оружия и военной техники. Для США, по-видимому, одной из важнейших задач подобных учений является обеспечение политического проникновения в национальную сферу военной деятельности, ориентация этих стран на общего военного противника, которым Соединенные Штаты пытаются представить СССР. Здесь можно проследить наличие планов с далекой политической перспективой. Организация совместных военных учений может стать наиболее продуктивным путем при решении задачи объединения стран АСЕАН в военной области.

США используют и еще один путь для привлечения военных кругов стран АСЕАН к своим планам в регионе — они организуют за свой счет обучение национальных кадров в американских военных учебных заведениях и центрах по программе обучения «IMET». Суммы выделяемых на эти цели средств, как правило, относительно небольшие. Но с учетом того факта, что в ряде стран региона военные круги оказывают существенное влияние на формирование государственной политики, значение этой программы выходит далеко за рамки просто профессионального военного обучения. В США, по всей вероятности, считают, что обученные по этим программам люди смогут в дальнейшем способствовать и решению задачи региональной военной ин-

теграции в американских интересах. Поскольку большая часть покупаемого странами АСЕАН оружия импортируется из США, то это еще один рычаг, который может быть использован американцами для втягивания этих стран в орбиту своей политики.

В настоящее время в АСЕАН нет ни одной страны, которая бы не дорожила своей трудно обретенной независимостью и которая согласилась бы добровольно на роль вассала кого бы то ни было. Наметившиеся успехи в экономическом развитии стран АСЕАН способствуют усилению их стремления и к политической самостоятельности. Это не может не сказаться на уменьшении привлекательности для них военно-политических союзов с империалистическими государствами.

Как можно видеть, военно-политическая активность США в АТР приобретает все более широкие масштабы. Они имеют своей целью реализовать экспансионистские замыслы установления безраздельного контроля над огромным регионом, где находятся десятки государств и живут сотни миллионов людей.

Главная причина повышенного внимания США к региону, осуществления ими мероприятий по созданию новых союзов, многосторонних группировок, возросшего интереса к региональной военной интеграции заключается в стремлении обеспечить своим вооруженным силам полный контроль за всеми районами Тихого океана, вплоть до прибрежных районов СССР. Последние выступления американских руководителей показывают, что опора на военную силу остается основой политики США.

Такой ход событий усиливает нестабильность в регионе, ведет к расширению старых очагов военно-политической напряженности, к возникновению новых конфликтных ситуаций.

Искусственно усиливая напряженность и конфронтацию в регионе, США преследуют цель запугать тихоокеанские страны ложной пропагандой, утверждая, что ответные советские меры против американских военных приготовлений есть свидетельство «экспансионистской» политики СССР. Таким путем США добиваются увеличения гонки вооружений среди стран региона, удерживают их в рамках двусторонних и многосторонних союзов под предлогом гарантии «защиты от СССР». Одновременно решается задача задержать развитие политической и экономической самостоятельности расположенных здесь развивающихся государств.

При оценке общей перспективы создания в Тихом океане под руководством США военно-политической группировки, подобной блоку НАТО, нужно учитывать существенное различие обстановки в обоих регионах, которое будет препятствовать повторению здесь опыта создания НАТО. Объективному наблюдателю должно быть ясно, что, кроме США, ни одна из тихоокеанских стран не получила бы сколько-нибудь заметных преимуществ от образования здесь еще одного антисоветского блока.

Американской стороне будет трудно доказать потенциальным партнерам, что военная интеграция не будет означать подчинение воли этих стран диктату США. События последних лет и откровенные заявления американских руководителей не оставляют на этот счет каких-либо сомнений. Достаточно красноречив упоминавшийся выше пример Новой Зеландии. Но есть и другие. Так, в 1983 г. вице-президент США Буш на вопрос о том, почему США не посоветовались с союзниками во время нападения на Гренаду, заявил, что Соединенные Штаты — «ведущая держава западного мира» и поступают в соответствии с этим своим положением. Английский журнал «Экономист» так прокомментировал это заявление: «по-видимому, США ожидают от союзников не советов, а только аплодисментов»¹¹. Такой подход по отношению к партнерам по бло-

кам был характерен для США и ранее. В аналогичной ситуации в 1973 г. тогдашний госсекретарь Киссинджер заявил, что в критические моменты США не имеют времени и нужды советоваться со своими союзниками. «Да мы бы и не приняли во внимание чужое мнение, если бы оно не совпадало с нашим», — откровенно пояснил он¹.

Остается надеяться, что правительства тихоокеанских стран правильно оценят имеющийся опыт и будут принимать решения об основных направлениях своей внешней политики, исходя из собственных национальных интересов, а не глобальных интересов Соединенных Штатов.

Советский Союз тоже азиатская и тихоокеанская страна. Ему близки сложные проблемы этого обширного региона. Как тут пойдет дальнейшее социально-экономическое и политическое развитие, какие процессы в отношениях между государствами возобладают — это во многом будет определять судьбы всего мира. «Приходится констатировать, — говорил М. С. Горбачев, выступая в июле 1986 г. во Владивостоке, — что милитаризация, нарастание военной угрозы в этой части мира начинают набирать опасную скорость. Тихий океан превращается в арену военно-политической конфронтации. Вот что все больше беспокоит живущие здесь народы. Это тревожит и нас со всех точек зрения, в том числе по соображениям безопасности азиатской части нашей страны»¹³.

¹ «Department of State Bulletin», 1984, XII, p. 7.

² Ibid., \ III, p. 65.

³ Department of Defence Authorization for Appropriations for F. Y. 1985. W., 1984, p. 334.

⁴ Department of Defence Appropriations for F. Y. 1984, W., 1983, p. 431.

⁵ «Jane's Defence Review», 1983, N 2, p. 136.

⁶ RUSI and Bressay's Defence Yearbook, 1985. L., 1985, p. 201.

⁷ United States — Japan relations. W., 1984, p. 129.

⁸ «Navy International», 1984, N 8, p. 490—491.

⁹ «Business Japan», 1985, N 3, p. 24.

¹⁰ «Mainichi Daily News», 4. II. 1983.

¹¹ «Economist», 10.III. 1984, p. 24.

¹² Ibid.

¹³ «Правда», 29.VII.1986.

*С. В. СТЕПАНОВ,
кандидат экономических наук,
В. Н. СОБОЛЕВ*

Несмотря на в целом благоприятные итоги шестой пятилетки, первый год нового пятилетия китайская экономика начала не в простых условиях. Наряду с бесспорным прогрессом в народном хозяйстве КНР сохранялось немало нерешенных проблем, главными из которых можно назвать низкие эффективность производства и качество продукции, непомерно широкий фронт капитального строительства, нарушение равновесия между спросом и предложением, инфляцию, рост экономических преступлений¹.

Кроме того, в конце предыдущей пятилетки ситуация осложнилась. В 1985 г., по мнению китайских специалистов, были достигнуты чрезмерно высокие темпы развития: промышленное производство возросло на 18 % (а с учетом сельских предприятий — на 21,4 %), инвестиции в основные фонды увеличились на 35 %, в том числе на государственных предприятиях — на 42,8 %. Такой «перегрев» экономики еще более обострил существовавшие проблемы и поставил под вопрос дальнейшие планы модернизации, в которых повышение эффективности занимает ключевое место. Нестабильности в народном хозяйстве способствовало и энергичное проведение реформ в городах, выявившее ряд новых противоречий.

Поэтому на 1986 г. ставилась задача существенного снижения темпов роста экономики, обеспечения более сбалансированного развития и улучшения качественных показателей. В области реформы не планировалось осуществление новых крупных мероприятий, а был взят курс на укрепление и стабилизацию уже достигнутого.

Некоторые из этих задач были выполнены. Темпы развития снизились до приемлемого уровня: национальный доход возрос на 7 %, промышленное производство — на 8,7 % (с учетом сельских предприятий — на 10 % при плане 8 %), сельскохозяйственное — на 4 % (при плане 3 %).

Таблица

Производство важнейших видов промышленной
и сельскохозяйственной продукции в КНР

	Ед. изм.	1985 г.	1986 г.	1986 г. к 1985 г. в %
Уголь	млн. т	872	870	100
Нефть	»	125	131	105
Сталь	»	46,8	52	111
Электроэнергия	млрд. кВт·ч.	411	445	108
Цемент	млн. т	146	162	114
Автомобили	тыс. шт.	437	369	84
Ткани	млрд. м	14,7	15,9	108
Зерно	млн. т	379	391	103
Хлопок	»	4,1	3,5	85
Масличные	»	15,8	14,7	93
Мясо	»	17,6	19,2	109
Продукция водных промыслов	»	7,1	8,1	115

Источники: Чжунго тунцзи чжайяо — 1986, Пекин, 1986, с. 37, 39, 40, 52, 54 — 56; «Жэньминь жибао», 21.11.1987.

Быстро расширялось производство многих дефицитных промышленных товаров, важнейших видов энергоресурсов и сырья. В то же время сократился выпуск товаров, пользовавшихся меньшим спросом. В этом в Китае усматривают возрастание роли рынка.

В сельском хозяйстве, достигшем в целом запланированного прироста производства, наблюдались колебания по отдельным подотраслям. После резкого снижения урожая зерновых в 1985 г. в Китае были предприняты меры для выправления положения (повышение закупочных цен, встречные поставки удобрений по государственным ценам, административный контроль). В 1986 г. возрос сбор зерна, хотя и не достиг запланированного уровня в 400 млн. т, увеличилось также производство мяса и других продуктов животноводства, водных промыслов. Заметно сократился сбор хлопка, некоторых других технических культур. Отчасти это было связано с погодными условиями, но в большей степени — с колебаниями на рынке, с его нестабильностью, когда уменьшение спроса после хорошего урожая побуждало крестьян слишком резко переориентироваться на другие культуры. Рынок в Китае уже оказывает большое влияние на производство многих видов аграрной продукции, но еще не обладает способностью амортизировать колебания и стабилизировать спрос.

С помощью различных ограничительных мер и жесткого контроля в 1985 г. в Китае удалось ограничить рост капиталовложений, в частности в основные фонды государственных предприятий до 15 % (в 1985 г. — 42 %).

Розничный товарооборот возрос на 15 %. Цены на потребительские товары повысились в целом на 6 % против 8,8 % годом ранее.

Увеличились доходы населения. Средняя зарплата рабочих и служащих достигла 109 юаней в месяц (на 14 % больше, чем в 1985 г.), средний доход крестьян — 35 юаней (плюс 7 %). Впервые за последние годы денежные доходы у горожан росли быстрее, чем у крестьян.

Несмотря на достигнутый в 1986 г. прогресс, в том числе и качественный, первый шаг китайской экономики в новой пятилетке нельзя оценить однозначно. Ключевая проблема — повышение эффективности производства — еще далеко не решена. Кое в чем положение осложнилось. По данным ГСУ КНР, в период с января по ноябрь 1986 г. издержки производства на государственных промышленных предприятиях возросли на 6 % по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года. Прибыль и налоги, перечисленные государству, несколько сократились. Издержки обращения у государственных коммерческих организаций увеличились на 4,6 %, а доходы уменьшились на 54,4 %².

Во многом это явилось результатом неотлаженности и противоречивости системы управления, когда важные элементы старого механизма были упразднены или их действенность ограничена, а новый механизм еще далеко не сформировался. Пытаясь выправить перекосы предшествующего года, государство увеличило налоги, ставки кредитов, амортизационные отчисления, ввело прогрессивное налогообложение премиальных фондов, чем поставило предприятия в более сложные условия. Сказались отрицательно также рост зарплаты и премий рабочих, девальвация юаня, рост цен на сырье, а также хищения и другие противозаконные действия.

Неизбежными были и следствия диспропорционального развития в 1985 г., в частности бесконтрольного капитального строительства. Несмотря на заметное снижение темпов роста инвестиций, на завершение начатых к концу 1986 г. строительных объектов необходимо 840 млрд. юаней, или четыре года при полном прекращении нового строительства в ближайшие два года. Средний срок строительных работ увеличился.

Результатом этих сложностей стал вновь появившийся в 1986 г. дефицит бюджета³. Не удалось ликвидировать перекосы на рынке. При наличии нехватки многих товаров сохраняются и значительные запасы не пользующихся спросом изделий.

. . .

Важнейшим направлением экономической политики руководства КНР в 1986 г. оставалось проведение реформы хозяйственной системы, особенно в городах. Хотя

после 1985 г. ее ход несколько сдерживался, в Китае справедливо считают, что по ряду важных направлений наблюдалось дальнейшее продвижение вперед.

Углублялись рыночные отношения. Помимо рынка товаров народного потребления, появились рынки средств производства, финансов, рабочей силы. На нынешнем этапе для этого едва ли не важнейшее значение имело расширение горизонтальных, т. е. прежде всего межотраслевых, связей между предприятиями и организациями. Создано около 10 тыс. производственных и научно-исследовательских объединений⁴. Через горизонтальные связи в некоторых районах осуществляется значительный хозяйственный оборот: провинция Цзянсу, например, таким путем получает 30 % необходимого угля, 25 % проката, 40 % древесины⁵.

Сфера централизованного фондируемого снабжения ограничена в основном узким кругом важнейших видов сырья и материалов, а основная часть ресурсов обращается через каналы местных органов снабжения. Перспективными, в частности, считаются различные центры по торговле средствами производства, особенно получившие развитие в Шанхае.

В 12 городах страны и провинции Гуандун проводятся эксперименты по изменению финансовой системы, которые заключаются в создании денежных рынков, поощрении взаимного кредитования банков, перелива свободных средств между различными организациями. В Шанхае и Пекине открыты первые в стране фондовые биржи. В некоторых районах, особенно в Шэньяне, отдельные предприятия и организации получили право привлекать дополнительные средства, выпускать акции и облигации и реализовывать их среди своих рабочих и служащих или среди посторонних лиц и организаций.

Ключевое место в хозяйственной реформе занимает реформа цен. В КНР в настоящее время сложилась система трех видов цен: фиксированных, колеблющихся и свободных рыночных. Многие видные экономисты, в частности Лю Гогуан, считают, что в конечном счете главное место займут рыночные цены, дополняемые колеблющимися и стабильными плановыми ценами⁶. На практике в последние годы применение колеблющихся и рыночных цен заметно расширилось. Это привело к общему росту цен и появлению большого разрыва между плановыми и рыночными ценами на одни и те же товары. (Первые используются в сфере централизованного планирования и распределения, а вторые — в сфере направляющего планирования и рыночного регулирования).

В начале 1987 г. Госсовет КНР вынужден был принять меры для стабилизации цен. Местным органам власти предписано ограничить список товаров со свободным ценообразованием, кроме того, строго контролировать установленные пределы колебаний цен. Создается государственная система инспекции цен⁷.

С 1 октября 1986 г. вступили в силу четыре временных постановления Госсовета КНР о введении контрактной системы найма рабочих и страховании «ожидających трудоустройства». Суть контрактной системы, приходящей на смену пожизненному найму, состоит в том, что между рабочим и администрацией предприятия заключается договор, так называемый контракт, где оговариваются время и условия найма, права и обязанности сторон. Контракт может быть расторгнут при его нарушении. Контрактные рабочие пользуются теми же политическими, экономическими и социальными правами, что и работающие по старой системе, за исключением системы социального страхования: пенсионный фонд контрактных рабочих формируется за счет отчислений из фонда зарплаты предприятий и зарплаты самих рабочих. При найме по контракту предусмотрены предварительные экзамены. Контрактной системой охватываются лишь вновь принимаемые на работу (в 1986 г. 80 % рабочих зачислены на этих условиях). В Китае полагают, что контрактная система будет способствовать повышению дисциплины и искоренению уравниловки.

Потерявшие работу теперь будут обеспечиваться пособием в размере 50—75 % прежней зарплаты в течение года (для проработавших менее 5 лет) или двух лет. Этот фонд формируется за счет отчисления 1 % фонда зарплаты предприятий. Пособия должны стимулировать поиск новой работы.

Важной мерой усиления хозяйственной самостоятельности и ответственности предприятий должен стать принятый Постоянным комитетом ВСНП Закон о банкротстве

предприятий⁸. Допущение банкротства непосредственно вытекает из идеи о том, что социалистической товарной экономике присуща конкуренция. Возможность банкротства делает конкуренцию более реальной. Пока известен лишь один случай банкротства и ликвидации небольшого завода в городе Шэньяне и неясно, сколь широко эта практика может распространиться в Китае.

В 1986 г. важные преобразования охватили небольшие государственные предприятия сферы обслуживания. Они сдаются в подряд своим коллективам, в аренду группам или отдельным лицам, преобразуются в кооперативные. Уже более 60 из 100 тыс. небольших государственных торговых предприятий перешли на эти формы организации работы⁹. Ведутся эксперименты с созданием акционерных предприятий, со сдачей в аренду небольших государственных промышленных предприятий. В будущем в сфере обслуживания предполагается создавать только кооперативные и небольшие частные предприятия, а государственные, возможно, будут преобразованы в кооперативные. Судя по сообщениям китайской прессы, первые результаты деятельности в новых условиях обнадеживают: хозяйственные показатели улучшились, многие прежде убыточные предприятия теперь уже твердо встали на ноги или даже приносят доход.

Быстрое развитие получили поселковые и волостные несельскохозяйственные предприятия и индивидуальные хозяйства. Сельские предприятия, на которых занято 76 млн. человек, или 20 % трудоспособных сельских жителей, в 1986 г. произвели продукции на 330 млрд. юаней, впервые превысив стоимость сельскохозяйственного производства. В индивидуальных хозяйствах города и деревни занято уже 17 млн. человек¹⁰.

В то же время проблема трудоустройства огромных масс крестьян, высвобождающихся из полеводства в результате развития подрядных отношений, становится все более острой. Для ее решения проводятся различные эксперименты. В южных районах провинции Цзянсу крестьян направляют на мелкие предприятия небольших городков и поселков. В уезде Вэньчжоу провинции Чжэцзян пошли по пути создания индивидуальных и коллективных домашних предприятий, распространив, таким образом, семейный подряд и на мелкое промышленное производство.

Однако реформа хозяйственной системы КНР сталкивается и с серьезными препятствиями. Отчасти они носят объективный характер, связанный с трудностями роста. Не всегда возможно заранее предвидеть все последствия и противоречия. Даже успешные эксперименты, перенесенные на все народное хозяйство, дают неоднозначные результаты. Не избежали в Китае определенной несогласованности отдельных мероприятий, некомплексности.

В начале проведения реформы в КНР выявилась неоднородность хозяйственного механизма, соединявшего в себе значительные черты прежней системы и новые элементы. Как говорил член Секретариата ЦК КПК Ху Цили, когда еще незрелые и несовершенные принципы реформы на практике не срабатывали, приходилось прибегать к старым методам, что, естественно, сдерживало формирование нового хозяйственного механизма. Он даже сделал вывод о необходимости десяти или более лет для полного перехода на новую систему¹¹.

Эти противоречия наглядно проявились в 1986 г. Одним из принципиальных направлений реформы является, как известно, сужение сферы директивного планирования в пользу направляющего. Формально так и происходит: централизованно планируется и распределяется лишь 23 основных вида продукции против 256 до начала реформы¹². Однако только складывающаяся новая система управления не всегда может эффективно заменить сильно ограниченное централизованное управление. Для преодоления возникающей дезорганизации власти вынуждены были де-факто усиливать централизованные рычаги. По некоторым данным, в настоящее время директивным планом определяется свыше 80 % объема производства на крупных предприятиях, более 50 % — на средних и около 20 % — на мелких¹³. Фактически до 80 % стального проката по-прежнему распределяется директивно¹⁴.

Осознанно или стихийно, большие группы населения не проявляют заинтересованности в углублении реформ. Часть рабочих опасается утраты социальных гарантий и гарантированных доходов в результате перехода к найму по контрактам и увязки зарплаты с результатами хозяйственной деятельности предприятий, тем более

что они оказываются в далеко не равном положении из-за несовершенства ценообразования и различной технической оснащенности. Среди крестьян по-настоящему в развитии реформ заинтересованы только те, которые ведут товарное хозяйство, а таких меньшинство.

На совещании по сельскому хозяйству в Пекине осенью 1986 г. заместитель премьера Госсовета Тянь Цзюнь признал, что реформа в деревне замедлилась на промежуточном этапе, когда первоначальная трансформация экономической системы достигнута, а далее необходимо углубление процесса. Никак не удается отладить механизм сравнительно одинаковой заинтересованности крестьян в производстве различных видов продукции. Страдает прежде всего зерновое хозяйство. Наблюдаются резкие колебания сбора других культур.

За последние годы возросли «ножницы» цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию. В 1985 г. крестьяне из-за роста цен и налогов получали лишь половину той прибавки закупочных цен, которая была осуществлена в 1979 г.¹⁶

Резервы расширения производства, связанные с интенсификацией труда, по-видимому, почти исчерпаны. Однако пока не просматриваются перспективы эффективной кооперации крестьян, способной в принципе дать новый импульс производству. Неопределенно положение с модернизацией сельского хозяйства, по крайней мере в этой сфере не сформировалась целостная и реалистическая государственная политика.

В процессе поиска путей перестройки экономической и политической системы в Китае высказываются и явно антисоциалистические идеи. В частности, исключенный из партии литератор Ван Жован прямо говорил, что Китаю нужна капиталистическая модель производства. Как известно, в конце 1986 г. в Китае была развернута критика «буржуазной либерализации», в ходе которой подчеркивалось, что будущее страны связано только с продолжением развития по социалистическому пути.

В 1986 г. Китай продолжал прилагать интенсивные усилия к активизации внешне-экономического сотрудничества, включая привлечение иностранного капитала. В октябре было принято Положение о поощрении иностранных инвестиций, дающее дополнительные льготы тем предприятиям с участием иностранного капитала, которые используют новейшую технологию или ориентированы на выпуск экспортной продукции. В прошедшем году было одобрено создание 870 смешанных, 560 кооперационных и 18 иностранных предприятий. Всего таких предприятий в КНР насчитывается теперь соответственно 3,2 тыс., 4,4 тыс. и 138 тыс. Уже функционирует 2 тысячи смешанных предприятий, из которых 90 % приносят доход.¹⁷

Объем иностранных инвестиций в 1986 г. (по соглашениям) составил 3,3 млрд. долл., или заметно меньше, чем годом ранее, что связано в первую очередь с ограничением со стороны КНР вкладов в создание объектов непродовольственной сферы. Всего к октябрю 1986 г. использовано 5,9 млрд. долл. иностранных инвестиций.

Огромный дефицит внешней торговли в 1985 г. (14,9 млрд. долл.) заставил Китай ужесточить использование иностранной валюты, ограничить импорт и всячески поощрять экспорт. Ситуация осложнялась низкими ценами на нефть на мировом рынке (в прежние годы на нефть приходилось 15—20 % стоимости экспорта). В 1986 г. доходы от экспорта нефти уменьшились почти на 4 млрд. долл., или более чем вдвое. Потери удалось компенсировать расширением на 5 млрд. долл. вывоза продукции легкой промышленности. Неторговые поступления составили 5,6 млрд. долл. Дефицит внешней торговли сократился, но остался значительным — 12 млрд. долл.¹⁸

Следует отметить существенный рост экспорта изделий электронной промышленности — 560 млн. долл. против 150 млн. долл. в 1985 г. В частности, в капиталистические страны вывезено около 200 тыс. телевизоров (почти половина — из специальной экономической зоны Шэньчжэнь), в развивающиеся страны поставлены линии для производства радиоприемников, телевизоров, магнитофонов.¹⁹

В 1986 г. почти удвоился объем привлеченных кредитов — 6,9 млрд. долл. Общая сумма полученных с 1979 г. кредитов составила около 22 млрд. долл. В то же время внешнее финансовое положение Китая остается достаточно устойчивым. Долг КНР к сентябрю 1986 г. составлял 6,9 млрд. долл., а запасы инвалюты — 10,4 млрд. долл.²⁰

Предполагается, что в 1987 г. темпы развития народного хозяйства КНР сохра-

няться на уровне прошедшего года. Будут продолжены усилия по модернизации предприятий и улучшению структуры производства. Силы и средства должны концентрироваться на ведущих предприятиях, а также в экспортных и импортзамещающих производствах.

В сельском хозяйстве ключевой проблемой остается зерно. Для стимуляции его сбора предполагается обеспечить встречную продажу крестьянам удобрений и дизельного топлива. С помощью повышения закупочных цен планируется увеличить производство хлопка. Ожидается также, что из-за увеличения цен на корма может пострадать свиноводство и птицеводство. Структура сельскохозяйственного производства должна совершенствоваться посредством расширения каналов обращения, развития рыночных отношений. Больше помощи намечается оказать отсталым районам.

В области реформы главной задачей будет повышение «жизнедеятельности» предприятий, т. е. создание условий для их эффективной работы. Дальнейшее развитие должно получить формирование рынка средств производства. В сфере финансов будут расширяться денежный рынок, различные формы кредитования и каналы обращения капитала. В целом, как в 1986 г., не планируется новых крупных мероприятий по расширению и углублению реформ. Предполагается продолжить урегулирование и стабилизацию уже осуществленных нововведений.

¹ См.: С. В. Степанов, В. Я. Портяков. Шестая пятилетка КНР: итоги и проблемы. — «Проблемы Дальнего Востока», 1986, № 2.

² In: «Beijing Review», 1987, N 1.

³ Ibid.

⁴ См.: «Цзинцзи жибао», 21.XII.1986.

⁵ См.: «Жэньминь жибао», 12.III.1986.

⁶ In: «Beijing Review», 1986, N 33.

⁷ In: «Beijing Review», 1987, N 5—6.

⁸ См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1987, № 3.

⁹ См.: «Цзинцзи жибао», 21.XII.1986.

¹⁰ См. там же.

¹¹ См.: «Хунци», 1986, № 8.

¹² См.: «Цзинцзи сяоси», 14.XI.1986.

¹³ См.: «Синьцзян цзинцзи даобао», 10.IX.1986.

¹⁴ См.: «Лилунь синьсибао», 17.IX.1986.

¹⁵ In: «Beijing Review», 1986, N 50.

¹⁶ Ibid., N 48.

¹⁷ In: «China Daily», 9.VI.1986.

¹⁸ См.: «Жэньминь жибао», 21.II.1987; «Beijing Review», 1987, N 4.

¹⁹ In: «Beijing Review», 1987, N 2.

²⁰ In: «Beijing Review», 1987, N 1, 3.

Хозяйственная реформа в КНР и миграция населения

*Е. Ф. СЕЛИВАНОВА,
кандидат экономических наук*

Хозяйственная реформа в КНР вызвала целый ряд новых явлений в социально-экономической жизни страны. Она привела и к кардинальным изменениям в миграционных процессах. Образно говоря, страна ныне вступает в период подлинного «миграционного бума».

В течение веков Китай представлял собой разобщенную по отдельным районам страну с чрезвычайно низкой подвижностью населения. В феодальном Китае слабое развитие экономических связей, обособленное развитие районов и провинций, натуральный в целом характер экономики предопределяли низкую мобильность населения, рабочей силы. Лишь стихийные бедствия, войны вынуждали людей целыми семьями покидать родные места в поисках пищи, крова и мирной жизни.

Впоследствии, в период господства империалистических государств, когда в Китае возникли очаги крупного производства в приморских районах Восточного, Северо-Восточного и Южного Китая, потребность в рабочей силе промышленных предприятий иностранных компаний была ограниченной, и в движение приводилась лишь небольшая часть населения.

С образованием КНР в ходе социалистической индустриализации и крупномасштабного строительства в городах страны в годы первой пятилетки были созданы объективные условия для миграционного перераспределения населения, перелива сельской рабочей силы в города. За годы пятилетки, согласно официальным данным, из сельской местности в города переселились и нашли работу в различных отраслях индустрии 8 млн. крестьян¹. В условиях планового развития экономики возникла также необходимость пополнения трудовыми ресурсами быстро развивающихся районов страны. Поэтому наряду с развитием старых промышленных баз приморских районов в целях более равномерного размещения производительных сил страны, расширения пахотных площадей, вовлечения в хозяйственный оборот не разработывавшихся ранее полезных ископаемых возникали новые сельскохозяйственные базы (провинция Хэйлунцзян, Синьцзян) и десятки промышленных центров во внутренних и пограничных районах (города Пиндиншань, Хуайбэй, Мааньшань, Дукоу, Люпаньшань, Дацин и др.). Преобладающая часть населения пограничных районов представляла собой переселенцев из внутренних провинций страны. Одновременно развивались, многократно увеличивая численность населения, такие города внутренних районов, как Сиань, Ланьчжоу, Ухань, Чунцин.

Необходимость наиболее полного использования природно-хозяйственных ресурсов, а также более рационального размещения населения по территории страны определяла миграционные процессы и в последующие десятилетия. В итоге за 30 с лишним лет сложились устойчивые миграционные потоки из густонаселенных провинций Хэнань, Шаньдун, Цзянсу, Аньхой, расположенных между реками Хуанхэ и Янцзы, из провинции Сычуань, где плотность населения в отдельных районах достигала в начале 50-х гг. 500 человек на 1 кв. км, а также из крупнейших городов (Пекина, Шанхая, Тяньцзиня). Люди переселялись в провинции Северного, Северо-Восточного, Северо-Западного и частично Юго-Западного Китая, имеющие плотность населения значительно ниже средненационального уровня. В целом географическое направление межрайонной миграции можно изобразить по осям «восток—запад», «юг—север».

Перемещение по названным направлениям способствовало заметному повышению плотности населения в районах притока мигрантов. Так, например, в провинции Хэйлунцзян увеличение плотности населения с 15 человек на 1 кв. км в 1951 г. до 69 в начале 80-х гг. произошло на одну треть за счет переселенцев. Миграция в значительной степени оказывала влияние и на рост городского населения в этих районах. Об изменении доли городского населения различных районов в общей численности городского населения страны красноречиво свидетельствуют данные официальной статистики КНР.

Таблица 1
Изменение доли городского населения различных районов
в общей численности городского населения КНР
(в %)²

Районы	1953 г.	1965 г.	1984 г.
Приморские	54	50	46
Внутренние	31	30	32
Пограничные	15	20	22
В целом по стране	100	100	100

Как видно из таблицы, наибольшие изменения произошли в приморских и пограничных районах. Быстрый, опережающий рост численности городского населения наблюдается в пограничных районах. Так, например, с 1957 по 1982 г. городское население в автономном районе Внутренняя Монголия увеличилось в 3,1 раза, в Синьцзян-уйгурском автономном районе — в 4,1 раза. В приморских провинциях оно тоже значительно возросло. За тот же период в Шаньдуне стало в 2,9 раза больше городских жителей, в Аньхое — в 2,4, в Цзянсу — в 1,5 раза³. Это в определенной степени отражало процессы как межрайонного, так и внутрирайонного (в пределах провинции) перемещения населения.

После образования КНР определились два основных вида миграции: стихийное переселение крестьян в города (в надежде найти там работу, повысить свой жизненный уровень) и организованное государством плановое переселение в различные районы страны по экономическим и политическим мотивам как городских, так и сельских жителей. При этом роль государства в регулировании мобильности населения была очень велика. В истории развития миграции населения КНР известны периоды, когда организованное перемещение носило принудительный характер, осуществлялось в директивном порядке. Это — приток 30 млн. крестьян в города, а затем перемещение их обратно в сельские местности в годы «большого скачка», высылка 17 млн. городской «грамотной молодежи» в сельскую местность и горные районы страны в течение 1966—1976 гг.⁴

Государством определялись не только направления переселений, но и строго контролировались путем экономических мер и политических санкций масштабы мигрирующего населения. Длительное существование введенной в 50-е гг. карточной системы, нормированное снабжение в народных коммунах, единая система централизованного распределения и найма на работу привязывали основную часть населения к месту проживания, исключали свободное его перемещение по стране. К тому же осуществление политики ограничения роста крупных и рационального развития средних городов сдерживало стихийный наплыв крестьян в города.

Важным фактором, ограничивающим мобильность населения в течение десятилетий после «большого скачка», являлись низкие темпы капитального строительства в городах, осуществление индустриализации главным образом за счет повсеместного развития мелкого неспециализированного производства, характеризующегося, как известно, «соседностью и замкнутостью производителя»⁵.

В результате действия всех этих факторов миграция населения в течение длительного периода проходила в незначительных размерах и в целом не отражала прогрессивного развития производительных сил страны. По данным китайских исследователей,

межрайонная постоянная миграция за 30 с лишним лет составила 25—30 млн. человек и немногим более 30 млн. с учетом внутрирайонной миграции⁶. Это означает, что в течение года примерно 1 млн. человек, или менее 0,1 % населения страны, имели возможность поменять постоянное место жительства. Даже из густонаселенных провинций отток населения был незначительным. Из провинции Шаньдун, например, за 30 с лишним лет выехало 4 млн. человек, то есть ежегодно провинцию покидало в среднем 130 тыс. жителей, что составляло, например, в 1982 г. 0,17 % населения провинции⁷.

Проведение экономической реформы, сначала в сельских районах, а затем в городах, оказало существенное влияние на подвижность населения, положило начало нарастанию миграционных потоков, развитию различных форм и типов миграции.

В сельских районах переход на систему ответственности в форме семейного подряда привел к росту производства и денежных доходов крестьян, увеличению товарной продукции. Крестьяне получили возможность реализовывать излишки своей продукции на рынках в городах и соседних районах. С ограничением карточной системы и отменой карточек на некоторые товары, в частности на хлопчатобумажные ткани, была устранена экономическая причина прикованности сельских жителей к своим деревням, к месту проживания. К тому же повышение интенсивности труда крестьян в рамках дворового подряда приводило к высвобождению из традиционных отраслей сельского хозяйства значительной части сельской рабочей силы, появлению десятков миллионов «лишних» рабочих рук в сельских районах. В силу этих причин крестьяне вынуждены были искать занятие вне сельскохозяйственного производства, предлагать свою рабочую силу в мелкой промышленности, строительстве, на транспорте, в торговле, ремонтных работах.

В ходе экономической реформы в городах оживление и развитие коллективной и индивидуальной форм собственности, существенное расширение на их базе в первую очередь сферы услуг, торговли, общественного питания открыли новые каналы занятости и предполагали привлечение рабочих рук в широких масштабах⁸. Это позволило не только в сравнительно короткие сроки в основном решить проблему открытой безработицы среди молодежи в городах (о ее наличии было официально объявлено в 1979 г.), но и создать условия для трудоустройства дополнительной рабочей силы из других районов.

Экономическая реформа на предприятиях, важным моментом которой является расширение сферы самоуправления предприятий, закупки части необходимых для производства сырья и материалов на рынках в различных районах страны и в определенных пределах самостоятельный сбыт своей продукции, потребовала привлечения дополнительных рабочих рук в сферы производства, снабжения и сбыта.

Весьма существенное влияние на увеличение подвижности занятого населения оказало сужение рамок строго централизованного распределения рабочей силы, предоставление трудящимся возможности самостоятельного трудоустройства, свободного выбора места работы, а также появление у части предприятий права самим нанимать необходимый по численности и качественным характеристикам персонал, в том числе временных и контрактных рабочих⁹. При этом в отраслях, использующих простой физический труд (в строительстве, например), предпочтение при найме отдается сельским молодым рабочим в силу их большей физической выносливости и неприхотливости.

По мере развития, расширения и углубления хозяйственной реформы (оживление товарного обращения между городом и деревней и в целом по стране; создание и развитие специальных экономических зон, нуждающихся в рабочей силе определенного качества; увеличение капитального строительства; упорядочение структуры занятости) заметно возросли масштабы мигрирующего населения, ежегодно увеличивались темпы миграции. По утверждению китайской печати, за годы экономической реформы во внутренней миграции участвовало гораздо больше людей, чем за предыдущие три десятилетия. В 1982 г. постоянная миграция составляла 30 млн. человек, в последующие годы потоки мигрантов значительно увеличились, и в 1985 г. число постоянных мигрантов превысило 40 млн. человек¹⁰.

Резко возрос за годы хозяйственной реформы пассажирооборот всех видов транспорта — один из важных показателей мобильности населения. Если за 30 лет (с 1949 по 1978 г.) средние годовые темпы роста пассажироперевозок составляли 8,7 %, то в

течение первых шести лет осуществления экономической реформы (1978—1984) эти темпы поднялись до 12,7 %¹¹. Существенным является тот факт, что в течение этого периода, по мнению некоторых китайских исследователей, эти темпы из года в год нарастают.

Таблица 2

Увеличение пассажирооборота в 1981—1984 гг.
(в % к предыдущему году)¹²

	1981 г.	1982 г.	1983 г.	1984 г.
Общий пассажирооборот	9,6	9,8	12,8	15,5
в том числе ж/д транспорта	6,5	6,9	12,8	15,2

Данная таблица свидетельствует о том, что перевозки пассажиров, в том числе и на одном из самых распространенных видов перемещения по стране, железнодорожном транспорте, весьма заметно увеличились в 1984 г., когда в соответствии с решениями 3-го пленума ЦК КПК 12-го созыва о перенесении центра тяжести осуществления реформы в города было положено начало всесторонней хозяйственной реформе в стране.

Интенсивность передвижения городского и сельского населения неодинакова. Несмотря на то что из 40 млн. мигрантов городские и сельские жители составляли в 1985 г. примерно равные части, то есть по 20 млн. человек, по относительному показателю мобильность городского населения почти в два раза выше. В 1985 г. в городах и поселках проживало 382,4 млн. человек и 20 млн. мигрантов составили 5,2 %, а 20 млн. сельского населения, общая численность которого была в 1985 г. 662,9 млн. человек, — лишь 3 %¹³.

Активность перемещения населения по территории страны обусловлена также различиями в экономическом развитии районов, провинций, городов Китая. Наибольшая интенсивность процесса миграции отмечается в приморских районах, специальных экономических зонах, в крупных городах и промышленных центрах, отличающихся более высокими, чем в целом по стране, темпами капитального строительства, торговой деятельности, потребностью в научно-технических кадрах. Например, в провинциях Гуандун, Фуцзянь число мигрантов за годы реформы увеличилось вдвое, причем только в 1985 г. — на 40 %¹⁴. Эти провинции отличаются также и высоким темпом роста пассажироперевозок: в провинции Гуандун в 1984 г. объем пассажироперевозок по сравнению с предыдущим годом увеличился на 26,8 % против 15,5 % в среднем по стране¹⁵.

Еще в большей степени усиливается миграционный процесс с развитием специальных экономических зон (СЭЗ) — Шэньчжэнь, Чжухай, Аомынь, Шаньтоу, — образованных в 1980 г. Примером тому является специальная экономическая зона Шэньчжэнь провинции Гуандун.

Таблица 3

Факторы роста численности населения СЭЗ Шэньчжэнь
в 1979—1983 гг.¹⁶
(в тыс. человек)

	1979 г.	1980 г.	1981 г.	1982 г.	1983 г.
Общая численность населения	70,9	84,1	98,3	128,6	165,0*
Естественный прирост	1,2	1,2	1,8	2,0	1,0
Механический прирост	1,6	11,9	12,5	28,3	35,4

*Население СЭЗ в 1983 г. составляло 40,7 % от общей численности населения уезда Шэньчжэнь, насчитывающего 405 тыс. человек («Жэнькоу юй цзинцзи», 1986, № 2, с. 58).

За 5-летний период механический прирост составил 89,7 тыс. человек, более чем в 12 раз превысив естественный прирост в 7,2 тыс. человек за тот же период. 94,5 % общего прироста населения, составившего 94 тыс. человек, произошло за счет мигрантов. Это существенным образом повлияло на соотношение естественного и механического приростов в общем приросте населения СЭЗ Шэньчжэня. Доля механического прироста с 57,4 % в 1979 г. увеличилась до 97,2 % в 1983 г. Приток мигрантов играет существенную роль в увеличении численности населения СЭЗ. В перспективе планируется довести численность населения СЭЗ до 400 тыс. в 1990 г. и до 800 тыс. человек в 2000 г., не снижая интенсивность переселения контингентов рабочей силы из других районов¹⁷.

Китайские исследователи выделяют среди крупных городов и промышленных центров 10 городов с мобильностью населения, значительно превышающей средний показатель (5,2 %). К ним относятся: Пекин, Шанхай, Тяньцзинь, Шэньян, Чанчунь, Харбин, Нанкин, Гуанчжоу, Ухань, Сиань. В 1985 г. ежедневное число мигрантов составило в этих городах 4,4 млн. человек, или 14 % общей численности населения этих городов¹⁸. Первое место по интенсивности миграционных потоков принадлежит Шанхаю, в котором в зависимости от сезона число мигрантов колеблется от 590 тыс. до 1650 тыс. человек¹⁹. В Пекине мигранты насчитывают от 700 тыс. до 880 тыс.²⁰, в Ханчжоу — 200 тыс. человек²¹.

Подлинный «бум миграции» в стране возродил не только традиционные ее формы и типы, но и привел к возникновению новых, отражающих специфику экономического развития страны в условиях проводимой реформы. Китайские ученые отмечают наличие в стране следующих видов миграции: по характеру — постоянная, сезонная, временная («маятниковая», «челночная»); по направлениям — «село — город», «пригород — город», «город — город».

Наиболее распространенной в Китае является в настоящее время «маятниковая» миграция в течение суток. В крупных городах, промышленных центрах формируются устойчивые контингенты мигрантов в основном из рабочих, служащих, учащихся, составляющие 80 % всего мигрирующего населения²². В Шэньяне, одном из крупных промышленных центров страны с населением 2,8 млн. человек, в течение суток в пределах города мигрирует 2 млн. человек, то есть 70 % населения²³. Сформировалось два устойчивых «коридора миграции» между жилыми и промышленными районами, по которым ежедневно перемещаются 500 тыс. человек²⁴. В Фучжоу этот тип миграции распространяется на 70 % всех мигрантов города²⁵.

Другим наиболее распространенным видом миграции является «челночная миграция», то есть перемещение на дальние расстояния на срок до трех месяцев за пределы места постоянного проживания. Это — перемещение населения, рабочей силы между городом и пригородом, городом и близлежащими уездами и городами. Своеобразным примером «маятниковой» и «челночной» миграции (в зависимости от расстояния и сроков) являются сложившиеся за годы реформы перемещения высвободившихся из сельскохозяйственного производства работников в поисках иных видов трудовой деятельности. Эти перемещения сельской рабочей силы происходят как внутри сельских районов, так и в близлежащие уезды, городские поселки. При этом крестьяне остаются постоянными жителями своих деревень. Трудовая деятельность, в значительной степени состоящая из несельскохозяйственных работ (строительство, промышленность, торговля, транспортные услуги, ремонт инвентаря, домашней утвари и пр.), может сочетаться с работой на своем приусадебном участке. При этом на долю сельскохозяйственного труда влияет удаленность места работы от места жительства. Некоторые закрепившиеся на мелких сельских предприятиях крестьяне передают свои приусадебные участки для обработки родственникам, получая от них вознаграждение в виде продовольственных пайков. Этот процесс в Китае получил название «ли ту бу ли сянь» — «оставить землю, но не покинуть родные места».

Как известно, за годы реформы число крестьян, оставивших сельскохозяйственную деятельность, превысило 100 млн. человек, из них в 1986 г. миграцией такого вида было охвачено по меньшей мере 76 млн. человек, занятых на сельских предприятиях или 20 % сельской рабочей силы²⁶. В отдельных районах численность крестьян, оставивших земледелие, оказывается весьма существенной. Например, в районе реки Янцзы за три года (1982—1985) доля сельскохозяйственного населения снизилась с 70 до 20 %²⁷. В пригородах Пекина, Шанхая, Шэньяна доля «оставшихся на земле крестьян»

составляет менее 50 %. По другим данным, «из пяти крестьян землю обрабатывает только один»²⁸.

Усилился за последние годы приток крестьян и в города. К середине 1986 г. в различных отраслях городской экономики было занято более 10 млн. сельских жителей²⁹. Из них, по официальной статистике, за 1978—1985 гг. как постоянные жители городов зарегистрированы 8,5 млн. человек³⁰. В некоторых городах крестьяне уже стали составлять наиболее многочисленную категорию среди мигрантов. Так, в Пекине в 1985 г. из общего числа постоянных мигрантов на долю крестьян приходилось 32 %, ганьбу — 25, рабочих — 16, служащих — 12 %³¹.

Постепенное решение в ходе хозяйственной реформы проблемы трудоустройства (ликвидация открытой безработицы в городах, расширение и открытие новых каналов занятости), а также определенное повышение жизненного уровня, удовлетворение потребностей в предметах первой необходимости и соответственно повышение и формирование новых духовных потребностей обусловили многообразие причин современной миграции населения КНР. Причины эти — экономические, социальные и семейно-личные. К экономическим причинам относятся поиски работы или смена деятельности, профессиональная переориентация, служебные командировки, розничная торговля на рынках в городах; к социальным — учеба, лечение, проведение школьных и студенческих каникул; к семейно-личным — традиционные посещения родственников в праздники и по другим причинам, свадебные путешествия, туризм и, наконец, кратковременные поездки за покупками в крупные города.

Этот перечень показывает, насколько в настоящее время расширились, стали разнообразнее личные мотивы и стимулы миграционного перемещения по сравнению с периодом низкой подвижности населения, когда поездки по стране ограничивались главным образом традиционными посещениями родственников по немногим национальным праздникам и ежегодными (раз в год) поездками друг к другу живущих раздельно супругов. Поездка за покупками в крупный город, например Шанхай, воспринимается китайским крестьянином как событие огромной важности (для него она означает «побывать немножко за границей»³²).

Среди причин, побуждающих миграционные передвижения, основными являются экономические. Это характерно для всех видов миграции (постоянной и временной, внутрирайонной и межрайонной). По данным обследования, в Пекине в 1985 г. 49,3 % общего числа мигрантов прибыли в столицу в надежде найти работу, 15,5 — для посещения родственников, 13,7 % — на учебу, совещания, осмотр достопримечательностей столицы и исторических памятников культуры³³.

Прибывшие в Пекин по экономическим соображениям занимаются самыми разнообразными видами деятельности в различных отраслях: в промышленности, строительстве (подрядные работы), транспортных перевозках (пассажирских и грузовых), в индивидуальной торговле продовольствием и товарами широкого потребления, в обслуживании населения по уходу за детьми и больными. В 1985 г. в Пекине трудовая деятельность по оказанию различных услуг населению была наиболее распространенной среди мигрантов, ею занимались 55 %, на промышленных предприятиях города смогли найти работу 27 %, частной торговлей было занято более 12 % общего числа мигрантов³⁴.

Осуществление в стране политики расширения связей с внешним миром и предоставление большей свободы перемещения способствовали росту числа туристов. В 1984 г. в Пекине среди зарегистрированных в течение года 80 млн. иностранных туристов и мигрантов-китайцев 97 % составляли граждане КНР³⁵.

Что же представляют из себя современные мигранты? Из кого они состоят? В условиях экономической реформы структура и состав мигрантов в КНР существенно изменились. Прежде всего сейчас это в подавляющем большинстве случаев молодежь из сельских районов. О возрастной структуре мигрантов, покидающих деревню для поисков работы в городах и поселках, свидетельствуют данные обследования густонаселенной провинции Цзянсу с высокой подвижностью населения и в целом дающей репрезентативное представление о миграционных процессах в стране. Из общего числа крестьян, прибывших в 1983 г. на работу в близлежащие поселки, лица в возрасте до 30 лет составляли 66 %, то есть $\frac{2}{3}$ мигрантов, лица свыше 50 лет — всего 11 %³⁶. Среди молодых рабочих выделяется группа до 25 лет, на нее приходится половина всех мигрантов. Подавляющее большинство новых рабочих из деревни — лица, не состоящие в браке и образующие семьи лишь через несколько лет после нахождения постоянного места жительства и работы.

Соотношение мужчин и женщин среди мигрантов из сельских районов в города зависит от ряда обстоятельств: степени удаленности нового места работы от родной деревни, структуры занятости в том или ином городе или поселке и др. Например, среди мигрантов в близлежащие малые города и поселки в провинции Цзянсу преобладают женщины, так как в отраслевой структуре этих районов значительное место занимает текстильная промышленность. И наоборот, если мигранты покидают деревню для работы в крупных городах, уезжают на большие расстояния, то в их составе мужчины составляют подавляющее большинство. Мужская рабочая сила значительно более мобильна, особенно на таких работах, как транспортировка грузов, строительство и даже сфера услуг. Среди освобождающихся из традиционных отраслей сельского хозяйства крестьян на каждые 10 мужчин приходится 4 женщины³⁷. Доля женщин среди устраивающихся на работу в общей численности мигрирующих крестьян уменьшается в зависимости от размеров города, расстояния от родных мест. И тем не менее в Пекине и других крупных городах за последние годы среди временно проживающих имеются десятки тысяч молодых женщин, устраивающихся на работу в детские учреждения, в качестве домашней прислуги.

Определенными особенностями отличается средний образовательный уровень мигрантов. Как правило, у сельских мигрантов он несколько выше, чем у крестьян, оставшихся в деревне, но ниже, чем у городского населения. Так, в той же провинции Цзянсу среди сельских мигрантов, прибывших в города и поселки в 1983 г., среднее образование имели 8,3 % мигрантов, неполное среднее — 38,2, начальное — 40,3 %, неграмотные и полуграмотные составляли 13,2 %³⁸. При сравнении образовательного уровня мигрантов с уровнем образования городских и сельских жителей выяснилось, что в группе лиц со средним образованием мигранты отстают от горожан на 20 пунктов, но опережают сельских жителей на 2,5 пункта.

Как правило, деревню покидают лица, имеющие определенную специальность (помимо навыков традиционной деятельности в сельском хозяйстве). Именно у них имеются лучшие возможности устроиться в городе на постоянную работу. Среди занятых в отраслях городской экономики мигранты составляют существенную часть.

До последнего времени лучшие возможности нахождения работы в городах для крестьян представлялись в индивидуальном и коллективном секторах, значительно меньше — в государственном. Однако с переходом на контрактную систему найма условия трудоустройства сельских жителей будут расширены. В целом миграционные потоки изменяют характер и структуру рабочей силы в сельских районах, в районах ее оттока, оказывают существенное влияние на распределение рабочей силы между городом и деревней, между традиционным сельским хозяйством и современными отраслями производства.

Таким образом, хозяйственная реформа в КНР обусловила резкое увеличение мобильности населения. Однако в значительной степени в настоящее время она носит стихийный характер, не всегда мигранты избирают для себя подходящие места жительства и работы, а их перелив из одной сферы деятельности в другую не носит оптимального характера с точки зрения нынешней экономической ситуации и уровня производительных сил. Зачастую мигранты предпочитают проникновение в крупные города с развитой экономикой и инфраструктурой.

Однако города Китая оказались неподготовленными к подобному «миграционному буму». За последние годы усиление миграции усугубило и без того сложные проблемы в крупных городах страны, в числе которых такие, как жилищная, транспортная, концентрация промышленного производства, загрязнение окружающей среды.

Перенаселенность крупных городов КНР характеризуется редчайшими в мире показателями плотности населения. В Пекине она составляет 26 тыс., в Шанхае — 42 тыс. жителей на 1 кв. км³⁹. Это усугубляется высокой концентрацией населения в пределах города. В столице КНР, например, на 2 % территории (общая площадь города 16 тыс. кв. км) сконцентрировано 45 % жителей⁴⁰.

В условиях высокой концентрации и плотности населения развитие транспортных услуг приобретает особую актуальность. Транспортная проблема является одной из наиболее сложных проблем городов Китая. В 1949 г. общественный транспорт имелся лишь в 26 городах страны, к 1983 г. им пользовались уже жители 239 городов. Возросла до 80 тыс. км протяженность транспортных магистралей, что в 54 раза больше, чем было в 1949 г.⁴¹ Увеличился до 45 тыс. единиц и общий парк различных видов

городского общественного транспорта, то есть в 18 раз по сравнению с 1949 г. Это главным образом автобусы, троллейбусы, трамваи (в 4 городах), метро (в двух городах — Пекине и Тяньцзине — общей протяженностью 47 км). Кроме того, в городах страны в 1983 г. насчитывалось уже 16 тыс. легковых такси. Однако относительная обеспеченность транспортными средствами остается крайне низкой: на 10 тыс. жителей приходится 2,2 единицы всех видов общественного транспорта¹².

Развитие общественного транспорта на протяжении десятков лет происходило крайне низкими темпами, и парк представлен старыми, изношенными транспортными средствами.

Традиционно и в силу необходимости самым распространенным видом городского транспорта является велосипед (60 % пассажировозок). В стране парк велосипедов насчитывает 120 млн. (1-е место в мире), а на 10 человек городского населения приходится 6 велосипедов. Наибольшее их число сосредоточено в Пекине (4 млн.) и в Тяньцзине (2,7 млн.)¹³. Наличие велосипедного транспорта создает и определенные сложности — необходимость создания велосипедных стоянок и дорожек на транспортных магистралях, что значительно сужает ширину дороги для общественного транспорта. Узкие улицы, скученность транспортных средств снижают скорость, создают аварийные ситуации. Средняя скорость движения транспорта в крупных городах страны составляет 35—40 км/час, в часы «пик» падает до 15—19 км/час, а в Шанхае, например, где транспортная проблема стоит очень остро, — до 5 км/час.

Другой сложной и пока трудноразрешимой проблемой в городах является жилищная проблема. Общая площадь городского жилого фонда на конец 1984 г. составляла 517 млн. кв. м, в том числе в Пекине — 34 млн. кв. м, в Шанхае — 33, в Тяньцзине — 18,5, в Шэньяне — 11,8 млн. кв. м¹⁴. В среднем на одного городского жителя приходилось 5,0 кв. м. Характерно, что в средних и малых городах обеспеченность жильем выше, чем в крупных городах. Так, например, если в Пекине на одного городского жителя приходилось 5,9 кв. м, в Шанхае и Тяньцзине — по 4,7 кв. м, в Шэньяне — 4,3 кв. м жилья, то в таких средних городах, как Чаншу (провинция Цзянсу), Чжуншань (провинция Гуандун) — соответственно 8,3 и 8,2 кв. м¹⁵. Это объясняется низкой стоимостью строительства жилья в средних и малых городах в ущерб качеству и удобствам.

Плохо обеспечены жильем жители промышленных городов Северо-Восточного Китая, где жилищное строительство не велось в течение многих лет, жилой фонд представлен главным образом постройками периода японской оккупации и лет первой пятилетки. В Харбине на одного жителя приходилось 3,8 кв. м, в городах Бэньси и Цицикаэ — 3,5 кв. м. Наряду с этим в привилегированном положении оказываются жители СЭЗ. Так, в Шэньчжэне на каждого жителя приходится почти 12 кв. м, в Чжухае — 11 кв. м¹⁶.

Качество жилья в большинстве городов очень низкое и не отвечает современным потребностям городского жителя. Часть жилого фонда находится в аварийном состоянии. Даже в столице многочисленные одноэтажные постройки с глиняными стенами подвержены разрушению в периоды ливневых дождей. Благоустроенность квартир находится на низком уровне. В Пекине, например, лишь 10 % жилого фонда имеет центральное отопление, газифицировано всего 100 тыс. квартир, 700 тыс. семей пользуются сжиженным газом. Остальная преобладающая часть населения пользуется печками и мелкими котельными, что приводит к большому расходу топлива и загрязнению окружающей среды.

Крайне напряженным является положение с водоснабжением — во-первых, ввиду дефицита воды и, во-вторых, плохого ее качества. В часы наиболее высокого потребления вода не поднимается выше 3-го этажа. Иссекают источники питьевой воды, что вынуждает ежегодно увеличивать глубину скважин. А это удорожает стоимость водоснабжения. Из более чем 300 городов Китая 150 испытывают острый хронический дефицит питьевой воды.

Условия проживания в городах для мигрантов в большинстве случаев весьма трудны. Немногим удается остановиться у родственников. Тысячи же временных жителей, не имея постоянного места жительства и из-за недостатка мест в гостиницах, ютятся в переполненных общежитиях, на рынках, в джонках (например, в Шанхае). По признанию китайской печати, «переполнение населением больших городов, напряженная ситуация в трудоустройстве, жилье, на транспорте, в обеспечении энергией, массо-

вое вторжение крестьян в большие города могут отрицательно сказаться на экономической эффективности городской экономики и условиях жизни городского населения»⁴⁷. Однако, признавая существующие трудности, китайские исследователи справедливо считают, что усиление миграции, подвижности населения — явление прогрессивное, неизбежное в социально-экономическом развитии страны. Они ставят перед собой важную и сложную задачу по разработке стратегии, снижающей стихийный характер миграции, способствующей рациональному размещению населения по территории страны.

¹ См.: «Лаодун», 1957, № 21, с. 9.

² «Дили чжиши», 1985, № 11, с. 2.

³ См.: Чжунго 1982 нянь жэнькоу пуча цзыляо, с. 26.

⁴ См.: «Лаодун цзинцзи», 1984, № 11, с. 28.

⁵ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, с. 549.

⁶ См.: «Жэньминь жибао», 12.XII.1986.

⁷ См. там же.

⁸ За один год экономической реформы в городах число занятых в сфере услуг и общественного питания увеличилось с 6 млн. до 10,6 млн. человек, причем в коллективном секторе с 4 млн. до 7,8 млн. человек (См.: Чжунго тунцзи няньцзянь — 1984, с. 108; Чжунго тунцзи няньцзянь — 1985, с. 214, 224). В Пекине в течение 1978—1983 гг. ежегодный прирост числа занятых в III сфере составил 7,3 %, что значительно превышало темпы роста общей занятости — 4,3 %. К 1983 г. доля занятых в III сфере составила 33,3 % (см.: «Жэнькоу яньцзю», 1986, № 3, с. 6).

⁹ В настоящее время в стране контрактная система охватывает 5,2 млн. работников. См.: «Жэньминь жибао», 21.II.1987.

¹⁰ См.: «Жэнькоу юй цзинцзи», 1986, № 3, с. 3.

¹¹ См. там же, с. 7.

¹² См. там же, с. 7.

¹³ См.: «Жэнькоу юй цзинцзи», 1986, № 3, с. 6; Чжунго тунцзи чжайяо — 1986, с. 21.

¹⁴ См.: «Жэнькоу сюэ», 1985, № 8, с. 16.

¹⁵ См.: «Жэнькоу юй цзинцзи», 1986, № 3, с. 8.

¹⁶ См.: «Жэнькоу юй цзинцзи», 1986, № 2, с. 59.

¹⁷ См.: «Жэнькоу», Шанхай, 1986, № 1 с. 26.

¹⁸ См.: «Баокань вэньчжай», Шанхай, 21.V.1985.

¹⁹ См.: «Вэньхуэй бао», 27.X.1984; «Цзефан жибао», 9.XI.1985.

²⁰ См.: «Бэйцзин ваньбао», 6.VIII.1985.

²¹ См.: «Жэнькоу сюэ», 1985, № 6, с. 22.

²² См.: «Жэнькоу яньцзю», 1986, № 4, с. 24.

²³ См. там же, с. 25.

²⁴ См. там же, с. 24.

²⁵ См.: «Жэнькоу сюэ», 1985, № 6, с. 18.

²⁶ См.: «Цзинцзи жибао», 21.XI.1986.

²⁷ См.: «Жэньминь жибао», 13.II.1985.

²⁸ См.: «Лаодун цзинцзи», 1986, № 12, с. 25.

²⁹ См.: «Жэньминь жибао», 30.VII.1986.

³⁰ См.: Чжунго тунцзи няньцзянь — 1985. Пекин, 1985, с. 235; Чжунго тунцзи чжайяо — 1986, Пекин, 1986, с. 30.

³¹ См.: «Жэнькоу юй цзинцзи», № 1, 1986, с. 5.

³² См.: «Жэнькоу», 1985, № 6, с. 22.

³³ См.: «Жэнькоу юй цзинцзи», 1986, № 1, с. 13.

³⁴ См. там же, с. 7.

³⁵ См.: «Чжунго люйю бао», 8.I.1985.

³⁶ См.: Фэй Сяотун. Сяо чэньчжэнь да вэньти. Т. 1, 1984, с. 291.

³⁷ См.: Фэй Сяотун. Указ. соч., с. 282.

³⁸ См. там же, с. 291.

³⁹ Гаочжун дили фудао. Аньхой, 1985, с. 267.

⁴⁰ Гр: «Neues Deutschland», 19.VII.1986.

⁴¹ См.: Чэньши цзинцзи гуаньли сюэ, 1985, с. 269.

⁴² См.: Чжунго чэньши тунцзи няньцзянь — 1985. Пекин, 1985, с. 279.

⁴³ Чэньши фацжэнь чжаньлюэ яньцзю. Пекин, 1985, с. 288.

⁴⁴ См.: Чжунго чэньши тунцзи няньцзянь — 1985, с. 271—273.

⁴⁵ См. там же, с. 279.

⁴⁶ См. там же, с. 283, 285.

⁴⁷ См.: «Жэнькоу юй цзинцзи», 1985, № 1, с. 36.

Реформа хозяйственного механизма и уголовное право в Китае

Э. З. ИМАМОВ,
кандидат юридических наук

В конце 70-х гг. в Китайской Народной Республике активизировались усилия по строительству национальной правовой системы. Ее нормативную базу составили крупные, в том числе и кодифицированные, законодательные акты, многие из которых в своей основе были разработаны еще в 50-е гг. Одновременно набирала темпы хозяйственная реформа, целью которой было внести существенные изменения в экономику страны: учитывая ее многоукладность, расширить сферу товарно-денежных отношений, использовать возможности рыночного регулирования. Это потребовало от китайского законодателя тщательного учета качественных изменений условий материального производства, складывающихся новых распределительных отношений, хода и особенностей хозяйственной реформы.

Однако данное требование не всегда удавалось реализовать в нормотворческой практике. Особенно это сказалось на отраслях права, не имеющих прямого отношения к регулированию производства материальных благ, а выполняющих охранительные функции. Недостаточность динамизма в них объясняется причинами субъективного порядка — трудностями понимания сути новых явлений, сложностью объяснения их природы с точки зрения господствующего в китайском обществе правосознания.

«Реформа экономической системы ускорила процесс пересмотра критериев оценки тех или иных действий»¹. Она потребовала «совершенствования старых и принятия новых правовых норм, выделения тех деяний, которые соответствуют закону, и тех, которые подлежат осуждению со стороны общества»; выяснения вопросов: какие новые общественные отношения подлежат безусловной охране от преступных посягательств, какие методы должны преобладать при этом, как обеспечить реализацию принципов социалистической законности и т. д.? В связи с резким повышением числа экономических преступлений эти вопросы сфокусировались в рамках проблематики одобряемого и неодобряемого поведения — центральных понятий правовой политики в сфере предупреждений преступности и борьбы с ней.

Важнейшие законодательные акты, выражающие эту политику, — Уголовные и Уголовно-процессуальный кодексы КНР, их новеллы, органические законы о прокуратуре, суде, адвокатуре, принятые на рубеже 70—80-х гг., — базировались на системе социально-правовых представлений дореформенного периода. Они не воплотили в себе политические, правовые, духовные ценности нового времени поэтому не могли нести массам в достаточном объеме и значении, исключая двусмысленность толкования, информацию о требуемом, дозволенном и запрещенном поведении, а также предоставлять личности соответствующие процессуальные гарантии.

Эти законодательные акты частично устарели уже к моменту принятия и устаревали еще больше с развитием хозяйственной реформы. «Наш Уголовный кодекс был принят в 1979 г. в соответствии с потребностями практической ситуации тех лет... Число норм об экономических преступлениях или крайне незначительно и они с трудом подходят к квалификации преступной деятельности многих видов, или статьи кодекса вовсе не содержат составы новых преступлений, появившихся позже»¹.

«Положение об адвокатуре составлено на основе опыта 50-х гг., обстановки тех лет. Однако за последние годы произошли существенные изменения... Положение не содержит необходимых установок», — отмечается в литературе⁴.

Преступность и наказуемость деяний в хозяйственной сфере — халатность, злоупотребление властью, нарушение правил конкуренции, извлечение нетрудовых доходов, спекуляция, приведение предприятий к банкротству и т. д. — в значительной степени детерминированы особенностями материального производства, которые нередко напрямую способствуют ликвидации одних и появлению других форм неодобряемого поведения. Предельно точно эту мысль выразил К. Маркс: «Нарушение закона является обычно результатом экономических факторов, не зависящих от законодателя...»⁵.

При однородности производственных отношений, являющейся следствием существования в обществе только одного экономического уклада, законодателю несложно четко очертить контуры неодобряемого поведения, которые, как правило, бывают очевидны для народа.

Иначе обстоит дело в обществе, где с господствующими производственными отношениями соседствуют и развиваются другие отношения, качественно отличающиеся от первых. Каждая совокупность производственных отношений генерирует свои разновидности неодобряемого поведения, что делает практически невозможным разработку единых критериев криминализации деяний. Это обстоятельство в свою очередь объясняет отсутствие единого законодательного акта, в достаточно обобщенной форме описывающего все возможные в данном обществе виды преступного поведения.

Все попытки описать преступления в едином нормативном акте ведут, как правило, к преобладанию в нем нравственно-оценочных, юридически неконкретных понятий, расплывчатых формулировок или, наоборот, казуистичных составов, а также апелляции к декларациям политики, принципам нравственности и т. д. Все это девальвирует ценность законодательных решений и практически относит вопросы определения преступности конкретного деяния к компетенции правоприменительных органов.

В силу указанных причин в Китае не удастся выработать общие критерии преступного поведения в сфере производства, распределения и обмена материальных благ, т. е. определить понятие экономического преступления.

Последняя попытка ликвидировать экономическую преступность методами устрашения была предпринята в Китае в 1982 г. путем введения в действие жесточайшего по репрессивности Постановления об усилении наказаний в отношении лиц, совершивших серьезные хозяйственные преступления. Эта попытка не увенчалась успехом — за полтора года применения норм постановления экономическая преступность в Китае не уменьшилась, а, напротив, «достигла наибольших масштабов за весь период со дня образования КНР»⁶.

С этого момента китайский законодатель не издает никаких законов, специально направленных на борьбу с экономической преступностью, хотя ее показатели неуклонно растут и, как заявил генеральный прокурор Китая Ян Ичэнь, в 1986 г. достигли степени «разгула», а по словам председателя Верховного народного суда Чжэн Тяньсяна, экономические преступления в Китае не только наносят тяжелый экономический ущерб, но и ставят под удар хозяйственную реформу и даже дело социалистического строительства⁷.

Как отмечается в литературе КНР, попытка заменить конфуцианский императив поведения «упор на долг, пренебрежение интересом, выгодой» на принцип реформы «упор и на долг, и на выгоду» обернулась возобладанием в поведении некоторой части населения корыстных пристрастий: «пренебрежение долгом, упор на выгоду»⁸.

После неудачи с постановлением от 8 марта 1982 г. китайское государство проявляет сдержанное отношение к уголовной репрессии как средству борьбы с экономической преступностью. В основе этого лежит, на наш взгляд, более глубокое, чем прежде, понимание тесной взаимосвязи рассматриваемых негативных явлений с хозяйственной реформой. Феномен экономической преступности стал теоретически правильно истолковываться как трудности роста переходного периода, как следствие «позатупности проведения реформы, когда некоторые пороки прежних структур уже ликвидированы, другие только исправляются, а третьих реформа еще не коснулась. Часть экономической деятельности переведена на новые рельсы, но другая еще не покинула прежнюю колею, прежние связи экономических интересов

атакованы, но рациональная структура новых связей не может быстро сформироваться, что усложняет макроконтроль и рационализацию микроконтроля. Поэтому в управлении возникают некоторые бреши и слабые места, и создаются условия и возможности для некоторых людей заниматься дурными делами и становиться на скользкий путь»⁹.

В Китае в настоящее время наиболее обоснованно полагают, что реальная возможность противостоять экономической преступности заключается в создании надежного юридического механизма, регулирующего производства, обмен и распределение материальных благ, что должно привести к ликвидации изначальных причин и условий, способствующих совершению экономических преступлений.

Кроме того, результаты анализа правоприменительной деятельности в стране за последние годы показали несостоятельность расхожего тезиса о некоей саморегуляции социалистического общества только посредством использования объективно действующих экономических законов без научного руководства со стороны коммунистической партии. Как отмечается в журнале «Хунци», «разделение функции партийных и административных органов вовсе не означает, что народные правительства могут отрываться от руководства парткомов». Далее следует важный как в теоретическом, так и в практическом отношении вывод о том, что «ослабление партийного руководства является главной причиной злоупотреблений на острове Хайнань»¹⁰.

В Китае необходимо решить ряд новых для всей социалистической теории права вопросов криминологии и уголовного права в их неразрывной связи с особенностями разных секторов производства, спецификой различных форм собственности. В правосознании народа должна быть проведена граница между такими понятиями, как предприимчивость руководителей и должностные преступления, индивидуальный эгоизм и коллективный интерес, коллективный и общегосударственный интересы и т. д.

В этой связи в журнале «Хунци» справедливо подчеркивается, что наказание участников хайнаньского автомобильного дела и дела о производстве фальшивых медикаментов не закрывает темы о содержании социально одобряемых и неодобряемых форм поведения. Журнал полагает, что предстоит ответить на такие вопросы: «Что следует понимать под партийностью коммуниста? Что означает отсутствие партийности? Как должен поступать член партии, а от каких поступков ему следует воздержаться? Какие действия, поступки отвечают интересам партии и народа, а какие противоречат им? Как урегулировать отношения между личностью и партией, между личностью и народом?»¹¹ и т. д.

В ряде случаев перестали выполнять свои регулятивные функции и возможности морали. «Если в прошлом вопросы ответственности за односторонний отказ от соблюдения обязательств по договорам и за присвоение результатов технических разработок рассматривались с позиций морали, то сегодня люди требуют, чтобы наложение на виновных экономических санкций или привлечение их к уголовной ответственности осуществлялось, опираясь на закон»¹².

В настоящее время ни в законодательстве, ни в правовой идеологии КНР не выработаны конкретные признаки отклоняющегося поведения активистов реформы. Некоторые правоведы в растерянности заявляют: «Характер общественной опасности ряда экономических преступлений вообще не поддается какому-либо определению»¹³.

При решении вопросов об уголовной ответственности участников новых производственных отношений, по мнению Хэ Бинсуна, необходимо «исходить из главной задачи нового исторического этапа, из интересов выполнения главной задачи партии и государства при определении признаков преступления, разграничении преступного и не преступного... нельзя квалифицировать как экономические преступления поступки людей, направленные на оживление экономики, особенно тех, кто смело осуществляет реформу, но допускает некоторые недостатки и упущения»¹⁴.

Отнесение того или иного деяния к преступлению предполагается осуществлять на основе оценочного принципа «всегда исходить не из своих субъективных критериев, а руководствоваться объективным критерием — отвечает ли то или иное дело интересам развития производительных сил общества»¹⁵.

В правоведении страны появляются интересные предложения по законодательному оформлению различных аспектов экономической жизни. Так, например, правовед Чжан Чжисе предлагает издать закон «О запрещении несправедливой конкуренции», в котором следовало бы «перечислить деяния, относящиеся к несправедливой

конкуренции, запретить фальсификацию, подделку товарных знаков, которые уже зарегистрированы другими людьми, запретить агитацию при помощи ложной рекламы и т. д. В качестве наказаний можно накладывать экономические санкции, применять административные меры, а также меры уголовно-правового воздействия»¹⁶. Однако Чжан Чжисе не дает, как это принято в таких случаях, собственного толкования проблемы: какие же конкретно деяния могут быть признаны столь общественно опасными, что потребуются вмешательство уголовного законодательства для пресечения и предотвращения их совершения? Ответ на данный вопрос мог бы послужить основой для раскрытия более общего понятия «несправедливая конкуренция», фигурирующего в заголовке предлагаемого законопроекта.

Ускорение реформы зависит от конкретного решения проблем неодобряемого поведения в сфере экономики, что, помимо прочего, оказывает непосредственное воздействие на формирование четкого социального статуса активистов реформы. Кроме того, это означало бы и их правовую защиту. «Реформа породила массу новых явлений. Отсутствие правового обеспечения повсеместно ведет к тому, что некоторых активистов реформы начинают считать преступниками. Размываются грани преступного и не преступного вплоть до их смешения»¹⁷.

Правильной позиции этих авторов противостоят мнения тех, кто не отождествляет необходимость правового регулирования действий участников новых производственных отношений с отказом от борьбы с экономической преступностью: «Имеется немало товарищей, ставящих под сомнение необходимость нанесения ударов по экономической преступности, ошибочно полагающих, что в целях ускорения реформы нельзя бить по экономическим преступлениям, так как это затормозит реформу»¹⁸.

По мнению китайских ученых, в настоящее время нецелесообразно подвергать коренному пересмотру положения устаревшего Уголовного кодекса (УК) страны. Гораздо более простым, эффективным, а главное, отвечающим духу реформы признается путь включения уголовных санкций в законы, регулирующие экономические отношения, а также разроботка и принятие так называемого кодекса экономических преступлений. Эти взгляды обосновывает У Чжипань: «Мы разрешили в определенных законом рамках рыночное регулирование и индивидуальное хозяйствование. Это ведь не разрушает плановую экономику и систему социалистической собственности на средства производства. Точно так же допущение в определенных рамках уголовных санкций в экономическом законодательстве не разрушит единства УК»¹⁹.

Приведенное мнение китайского ученого в целом выражает общую тенденцию правоведения КНР привести в соответствие правовотворчество, как явление надстроечного характера, с особенностями структуры базиса. По существу, предлагаемая концепция уже получила определенное практическое воплощение — на сегодняшний день уголовные санкции включены в десять нормативных актов, не имеющих прямого отношения к уголовному законодательству. Это законы о товарных знаках, патентах, лекарственных средствах и т. д.²⁰ Для обозначения всего этого многообразия уголовных законов, статей, норм в Китае используется термин «Уголовный кодекс в широком смысле слова».

В ходе научного и практического решения возникающих вопросов китайские ученые пересматривают некоторые традиционные положения теории уголовного права. «Элементы составов преступлений части экономических преступлений претерпели существенные изменения, невозможно толковать их, применяя традиционную теорию уголовного права, скажем, метод установления причинной связи между деянием и его последствиями... Необходимы исследования вопроса о замене штрафа, переносе ответственности... Сложны вопросы о возникновении новых объектов преступления и т. д.»²¹

Трудности в установлении причинной связи испытываются в Китае при рассмотрении таких преступлений, в которых субъект — руководитель хозяйственной единицы — принимает участие в реализации так называемых рискованных экономических мероприятий²², неблагоприятный исход которых несет предприятию существенный финансовый убыток. «Процент успеха при рискованных капитальных вложениях хотя и составляет всего 10—20 %, но он будет способен полностью восполнить потери государства»²³.

Действительно, степень риска в таких мероприятиях крайне высока (свыше 80 %), а потери предприятия, разумеется, никем не восполняются, что ставит его директора

в невыгодное положение перед членами трудового коллектива. Последние могли бы обвинить руководителя в должностной халатности, повлекшей серьезные экономические последствия для предприятия и лично для каждого работника, а правоприменение КНР может квалифицировать действия директора по статье 187 УК КНР. Однако современная правовая наука склонна не признавать подобные действия преступлениями по причине отсутствия как его субъективной стороны, так и причинной связи между управленческими шагами и наступлением материального ущерба. Следует отметить, что несколько лет назад в таких случаях усматривалось неосторожное преступление, характеризующееся виной в форме преступной самонадеянности.

В этой связи представляет большой интерес трактовка схожих ситуаций в советской юридической литературе. По мнению А. М. Яковлева, «явное рассогласование между объективными интересами хозяйственной единицы и субъективным осознанием их руководителем «можно констатировать когда: а) в результате грубой небрежности или некомпетентности руководитель заключает договор, приводящий к существенному имущественному ущербу руководимой им единицы; б) когда личные, корыстные интересы толкают его на умышленное заключение подобного договора»²⁴.

Эти деяния типичны в основном для «зарегулированной» экономики с преобладанием волевых методов управления. В обоих случаях криминальность действий руководителя очевидна, юридическая квалификация их не составляет труда.

Представляется, что вмешательство уголовного закона в рассматриваемых случаях окажется не проявлением его перспективных, отвечающих духу времени охранительно-гарантийных функций, как полагает А. М. Яковлев, а проявлением его устаревающих принудительно-регулятивных функций.

Преступные действия руководителей, основанные на личной корысти, грубой небрежности, присущи главным образом «зарегулированной» экономике. В Китае в современных условиях многие предприятия пользуются широкой самостоятельностью, что в ряде случаев порождает проблему руководства предприятием, противоречащего принципам социализма, интересам государства, общества, задачам охраны окружающей среды и т. д. В связи с этим актуальной становится защита общества от разрушительной мобильности самостоятельных хозяйственных единиц, а не только наказание руководителей, «греющих руки» путем использования служебного положения.

Показательны в этом отношении широко распространенные в Китае правонарушения, связанные с авансовыми ссудами. Заключив между собой хозяйственные договоры на выполнение различных работ, предприятия получают банковскую ссуду, но используют ее не по назначению, а для решения собственных проблем — выплаты долгов, вознаграждений работникам, закупки необходимого оборудования и т. д. Таким образом, использование ссуд противоречит их целевому назначению, чем наносится серьезный ущерб государственным интересам. Такой способ получения денег под взаимные работы, которые никогда не выполняются, называют «куплей-продажей пустоты»²⁵. Так, например, только в четырех районах Пекина в июле 1986 г. было выявлено 382 случая «пустых» авансовых сделок на общую сумму 247 тыс. юаней²⁶.

Для оживления экономики КНР банки ослабляют финансовый контроль, что приводит к расширению рамок обращения излишков финансов и средств производства. Начали усиленно складываться рынки средств производства и неликвидов предприятий и организаций, финансовые рынки, рынки информации, куда имеют доступ индивидуальные хозяйственники и представители коллективных предприятий.

Узость нормативной базы, обеспечивающей хозяйственную деятельность, не позволяет с достаточной четкостью определить одобряемые государством и обществом формы такой деятельности, осуществлять эффективный контроль в случае нарушений предписаний государства. Поэтому теоретики права вынуждены призывать хозяйственников и правоприменительные органы руководствоваться «духом документов 1965 г. для проведения грани правомерного и неправомерного»²⁷.

Здесь не случайны рекомендации соблюдать дух, а не букву, так сказать иероглиф, законов 1965 г., так как они безнадёжно устарели. Право 60-х гг. являлось юридическим выражением производственных отношений того времени. Сегодня произошли существенные изменения и в производственных отношениях, и в формах собственности КНР. Перед правовой наукой Китая стоит задача уяснения природы этих отношений, характера регулирующего их, но не получившего официального признания, неюридического права. Наука должна признать объективную необходимость развития право-

образовательного процесса до стадии официального признания неюридического права. Эта необходимость всегда существует в классовом обществе, по крайней мере при опосредовании отношений собственности и власти.

Пока же в целях «обуздания» общественно опасной деятельности некоторых активистов реформы в Китае предлагают усилить ответственность юридических лиц. Для этого, в частности, считают допустимым обращение к концепции буржуазной правовой идеологии, преимущественно японской, о привлечении к уголовной ответственности юридических лиц. Эта концепция предусматривает возможность совершения последними уголовных преступлений и последующее за этим применением к ним мер уголовного наказания²⁶.

Очевидно, что такое решение вопроса об ответственности юридических лиц основывается на специфике природы этого института в коллективном секторе китайской экономики и предполагает наказание не столько представителей юридических лиц (директор, главный инженер, главный бухгалтер и т. д.), сколько всех работающих на данном предприятии физических лиц, являющихся совладельцами коллективной собственности.

Кроме того, по мнению китайских ученых, уголовную ответственность следует распространить и на смежные предприятия, являющиеся юридическими лицами, которые хотя и не имеют отношения к преступлению, но для его предотвращения обязаны были оказать давление на руководящие органы юридических лиц, вынуждая их избегать совершения незаконных действий²⁷.

Столкновения между старыми и новыми представлениями о дозволенном и запрещенном поведении наблюдаются в Китае не только при рассмотрении хозяйственной деятельности предприятий. Нередко вокруг действий одного лица возникает множество вопросов, вызывающих большой резонанс в китайском обществе. Газета «Жэньминь жибао» подробно осветила дело инженера Пекинского металлургического комбината Чжао Цзяньюня, который за вознаграждение в 10 тыс. юаней оказывал помощь информацией и техническими услугами предприятиям индивидуального и коллективного сектора. Действия инженера были квалифицированы как хищение путем мошенничества, народный суд приговорил его к четырем годам лишения свободы условно, а партком комбината исключил из партии.

Спустя полгода пекинский городской суд отменил решение местного суда и оправдал Чжао Цзяньюня. Однако на комбинате продолжали считать Чжао преступником. «Те, кто привык к системе уравниловки, естественно, завидуют дополнительным доходам специалистов», — справедливо пишет по этому поводу газета²⁸.

Исследование сущности и содержания общественных отношений в Китае крайне непросто в силу отражения ими особенностей не только господствующей, но и других форм собственности, значение которых непрерывно возрастает. Защита этих общественных отношений от преступных посягательств предполагает прежде всего уяснение ряда вопросов соотношения характера преступного посягательства и объекта преступления.

Каким образом одно и то же посягательство воздействует на разные по содержанию отношения отрицательно, то есть деформирует их природу? Всегда ли к оценке этого воздействия допустимо подходить с точки зрения социалистического правосознания? Если определенной совокупности общественных отношений соответствует своя совокупность преступных деяний, характер отрицательного воздействия которых на объект преступления наиболее ярко и однозначно выражен, т. е. криминальность деяний очевидна, то будут ли эти деяния криминальны по отношению к другой, существенно отличающейся по своей природе, совокупности общественных отношений?

В правоповедении КНР встречаются разные, в том числе нетрадиционные, подходы к решению этих вопросов. Вполне естественным выглядит и отказ от старых методов трактовки соотношения преступного посягательства и объекта преступления. Однако новые подходы предусматривают излишнее ослабление значения того или иного признака преступления, что происходит главным образом из-за сложности юридической квалификации воздействия одного и того же деяния на разные общественные отношения, выступающие в качестве объекта преступления.

Теоретически это приводит к двум отрицательным последствиям. Во-первых, оказываются стертыми элементы субъективной стороны преступления, в которой невозможно установить отношение лица к совершаемому деянию, так как ему неизвестен характер

воздействия деяния на данное общественное отношение. Во-вторых, объект преступления подменяется предметом предступления опять-таки в силу невозможности точного уяснения характера взаимодействия в преступном акте деяния и общественного отношения.

Первая позиция отражена в правоведении КНР теорией о трехэлементном составе преступления, в которой субъективная и объективная стороны преступления объединены в общий элемент состава. Аргументы в пользу таких решений конструкции состава не выдерживают критики, и, как правильно отмечает Чжоу Чжэньсян, «трехэлементный состав преступления напоминает буржуазную теорию «объективной конструкции» и неизбежно приведет на практике к объективному вменению»³¹.

Что касается замены объекта преступления его предметом, то другой ученый, Чжан Вэнь, полагает, что «под объектом (преступления. — Э. И.) К. Маркс понимал предмет охраны деятельности лесника, то есть лес, а вовсе не общественные отношения. Поэтому едва ли можно считать завершенным положение о том, что слова К. Маркса (об объекте преступления. — Э. И.) из работы «Дебаты по поводу закона и краже леса» являются теоретическим обоснованием рассмотрения общественных отношений, которым наносится ущерб в результате преступного посягательства, в качестве объекта преступления»³². Этот же правовед выступает против выделения объекта преступления в качестве отдельного элемента преступления³³.

Критикуя его позицию, Чжоу Чжэньсян пишет: «Буржуазное право, включая и гоминьдановское, всегда отождествляло объект и предмет преступления. Целью смешения этих понятий является попытка скрыть классовый характер преступления»³⁴. По схеме Чжан Вэня, преступное воздействие при краже леса «заканчивается» на уровне предмета посягательства — леса, не затрагивая при этом отношения собственности, являющиеся, по выражению Маркса, нервом буржуазного общества.

Ослабление значения того или иного признака преступления способствует повышению роли состава преступления в решении вопроса об отнесении того или иного деяния в разряд преступлений. «Понятие преступления является критерием разделения преступного и не преступного. Но, будучи абстрактной категорией, оно не в состоянии ответить на вопросы: при какой степени общественной опасности деяние признается преступлением? На какую все же норму уголовного закона оно посягает? Опираясь только на понятие преступления, трудно по-настоящему отделить преступное от не преступного, более того, вовсе невозможно отделить данное преступление от другого. Это требует конкретизации понятия преступления, дальнейшего определения конкретного критерия разграничения преступного от не преступного, одного преступления от другого. Этим конкретным критерием является состав преступления»³⁵.

Такое рассмотрение понятия преступления через призму его состава ослабляет значение социального, материального признака преступления, создает опасность отхода от материального понимания преступления и способствует раскрытию его сущности с формально-логических позиций, согласно которым преступление — это деяние, наказуемое по действующему уголовному закону. Представляется, что выбор подобного направления в научных исследованиях уголовного права КНР объясняется, в частности, теми большими трудностями, с которыми столкнулась правовая наука при разработке признаков экономического преступления.

Рассмотренные проблемы борьбы с экономической преступностью оказываются серьезными препятствиями в достижении заметных сдвигов в решении этой важной социальной задачи. Но в настоящее время Китай располагает значительными резервами в деле борьбы с правонарушениями, активизация использования которых во многом обусловлена ростом именно экономической преступности. Органами, выполняющими важную роль во всей системе социального контроля в Китайской Народной Республике, являются народно-примирительные комитеты и административные комиссии — своеобразные подразделения «под-юстиции».

В настоящее время в Китае действуют более 4700 тыс. общественных примирителей, объединенных в составе миллиона народных комитетов по примирению. Эти комитеты имеются во всех городах и селах, на большинстве предприятий, учреждений и организаций.

Деятельность их оказалась чрезвычайно эффективной и, самое главное, может успешно протекать в «скудной» нормативной среде, так как принятые в их деятель-

ности процессуальные формы способствуют развитию и собственных материальных норм, что создает встречное государственному правообразовательному процессу движение «почти-права».

О возрастании значения органов «под-юстиции» и специфике их деятельности свидетельствуют следующие данные. «В 1981 г. народно-примирительные комитеты рассмотрели споры между людьми, количество которых в 12,8 раза превышало число дел, рассмотренных в судах, и предотвратили возникновение смертных исходов в 66 503 случаях. В 1982 г. эти комитеты рассмотрели 8 165 762 дела, что в 10,5 раза больше, чем рассмотрели народные суды за этот же период времени, и предотвратили 104 975 случаев с вероятным смертельным исходом»³⁶.

Упомянутые здесь «споры между людьми» — это, главным образом деяния небольшой общественной опасности, которые в силу специфики понятия преступления в уголовном праве КНР не относятся к преступлениям. Но как считают в Китае, «неудачное решение этих дел может способствовать их перерастанию в серьезные уголовные дела», даже с фактами гибели людей.

Существенную часть «споров между людьми» составляют споры экономического содержания, могущие также перерасти в уголовные дела. Органы «под-юстиции» КНР играют важную роль в профилактике преступлений, в которые могут перерасти «споры между людьми». Однако их роль этим не исчерпывается. Главная их заслуга в том, что, рассматривая огромное число потенциальных уголовных дел, они дают возможность правоприменительным органам сконцентрировать свои усилия на борьбе с наиболее опасными экономическими преступлениями.

Важным обстоятельством следует признать развитие в системе «почти-права» объективного процесса выработки новых подходов оценки неодобряемых форм поведения активистов реформы. Эти подходы в свою очередь окажут корректирующее воздействие на правосознание масс в направлении своеобразного оправдания многих новых видов деятельности в сфере производства материальных благ, новых форм их распределения. Не имея сегодня реальной возможности разработать юридико-нормативные критерии такого поведения, китайское государство намерено поддержать процесс оценки поведения активистов реформы главным образом в правоприменительной практике, причем с упором в настоящее время на органы «под-юстиции», располагающиеся в гуще китайского населения и традиционно пользующиеся у него огромным авторитетом. Поэтому, на наш взгляд, правовой аспект предполагаемой реформы политической системы КНР будет выражаться, с одной стороны, в определенном усилении роли юридического инструментария в регулировании социально-экономических интересов, с другой — и в этом будет заключаться специфика национальной правовой системы, — в неуклонном росте значения китайского суда, его самостоятельности, независимости и оперативности в принятии решений.

Но неюридическое, т. е. неофициальное, право гораздо быстрее и адекватнее реагирует на изменения материального производства. Поэтому усиление роли китайского суда неизбежно повлечет за собой более терпимое отношение к знакам хозяйственной реформы, к новым формам деятельности активистов реформы и к признанию их в качестве допустимых моделей поведения. Причем речь идет не только о положительных явлениях и формах поведения, а в основном о тех, которые квалифицируются как отрицательные с точки зрения сегодняшнего правосознания и отчасти права.

Этот процесс первооценки последней части совокупности явлений, присущей хозяйственной реформе, во-первых, изменит ее качественно-количественную характеристику в сторону сокращения объема деяний с криминальным характером, во-вторых, и это весьма интересный момент вопроса, легализует в китайском обществе в его правосознании действия, оценивающиеся сегодня как преступления. Произойдет не только правовая, но и нравственная декриминализация важной части хозяйственной деятельности активистов реформы, что и будет означать юридическое признание их особого положения в системе общественных отношений Китайской Народной Республики.

¹ «Ляонин дасюе сюебао», 1986, № 5, с. 93.

² Там же.

³ «Фасюе цзачжн», 1986, № 2, с. 23.

- ⁴ Там же, с. 87.
⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, с. 516.
⁶ «Жэньминь жибао», 27.VII. 1983.
⁷ См. там же, 20.IV. 1986.
⁸ См.: «Фасюе яньцзю», 1986, № 4, с. 35.
⁹ «Хунци», 1986, № 7, с. 2.
¹⁰ Там же, с. 25.
¹¹ Там же, 1986, № 4, с. 21.
¹² «Ляонин дасюе сюебао», 1986, № 5, с. 94.
¹³ «Фасюе цзачжи», 1986, № 2, с. 23.
¹⁴ «Фасюе яньцзю», № 1, 1986, с. 35.
¹⁵ «Хунци», 1986, № 4, с. 21.
¹⁶ «Фасюе цзачжи», 1985, № 6, с. 38.
¹⁷ Там же, № 1, с. 4.
¹⁸ Там же, 1986, № 2, с. 2.
¹⁹ Там же, 1984, № 2, с. 36.
²⁰ См. подробнее там же, 1985, № 6, с. 5—8.
²¹ Там же, 1984, № 2, с. 36.
²² См.: «Жэньминь жибао», 13.I. 1986.
²³ «Цзиньцзи жибао», 31.I. 1986.
²⁴ А. М. Яковлев. Предупреждение экономической преступности. (Социально-правовые аспекты). — «Советское государство и право», 1987, № 1, с. 65.
²⁵ См.: «Фасюе яньцзю», 1986, № 4, с. 43.
²⁶ См. там же.
²⁷ Там же.
²⁸ См.: «Фасюе цзачжи», 1986, № 3, с. 34—36; «Фасюе цзикань», 1985, № 2, с. 95—96.
²⁹ См.: «Фасюе цзачжи», 1986, № 3, с. 34.
³⁰ «Жэньминь жибао», 29.XII. 1986.
³¹ «Фасюе цзачжи», 1986, № 3, с. 16.
³² «Бэйцзин дасюе сюебао», 1984, № 5, с. 49.
³³ См. там же, с. 50.
³⁴ «Фасюе цзачжи», 1986, № 3, с. 16.
³⁵ Там же, 1984, № 1, с. 7.
³⁶ Там же, 1983, № 3, с. 14.

Съезд народов Дальнего Востока и революционное движение в Китае

С. А. ГОРБУНОВА,
кандидат исторических наук

Съезд народов Дальнего Востока¹ (21 января — 2 февраля 1922 г.) явился важным шагом по практическому осуществлению решений II конгресса Коминтерна по национально-колониальному вопросу. Перед съездом ставились многообразные задачи: установление контактов Коминтерна с представителями коммунистических и революционно-демократических партий и групп стран Дальнего Востока, активизация их деятельности против империализма и феодализма, создание солидарности угнетенных народов Востока с пролетариатом передовых стран с целью борьбы против общего врага — международного империализма.

Съезд народов Дальнего Востока был призван превратиться в важную политическую манифестацию революционных сил дальневосточного региона против решений Вашингтонской конференции девяти стран (США, Великобритании, Китая, Японии, Франции, Италии, Нидерландов, Бельгии и Португалии), проходившей 12 ноября 1921 г. — 6 февраля 1922 г. и зафиксировавшей новое, создавшееся после первой мировой войны, соотношение империалистических сил в бассейне Тихого океана, благоприятное для США. Так как молодая республика Советов была лишена права участвовать в конференции, созыв съезда народов Дальнего Востока имел для нее огромное значение. Народный Комиссариат по иностранным делам направил правительствам Великобритании, Франции, США, Китая и Японии несколько нот протеста от 19 июля, 2 ноября и 8 декабря 1921 г., в которых выражался резкий протест против «обсуждения на Вашингтонской конференции вопроса о Восточно-Китайской железной дороге, касающегося исключительно Китая и России»².

Вопрос о проведении съезда народов Дальнего Востока был решен Исполкомом Коминтерна (ИККИ) в июле 1921 г. Однако его подготовка заняла более полугодия в силу сложности организационных мероприятий, а также из-за отсутствия единства среди его организаторов в вопросе о характере представительства. Атмосферу подготовки к съезду в какой-то мере передает письмо Чжан Тайлэя в Дальневосточный Секретариат ИККИ от 29 июля 1921 г. Как явствует из него, дальневосточные представители ИККИ и сам Сжан Тайлэй выступали за то, чтобы в работе съезда участвовали представители не только коммунистических, но и национально-революционных организаций. В связи с этим в письме говорилось: «Мы уже написали ЦК [Китайской Компартии], чтобы была проведена работа по присылке на съезд всеми пролетарскими и национально-революционными организациями Китая делегатов на съезд. Особенно обратили внимание на южно-китайских национал-революционеров Гоминьдана. Можно смело рассчитывать на удачу

и надеяться, что Китай пошлет на съезд представителей всех своих массовых революционных и национально-революционных организаций в числе не менее сорока человек»³. В том же письме указывалось и на противоположную точку зрения, выражавшуюся в том, что отдельные представители Коминтерна, «не желая учитывать ситуации, требуют на съезд «чисто» революционных организаций, т. е. заранее сужают размах этой антиимпериалистической демонстрации...»⁴.

Действительно, Г. Сафаров и другие левацки настроенные работники Коминтерна ориентировались на участие в нем исключительно коммунистических и пролетарских организаций. Однако верх одержала первая точка зрения.

В соответствии с планами проведения съезда народов Дальнего Востока в середине октября 1921 г. коммунистическим партиям Китая, Японии, Кореи, было разослано специальное обращение Дальневосточного Секретариата ИККИ. В этом обращении указывалось, что съезд созывается Исполнительным Комитетом Коммунистического Интернационала со следующими целями: вскрыть истинную сущность готовящегося против народов Востока заговора мировых империалистов в Вашингтоне; объединить эти народы вокруг центра, являющегося действительно штабом борьбы с мировым империализмом, — Советской России.

В соответствии с этими задачами коммунистам указанных стран Дальнего Востока рекомендовалось начать кампанию за созыв съезда, приступить к широкой агитации против международного империализма среди широких масс своей страны⁵.

Первоначально было решено созвать съезд в Иркутске, приурочив его к открытию Вашингтонской конференции, поэтому в октябре 1921 г. туда начали съезжаться делегаты, вступавшие в непосредственный контакт с представителями Дальневосточного Секретариата ИККИ. 11 ноября 1921 г. состоялось специальное пленарное заседание, принявшее характер манифестации против грабительской политики империализма на Дальнем Востоке. Были проведены предварительные совещания и подготовлены отдельные документы. В декабре Секретариатом была получена телеграмма ИККИ, в которой в качестве места работы съезда указывалась Москва, куда из Иркутска отправились представители различных стран.

Съезд народов Дальнего Востока открылся 21 января 1922 г. в Свердловском зале Кремля. В его работе приняло участие около 150 делегатов партий, общественных и профессиональных организаций различных политических направлений, объединенных задачей революционной борьбы за национальное освобождение, из Китая, Кореи, Монголии, Японии, с Тихоокеанских островов, а также из Калмыкии, Бурятии, Якутии. В инструкции мандатной комиссии, подписанной представителем Коминтерна Б. Шумяцким, указывалось, что любая массовая национально-революционная, социалистическая или коммунистическая организация (партия, союз, кооперативное объединение, военная организация) имеет право на участие в работе съезда. Организатор съезда, Дальневосточный Секретариат ИККИ, направил делегацию в составе 14 человек. Китайская делегация на съезде состояла более чем из 40 человек. Кроме коммунистов Чжан Готоа, Цюй Цюбо, Ван Цзиньмэя, Дэн Эньминя, Кэ Цинши, Гао Цзюньюя, Жэнь Биши, Ло Инуна, Пу Шици, Сяо Цзингуана, Юй Сюсуна, в состав китайской делегации вошел представитель гоминьдана Чжан Цюбо, посланный на съезд по инициативе Сунь Ятсена, и лидер китайской социалистической партии Цзян Канху⁶. (В настоящее время можно с уверенностью говорить о том, что Чжан Тайлэй, который в литературе нередко назывался в числе делегатов съезда, в действительности не принимал

участия в его работе⁷.) В китайской делегации, кроме коммунистов, были представители профессиональных организаций, союза железнодорожных рабочих, национально-революционного общества «Молодой Китай», Ассоциации женщин, а также газеты «Миньго жибао» и журналов «Тайпинъян», «Синь чжунго»⁸.

По социальному составу и политической ориентации китайская делегация была весьма пестрой. Преобладали выходцы из интеллигенции. Примерно одинаковое количество составили рабочие и крестьяне. В числе делегатов, как отмечалось выше, были коммунисты, представители социалистической молодежи, анархисты, гоминьдановцы. Каждая из этих групп отстаивала интересы своей организации, что в ряде случаев вело к отсутствию единства в среде китайских делегатов. Однако, несмотря на это, была сформирована сплоченная общими антиимпериалистическими лозунгами единая китайская делегация, которую возглавил Чжан Готао.

Важное значение имело участие в работе съезда вернувшегося из Китая представителя Коминтерна Г. Н. Войтинского.

В повестке дня съезда стояли следующие вопросы: доклад ИККИ о международном положении и итогах Вашингтонской конференции, доклады представителей различных стран, выработка решения о сотрудничестве коммунистов с национально-революционными партиями.

Подобный распорядок учитывал возможности для взаимного обмена мнениями, для ознакомления делегатов с важнейшими решениями Коминтерна по национально-колониальному вопросу.

В докладе ИККИ содержалась характеристика международного положения. Главное внимание уделялось итогам Вашингтонской конференции, которые стали известны в январе 1922 г., влиянию ее решений на положение государств тихоокеанского региона. В то же время доклад призван был познакомить участников съезда с основными положениями II и III конгрессов Коминтерна, донести до них идею В. И. Ленина о необходимости объединения революционного движения различных стран Востока с мировым революционным движением, а также ориентировать их на активизацию антиимпериалистической борьбы. Коминтерн возлагал основные надежды на революционное движение Японии, однако большое внимание было уделено китайским проблемам. В разделе доклада, посвященном Китаю, главной темой, связанной с общим содержанием доклада, было влияние империалистического угнетения на положение этой страны.

30 января 1922 г. съезд принял специальную резолюцию «Результаты Вашингтонской конференции и положение на Дальнем Востоке», в которой указывалось, что «действительный путь к свободе и независимости угнетенных наций Дальнего Востока лежит через союз трудящихся масс дальневосточных народов с пролетариатом передовых стран, и только с ним, против всех империалистов»⁹.

Второй пункт повестки дня съезда народов Дальнего Востока предполагал выступление делегатов различных стран. Пятеро делегатов Китая выступило с сообщениями. В них рассматривалось положение и организационное оформление различных слоев китайского общества, освещались главные проблемы и задачи революционного движения, обобщался опыт развития рабочего и патриотического движения, деятельность гоминьдана и Южного правительства. В большинстве докладов, антиимпериалистических по сути, в той или иной степени было показано, как усиление империалистического угнетения отразилось на положении различных слоев населения — рабочих, крестьян, интеллигенции, вызвав их естественный протест, который создал основу для широкого антиимпериалистического объединения, для выработки общей про-

граммы освобождения от национального угнетения. В выступлении представителя гоминьдана была освещена история формирования этой партии. В заключение в нем указывалось, что Южное правительство, еще недавно ориентировавшееся на Америку, в настоящее время склоняется к пересмотру отношений с империалистами и все более связывает свои надежды с Коминтерном¹⁰. Это заявление не являлось свидетельством коренного изменения курса гоминьдана, но указывало на положительные сдвиги в сторону сотрудничества с Советской Россией.

Углубляя и конкретизируя разработки II конгресса Коминтерна, руководствуясь тем, что национально-освободительные движения на Востоке развиваются главным образом как антиимпериалистические движения и не являются чисто пролетарскими, Коминтерн обратил особое внимание на вопрос о взаимоотношениях между национально-революционными и революционно-пролетарскими движениями, об отношении коммунистов к сотрудничеству с национально-революционными партиями. Центральным вопросом на съезде был вопрос о сплочении революционных сил. Этой проблеме был посвящен доклад заведующего Восточным отделом Коминтерна Г. И. Сафарова. В нем среди других освещались также наиболее важные моменты китайского революционного движения. В качестве важнейших перед китайскими коммунистами выдвигались следующие задачи: освобождение Китая от иностранного гнета, национализация земли, ниспровержение дущюната, установление единой федеративной республики, введение единого прогрессивного подоходного налога¹¹.

Формулируя эти требования и рассматривая китайскую революцию как часть мировой революции, Коминтерн ориентировал китайских коммунистов на антиимпериалистическую борьбу, на основе которой создавалась возможность для сотрудничества КПК и гоминьдана. Отдельные положения доклада Г. И. Сафарова более углубленно разъяснялись затем в его выступлении по докладу. Излагая официальную линию Коминтерна по национально-колониальному вопросу, Г. И. Сафаров подчеркивал, что Коминтерн всегда поддерживал, поддерживает и будет поддерживать любое буржуазно-демократическое движение в колониальных и полуколониальных странах, имеющее целью национальное освобождение угнетенных народов. В связи с этим он обратил внимание на революционные заслуги гоминьдана, возлагая надежды на сотрудничество с ним, давая рекомендации в отношении организации массового движения в Китае. Вместе с тем высказывания Г. И. Сафарова по этому вопросу носили явный отпечаток левизны, что делало его выступление в целом довольно противоречивым. Для доказательства остановимся на той части его доклада, в которой в соответствии со своими левяцкими взглядами он своеобразно интерпретировал и развивал ленинские идеи по национально-колониальному вопросу. Так, он утверждал, что сотрудничество между двумя партиями возможно в том случае, если гоминьдан не будет распространять свое влияние в рабочей среде для использования ее в своих политических целях. В тех условиях, когда сотрудничество еще только намечалось, подобное высказывание было явно преждевременным. Такие установки, обнаруживавшие ошибочные взгляды отдельных работников Коминтерна, как отмечает Л. П. Делюсин, противоречили призыву к объединению всех национально-революционных сил, прозвучавшему в том же докладе Г. И. Сафарова¹².

На заседаниях выявились различные, порой противоположные точки зрения зарубежных делегатов, а также представителей Коминтерна на проблемы сотрудничества коммунистических и национально-революционных сил, в частности на взаимоотношения КПК и гоминьдана. Во время дискуссии по докладу Г. И. Сафарова были высказаны противоречивые мнения относительно сте-

пени влияния гоминьдана и КПК в рабочей среде. 27 января на 9-м заседании после выступления представителя гоминьдана, отвечавшего на вопрос о том, какое количество членов объединяет его партия, и указавшего на ряд рабочих организаций (в том числе Шанхайский индустриальный союз), разделявших программу гоминьдана, в президиум поступила записка от одного из китайских делегатов, в которой говорилось, что Шанхайский индустриальный союз, являясь чисто рабочей организацией, не поддерживает связь с какой-либо политической партией¹³.

В результате обсуждения 30 января 1922 г. была принята резолюция по национальному и колониальному вопросам, в которой делегаты съезда подтвердили свою полную солидарность с решениями конгрессов Коминтерна по национально-колониальному вопросу и особо отметили «необходимость правильного понимания взаимоотношений между национальными революционными движениями, с одной стороны, и борьбой трудящихся за свое социальное освобождение — с другой»¹⁴. В последний день работы съезда его участники ознакомились с манифестом «К народам Дальнего Востока», в котором содержался призыв к объединению угнетенных народов дальневосточных стран в антиимпериалистической борьбе¹⁵.

В двадцатых числа января с делегатами съезда народов Дальнего Востока встречался В. И. Ленин. Во время беседы с членами китайской делегации Дэнь Пэйем, Чжан Цюбо и Чжан Готоу, по словам последнего, В. И. Ленин высказал мнение о том, что существуют большие трудности на пути сотрудничества КПК и гоминьдана, к которому он в целом относился положительно¹⁶. Представитель Коминтерна, японский коммунист Сэн Катаяма, также участвовавший в этой встрече, в своих воспоминаниях о ней не назвал ее участников. Он лишь указал, что В. И. Ленин «с каждой делегацией обсуждал специальные вопросы ее страны, а также вопросы, касающиеся всего Дальнего Востока», и «убеждал в необходимости объединения революционных рабочих дальневосточных стран...»¹⁷.

Решения съезда народов Дальнего Востока в целом сыграли благотворную роль в деле выработки правильной позиции в отношении двухпартийного сотрудничества. Его проведение позволило Коминтерну составить представление о развитии революционного движения стран Дальнего Востока, а также о позиции представителей различных политических течений по вопросу о соотношении социального и национального аспектов.

Это в свою очередь дало возможность рассмотренный ранее в теоретическом плане вопрос о создании единого антиимпериалистического фронта поставить в практическую плоскость. В частности, на примере Китая были рассмотрены конкретные условия и предпосылки для его формирования. Съезд подвел и другие важные итоги. Так, делегаты из Китая получили возможность познакомиться с решениями II конгресса по национально-колониальному вопросу. Анализ документов КПК, доклада китайской делегации на III конгрессе Коминтерна, публикаций материалов II конгресса в журнале «Гунчаньдан» за 1920—1921 гг. (неполные переводы с английского «Манифеста Коммунистического Интернационала к пролетариям всего мира», «Условий приема в Коммунистический Интернационал», а также краткая информация о съезде народов Востока в Баку) еще раз свидетельствует о том, что до этого руководство КПК было весьма поверхностно знакомо с ленинскими идеями по национально-колониальному вопросу. Документы II конгресса Коминтерна были переведены и полностью опубликованы Компартией Китая только в 1924 г.¹⁸, а материалы съезда народов Дальнего Востока — уже в 1922 г.¹⁹

Отдельные представители Коминтерна не всегда излагали ясную и пра-

вильную линию при решении проблемы соотношения социального и национального факторов. Понятное в целом желание решать эту и другие проблемы национально-освободительного движения с интернациональных позиций нередко вело к тому, что классовая солидарность, социальные моменты доминировали, а общенациональные задачи, естественно, затушевывались. Все это, несомненно, мешало усвоению положений Коминтерна и его рекомендаций всеми участниками съезда, которое, кроме того, было затруднено вследствие их недостаточной общетеоретической подготовки и низкого уровня политической сознательности, а также из-за чисто технических причин (языкового барьера и отсутствия профессиональных переводчиков). Однако главное состояло в том, что представители КПК и гоминьдана, участвовавшие в работе съезда народов Дальнего Востока, поняли то значение, которое В. И. Ленин и Коминтерн придавали идее сотрудничества обеих партий.

Вернувшись в Китай, представители гоминьдана должны были донести до Сунь Ятсена коминтерновскую идею сотрудничества КПК и гоминьдана на платформе совместной работы по организации масс для противодействия империализму. Участие представителей национальной партии в работе съезда в известной степени способствовало также изменению внешнеполитической ориентации ее лидеров. Документы съезда, разоблачившие истинный смысл решений Вашингтонской конференции, не могли не поколебать позицию тех китайских националистов, да и самого Сунь Ятсена, которые ранее возлагали большие надежды на «освободительную» миссию США на Дальнем Востоке.

С другой стороны, материалы съезда сыграли большую роль в выработке последующего тактического курса КПК на сотрудничество с гоминьданом. Вместе с тем решения съезда народов Дальнего Востока очень медленно распространялись в среде китайских коммунистов. Их обсуждение в Центральном бюро и в местных парторганизациях началось весной 1922 г. Это объясняется тем, что немногочисленные силы руководителей КПК и Дальневосточного Секретариата Исполкома Коминтерна были брошены на подготовку и проведение этого съезда и возвратились на родину в марте 1922 г. В письме Чэнь Дусю представителю Коминтерна Г. Войтинскому от 6 апреля 1922 г. указывалось, что предложение другого представителя Коминтерна, Г. Маринга, начать политическую деятельность внутри гоминьдана вызвало резко отрицательный отклик руководителей КПК²⁰. Только к лету 1922 г. начал намечаться поворот КПК в сторону выработки тактики единого фронта, отвечавшей потребностям широкой социальной базы революционно-демократического движения под лозунгами антифеодальной, антиимпериалистической национально-освободительной борьбы.

Современные историки КНР в соответствии с проблемно-хронологическим принципом изложения истории партии останавливаются на такой важнейшей для развития коммунистического и национально-освободительного движения в Китае вехе, как съезд народов Дальнего Востока. В 1985 г. материалы съезда, ранее не вошедшие в сборник документов Коминтерна, были опубликованы в сборнике документов Компартии Китая²¹. В целом историография КНР признает огромное значение съезда народов Дальнего Востока в выработке программы Компартии Китая в национальной революции.

¹ В литературе также известен как I съезд коммунистических и революционных организаций Дальнего Востока.

² «Международная жизнь», 1923, № 2, с. 149—152.

³ Б. Шумяцкий. Из истории комсомола и Компартии Китая.— «Революционный Восток», 1928, № 4—5, с. 223—224; Проверить точность содержания письма Чжан Тайлэя в изложении Б. Шумяцкого пока не представляется возможным. В сборник сочинений Чжан Тайлэя (Пекин, 1981) оно не вошло.

⁴ Б. Шумяцкий. Указ. соч., с. 223—224.

⁵ См.: «Народы Дальнего Востока», 1921, № 4, с. 493.

⁶ Важнейшие форумы Коммунистической партии Китая. Т. I. Шанхай, 1982, с. 10 (на кит. яз.); Хуан Сюжун. Первый съезд коммунистических и национально-революционных организаций и его влияние на нашу революцию.— «Чжунго сяньдай ши», 1983, № 10, с. 39.

⁷ Более подробно см.: С. А. Горбунова. Относительно участия Чжан Тайлэя в работе съезда народов Дальнего Востока (21 января — 2 февраля 1922 г.).— Общество и государство в Китае. XV научная конференция. М.: 1984., с. 90—92.

⁸ См.: Коммунистический Интернационал и китайская революция. Документы и материалы. М., 1986, с. 23.

⁹ Коммунистический Интернационал и китайская революция. Документы и материалы, с. 20.

¹⁰ In: The First Congress of the Toilers of the Far East. Petrograd, 1922, p.61.

¹¹ Ibid., p. 166.

¹² См.: Л. П. Делюсин. Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК (1921—1928). М., 1972, с. 46.

¹³ In: The First Congress of the Toilers of the Far East, p. 185—186.

¹⁴ Коммунистический Интернационал и китайская революция. Документы и материалы, с. 21.

¹⁵ См. там же, с. 21—24.

¹⁶ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 702; Chang Kuotao. The Rise of the Chinese Communist Party. 1921—1927. V. I. Kansas, 1971, p. 207.

¹⁷ О Ленине. Воспоминания зарубежных современников. М., 1966, с. 466.

¹⁸ См.: «Синь циннянь», 1924, № 4, с. 67—74; А. В. Панцов. Документы II и IV конгрессов Коминтерна по национальному и колониальному вопросам и их распространение в Китае (1920—1924).— Национальные и социальные движения на Востоке. История и современность. М., 1986, с. 36.

¹⁹ См.: «Сяньцзюй», 10.VIII.1922; «Сяндао», 8, 15.XI.1922.

²⁰ См.: II и III съезды Коммунистической партии Китая. Документы и материалы. Пекин, 1985, с. 36 (на кит. яз.).

²¹ См.: Коминтерн и китайская революция. Документы и материалы. 1919—1928. Т. I. Пекин, 1981 (на кит. яз.); II и III съезды Коммунистической партии Китая. Документы и материалы, с. 12—35.

НАУКА. ИДЕОЛОГИЯ. КУЛЬТУРА

Из истории
общественно-политической
мысли

Поиски альтернативы развития Китая: традиционализм или модернизм

(начало 20-х гг. XX в.)

С. Р. БЕЛОУСОВ

В первые десятилетия XX в. общественно-политическая мысль Китая необычайно оживилась после долгих лет идеологического мракобесия и теоретического бесплодия и характеризовалась поисками политической стратегии и тактики национального возрождения страны. Традиционные институты, господствовавшие в обществе на протяжении двух тысячелетий, продемонстрировали свою очевидную историческую неадекватность по мере военного, экономического и культурного проникновения Запада в Китай в XIX в. Их разложение «должно было наступить так же неизбежно, как неизбежно разложение тщательно сохраненной в герметически закрытом гробу мумии, лишь только к ней получит доступ свежий воздух»¹. Значительное активизирующее воздействие на этот процесс оказали Синьхайская революция 1911 г. и Октябрьская революция в России.

Невольное убеждение в несомненных преимуществах некоторых сторон западной цивилизации, рос. недовольства зависимым положением страны и обусловленное этим обострение националистических настроений, осознание передовой частью интеллигентов принципиального единства судеб исторического развития Китая и остального мира и консолидировавшее их понимание необходимости реформ — все это заставило идеологов растущей китайской буржуазии заняться серьезным и заинтересованным, хотя порой и беспорядочным, изучением европейских доктрин, которые, с их точки зрения, можно было в той или иной степени использовать для осуществления «национальной реконструкции» в кратчайшие сроки. В результате интеллектуальная элита оказалась перед сложной дилеммой, связанной с альтернативным отношением к освященным веками традициям: должны ли они быть сохранены или отброшены? Возможен ли синтез традиционализма и модернизма? В какой степени должны быть сохранены черты старой «веры» и философии, догматы отечественного духовного наследия (прежде всего канонизированные основным формантом ортодоксальной идеологии — конфуцианством) и в какой мере возможны заимствование, имитация и адаптация ценностей западной культуры — от оптимального решения этого принципиального «вопроса вопросов», связанного с выбором пути развития, самым непосредственным образом зависело направление политических реформ².

Однако возраставшая «вестернизация» Китая, сопровождавшаяся расширением процесса отречения от традиций, встречала все более решительную оппозицию части консервативно настроенных идеологов буржуазии, которые под впечатлением разрушительных последствий первой мировой войны не только стали развивать тезис о кризисе западной цивилизации, но и предлагать свой выход из создавшегося положения, видевшийся им на путях реинтерпретации отечественной мысли и «имманентно» присущей ей иррациональной интуиции, совсем еще недавно расценивавшихся большинством китайских теоретиков как безнадежный анахронизм³. На смену огульному негативизму пришло дискуссионное обсуждение. Одним из наиболее рельефных проявлений этой тенденции стал новый тур «чернильной войны» (*би чжань*) — на этот раз вокруг вопроса о «науке» (*кэсюе*) (которая все больше отождествлялась с понятием

«вестернизации» в целом) и «метафизике» (*сюаньские*) (олицетворявшей «восточную систему мышления») как противопоставления ценностей западной и восточной цивилизаций⁴. Данная полемика, по основным своим параметрам генетически связанная с «движением за новую культуру» (начавшимся в период первой мировой войны), «движением 4 мая» 1919 г. и «третьей дискуссией о социализме» (на рубеже 20-х гг.), явилась значительным событием в идейной жизни Китая и продолжала оказывать значительное влияние на эволюцию общественно-политической мысли страны в последующие десятилетия.

Конкретно-исторический анализ таких кардинальных проблем идейно-политической жизни китайского общества, как распространение западной мысли, дискуссии о возможности ее ассимиляции в национальных условиях (дискуссии, связанные с важнейшим вопросом о перспективе страны и вылившиеся в конечном счете в попытки выработать собственную, «национальную» модель развития), позволит найти ответы на актуальные вопросы: почему именно националистические тенденции гипертрофировались в ходе китайского революционного движения, какую роль сыграли в этом неоднозначном процессе представители различных направлений буржуазной общественно-политической мысли страны⁵. Иными словами, изучение вопросов, связанных с выбором пути развития, с дихотомией модернизм — традиционализм, инонациональное — отечественное, общее — особенное и реальностью их культурно-исторического синтеза, представляет несомненный интерес как для понимания тенденций и закономерностей эволюции идейно-политических процессов в китайском обществе в новейший период его истории, так и для сравнительного анализа путей решения вышеназванных проблем в странах Азии, Африки и Латинской Америки.

Симптоматично, что данный круг вопросов вызывает заметный интерес в наши дни и в самом Китае, о чем свидетельствует (помимо большого числа журнальных и газетных статей теоретического характера) серьезная и углубленная научно-исследовательская работа, ведущаяся в крупнейших высших учебных заведениях и других научных учреждениях страны⁶; кроме того, о научно-политической актуальности темы говорит и тот факт, что в КНР сегодня регулярно появляется множество специальных публикаций по рассматриваемой проблематике, среди которых как солидные коллективные монографии, различные сборники документов и материалов, так и авторские работы с более узкой тематической направленностью⁷. Повышенный интерес к указанным вопросам объясняется, видимо, не в последнюю очередь тем, что сейчас в Китае, в рамках осуществления широкого комплекса структурных многоступенчатых реформ, придается огромное значение тезису о строительстве «материальной и духовной цивилизаций социализма»: об этом свидетельствуют материалы XII съезда КПК, выступления руководителей КНР, публикации как центральной, так и провинциальной печати. В ходе этого процесса китайским обществоведам приходится сталкиваться со сложными теоретическими проблемами, некоторые аспекты которых в известной степени аналогичны тем, которые затрагивались в дискуссии начала 20-х гг.

Прелюдия к дискуссии: социально-исторические предпосылки

В 1918 г. старейшина нового поколения китайской интеллигенции, крупнейший переводчик и интерпретатор западной литературы Янь Фу (Янь Цзидао, 1854—1921) писал, что семь лет республиканского правления в Китае и четыре года кровавой войны в Европе убедили его в том, что «[материальный] прогресс Запада, достигнутый за последние три десятилетия, ведет лишь к [социальному] разобщению, кровопролитию, коррупции и утрате стыда... Это не только мое мнение. Многие мыслящие люди на самом Западе постепенно пришли к аналогичному умозаключению»⁸. В этом коротком пассаже Янь Фу предвосхитил многие из тем, ставших доминирующими в «неотрадиционалистской» мысли Китая в 20-е гг.: осознание того факта, что сами европейские теоретики сомневались в рациональности существующего общества и перспективах дальнейшего позитивного развития на основе узкопрактической, «материалистичной» науки; страх перед войной, возникшей на почве этой науки и «засосавшей западную цивилизацию»; избавление от иллюзий в отношении республиканских и некоторых других европейских институтов и т. д.

Поскольку Янь Фу, в общих чертах предсказавший предмет будущего спора, не дождался до того, чтобы принять в нем участие, есть все основания говорить о приоритете другого «властителя дум» новой интеллигенции — Лян Цичао (Лян Жэньгуи, 1873—1929), который первым сформулировал программные тезисы защитников «восточной мысли» и тем самым фактически подготовил концептуальную основу полемики.

В самом конце 1918 г. Лян Цичао отправился в Европу во главе полуофициальной делегации китайских наблюдателей на Парижскую мирную конференцию (18 января 1919 — 21 января 1920 г.). В состав группы входили также Чжан Цзюньмай, Дин Вэньцзян, Тао Мэнхо и Цзян Боли. Помимо Парижа, где члены делегации провели большую часть времени, они побывали и во многих других европейских городах — Лондоне, Стратфорд-он-Эйвоне, Манчестере, Берне, Женеве, Берлине, Пене и др. В ходе поездки Лян Цичао и его спутники встречались со многими европейскими философами, литераторами, государственными и политическими деятелями. Особенно большое значение имели встречи с немецким философом-фикштеанцем Р. Эйкенем, известнейшим французским философом-интуитивистом А. Бергсоном, получившим в 1927 г. Нобелевскую премию (как блестящий стилист), а также с учителем А. Бергсона — профессором Сорбонны Э. Бутру, сторонником спиритуализма. По свидетельству членов китайской делегации, визиты к духовным отцам новейших западных концепций были мотивированы стремлением получить у них «советы» и «разъяснения» относительно перспектив западной мысли вообще и возможности ее ассимиляции в Китае в частности. Однако европейцы придерживались той точки зрения, что война явилась свидетельством банкротства цивилизации Запада, и даже высказывали надежду заимствовать у китайцев их «мудрость»⁹ как одно из необходимых средств избавления от собственных «бед»¹⁰. Это укрепило подспудно возраставшее недоверие Лян Цичао и некоторых его единомышленников к западным ценностям, прежде всего к научной мысли, которую они считали «главной виновницей» роста узкого практицизма, «материалистичности», приведшей Европу к войне и депрессии.

Вернувшись в Китай, Лян Цичао в серии статей, публиковавшихся в период с 6 марта по 17 августа 1920 г. в приложении к крупному периодическому пекинскому изданию «Чэнь бао» («Чэнь бао фукань») под общим заглавием «Записки о поездке в Европу», утверждал, что «[мечта о] всемогуществе науки (имелись в виду ценности «материалистичной» цивилизации Запада.— С. Б.) [оказалась] всего лишь мечтой» (*кэсюе ваньчэн чжи мэнь*). Он недвусмысленно выражал свое разочарование и избавление от иллюзий в отношении европейской цивилизации, заявляя, что «приоритет [политической] власти и науки» нарушил традиционные моральные основы жизни людей, которые все больше «забывали разницу между добром и злом», поскольку «свободная воля» подавлялась суровым и негибким «научным законом»¹¹. Отмечая, что в духовном развитии Запада намечаются «обнадеживающие тенденции»¹², Лян Цичао тем не менее настаивал, что все усилия европейских мыслителей по «реанимации» нравственных начал не приведут к ощутимым результатам, если не будут подкреплены достижениями восточной мысли, прежде всего «гуманистическими ценностями китайской традиции». Говоря об «огромной ответственности китайцев за судьбы мировой цивилизации», Лян Цичао в то же время подчеркивал, что только синтез позитивных элементов китайской и западной культур оставляет европейцам надежду на «преодоление кризиса материалистичной цивилизации»¹³.

Взгляды Лян Цичао завоевали большую популярность среди определенной части интеллектуалов, сторонников восточной ориентации Китая. В частности, руководитель философского факультета Пекинского университета Тао Мэнхо (Тао Лигун, 1887—1960) писал в декабре 1919 г., что он был потрясен «деградацией материалистичной цивилизации» и «духовным кризисом», охватившим послевоенную Европу, но не видел, однако, реальных путей выполнения «спасительной миссии» Китая¹⁴. В отличие от Тао Мэнхо такой крупный философ конфуцианского толка, как Лян Шумин (род. 1893 г.), в своей широко известной книге «Культуры Востока и Запада и их философии» выражал безоговорочную уверенность в том, что Запад должен определить свой «жизненный путь» и перспективы развития в соответствии с приоритетами восточной системы ценностей, в частности китайской мысли, поскольку только культура Китая являет собой пример счастливого равновесия между человеком и природой (субъектом и объектом, микрокосмом и макрокосмом) и не жертвует спонтанностью

ради аналитичности или интуицией для «охлаждения разума» — в этом ее несомненное преимущество перед европейской культурой. В деле возрождения нравственных устоев европейцы могут в известной степени использовать учения все тех же Р. Эйкена, А. Бергсона, П. А. Кропоткина и Б. Рассела, а также (в меньшей степени) Дж. Дьюи, У. Джемса, Р. Тагора и даже А. Эйнштейна, так как все они, с точки зрения Лян Шумина, «обращали свои взоры на Восток». С другой стороны, он соглашался, что Китаю полезно было бы заимствовать отдельные элементы западных институтов науки (как экономического фактора) и демократии (как фактора политического), но опять-таки только при том условии, что «преимущественные стороны китайской цивилизации», такие, как духовность, гуманистическая направленность и интуитивность мышления, не будут принесены в жертву¹⁵.

Высказанные Лян Цичао и Лян Шумином идеи, не только поднимавшие проблему цивилизационного взаимодействия, но и ставившие под сомнение всемогущество научных методов, явились первой по-настоящему серьезной и продуманной атакой консервативной части «пишущей» интеллигенции на «г-жу Науку» (*Сайиньсы сяньшэн*), которая в начальный период «движения 4 мая» завоевала, казалось, непререкаемую репутацию в ходе борьбы против традиции. Работы этих двух ученых стали прелюдией к ожесточенной «чернильной войне» по данному кругу вопросов¹⁶.

Анализируя социально-исторический и идейно-политический контекст назревавшей дискуссии, нельзя не упомянуть и имя Чжан Цзюньмай (Чжан Цзясэнъ, Карсун Чжан, 1887—1969) — националистически настроенного буржуазного идеолога и политического деятеля, ученика и последователя Лян Цичао. В лекции «Европейская культура под угрозой и направление [развития] новой культуры Китая», прочитанной членам Китайского общества усовершенствования системы образования (*Чжунхуа цзяюй гайцинъ шэ*) и опубликованной в виде статьи в солидном журнале «Дунфан цзачжи» в феврале 1922 г., Чжан Цзюньмай утверждал, что главная причина, по которой «материалистичная» культура Запада оказалась на грани банкротства, заключается в том, что первая мировая война, «созревшая» и ставшая возможной именно на почве этой бездуховной, «алчной» культуры, нарушила «все позитивные аспекты» общественной жизни — как в сфере идеологии, так и в сферах экономики и политики. Поэтому будущее Китая зависит от правильного выбора пути; говоря конкретнее, стране необходимо развиваться в первую очередь на основе своей исконной («духовной» или «метафизической») системы мышления¹⁷.

Хотя Лян Цичао, Лян Шумин и Чжан Цзюньмай акцентировали, строго говоря, различные аспекты дихотомии Восток — Запад, «духовное» («метафизика») — «материальное» («наука»), тем не менее с точки зрения самого существа проблемы смысл их рассуждений был одинаков: китайской культуре присущи определенные элементы нравственного и гуманистического начал, которые отсутствуют в культуре западной и которые недостижимы посредством «узко практической, материалистичной науки».

В результате всех теоретических маневров сторонников «восточной мысли» концептуальная основа полемики была подготовлена. Вскоре она была продолжена уже в более широких масштабах, а непосредственным инициатором ее на этом новом этапе выступил Чжан Цзюньмай.

Первый этап дискуссии: тезис «духовного превосходства» Китая над Западом

После окончания Парижской мирной конференции Чжан Цзюньмай, в отличие от других членов китайской делегации, надолго задержался в Европе. Послевоенные годы (1919—1922) он провел в Германии, посвятив большую часть времени изучению философии в Йене под руководством Р. Эйкена, бывшего в то время профессором философии местного университета. В соавторстве с ним Чжан Цзюньмай написал работу «Проблема жизни в Китае и Европе», посвященную некоторым аспектам «философии жизни» и развивавшую иррационалистические идеи немецкого философа¹⁸. Кроме того, Чжан Цзюньмай досконально изучил работы Г. Дриша, немецкого философа той же школы (сторонника витализма), и труды А. Бергсона.

В контексте данной работы небезынтересно отметить, что Лян Цичао, Чжа

Цзюньмай, Чжан Дунсунь и другие руководители созданного в период «движения за новую культуру» Лекционного общества (о новых учениях) (Цзян сюе шэ) в 1920 г. планировали организовать лекционное турне по Китаю Р. Эйкена и А. Бергсона, однако этим планам не суждено было осуществиться. Тем не менее Чжан Цзюньмай удалось в качестве компенсации организовать в 1922 г. аналогичное турне Г. Дриша. Выбор именно этого ученого, соавтора Р. Эйкена в создании концепции «метафизики духа» (якобы объяснявшей, почему «человек живет в гармонии с природой»), не был, конечно, случаен: теории Р. Эйкена, Г. Дриша и А. Бергсона импонировали Чжан Цзюньмаю прежде всего тем, что давали авторитетное подтверждение его собственным идеалистическим взглядам, сформировавшимся под воздействием традиционных китайских представлений о «единстве человеческой и космической природы». В своей известной работе «Творческая эволюция» А. Бергсон писал, что задача философии заключается в том, чтобы отвлеченно, абстрактно «экзаменовывать жизнь всего сущего», отказавшись от рационального, аналитического подхода (уместного лишь при оперировании с «мертвыми вещами», материальными объектами) и доверяя только интуиции, чувственному восприятию. Предмет философии (рассматривающей внутренний мир живой природы) уже сам по себе чисто спекулятивен, умозрителен, поэтому «научный» (аналитический) подход к толкованию понятий для нее противопоказан¹⁹.

Вернувшись в Китай в конце 1922 г., Чжан Цзюньмай выступал некоторое время как интерпретатор взглядов А. Бергсона и Г. Дриша, но вскоре, 14 февраля 1923 г., прочел студентам пекинского университета Цинхуа свою собственную лекцию, которая была опубликована в том же месяце в 272-м номере еженедельника «Цинхуа чжоукань» под заголовком «Жизнесозерцание» («Жэньшэнгуань») ²⁰. Тезисы статьи произвели буквально фурор в кругах теоретизирующей интеллигенции и послужили импульсом к началу широкомасштабной и оживленной полемики, надолго занявшей умы китайцев.

Предмет спора, предложенный Чжан Цзюньмаем, — противопоставление «науки» (*кэсюе*) как олицетворения основанной на логике рациональной теории познания, свойственной «материалистичной» цивилизации Запада, и «метафизики» (*сюаньсюе*) или «жизнесозерцания» (*жэньшэнгуань*), подразумевавших духовные ценности восточной «нематериалистичной» культуры, основанные на спонтанности процесса познания. Этот предмет спора представлял собой китайскую версию сквозной темы книги Р. Эйкена «Жизнесозерцание — великий Мыслитель», опубликованной в Лейпциге, в 1890 г. Немецкий философ утверждал в своей работе, что наука с ее ориентацией на холодное, рассудочное изучение внешней стороны вещей и явлений бессильна разрешить внутренние, духовные проблемы человеческой жизни и ведет западную цивилизацию к «голой материалистичности» и, более того, к «моральной деградации» ²¹.

Проецируя концепцию Р. Эйкена на китайские условия, Чжан Цзюньмай в своей лекции отмечал, что после «движения 4 мая» слишком много китайцев пришло к «чересчур категоричному» заключению о безграничных возможностях науки. Он убеждал аудиторию, что не следует переоценивать эти возможности: далеко не все вопросы человеческой и общественной жизни могут быть приведены в соответствие с «полностью четкой формулой науки». Конкретизируя последнее положение, китайский философ писал, что центральным предметом «жизнесозерцания» является категория «Я» (*Во*) — в его понимании, «всякий продукт человеческого духа», т. е. строго индивидуальный и таинственный внутренний мир человека. «Я» находится в оппозиции к «не-Я» (*фэй-Во*) — внешней стороне окружающего мира; отношения между «Я» и «не-Я» не поддаются управлению со стороны каких-либо научных принципов или законов ²². Главное же — и здесь заимствование Чжан Цзюньмаем соответствующих положений у Р. Эйкена особенно явно, — «жизнесозерцание» принимает в расчет тот факт, что мотивы человеческих поступков не могут быть поняты и объяснены только при помощи рационального и аналитического подхода к изучению, поскольку представления о добре и зле, взгляды на социальные отношения, внутренние убеждения человека и религиозные верования, отношения к общественным переменам и т. п. — все эти процессы очень индивидуальны, специфичны и представляют собой синтез личных взглядов индивида, — синтез, который не может быть разложен при помощи науки на составляющие компоненты без того, чтобы не лишиться своей реальной природы и сущности. Поэтому, заключал Чжан Цзюньмай, «какой бы высо-

кой степени развития ни достигла наука, она не в состоянии разрешать проблемы, [входящие в компетенцию] жизнесождения»²³, которое не подвластно «законам разума», «принципам логики» и подчиняется лишь иррациональной интуиции.

Ответом на подобные метафизические построения могли бы послужить, в частности, положения диалектического материализма, который рассматривает интуицию как «непосредственное знание» и «живое созерцание», но только и обязательно в его единстве со знанием опосредованным, ранее приобретенным. В рамках же сконструированной Чжан Цзюньмаем концепции «жизнесозерцания» интуитивное видение действительности, по существу, трактовалось как отрицание научной картины мира, которая заменялась идеалистической интерпретацией представлений обыденного сознания. В этом вопросе на его гносеологию оказали известное воздействие (помимо взглядов Р. Эйкана) идеи крупнейшего средневекового китайского философа-идеалиста Ван Янмина (Ван Шоужэня), рассматривавшего интуитивное «внезапное просветление» как наиболее реальный источник познания (самопознания) и мерило правильных действий. С этой точки зрения, тезисы Чжан Цзюньмаея служат лишь иллюстрацией того, что традиционные отечественные учения зачастую составляли подтекст большинства, казалось бы, явно ориентированных на западные теории антропологических концепций китайских ученых²⁴. В конечном итоге его система «послужила основой создания новой китайской метафизики, представлявшей собой сплав из теорий Бергсона, Эйкана и Ван Шоужэня»²⁵.

Теоретизированная Чжан Цзюньмаея в конечном счете были направлены на обоснование следующего принципиального тезиса. Западная цивилизация, находящаяся в плену «науки» и материальных ценностей, не уделяла и, за редкими исключениями, не уделяет интуиции (как необходимому и основополагающему фактору духовной культуры) того внимания, которого та заслуживает, а потому неудивительно, что Европа произвела на свет «голо-материалистичную» и «испорченно-развращенную» цивилизацию, слабость которой обуславливается недостаточной метафизичностью и чрезмерной утилитарностью. Отсюда следовал вывод: имея перед глазами подобный натораживающий пример, Китай должен тем больше ценить «духовность» собственной цивилизации. В противном случае — если страна направит свои усилия на поиски материального благополучия (достигаемого посредством «науки») — она, скорее всего, окажется в столь же плачевном положении, что и послевоенная Европа²⁶. Иными словами, он пытался убедить китайцев, что «ценности науки» едва ли помогут решить проблемы Китая, так как, с одной стороны, они вовсе не применимы для объяснения «жизнесозерцания» (как «квинтэссенции духа» китайской культуры), а с другой — поскольку западная цивилизация далеко не так совершенна, как ее стремились представить, и, более того, даже уступает восточной, которая тем не менее подвергается незаслуженному и порой огульному третированию.

В заключение Чжан Цзюньмаея подходил к самой сути своих рассуждений, определяя место и роль «жизнесозерцания» в процессе синтеза восточных и западных ценностей. «Проблемы, рассматриваемые в ходе развернувшейся в последнее время по всей стране полемики вокруг [вопросов] новой культуры и направления культурных перемен, не чужды предмету жизнесождения», — писал Чжан. — У нас есть своя оригинальная культура, у Запада — своя. Каким образом отобрать те элементы западной цивилизации, которые могут быть нам полезны, и избежать заимствования тех моментов, которые могут обернуться во вред? [Верный] подход к этому процессу селекции полностью зависит от жизнесождения». Таким образом, становится ясен подтекст рассуждений Чжан Цзюньмаея о «жизнесозерцании»: свойственными этому феномену чисто субъективными посылками и необходимо руководствоваться в процессе достижения синтеза «преимущественных сторон» восточной и западной цивилизаций, не забывая при этом о «принципиальном превосходстве» духовной культуры Китая над «узкопрактической» культурой Запада (или, если использовать употреблявшуюся в ходе тогдашней полемики терминологию, о превосходстве «метафизики» над «наукой») ²⁷.

Здесь необходимо сделать замечание, без которого, с нашей точки зрения, нельзя правильно и до конца понять позицию адептов «метафизики» в рассматриваемой дискуссии. Ранее уже говорилось о точке зрения Лян Цицао и Лян Шумина, признававших (с разной степенью категоричности) возможность и даже желательность «осовременивания» традиционной системы китайских ценностей некоторыми элемен-

тами ценностей западных. В большей или меньшей степени это относится и к другим ниспровергателям «науки», прежде всего к Чжан Цзюньмаю и Чжан Дунсуню. Иначе говоря, хотя эти деятели, характеризуемые обычно как консервативные участники споров тех лет, и отдавали явное предпочтение развитию Китая на основе отечественных доктрин и институтов, тем не менее их отнюдь нельзя назвать слепыми обскурантистами, игнорировавшими объективный ход истории и стремившимися направить страну «против часовой стрелки» в попытке спасти безвозвратно отжившие традиции. Они лишь акцентировали тот важнейший, с их точки зрения, момент, что проблемы Китая в главном и принципиальном требуют разрешения китайскими же средствами — это наиболее реальный, оптимальный, наименее болезненный путь. Иными словами, когда Лян Цицао, Чжан Цзюньмай и их единомышленники выступали против «безоглядной вестернизации», они тем самым призывали к большему учету чисто китайских реалий, «местного колорита». Радикализируя точку зрения лидера реформаторов Кан Ювэя, сформулированную им еще в 1913 г. и утверждавшую, что «полное подражание Европе и Америке и сбрасывание со счетов национального наследия — пагубная ошибка Китая», они считали такую постановку вопроса, как «традиция ради традиции», в принципе абсурдной, но тем не менее ратовали за то, чтобы китайцы выбрали из «старого арсенала» то «оружие», которое будет, пусть даже путем некоторой модификации, применимо в современную эпоху, и, главное, достигли его синтеза с определенными, прошедшими строгий отбор элементами западной цивилизации, ассимилировав их в китайских условиях. С этой точки зрения, этих деятелей можно классифицировать как «синтезаторов» или «неотрадиционалистов», которые пытались, по выражению академика В. М. Алексеева, сочетать собственно «туземный материал с некоторыми теориями уже европейского типа»²⁸. Говоря вкратце, «синтезаторы» пытались концептуализировать формулу «западная техника — восточная этика», которая была «лишь наиболее лапидарным выражением общей для периода «пробуждения Азии», да и последующих этапов национально-освободительного движения, идеи о необходимости соединения материальной культуры Запада с духовной культурой Востока и убежденности, что если страны Запада обогнали восточные страны в прикладных областях культуры, то в фундаментальных сферах превосходство Востока сохраняется и он бы мог поделиться этими достижениями с Западом к вящей пользе обеих сторон»²⁹.

Пересечение концепций А. Бергсона, Р. Эйкена, Г. Дриша, Чжан Цзюньмая и других adeptов иррационализма служит лишней иллюстрацией опосредованного взаимовлияния между различными направлениями этого учения, что обусловлено эклектичностью и аморфностью их философских предпосылок. В контексте данной работы небезынтересно отметить, что Д. С. Мережковский, один из философствовавших лидеров русского декаданса (представители которого вслед за Шопенгауэром, Ницше и Бергсоном положили в основу своего художественного метода интуицию, «вдохновенное угадывание», примат чувства над разумом), писал еще перед первой мировой войной, что Европе угрожает «духовное мещанство», и подчеркивал: «Мы начинаем замечать, что слишком увлеклись материальной стороной культуры, могуществом техники, довольно подозрительными дарами цивилизации...»³⁰ (Подобная позиция русского поборника «метафизического добра» уже тогда привела его в лагерь последовательных противников русских марксистов.)

Через два месяца после того, как Чжан Цзюньмай выступил со своей на шумевшей лекцией, сторонники западной мысли и решительной «вестернизации» Китая начали кампанию критики выдвинутых им тезисов. Первым и главным оппонентом Чжана стал ученый широкого профиля, профессор геологии Пекинского университета Дин Вэньцзян (Дин Цзайцзюнь, В. К. Дин, 1887—1936), опубликовавший в апреле 1923 г. в пекинском еженедельнике «Нули чжоубао» статью под заголовком «Метафизика и наука», в которой, полностью отвергая интуитивное знание, безоговорочно настаивал на «непреходящей ценности науки», доказывал ее «всемогущество» (*ваньэнь*) и универсальность, проистекающие из ее «методологии». Затрагивая концепции Э. Маха, У. Джемса, К. Пирсона, Дж. Беркли и др., Дин Вэньцзян утверждал, что теория относительности А. Эйнштейна и работы Лян Цицао по истории общественной мысли, учение У. Джемса о «потоке сознания» в психологии и эссеистические рассуждения Ху Ши о романе «Сон в Красном тереме» — все это разные грани науки. В целом он обвинял Чжан Цзюньмая в том, что тот одержим «Бесом

метафизики» (*Сюаньсюе гуй*)³¹, который по образному выражению Дин Вэньцзяна, скитался по Европе более двух тысячелетий «на хлебном, не знаящим, где приклонить голову» (*мэйю дифан хуньфань чи*), остался там «не у дел» и теперь пытается проникнуть в Китай. Последний же, по убеждению Дин Вэньцзяна, настоятельно нуждается на данном этапе своей истории именно в «Божестве науки» (*Кэсюе шэнь*). Дин Вэньцзян давал собственную трактовку развития природы и общества, причем, как это ни парадоксально звучит (если учитывать его акцент на «науке» и «материалистичности», внешне диаметрально противоположность его позиции и позиции Чжан Цзюньмая), тоже идеалистическую трактовку. Используя формулировку американского историка первобытного общества Л. Г. Моргана, называвшего матерью «замыслом» (у Чжан Цзюньмая — *сыгоу*), Дин Вэньцзян декларировал, что материя не полностью объективна по своей природе, она частично конструируется мышлением и существует на основе человеческих ощущений, т. е. фактически интерпретировал тривиальный махистский тезис, пытаюсь представить объективный мир как «комплекс ощущений» (*ганьцзюе фухэ» лунь*). Наконец, главное. Дин Вэньцзян утверждал, что даже «если европейская цивилизация и обанкротилась, то наука не несет за это ответственности... поскольку те, кто в наибольшей степени виновен в развязывании войны, — политики и власти держащие — в большинстве своем не имеют к науке никакого отношения». Кроме того, восточная и западная цивилизации не могут быть противопоставлены как «духовная» и «материалистичная»: это неправомерно в силу наличия в каждой из них тождественных другой компонентов³².

Второй этап дискуссии:

социальный идеал «равной бедности» против прагматизма

После публикации статьи Дин Вэньцзяна ясно обозначились две точки зрения и дискуссия приобрела характер открытой полемики. Позицию Чжан Цзюньмая поддержал Лян Цицао, хотя на этом этапе уже без особого энтузиазма или заметного эффекта³³. Гораздо более серьезная, систематизированная и взвешиваемая критика взглядов Дин Вэньцзяна была предложена другом Чжан Цзюньмая, авторитетным профессором философии, оригинальным интерпретатором западных идей Чжан Дунсунем (Чжан Дуншэн, 1886—1973). Он критиковал оппонента за упрощенную трактовку науки, фактически низводившую ее до уровня механической описательности, близкой к таксономии (т. е. нерархическому обозначению соподчиненных групп объектов), до превратно истолкованной «методологии», «упорядочивающей известную сумму фактов». Чжан Дунсунь резонно замечал, что такая трактовка «науки» не в состоянии объяснить, скажем, ту же теорию относительности А. Эйнштейна. Очевидно, что научные методы отнюдь не сводятся к «упорядоченным пояснениям», охватывающим возможное число явлений и фактов, но подразумевают значительно больший диапазон действия. То есть «наука», если уж давать ей настоящую оценку, — нечто несравнимо большее, нежели примитивная «методология [описательности]»³⁴.

В конечном счете Чжан Дунсунь встал все-таки на сторону «чистой» философии. В своем достаточно аналитическом обзоре дискуссии, опубликованном в редактировавшемся им крупном шанхайском еженедельнике «Шиши синь бао» под заголовком «Наука и философия», он привлек аргументы современных буржуазных ученых и философов Запада (в частности, сторонника релятивистской космологии А. С. Эддингтона и др.), пытаюсь продемонстрировать неадекватность категорий «науки» и человеческого опыта и декларируя, что выводы научного анализа выглядят низведенными до абстрактных, чуть ли не математических уравнений, неприменимых в духовных областях жизни, в том числе в философии. Определяя свои собственные взгляды на взаимоотношения «философии» и «науки», Чжан Дунсунь акцентировал идеалистическую природу научного знания, «эпистемологический плюрализм», и отводил «философии» («метафизике», «жизнесозерцанию») доминирующее место в сфере «науки». В целом же он считал полемику в ее тогдашнем виде бесперспективной, если не бессмысленной, поскольку Дин Вэньцзян, с его точки зрения, не столько использовал действительно «науку» для развенчания «метафизики», сколько занимался «повторением пройденного»: пытался лишний раз отрепетировать возможность при-

менения достаточно тривиальных аргументов «движения за новую культуру» против иррационализма с целью обоснования необходимости индустриального развития Китая; иными словами, с позиций «закоснелого прагматизма» декларировал превосходство «передовой» западной цивилизации над «отсталой» китайской³⁶.

Сам возмутитель спокойствия Чжан Цзюньмай такжеотреагировал на критику Дин Вэньцзяна, выступив в Китайском университете с лекцией «Оценка науки» и опубликовав в «Чэнь бао фукань» пространную статью под заголовком «Еще раз о жизнесозерцании и науке как ответ Дин Цзайцзюню». Развивая тезис о противопоставлении восточной цивилизации западной и необходимости развития Китая на базе отечественной традиции, он писал, что фундаментальные принципы, лежащие в основе жизни китайской нации, противоположны европейской модели: «[созерцающее] спокойствие» как антипод свойственной Западу «жажде активной деятельности»; морально регулируемое чувство «национального единства» в противовес социальной разобщенности и расовой сегрегации; поиск «духовного удовлетворения» в противоположность погоне за материальной выгодой. Отсюда Чжан (в разделе «Мое отношение к материалистичной цивилизации») делал далеко идущий вывод: «аграрная нация» действительно отстаёт в плане промышленного развития, однако при этом ее представители не стремятся к чисто материальному благополучию, довольствуясь духовным самосовершенствованием; поэтому в подобном обществе в течение длительного времени может сохраняться без особо негативных последствий определенный «стандарт бедности» при «равенстве [в бедности]», «нехватка [материальных благ]» при «мире и спокойствии [в обществе]». Чжан Цзюньмай считал такое положение вещей неизбежным и даже оптимальным на определенный период, как не противоречащее специфике Китая, хотя и соглашался, что в будущем, по мере ускорения промышленного развития, данная схема, скорее всего, трансформируется в другую: «благополучие без равенства, богатство и изобилие без мира» (что уже наблюдается в полном объеме на Западе)³⁶.

Сформулированный Чжан Цзюньмаем социальный идеал «равной бедности» реминисцирует, во-первых, с одним из основных постулатов «конфуцианской политэкономии», а во-вторых, с одной из наиболее иррациональных сторон концепции А. Бергсона, утверждавшего, что основное отличие человека от других живых существ заключается в его двойственной (мистической) природе, на основе которой возникают и развиваются две формы морали и только два типа социальных отношений — господство и подчинение. Интерпретируя и пропагандируя эту философию, Чжан Цзюньмай «выполнил социальный заказ китайской реакции»³⁷, поскольку, с одной стороны, пытался отрицать необходимость научного познания законов общественного развития, а с другой — фактически декларировал неизбежность эксплуататорского строя (в виде формулы «господство — подчинение», «правлящие — управляемые»). Кроме того, дихотомический принцип исследования проблемы Восток — Запад в схеме Чжан Цзюньмая проведен слишком навязчиво, тенденциозно, и полярности довольно обманчивы: отчетливо видны «раздвоения», но предельно фрагментарны моменты объединения противоположностей, поскольку китайский теоретик игнорирует наличие демократического элемента в современной западной культуре.

Главными выразителями идей «группировки сторонников науки» (*кэсюе пай*), помимо Дин Вэньцзяна, на этом этапе выступили известный «западник» Ху Ши (1891—1962) и ветеран анархистского движения У Чжихуэй (У Цзинхэн, 1864—1953). Не углубляясь в «чистую» философию, они перевели спор в социально-политическую плоскость, акцентировав внимание на культурологическом аспекте дилеммы «духовный Восток — материалистичный Запад». В предисловии к сборнику по материалам дискуссии Ху Ши утверждал, что развитие материальных факторов является главной предпосылкой и необходимой основой создания развитых духовных ценностей; поэтому высокий уровень, достигнутый западной цивилизацией в сфере материальной, закономерно дает возможность достичь столь же высокого уровня и в сфере духовной. Китайская же цивилизация, напротив, в области материальной характеризуется «бедностью и пассивностью», поэтому не может быть и речи о ее превосходстве с точки зрения духовности³⁸. У Чжихуэй в программной статье «Миропонимание новой веры и человеческая жизнь», опубликованной в журнале «Тайпиньян», пытался, с одной стороны, отрицать общественную природу человека, его историческое развитие и фактически ставил под сомнение коренное отличие человека от

животного, утверждая, что «так называемое человеческое существо — это пользующаяся руками и мозгом разновидность животного», цель жизни которого сводится в конечном счете всего лишь к тому, чтобы «есть, рожать детей, заводить друзей; с другой стороны, У Чжихуэй предпринял попытку примирить «науку» и «метафизику», сформулировав следующие понятия: «"блуждающее в потемках" миропонимание» («цихэйцитуань» ы юйчжоугуань), что трактовало мир как «темное и хаотичное целое», и «жизнессозерцание "неуправляемого потока человеческих желаний"» («жэньюйхэнлю» ды жэньшэнгуань), что подразумевало жизнь как «незначительное желание». Синтез этих явлений, заключал У Чжихуэй, дает нам феномен «научного» метафизического духа («кэсюе ды сюаньсюегуэй»), с помощью которого и можно решать все вопросы, связанные с духовной стороной жизни³⁹. Ху Ши не только одобрил выдвинутый У Чжихуэем тезис унификации «науки» и «метафизики», но и развил его в понятии «натуралистическое жизнессозерцание» («цзыжиньчжуи жэньшэнгуань»), используя закономерности биологической эволюции для толкования различных социальных явлений⁴⁰, главный смысл чего, по справедливой оценке современных китайских ученых, сводился к борьбе с марксистской теорией классово-борьбы⁴¹.

Некоторые итоги и подоплека дискуссии

Развернувшаяся полемика велась преимущественно на страницах крупнейших периодических изданий и порой была выдержана в резких тонах. «Синофильскую», «неотрадиционалистскую» позицию Чжан Цзюньмая поддержали, помимо Лян Цичао и Чжан Дунсуна, такие мастера и подмастерья общественно-политической мысли Китая, как Ван Пинлин, Цюй Цзюйнун, Линь Цзайпин, Фань Шоукан, Тун Госи, Сун Гао, Сунь Фуюань и др., т. е. в большинстве своем те, кто сотрудничал с созданной летом 1916 г. и возглавлявшейся Лян Цичао политико-идеологической организацией, известной как Исследовательская группа (Яньцзю си). Их статьи печатались на страницах редактировавшегося Чжан Дунсунем журнала «Сюе дэн» (литературного приложения к «Шиши синь бао»), а также в «Чэнь бао фукань». Защитниками «науки» выступили, кроме Дин Вэньцзяна, Ху Ши и У Чжихуэя, также Ван Сингун, Тан Юе, Лу Чживэй, Чжу Цзиннун, Жэнь Хунцзюнь (Жэнь Шуюн), Чжан Яньцун и др., публиковавшие свои работы в руководимом Ху Ши пекинском еженедельнике «Нули чжоубао» и — эпизодически — в шанхайском ежемесячнике «Тайпиньян».

В аргументации участников дискуссии постоянно фигурировали имена крупнейших западных философов, социологов, ученых, деятелей культуры — Платон, Дж. Беркли, И. Бентам, Э. Мах, А. Шопенгауэр, Э. Хартман, Д. Юм, Э. Бутру, Б. Рассел, З. Фрейд, Г. Ф. Лейбниц; Г. Галилей, И. Ньютон, А. М. Ампер, Ж. Б. Ламарк, Ч. Дарвин, Л. Пастер, А. С. Эддингтон; У. Шекспир, Данте, Н. В. Гёте, Р. Вагнер, Э. Эллот и др. Анализируя материалы дискуссии, можно сделать вывод, что единомышленники Чжан Цзюньмая строили свою аргументацию на теориях Р. Эйкена, Г. Дриша, А. Бергсона, а также Э. Дж. Урвика; адепты «науки» привлекали для обоснования своих взглядов учения У. Джемса, Д. Дьюи, Ч. С. Пирса, Э. Маха и Т. Гексли. Первые с бергсонянской позиций продолжали декларировать существование принципиальных различий между методами познания и изучения материального и духовного мира, доказывая, что законы каузальности действительны только в сфере естественных наук. Вторые стояли на позициях прагматизма, на словах выступая в защиту науки и ее законов, которые, с их точки зрения, якобы создаются самими людьми в соответствии с практическими, утилитарными потребностями.

В целом можно констатировать, что в ходе полемики были затронуты кардинальные для перспектив страны проблемы, главной из которых была в конечном счете проблема выбора пути развития. Однако несмотря на большой полемический запал, дискуссия на том этапе была, по существу, «обречена» остаться незавершенной: во-первых, в силу чрезвычайной сложности и многоплановости самого предмета спора, а во-вторых, по причине отсутствия вполне удовлетворительных средств его разрешения — они были ограничены тогдашним уровнем китайской общественно-политической мысли и далеки от совершенства (сказывались, помимо всего прочего,

незавершенность выработки адекватной терминологии, зачастую вольное и небрежное обращение с философскими и политическими понятиями и категориями и, как следствие, расплывчатость, противоречивость и неубедительность аргументации)⁴².

Тем не менее необходимо подчеркнуть, что известная поверхностность, а порой и беспорядочность рассуждений отнюдь не умаляют значения самого факта дискуссии как принципиально важного события и знаменательного этапа в эволюции философской и общественно-политической мысли Китая новейшего времени. Несмотря на некоторые слабые стороны и фактическую безрезультатность полемики, никак нельзя говорить о ее бесплодности. Напротив, она в огромной степени стимулировала интерес к новой мысли, к различным аспектам научных, философских, политических и социально-экономических вопросов, к дилеммам Восток — Запад, восточная этика — западная техника и выбору пути развития. Дискуссия нашла отражение в специальном двухтомном сборнике, вышедшем в шанхайском издательстве «Ядун тушугуань» в конце 1923 г. с предисловиями, написанными Чэнь Дусю и Ху Ши в ноябре того же года⁴³. Надо сказать, что оба упомянутых теоретика поддержали (хотя и с разных позиций) идеи «науки» и «материалистичной» цивилизации. Тот факт, что именно им была предоставлена возможность подвести итоги, косвенно подтверждает господствующее мнение, что сторонники «научных методов» формально одержали победу в этом незаконченном споре, — победу, которая была «присуждена» им и большинством читательской аудитории⁴⁴.

С другой стороны, нельзя не отметить, что тогдашние сторонники марксизма в Китае сумели правильно понять подлинную идейную направленность и политическую подоплеку дискуссии. В частности, один из инициаторов создания китайской компартии Чэнь Дусю (1879—1942) отмечал: «...Казалось бы, что те, кто атаковал отряд Чжан Цзюньмаю и Лян Цицао, одержали победу, но на самом деле они даже не подступились к позициям противника, не только не рассеяли его боевые порядки, а лишь имитировали ведение боевых действий... то есть командующий (*чжуцзян*) Дин Вэньцзян как будто предпринял развернутое наступление на идеалистические взгляды командующего Чжан Цзюньмаю, но в действительности он сам прошел лишь пятьдесят шагов, пытаясь покрыть [пройденные Чжаном] сто шагов»⁴⁵. Подчеркивая, что основы взглядов сторонников «науки» и «метафизики» совпадали, Чэнь Дусю заключал в статье «Ответ Чжан Цзюньмаю и Лян Жэньгуну», что обе точки зрения в полемике представляли не более как два различных течения философского и политического идеализма, обе были направлены на борьбу с марксистской теорией (только использовали для этого разные средства)⁴⁶.

Ху Ши в статье «Ответ г-ну Чэнь Дусю» предпринял попытку с идеалистических позиций дезавуировать доводы оппонента. Он писал: «Причины исторических явлений чрезвычайно разнообразны и многоплановы; поэтому, хотя мы и одобряем «экономическое понимание истории» (*цзинцзи шигуань*) как одно из главных средств исторической науки, в то же время мы не можем не признавать мышление, знания и т. п. в качестве таких же «объективных факторов», которые в равной степени могут «изменять общество, разъяснять ход истории, управлять жизнесозерцанием». Поэтому я лично на сегодня могу только сказать, что «материалистическое (экономическое) понимание истории» (*вэйю шигуань*) ограничено, с его помощью можно решать лишь часть вопросов, хотя и большую их часть». Таким образом, Ху Ши невольно разоблачал идеалистическую основу и антимарксистскую направленность своих взглядов; это нашло свое конкретное воплощение в противопоставлении выдвинутого им понятия «плюралистического понимания истории» (*доуань лишигуань*) «материалистическому пониманию истории» (т. е. историческому материализму. — С. Б.)⁴⁷. На критике этого момента и заострил свое внимание Чэнь Дусю в «Ответе [Ху] Ши». Он доказывал, что отстаиваемый Ху Ши «идеалистическо-материалистический дуализм» (*синью эрюаньлунь*), вне всякого сомнения, являет собой одну из разновидностей идеализма, которая ведет к возникновению реакционных концепций общественного развития. Поясняя свою позицию, Чэнь Дусю подчеркивал, что исторические материалисты отнюдь не отрицают значения субъективного, человеческого фактора, но при этом твердо придерживаются точки зрения, что он не играет в жизни общества той роли, которую играет фактор экономический⁴⁸.

Известный китайский публицист, один из руководителей КПК Цюй Цюбо (Цюй Вэйто, 1899—1935) в цикле программных статей, написанных в период с июня

1923 по апрель 1924 г., сосредоточил свою критику на реакционной сущности именно политического аспекта концепции Чжан Цзюньмая и других «метафизиков». Он подчеркивал, что пропаганда идеи о мистической способности интуиции и «жизне-созерцания» познавать мир, пропаганда тезиса о бесполезности научных методов при изучении человеческого общества фактически отрицает научный анализ объективных закономерностей общественного развития: «...Хотя социальные явления и перемены вершатся человеком, тем не менее все волевые действия людей обусловлены в конечном счете [объективными] причинами и закономерностями». Кроме того, Цюй Цюбо, вскрывая диалектическую взаимосвязь свободы и необходимости, разоблачал идеалистическую трактовку теории «свободной воли» (*цзыю ичжи*), заимствованную Чжан Цзюньмаем и Чжан Дунсунем у Ж. Ж. Руссо⁴⁹ и синтезированную с традиционной китайской концепцией «самоудовлетворения» (*цзы дэ*). Цюй Цюбо доказывал, что подлинная свобода и необходимость едины, неразделимы и взаимообусловлены: люди познают необходимость, применяют знание необходимости для покорения природы и преобразования общества — только после этого становится возможным достижение свободы; подлинная свобода покоится на научном познании необходимости. Иными словами, подлинная «г-жа Демократия» (*Дэмокэлайсы сяньшэн*) обусловлена знанием закономерностей социально-исторического развития и преобразованием общества с учетом этих закономерностей⁵⁰.

* * *

Итак, в дискуссии приняли участие три группы теоретиков, представлявших различные направления общественно-политической мысли Китая. Представители первой из этих групп, которых можно дефинировать как «неотрадиционалистов» или «синтезаторов», строили свои доводы на идее релятивистского отношения к отечественному традиционному наследию, декларируя превосходство китайской «духовной» цивилизации над западной, но предлагая в качестве оптимального варианта достижение их синтеза. В свою очередь «западники», или «нигилисты», настаивали на безусловном превосходстве Запада над Востоком и категорично требовали отказа, порой огульного, от «безнадежно устаревших» национальных ценностей и развития Китая в соответствии с европейскими образцами. «Радикалы», или первые сторонники марксизма, попытались взять на себя роль третьей стороны в споре: они вскрывали буржуазно-националистическую основу взглядов и «синтезаторов», и «западников», доказывая, что проблемы страны могут быть решены только при помощи подлинно научного, марксистского подхода, путем революционной ломки отжившего общества. Различие в позициях было обусловлено социальной основой взглядов участвовавших в полемике теоретиков. Дэн Чжунся писал в журнале «Чжунго циннянь»: «Группа сторонников восточной культуры представляла, можно сказать, феодальную идеологию ремесленного аграрианизма; группа приверженцев научных методов представляла, можно сказать, буржуазную идеологию нового промышленного производства, а группа последователей исторического материализма представляла, можно сказать, пролетарскую идеологию нового промышленного производства — все эти идеологические направления появились не случайно...»⁵¹, а сама дискуссия, как отмечают сегодня обществоведы КНР, явилась закономерным и одним из наиболее рельефных проявлений классовой борьбы в обществе⁵².

Отнюдь не случайно данная полемика определяется в китайских публикациях как «междоусобица» (*хунь чжань*): две основные противоборствующие стороны — «неотрадиционалисты» и «западники» — были представлены «вестернизированными китайцами», олицетворявшими новую интеллектуальную элиту страны, а конкретнее — буржуазными идеологами. В силу идентичной классовой принадлежности различие их позиций определялось не столько принципиальными, сколько формальными признаками; в сущности же, истинная подоплека спора заключалась в поисках наиболее эффективного идеологического оружия в борьбе против диалектического и исторического материализма. Заслуга прогрессивных авторов того времени и состояла в том, что они сумели вскрыть эту подоплеку, очистив ее от внешних наслоений. Один из авторов прогрессивного издания «Вэньхуа шипань», Пэн Кан, подчеркивал, что

между «враждовавшими идолами» — «Бесом метафизики» Чжан Цзюньмаем, «Божеством науки» Дин Вэньцзяна и «Духом научной метафизики» У Чжихуэя — не было непримиримых противоречий, поскольку все они олицетворяли «потусторонние силы», представляли различные модификации идеализма «и в противоборстве двух философских армий стояли плечом к плечу в одном строю против армии сил диалектического и исторического материализма»⁵³.

Действительно, сочувственная ссылка Дин Вэньцзяна и Ван Сингуна на «последнюю истину» эмпириокритицизма, утверждающего объективный мир как «комплекс ощущений», развивавшиеся Ху Ши и другими прагматиками тезисы о непреходящих ценностях буржуазной науки, материальных факторов и необходимости промышленного развития, по сути, означали несколько завуалированную (но от этого не менее решительную) апологию капиталистического пути. В этой связи современные китайские авторы подчеркивают, что данная группа спекулировала внешне прогрессивной оболочкой лозунгов «науки», «всемогущества науки» и т. п. для того, чтобы распространить в обществе влияние идей прагматизма и махизма. «Они использовали субъективный идеализм, агностицизм и идеалистический взгляд на историю для борьбы против марксистской философии, — пишут Люй Сичэнь и Ван Иньинь, — и их подлинным противником были не «мой друг Чжан Цзюньмай», не «Бес метафизики», а научная истина марксизма»⁵⁴. Поэтому, оценивая роль западной науки и философии на Востоке в соответствии с принципом историзма, нельзя не согласиться, что «положительная роль западной буржуазной философии в этих странах была исторически преходящей. С началом распространения марксизма эта философия (особенно политическая философия) стала использоваться реакционными силами стран Востока в борьбе против марксизма»⁵⁵.

В свою очередь настойчивая пропаганда Чжан Цзюньмаем идеи «равной бедности», реминисцирующей в его схеме с «геростратовски» известной формулой «Капитализм — это неравномерное распределение богатств, а социализм — равномерное распределение бедности», в конечном счете была направлена на консервацию низкого уровня жизни народа и, соответственно, также отражала интересы господствующих эксплуататорских классов. С другой стороны, рекламировавшаяся адептами «метафизики» концепция культурно-исторического синтеза восточной и западной цивилизаций внешне выглядит даже рациональной. Однако синтез традиционного и современного в интерпретации этих деятелей в широком историческом плане является тупиковым: в его рамках возможна постепенная количественная эволюция, но для кардинальных качественных изменений необходима революция в политической области, которая позволила бы «растворить» традиционное в современном⁵⁶. Но именно революционные преобразования и пытались «предотвратить» «неотрадиционалисты», выдвигая свою эклектическую концепцию «механического» синтеза. Эта концепция отражала настроения той части китайской буржуазии, которая ратовала за осуществление определенных (большой частью весьма ограниченных) социальных, экономических и политических реформ, необходимых, с ее точки зрения, для превращения Китая в независимое и «сильное» национальное государство, что обуславливалось, с одной стороны, узкоклассовыми эгоистическими интересами, а с другой — национализмом, эксплуатировавшим патриотические настроения масс. Деятельность Чжан Цзюньмаем и его единомышленников служит еще одной иллюстрацией того положения, что «буржуазный... и мелкобуржуазный подход к проблеме национального наследия приводит порою к националистическим, антидемократическим тенденциям...»⁵⁷, что и обнаружило себя (в данном случае) в полном объеме позднее⁵⁸.

«Чернильная война» вокруг «науки» и «жизнесозерцания» явилась неординарным событием в идейной жизни китайского общества и оказала заметное влияние на весь процесс дальнейшей эволюции общественно-политической мысли страны. Однако еще более серьезные боевые действия только назревали: полемика была продолжена в последующие десятилетия под такими программными лозунгами, как «реконструкция культуры на основе китайской» (*чжунго бэньвэй вэньхуа*), «полная вестернизация» (*цюаньпай сихуа*) и «национальная форма» (*миньцзю синши*). В этом смысле данная дискуссия была лишь частью более широкого спора о природе, содержании и значении фундаментальных различий между восточной (или китайской) и западной цивилизациями, спора, завязавшегося еще на рубеже столетий и переросшего в 30—40-е гг. в ожесточенную и уже действительно бескомпромиссную

идеологическую борьбу между революционной, марксистской мыслью и различными буржуазными, национал-реформистскими концепциями общественного развития Китая.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 9, с. 100.

² Этому кругу вопросов, вызвавшему настоящий бум в среде китайской «пишущей» интеллигенции и целиком занимавшему ее умы в те годы (1915—1926), была посвящена обширнейшая литература.— См.: Усы цяньюу Дун Си вэньхуа вэньти луньчжань вэньсюань (Избранные произведения, написанные в ходе дискуссий по вопросу о восточной и западной культурах до и после «движения 4 мая» [1919]). Чанша, 1985.

³ Данные концептуально-теоретические предпосылки дискуссии были достаточно традиционны: «интуитивное» мышление Востока нередко противопоставлялось «логическому» мышлению Запада, поскольку для китайской психологии вообще характерно придавать неоправданно большое значение непосредственно созерцаемому, стремясь к интуитивному пониманию через прямое восприятие. (Эта тенденция нашла отражение, в частности, в феномене иероглифического письма, передающего конкретные образы для выражения абстрактных идей.) — См.: Актуальные проблемы истории китайской философии. М., 1983, с. 46, 49, 52; Н. Nakatiga. Ways of Thinking of Eastern Peoples: India — China — Tibet — Japan. Honolulu, 1964.

⁴ Понятия «цивилизация» (*вэньмин*) и «культура» (*вэньхуа*) в данном контексте трактовались очень широко, в традиционном для Китая смысле — как основной детерминант жизни и общественного развития,— и подразумевали не столько гуманитарную культуру, сколько ее симбиоз с социокультурой, вырабатывающей стереотипы мышления, мировоззрения и социального поведения и, главное, тот комплекс современной культуры в условиях конкретно-исторического общества, который связан с ходом социального прогресса.

⁵ Советские китаеведы (Э. Я. Баталов, Л. П. Делюсин, А. Г. Крымов) уже частично затрагивали историю полемики о традиционализме и модернизме в своих работах, принципиальные положения которых автор в целом разделяет. Цель же данной статьи — не претендуя на исчерпывающий анализ, категоричность оценок и выводов, рассмотреть ход дискуссии под интересующим нас более конкретным углом зрения: как один из важнейших этапов на пути решения дихотомии Восток — Запад, этап, обусловивший последующие попытки создать концепцию синтеза китайских и западных ценностей и нашедший свое окончательное завершение в разработке китайской версии национал-реформистской доктрины «третьего пути» развития в 30—40-е гг.— См.: С. Р. Белоусов. Буржуазный либерализм в Китае: политическая история и идеология «третьего пути» развития (30—40-е годы XX в.).— «Проблемы Дальнего Востока», 1985, № 2, с. 92—101. Кроме того, в работе были широко использованы полученные во время научной командировки в КНР новейшие материалы по исследуемой проблематике.

⁶ Наибольшее внимание этим проблемам уделяют ученые кафедр истории философии философских факультетов Народного университета Китая (в частности, Линь Маошэнь), Пекинского педагогического университета (Ван Гуйлинь, Гао Цзюнь), Дунбэйского педагогического университета (Ван Вэйли, Лю Цзинфу, Ма Вэйчжэн), а также специалисты из Пекинского, Фуданьского, Шаньдунского, Ляонинского, Гиринского университетов, Университета им. Сунь Ятсена и др.

⁷ См.: Люй Сичэнь, Ван Иминь. Чжунго сяньдай чжэсюе ши, 1919—1949 (История китайской философии в новейшую эпоху, 1919—1949). Чанчунь, 1984, с. 94—113; Чжунго сяньдай чжэньчжи сысян ши, 1919—1949 (История политической мысли Китая в новейшую эпоху, 1919—1949). Харбин, 1984; Лян Цицао чжэсюе сысян лунь вэньсюань (Избранные произведения Лян Цицао по теории философской мысли). Пекин, 1984; Усы цяньюу Дун Си вэньхуа вэньти луньчжань вэньсюань; Пэн Мин. «Усы» яньцзю луньсян (Некоторые соображения об изучении «движения 4 мая» [1919 г.]).— Чжунго сяньдай ши (Новейшая история Китая: Сб. статей). Пекин, 1984, № 7, с. 7—12 и др.

⁸ Цит. по: В. Schwartz. In Search of Wealth and Power: Yen Fu and the West. Cambridge (Mass.), 1964, p. 235.

⁹ В данном контексте имелось в виду понятие «хуэй» — созерцание, некая «высшая мудрость», истолкованная как «освобождение от власти вещей», восстановление гармонии внутреннего и внешнего, истинного и ложного, т. е. одна из «основных форм познания», достигаемая с помощью интуиции и «духовного прозрения».

¹⁰ См.: Кэсюе юй жэньшэнгуань (Наука и жизнесозерцание: Сб. статей). Шанхай, 1923, т. 1, с. 96.

¹¹ См.: Лян Цицао. Оу ю синьинь лу (Записки о поездке в Европу).— В кн.: Усы цяньюу Дун Си вэньхуа вэньти луньчжань вэньсюань, с. 333—374.

¹² С точки зрения Лян Цицао, об этом свидетельствовала возрастающая популярность «теории взаимопомощи» П. А. Кропоткина и реформистских концепций «ненасильственного» социализма, распространение влияния философской системы Р. Эйкена и теории «творческой эволюции» А. Бергсона.

¹³ Лян Ци ча о. Чжунгожэнь чжи цзыцзюе (Самосознание китайцев).— В кн.: Лян Ци ча о чжэсюе сысян лунь вэньсюань, с. 270—287.

¹⁴ См.: Тао Лигун (Тао Мэнхо). Ю Оу чжи ганьсян (Впечатления от поездки в Европу).— «Синь циннянь», 1919, т. VII, № 1, с. 49—55; [Тао] Мэнхо вэньцунь (Собрание очерков [Тао] Мэнхо). Шанхай, 1925, с. 66—91.

¹⁵ См.: Лян Шумин. Дун Си вэньхуа цзи ци чжэсюе (Культуры Востока и Запада и их философии).— В кн.: Усы цяньхуо Дун Си вэньхуа вэньти луньчжань вэньсюань, с. 393—435.

¹⁶ Публикация книги Лян Шумина вызвала широчайший резонанс. Представители самых различных идеологических направлений и политических группировок (Янь Цзичэн, Чжан Дунсунь, У Ши, Лю Бомин, Ли Шицзэнь и др.) уже в марте 1922 г. откликнулись на работу Лян Шумина в своих лекциях и статьях (публиковавшихся на страницах крупнейших периодических изданий — «Шиши синь бао», «Сюехэн», «Минь до [цзачжи]» и др.).— Тексты статей см.: Усы цяньхуо Дун Си вэньхуа вэньти луньчжань вэньсюань, с. 446—507.

¹⁷ См.: Чжан Цзюньмай. Оучжоу аэньхуа чжи вэйцзи цзи Чжунго синь вэньхуа чжи цюйсян (Европейская культура под угрозой и направление [развития] новой культуры Китая).— В кн.: Усы цяньхуо Дун Си вэньхуа вэньти луньчжань вэньсюань, с. 436—445.

¹⁸ R. Eucken, C. Chang. Das Lebensproblem in China und Europa. Leipzig, 1922.

¹⁹ См.: А. Бергсон. Творческая эволюция. М.— СПб., 1914.

²⁰ Перевод этого термина и обозначаемого им понятия вызывает определенные трудности, поскольку он не имеет достаточно удовлетворительного терминологического эквивалента в русском языке. В советской литературе его иногда переводили как «жизненное воззрение», «мировоззрение» и «социальные воззрения». Наиболее распространенные на Западе переводы: дословный — «взгляд на жизнь» («view of life») и обобщающе-смысловой — «философия жизни» («philosophy of life»). Однако, с нашей точки зрения, словосочетание «жизнесозерцание» в наибольшей степени подходит для перевода китайского «жэньшэнгуань», наиболее полно отражает феноменологическое значение этого термина. В пользу такой трактовки говорит то, что, во-первых, введенный Чжан Цзюньмаем термин представлял собой кальку с немецкого «Lebensanschauung», употребленного Р. Эйкенем в заголовке его книги «Жизнесозерцание — великий Мыслитель» («Die Lebensanschauung der grossen Denker»); во-вторых, «созерцание» как философская категория непосредственно связано с понятием интуиции (что, кстати, и выражено в латинском (intuitio) и немецком (Anschauung) языках), а интуиция, «интуитивное знание» и были главными «действующими лицами» в аргументации Чжан Цзюньмай.

²¹ In: R. Eucken. Die Lebensanschauung der grossen Denker. Leipzig, 1890.

²² См.: Чжан Цзюньмай. Жэньшэнгуань (Жизнесозерцание).— В кн.: Кэсюе юй жэньшэнгуань, т. 1, с. 1—4.

²³ Там же, с. 4—9.

²⁴ См.: Моу Цзунсань. Чжи ды чжицзюе юй Чжунго чжэсюе (Интеллектуальная интуиция и китайская философия). Тайбэй, 1971.

²⁵ W. Bauer. China and the Search for Happiness: Recurring Themes in Four Thousand Years of Chinese Cultural History. New York, 1976, p. 364.

²⁶ См.: Чжан Цзюньмай. Жэньшэнгуань, с. 9—11.

²⁷ См. там же.

²⁸ В. М. Алексеев. Наука о Востоке. Статьи и документы. М., 1982, с. 177. Несколько позднее концепция синтеза получила развитие у Фэн Юланя и Хэ Линя, взгляды которых анализируются в работе В. Г. Букова.— См.: В. Г. Буков. Современная китайская философия. М., 1980, с. 47—57.

²⁹ Эволюция восточных обществ: Синтез традиционного и современного. М., 1984, с. 455.

³⁰ См.: Д. С. Мережковский. Грядущий хам. — Собр. соч. в 24-х томах. М., 1914, т. XIV, с. 27—35; Д. С. Мережковский. Мистическое движение нашего века. Орывок. — «Труд», 1893, т. XVIII, № 4, с. 34.

³¹ Впоследствии Чжан Цзюньмай, с легкой руки Дин Вэньцзяна, окрестили «бесноватым метафизиком».— См.: Мао Цзэдун. Избр. произв. М., 1953, т. 3, с. 234, 275.

³² См.: Дин Вэньцзян. Сюаньсюе юй кэсюе: Пин Чжан Цзюньмай ды «жэньшэнгуань» (Метафизика и наука: Критика «жизнесозерцания» Чжан Цзюньмай).— В кн.: Кэсюе юй жэньшэнгуань, т. 1, с. 1—30.

³³ См.: Лян Ци ча о. Гуаньюй сюаньсюе кэсюе луньчжань чжи «чжань ши гоци гуифа» (По поводу «всеобщих международных законов военного времени» применительно к дискуссии о метафизике и науке).— Там же, т. 1, с. 1—4; Лян Ци ча о. Жэньшэнгуань юй кэсюе: Дуйюй Чжан Дин луньчжань ды пипин (Жизнесозерцание и наука: Критический разбор полемики между Чжан [Цзюньмаем] и Дин [Вэньцзяном]).— Там же, с. 1—10.

³⁴ Чжан Дунсунь. Лао эр у гун: Пин Дин Цзайцзюнь сяньшэн коучжун ды кэсюе (Много усилий приложено, но впустую: Критика описательной науки г-на Дин Цзайцзюня).— Там же, т. 2, с. 1—17.

³⁵ См. там же, с. 18—20.

³⁶ Чжан Цзюньмай. Цзай лунь жэньшэнгуань юй кэсюе бин да Дин Цзайцзюнь (Еще раз о жизнесоцерпании и науке как ответ Дин Цзайцзюню).— Там же, т. 1, с. 77—84; Чжан Цзюньмай. Кэсюе чжи пинцзя: Чжан Цзюньмай сяньшэн цзай Чжунго дасюе цзян (Критическая оценка науки: Лекция г-на Чжан Цзюньмай в Китайском университете).— Там же, т. 2, с. 1—10.

³⁷ А. Г. Крымов. Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае (1900—1917 гг.). М., 1972, с. 282—283; Люй Сичэнь, Ван Иминь. Указ. соч., с. 99.

³⁸ См.: Ху Ши. «Кэсюе юй жэньшэнгуань» сюй (Предисловие к сб. «Наука и жизнесоцерпание»).— В кн.: Кэсюе юй жэньшэнгуань, т. 1, с. 1—29.

³⁹ См.: У Чжихуэй. Игэ синь синьин ды юйчжоугуань цзи жэньшэн (Миропонимание новой веры и человеческая жизнь).— Там же, т. 2, с. 1—89.

⁴⁰ См.: Ху Ши. Указ. соч., с. 25—29; Hu Shi. What I Believe.— Ы: Living Philosophies. New York, 1931, p. 261—263.

⁴¹ См.: Люй Сичэнь, Ван Иминь. Указ. соч., с. 106.

⁴² Достаточно сказать, что сам термин «жэньшэнгуань» («жизнесоцерпание») и обозначаемое им понятие были довольно аморфны и не ясны до конца в своем значении, и ни один из участников дискуссии так и не дал их окончательного, конкретного и четкого определения.

⁴³ В сборник вошло более 30 статей ведущих теоретиков. Общий их объем составит около 300 тыс. слов.— In: Y. C. Wang. Chinese Intellectuals and the West. 1872—1949. Chapel Hill, 1966, p. 382.

⁴⁴ См.: Го Чжаньпо. Цзинь ушиньянь Чжунго сысян ши (История китайской мысли за последние 50 лет). Пекин, 1935, с. 322—328.

⁴⁵ Чэнь Дусю. «Кэсюе юй жэньшэнгуань» сюй (Предисловие к сб. «Наука и жизнесоцерпание»).— В кн.: Кэсюе юй жэньшэнгуань, т. 1, с. 1—12.

⁴⁶ См.: Чэнь Дусю. Да Чжан Цзюньмай цзи Лян Жэньгун (Ответ Чжан Цзюньмаю и Лян Жэньгуну).— «Синь циньянь», 1924, № 3.

⁴⁷ Ху Ши. Да Чэнь Дусю сяньшэн (Ответ г-ну Чэнь Дусю).— В кн.: Кэсюе юй жэньшэнгуань, т. 1, с. 29—33.

⁴⁸ См.: [Чэнь] Дусю. Да Ши чжи (Ответ [Ху] Ши).— Там же, с. 33—42.

⁴⁹ In: Tan Ch. C. Chinese Political Thought in the Twentieth Century. New York, 1971, p. 272.

⁵⁰ См.: Цюй Цюбо. Цзыю шицзе юй бижань шицзе (Мир свободы и мир необходимости).— «Синь циньянь», 1923, № 2; Цюй Цюбо. Сяньдай вэньмин ды вэньти юй шэхуэйчжун (Проблема современной цивилизации и социализм).— В кн.: Усы цяньхоу Дун Си вэньхуа вэньти луньчжань вэньсюань, с. 565—579; Цюй Цюбо. Тайгээр ды гоцзя гуаньянь юй Дунфан (Концепция государства Р. Тагора и Восток).— Там же, с. 590—597 и др.

⁵¹ Дэн Чжунся. Чжунго сяньцзай ды сысянцзе (Современные идеологические круги Китая).— «Чжунго циньянь», 1923, № 6.

⁵² См.: Люй Сичэнь, Ван Иминь. Указ. соч., с. 113.

⁵³ Пэн Кан. Кэсюе юй жэньшэнгуань (Наука и жизнесоцерпание).— «Вэньхуа пипань», 1928, № 2.

⁵⁴ Люй Сичэнь, Ван Иминь. Указ. соч., с. 108.

⁵⁵ Э. Я. Баталов. Основные направления развития философской мысли в странах Азии и Африки.— «Вопросы философии», 1964, № 12, с. 18.

⁵⁶ См.: Эволюция восточных обществ: Синтез традиционного и современного, с. 7.

⁵⁷ Э. Я. Баталов. Указ. соч., с. 21.

⁵⁸ In: S. Chang. The Development of Neo-Confucian Thought. New York, 1962, v. 2, p. 7, 45, 270—273, 285, 464—470, 476—481; Chen Li-fu. Eastern and Western Cultures: Confrontation or Conciliation. New York, 1972 etc.

Заметки о французском китаеведении

*М. В. СОФРОНОВ,
доктор филологических наук*

Французское китаеведение — одно из старейших в Европе — хранит традиции, восходящие к началу XVIII в. За это время оно накопило значительные фонды материалов по Китаю, сосредоточенные в библиотеках и музеях страны: рукописи и ксилографы на китайском языке и языках народов сопредельных стран, иконографические материалы, предметы материальной культуры и многое другое. Эти фонды составляют национальную базу французского китаеведения. Французские ученые первой половины XX в. Э. Шаванн, А. Масперо, М. Гране признаны классиками мирового китаеведения. Традиция высокого качества научных исследований ко многому обязывает французских китаеведов, работающих в наши дни. В своих трудах они хранят и приумножают славу основателей современного французского китаеведения. Поэтому организация и функционирование французской синологии заслуживают специального внимания советских китаеведов.

Синология как область гуманитарных знаний во Франции решает тот же комплекс проблем, что и любое другое национальное китаеведение. Однако французское китаеведение развивается в ином контексте отношений с Китаем, который существенно отличается от того, в котором работает китаеведение СССР, Японии или США. В силу территориальной близости либо особых политических отношений с Китаем в разные исторические периоды для китаеведения СССР, Японии и США политические аспекты науки о Китае всегда имели особое значение. Французское китаеведение, отдавая им должное в своих исследованиях, ставит акцент на культурно-исторических аспектах, не забывая о них даже в трудах на остро политические темы.

Масштабы китаеведения во Франции определяются потребностями французской науки, культуры, образования, дипломатических и торговых отношений с Китаем. Количество китаеведов во Франции меньше, чем в таких странах, как Советский Союз, Япония и США. В связи с этим организационная структура французского китаеведения и индивидуальная специализация французских синологов характеризуются рядом отличительных особенностей. Исследования в различных областях синологии ведутся во Франции небольшими специализированными центрами или кафедрами высших учебных заведений, насчитываемыми, как правило, немногим более десяти сотрудников. Во главе такого исследовательского центра стоит директор, в обязанности которого входят организация научной работы и ее финансовое обеспечение. Каждый центр имеет программу научных исследований. По выполнении одной определенной программы центр может быть закрыт, если не будет предложена другая, которая заинтересует финансирующую организацию.

Обеспечение исследований в области гуманитарных наук осуществляет министерство народного образования через фонд «Дома наук о человеке». Эта организация владеет средствами на развитие гуманитарных исследований и помещениями для научной работы. Помещения расположены в «Доме наук о человеке» на бульваре Распай, а также в некоторых других местах. Исследовательские центры, получившие средства на проведение работ, могут пользоваться на льготных условиях помещениями «Дома наук о человеке» для размещения сотрудников и научных материалов.

Результаты исследований, проведенных центрами или кафедрами высших учебных заведений, публикуются в виде монографий или периодических изданий, основными

авторами которых выступают сотрудники центра (кафедры), но очень часто к участию в публикациях привлекаются и другие специалисты, работающие как во Франции, так и за рубежом. Если центр прекращает свою работу, эти издания также закрываются.

Неизменный объем задач, которые должно решать любое национальное Китаеведение, и ограниченное количество работающих в этой области науки создают трудности в текущем обмене научной информацией. Обычно он совершается на специализированных симпозиумах и конференциях. На национальном уровне такие конференции во Франции организуются довольно редко. Поэтому большое значение имеет международное сотрудничество, хотя бы в масштабе Европы. Его организацией занимается Европейская ассоциация Китаеведов, где французские Китаеведы играют видную роль. В национальных масштабах французские Китаеведы обычно докладывают результаты своих исследований на общих конференциях, в которых принимают участие представители разных специальностей или ученые одной специальности, исследующие разные регионы. Участие в таких научных форумах требует соответствующей формулировки темы и обязательной связи выводов с обсуждаемыми общими проблемами. Однако докладчик-Китаевед нередко оказывается в одиночестве среди коллег смежных специальностей. Поэтому чисто Китаеведные проблемы, рассматриваемые в его докладе, не всегда могут быть оценены по существу. Следует специально отметить, что организаторы конференций по общим проблемам регулярно приглашают Китаеведов соответствующей специальности к участию в конференции, с тем чтобы придать ей большую представительность и достичь более полного регионального охвата темы.

В отличие от синологических школ Советского Союза, США и Японии, где узкая специализация Китаеведов является скорее правилом, чем исключением, французские Китаеведы характеризуются, как правило, широким диапазоном исследовательских интересов. Один и тот же французский Китаевед часто выступает по всем проблемам той отрасли своей науки, в которой он специализируется. Китаевед-лингвист редко ограничивается одной из областей китайского языкознания: фонетикой, грамматикой или лексикой. Обычно он работает во всех этих областях и имеет опубликованные труды по любой из них¹. В последние десятилетия, когда ускоренными темпами стали развиваться исследования в области социолингвистики, почти все французские Китаеведы-лингвисты опубликовали работы также и в этой области изучения китайского языка.

Таким образом, для французских Китаеведов характерны широкие научные интересы. Их деятельность тесно связана с исследованиями общих проблем гуманитарных наук. Сочетание работы синолога, владеющего китайским языком как инструментом научного познания, и ученого, свободно ориентирующегося в общих проблемах гуманитарных наук, делает возможным появление специалистов по общим проблемам — истории, экономики, социологии, — которые занимаются преимущественно Китаем. Такие специалисты не всегда владеют китайским языком или владеют им в ограниченном объеме. Источником их исследований служат материалы и исследования по Китаю на европейских языках — обычно на английском. Труды таких ученых не всегда содержат новые материалы. Они интерпретируют известные факты на современном теоретическом уровне и с привлечением большого сравнительного материала по другим странам и регионам.

В силу описанных выше особенностей французское Китаеведение всегда заинтересовано в международном сотрудничестве, особенно в тех случаях, когда требуется обсуждение собственно синологических проблем. Сотрудничество с китайской наукой приносит здесь огромную пользу и дает ощутимый научный эффект. Однако задачи, которые решает китайская наука, отличаются от задач национального Китаеведения. Исследования проблем Китая национальные школы Китаеведения обычно проводят в русле своих национальных традиций и научных школ. Поэтому встречи и обмен мнениями с синологами разных национальных школ повсеместно признаны полезными.

Французские Китаеведы уже несколько десятилетий поддерживают активные контакты с Китаеведами Западной Европы, США, Японии. Приглашения, направленные Китаеведам Советского Союза, Китаеведческая школа которого пользуется высокой репутацией во всем мире, свидетельствуют об интересе французских Китаеведов к исследованиям по Китаю, ведущимся в Советском Союзе. Этот интерес не случаен, потому что еще в не столь давнем прошлом между французской и советской школами Китаеведения уже существовали активные связи, которые до конца своих дней под-

держивал академик В. М. Алексеев. Наши национальные школы китаеведения извлекают немалую пользу из расширения научного обмена, из совместного обсуждения проблем Китая.

Сотрудники Института Дальнего Востока АН СССР — автор этих строк и З. С. Царенко — по приглашению «Дома наук о человеке» провели во Франции две недели для знакомства с состоянием исследований в области китайского и центральноазиатского языкознания. В результате сотрудничества с французскими китаеводами было получено достаточно полное представление о работах в этой области, которые ведутся во Франции.

В области современного китайского языка исследования по проблемам грамматики осуществляются группой под руководством В. Альтон в Центре исследований и документации по Китаю. Последним крупным исследованием в этой области является работа самой В. Альтон «Модальные вспомогательные слова в современном китайском языке», опубликованная отдельным изданием². Центр выпускает также периодические «Записки по восточноазиатскому языкознанию», где публикуются статьи по китайскому языкознанию и рецензии на выходящие работы³. Группа исследователей в университете Париж-VII под руководством М.-К. Пари занимается исследованием грамматики современного китайского языка методами лингвистической семантики.

В Институте исследований языков Восточной Азии ведутся работы как по истории китайского языка, так и по его современному состоянию. Директором института до недавнего времени был профессор А. Н. Рыгалов. После его выхода на пенсию директором назначен профессор А. Пероб — автор монографического исследования по истории датива в китайском языке⁴. История датива начата с грамматики текстов на гадательных костях эпохи династии Инь (II тысячелетие до н. э.). В соответствии с французской лингвистической традицией он различает синтаксический и морфологический датив. Эта традиционная идея помогает ему интерпретировать варианты синтаксического датива, встречающиеся в наиболее древний период истории китайского языка, с точки зрения этнической истории китайцев.

Исследования южных диалектов китайского языка ведет Л. Сагар — автор публикаций по диалектам групп Минь, Юэ, Хакка, а также исторической фонетике китайского языка и сравнительному изучению сино-тибетских языков⁵. В 1986 г. он побывал в Китае, где изучал диалекты провинции Шаньси.

В Институте исследования языков Восточной Азии составляется китайско-французский словарь современного национального языка с использованием последних достижений китайской лексикографии. Отличительной особенностью словаря является специальное описание грамматических свойств каждого слова, основанное прежде всего на западных исследованиях по грамматике современного китайского языка. Однако издание словаря стоит перед лицом значительных технических трудностей. В настоящее время имеется картотека большей части словаря. К сожалению, перенесение информации из картотеки на печатные листы осуществляется с помощью латинской пишущей машинки со сменными головками, на которой печатают французский перевод и транскрипцию, и китайской пишущей машинки, на которой печатаются иероглифы. Этот процесс сами составители считают бесперспективным. В настоящее время ведутся переговоры о приобретении электронного машины типа словарного процессора, с помощью которого материалы картотеки можно будет переносить на готовую страницу словаря.

Сравнительно-исторические исследования в области китайско-тибетских языков находятся в начальном состоянии. Систематическую научную работу в этой области ведут М. Мазодон и Б. Михайловский, продолжающие свои исследования языков Непала, начатые в 60-х гг. Семинар по сравнительному изучению китайско-тибетских языков для аспирантов Института исследований языков Восточной Азии ведет А. Н. Рыгалов, однако крупных исследований и публикаций в этой области в ближайшие годы не предвидится.

Французские исследователи проявляют интерес к ностратической теории, разработанной советскими учеными С. М. Илличем-Свитычем и В. А. Дыбо. Преподавательница университета Лион-III Л. Фарже приступает к исследованию комплекса этнолингвистических проблем, связанных с заселением человеком Восточной Азии и Американского континента. Она собрала и издала ротаприптийным изданием значительный археологический, антропологический и лингвистический материал по языко-

вым связям Старого и Нового Света, где имеются письма Э. Сэпира, где он высказывает-ся по существу этих проблем⁶. Материал сино-тибетских языков привлечен ею в связи с предполагаемыми лингвистическими связями прото-синотибетских языков с одним из языков североамериканских индейцев.

В настоящее время достаточно достоверно установлено, что индейское население Америки пришло из Азии через Берингов пролив. Об этом свидетельствуют данные археологии и антропологии этих двух континентов. Однако общее указание на само событие еще недостаточно для объяснения многих фактов, известных современной науке. Сходство микролитической индустрии палеолита в отдельных регионах Азии и Америки ставит проблему более точной локализации очагов и маршрутов связей между этими континентами в сфере материальной культуры. Однако в области генетических связей народов Азии и Америки ведутся лишь предварительные исследования и выдвигаются первые гипотезы.

Языки народов, населяющих Чукотский полуостров и Аляску на противоположном берегу Берингова пролива, связаны достаточно близким языковым родством, которое уже давно изучается методами сравнительного языкознания. Наиболее сложная часть проблемы состоит в определении родства языков американских индейцев с языковыми семьями Азии.

Из шести языковых групп индейцев Америки внимание исследователей азиатско-американских связей привлекла группа На-Дене, в состав которой входят языки найда, тлингит, атапаский. По своей грамматической структуре языки этой группы отличаются от языков остальных пяти специфической структурой слога и тоном как смысловозначительным признаком.

Эти особенности языков группы На-Дене натолкнули Э. Сэпира в 20-е и Р. Шафера в 40-е гг. на мысль относительно возможности родства языков этой группы с сино-тибетскими языками Азии. В настоящее время эта гипотеза активно разрабатывается лингвистами разных стран. Л. Фарже присоединилась к исследователям этой интересной проблемы.

Особое место в восточном языкознании Франции занимает профессор А. Одрикур, биолог по своей основной специальности, автор свыше 300 печатных трудов, который открыл новую эпоху в исследовании языков Южной Азии и островного мира Океании, создав труды по происхождению тонов в языках этого региона⁷. Он первым показал, что на развитие тона слога решающее влияние оказывает конечный согласный слога. Тон выступил как новый признак слога, который был призван компенсировать отпавший конечный согласный. Его последней работой в этой области является исследование тонов двух языков острова Хайнань. В языке чам, который еще в XIX в. был многосложным нетональным языком, в настоящее время развился диалект с односложными морфемами и пятью тонами. В другом языке, ли, система из трех тонов развилась в систему из шести тонов как следствие оглушения сильных звонких непридыхательных согласных⁸.

Профессор А. Одрикур является одним из основателей современной французской этнолингвистики. Предметом его многолетних исследований являются также этногенез народов Восточной Азии и Океании. Его концепция этнических процессов Юго-Восточной Азии имеет важное значение для работы над коллективной монографией, которая создается сотрудниками Института Дальнего Востока в сотрудничестве с Институтом этнографии АН СССР.

В отличие от китайской традиционной науки, которая исходит из того, что китайцы являются самым древним народом Восточной Азии, оказавшим определяющее влияние на остальные народы этого ареала, А. Одрикур указывает на то, что в формировании китайского этноса, китайского языка, китайской культуры принимали участие многие народы Восточной Азии, жившие одновременно с китайцами или их далекими предками. Как считает французский ученый, китайский этнос всегда был одним из крупных этносов этого ареала, но в древности он никогда не обладал монополей на культуру и на политическое влияние в этом регионе.

Одним из важных направлений работы А. Одрикура является изучение терминологии растительного и животного мира, а также культурных растений и домашних животных, которые входят как важная составная часть в материальную культуру человека⁹. Названия суходольного поля, образованного после выжигания леса, и заливного поля для возделывания риса в языках Юго-Восточной Азии имеют несколько

источников происхождения, но отличаются от соответствующих китайских названий¹⁰. В период активных этнических контактов IV—VI вв. н. э. китайский этнос при продвижении на юг распространял культурные растения северного происхождения, однако названия суходольного и заливного поля свидетельствуют о их местном происхождении.

Для формирования китайского этноса и китайской материальной культуры существенное значение имели народы, обитавшие к югу от долины Хуанхэ. Народы, обитавшие к северу от ареала формирования китайского этноса, находятся вне сферы интересов А. Одркура. Народы, обитавшие к югу, как он считает, оказали существенное влияние на формирование китайского этноса и китайской культуры. Поэтому, по его мнению, древнейшим населением Восточной Азии являются народы, говорившие на аустроазиатских языках. Их потомками на территории Китая являются народы мяо и яо. Соответственно, китайский язык, известный нам в его письменной форме, возник сравнительно поздно — в I тысячелетии до н. э. Его функциональным аналогом в южной части Восточной Азии являются тайские языки. Они очень рано вступили в контакт с диалектами китайского языка и содержат значительное число слов китайского происхождения, однако тайские языки острова Хайнань, находившиеся вне контактов с китайским, сохранили свои специфические черты.

Во время встреч с французскими китаеводами неоднократно высказывался взаимный интерес к исследованиям в области китайского и центральноазиатского языкознания, которые ведутся как в «Доме наук о человеке», так и в Институте Дальнего Востока АН СССР, указывалось на их важность и актуальность. Будем надеяться, что при поддержке «Дома наук о человеке» и АН СССР эти встречи продолжатся и разовьются в регулярное сотрудничество китаеведения СССР и Франции не только в области китайского языкознания, но также и в других областях китаеведения.

¹ См публикации А. Н. Рыгалова за последние годы: A. Rygaloff. *Chine et linguistique: language, syllabisme et ecriture.*— "Travaux du Centre d'Etudes et de Recherches", 1980; его же. *Le Coreen et l'ecriture.*— "Cahiers de linguistique Asie Orientale", Vol. XI, N 1, 1982; его же. *A possible argument for "Altaicization" of Chinese.*— "Proceedings of the international conference on China Border area studies", 1985; его же. *When and Where.*— "The Bulletin of the Institute of History and Philology. Academia Sinica", 1983.

² V. Alleton. *Les auxiliaires de mode en chinois contemporain.* Paris, 1984, 489 p.

³ "Cahiers de linguistique Asie Orientale". Publies par Le Centre de recherches linguistiques sur l'Asie Orientale (Ecole des hautes etudes en sciences sociales).

⁴ A. Peyrau. *Le datif en chinois.* Paris, 1985.

⁵ L. Sagart. *Le destin des obstruantes sonores du chinois ancien dans les dialectes Min* — "Cahiers de Linguistique Asie Orientale", Vol. XIII, N 1, 1984; его же. *A list of Sung Him tong Hakka words of dubious etymology.*— Ibid., Vol. XI, N 2, 1982; его же. *Phonology of a cantonese dialect of the New Territories: Kat hing wai.*— "Journal of the Hongkong branch of R. A. S.", Vol. 22, 1982; его же. *On the departing tone.*— "Journal of Chinese linguistics", 2, 1986; его же. *How did the aspirated stops become voiced?*— "Computational analysis of Asian and African languages", N 22, 1984, его же. *A Chinese cognate for Tibeto-Burman *MLIY "earth, country".*— "Cahiers de linguistique Asie Orientale", Vol. XIV, N 2, 1985.

⁶ L. Farget. *La famille linguistique Sino-Tibetaine et ses affinites phyletique hors d'Asie: etat de la question.* Universite Jean Moulin — Lyon III, Lyon, 1985, 250 p.

⁷ Southeast Asian linguistic studies presented to A.-G. Haudricourt. Bangkok, 1985, p. VII—L. Bibliography.

⁸ A. Haudricourt. *La tonologie des langues de Hai-nan.* "Bulletin de la Societe de linguistique de Paris". T. LXXXIX, 1, 1984, p. 385—394.

⁹ A. Haudricourt. *Legumes et fruits chez les ethnies minoritaires du Sud-Est de la Chine.*— "Journale d'Agriculture". Vol. XXVIII, 3—4, 1981; его же. *Domestication of animals, cultivations of plants and human relations.*— "Social Science Information", 8 (3), 1969; его же. *L'Homme, le pou et la puce. L'Homme et l'animale, 1-re Collection d'Ethnozoologie.* Paris, 1975.

¹⁰ A. Haudricourt. *Le nom de champ sur brûlis et le nom de la riziere.*— "Etudes rurales". 1974, N 53—56.

Художественные выставки 1986 г. в Советском Союзе

«Искусство Востока в борьбе за мир и гуманизм»

Тема мира и гуманизма объединила представленные на выставке в Государственном музее искусства народов Востока произведения живописи и графики художников Индии, Монголии, Вьетнама, других стран Юго-Восточной Азии, арабских стран и Африки. Большой раздел составили произведения художников Китая и Японии послевоенного периода из фондов ГМИИВ.

В 50-е гг. набрало силу новое реалистическое искусство Китая, способствовавшее созданию национальных по форме произведений, пронизанное идеями мира и строительства новой жизни. Наиболее полно эти идеи нашли свое отражение в творчестве всемирно известного мастера Ци Байши (1860—1957), лауреата Международной премии мира за 1955 г. На выставке была показана его большая работа (из шести свитков) «Вечная весна», выполненная творческим коллективом под руководством художника. Желая передать при помощи аллегории идею мира и всеобщего процветания, художники изобразили в яркой китайской символике голубей среди цветов, растущих под сенью сосны. Работы Ци Байши, Ван Сюэтао, Чжоу Чангу, выполненные в традиционном жанре «цветы — птицы», были также представлены на выставке. Они выражают ощущение радости и покоя мирной жизни.

Гравюра как один из видов массового искусства была известна в Китае еще в древности. В годы революционного подъема борьбы китайского народа с империалистической агрессией в 20—40-е гг. гравюра заняла ведущее место в творчестве художников прогрессивного направления. Гравюра на дереве, сравнительно простая по технике изготовления, распространяемая в большом количестве экземпляров, становилась одним из важнейших средств патриотической агитации. С победой революции и провозглашением Китайской Народной Республики гравюра оставалась активным и действенным орудием в борьбе за новую мирную жизнь, за социализм. С большой силой в творчестве китайских графиков тех лет прозвучала тема борьбы за мир. На выставке представлен плакат Янь Хая «Всем сердцем за мир». Он был выпущен в связи с конференцией сторонников мира стран Азии и Африки в 1952 г.

Развернувшееся по всему Китаю в 50-е гг. грандиозное мирное строительство, меняющее облик страны, заставляет по-иному воспринимать привычные ландшафты. Для этого времени характерны пейзажи-панорамы. Это хорошо видно в работах Ван Ци «На строительстве автозавода» и Фэн Чжунте «Железная дорога в горах Тайшань». В самом восприятии природы, в отношении к ней чувствуется мировоззрение нового человека, порожденное пафосом перестройки мира. Были показаны и собственно пейзажные гравюры, в которых китайские мастера достигли больших успехов. Этот жанр появляется в современной китайской гравюре лишь в мирное время. Пейзажи 50-х гг. глубоко лиричны, полны обаяния, они обнаруживают глубокую гуманистическую основу. На выставке показаны работы старейшего китайского графика Гу Юаня (р. 1919), члена Всекитайского комитета защиты мира. Среди них привлекает внимание «Парк Бэйхай зимой». Художник воспроизвел знаменитый пекинский парк «Северное море», один из древнейших районов столицы. Простой и выразительный графический язык, тонкая жемчужно-серая гамма хорошо передают всю прелесть недолгой пекинской зимы. На выставке экспонировались также пейзажи таких художников, как Ли Цюнь, Ли Хуа, Янь Хань.

Нет сомнения, что произведения сегодняшнего дня еще более расширили тему мира и гуманизма в китайском искусстве.

Изобразительное искусство Японии, отражающее идеи мира и гуманизма, представлено на выставке графикой в основном 60—70-х гг. Подлинный расцвет японской графики

приходится на послевоенный период, отмеченный бурным подъемом классовой борьбы, значительными социальными сдвигами, широким народным движением за мир и прогресс. Именно гравюра — наиболее массовое и оперативное искусство — смогла быстро откликнуться на жизненно важные проблемы и события современности, заняла ведущее место в художественной жизни Японии 50—60-х гг. Среди графиков послевоенного времени выделилась группа прогрессивных художников, чье творчество пронизано идеями гуманизма, чувством глубокого беспокойства за судьбы мира.

Движение за мир является одной из важнейших примет общественной жизни послевоенной Японии, страны, пережившей ужасы атомной бомбардировки. Именно поэтому борьба за мир, борьба против ужасов атомной войны — одна из ведущих тем прогрессивных художников Японии. В творчестве крупного графика, художника-коммуниста Судзуки Кэндзи (р. 1906) эта тема отражена наиболее ярко. Под впечатлением начавшегося в Японии в 50-е гг. после трагедии Бикини движения за запрещение ядерных испытаний художник создает наиболее значительные работы, в которых выступает страстным пропагандистом мира. На выставке были показаны его остродинамичные листы: «Сбор подписей под Стокгольмским воззванием», «Шествие с фонарями». Обобщенный характер графического языка, эмоциональный настрой, наполненный пафосом гражданственности, приближает их к плакату.

Наиболее широко на выставке было показано творчество страстного пропагандиста мира, борца против ужасов атомной войны, выдающегося художника Уэно Макото (р. 1909). За серию «Хиросима», показанную в 1959 г. в Лейпциге на международной выставке, посвященной десятилетию всемирного движения сторонников мира, ему была присуждена золотая медаль. Он был избран почетным членом Комитета международных выставок Всемирного Совета Мира, одна работа из этой серии демонстрировалась на выставке.

Сильное и значительное произведение Уэно Макото — серия «Нагасаки». Она состоит из нескольких десятков листов, часть которых была показана на выставке. Это подлинная эпопея величайших человеческих страданий. В трагических листах заложено глубокое раздумье художника над судьбами человечества, воспринимающего войну как самую большую человеческую трагедию. Столько душевной боли, столько мольбы, призыва не повторить подобное, что они стали идейным эпицентром всего зарубежного раздела выставки.

В гравюре «Воды Хиросимы» Тадасигэ Оно (р. 1908) изобразил известное всем единственное уцелевшее здание банка в Хиросиме. Черный каркас здания на фоне ярко-желтого неба выступает у художника как зловещий призрак войны и горя, как образ-символ, насыщенный глубокой значимостью. Проблема атомной смерти, продолжающей уносить человеческие жизни и после окончания войны, посвящена другая гравюра Оно Тадасигэ — «Черный дождь».

Теме детей, материнства, неотделимой от темы мира, был отведен значительный раздел. Криком о помощи звучат полные драматизма графические листы Какуо Синкай «Мать, защищающая детей», Уэно Макото «Материнская любовь». Символом радостного, счастливого детства является другая его работа — «Девочка с бабочками». Автор трагической серии «Нагасаки», создавая поэтичный образ ребенка, использовал самые праздничные краски, чтобы передать всю радость и поэзию детства. Дети — любимая тема известного графика Мураками Гёдзина (р. 1912). На выставке были показаны его теплые, солнечные гравюры, посвященные детям рыбаков.

Тема человека труда, мирной жизни народа — одна из важнейших для художников прогрессивного направления. Цветные гравюры Мураками Гёдзина посвящены труду и жизни рыбаков («Ташат сети», «Богатый улов»). Его образы монументальны и в то же время наполнены большой человечностью. Искусство Мураками Гёдзина демократично в своей основе как по содержанию, так и по форме выражения. Он оперирует крупными массами, звучными локальными цветовыми пятнами, ровной и текучей контурной линией. «Крестьянским художником» называют Иино Нобуя (р. 1913). Вся его жизнь и творчество связаны с деревней. На выставке представлена его работа «Затапывание ростков».

Большое внимание было уделено проблеме защиты культурных ценностей. Среди работ, посвященных этой теме, особое внимание привлекает гравюра Уэно Макото «Соженная пагода».

Пейзаж был представлен на выставке произведениями Тадасигэ Оно и Китаока

Фуmio (р. 1918). Это гравюры Тадасигэ Оно «Птицы», «Морские ворота», «Морские птицы». Здесь удивительно пронзителен диалог с природой, чувствуется ее одушевленность, гармонический отклик на самые разные душевные состояния человека. И все это передано резким столкновением условных цветов, динамичной линией.

Любимые мотивы Китаока Фуmio — природа затаенных уголков острова Хоккайдо и района Тохоку. В гравюрах «Берег, где сушат каракатиц», «Починка сетей» много покоя и тишины, люди как бы сливаются с природой. Яркий, насыщенный цвет его больших графических листов органично сочетается с предельно четким построением. В конце 60-х — начале 70-х гг. художник создает целую серию пейзажей, посвященных садам и храмам. Из этой серии были показаны «Цветение сакуры» и «Золотой павильон», полные поэзии, свежести, эмоционально-лирического восприятия мира, глубокого осмысления пейзажа как сферы духовной жизни человека в природе.

Материалы выставки убедительно показывают, какой большой вклад вносят своим творчеством художники стран Дальнего Востока в дело защиты мира и прогресса. Их произведения отражают и героические будни строительства нового мира, и трагические события недавней истории, повествуют о горестях и радостях человеческого бытия, о свершениях и надеждах своих народов. Художники всю силу своего мастерства отдают на создание произведений, выражающих стремление своих народов к жизни без войн.

А. А. ТЮЛЕНИНА

«Современная лаковая картина Китая»

Выставка из КНР была показана в залах ГМИНВ и в Государственном Эрмитаже. Все 102 произведения являются авторскими и выполнены в последние годы.

Современная станковая лаковая живопись начала развиваться с 60-х гг. на основе старых технологических и художественных традиций, но с поисками новых путей отражения действительности, с использованием новейших синтетических материалов, которые обладают всеми свойствами натурального лака.

Создание лаковой картины требует большого мастерства, скрупулезности в отделке. Сложен и подготовительный этап работы. Почти всем лаковым картинам, в какой бы стилистической манере они ни были выполнены, присуща декоративность, основанная на проявлении неожиданных эффектов материала. Это роднит станковую живопись с древним искусством создания лаковых изделий, уходящим своими корнями в глубь тысячелетий. Как показывают новейшие археологические раскопки, лаком обмазывали примитивную плетеную посуду еще в период неолита. Самые ранние высокохудожественные произведения были обнаружены в погребениях периода Чжаньго (V—III вв. до н. э.), например в Маваньдуй (провинция Хунань). Позднее лак применялся для покрытия архитектурных деталей, мебели, музыкальных инструментов, ширм, посуды и т. д. Основой лаковых красок служит отстоявшаяся смола дерева цишу, произрастающего в юго-западных провинциях Китая. Лаковая смола очень трудно смешивается с красителями, поэтому традиционная палитра включала только коричневый, киноварно-красный, черный и тускло-зеленый цвета. Для усиления художественного эффекта вводилось сусальное золото и серебро, золотая пудра, инкрустация перламутром, яичной скорлупой, костью, полудрагоценными и поделочными камнями.

В период средневековья складываются основные центры лакового производства со своей специфической технологией и своеобразными художественными результатами. В мастерских Пекина изготавливали знаменитый резной лак. Основной прием — наложение красного лака многочисленными слоями на заранее подготовленную основу из дерева, бамбука или папье-маше, а затем глубокая резьба по нанесенному контуру. Город Фучжоу известен лаками «тотай» («бестелесные»), основой которых служит тонкая ткань, пропитанная лаком, что позволяло придать изделиям определенную форму. Они затем покрывались несколькими слоями лака с последующей шлифовкой или росписью.

В настоящее время эти центры продолжают оставаться ведущими. Известны также мастерские Гуанчжоу, Тяньцзиня, провинций Сычуань, Цзянсу, Шаньси. Новая методика создания лаковых картин разрабатывается в Центральном институте декоративного

искусства в Пекине. Выставки, посвященные этому новому виду искусства, проводились в ряде городов Китая, а весной 1986 г. состоялась первая Всекитайская выставка лаковой живописи.

Среди представленных работ в залах Государственного музея искусства народов Востока можно было увидеть произведения, выполненные как с применением натурального лака, так и различных смол — полиамидной, меламино-формальдегидной и анакардовой. В ряде работ используется смешанный лак. Искусственные лаки хорошо шлифуются, инкрустируются, но, кроме этого, с ними можно работать как масляными красками — делать мощные мазки, жидкие потеки и даже тончайшую лессировку. На выставке экспонировались полированные картины, гравированные, выполненные в технике резьбы по лаку и инкрустации различными материалами. Художники использовали как традиционную деревянную основу, так и алюминевую.

Известный китайский художник, профессор Центрального института прикладного искусства в Пекине Цяо Шигуан показал несколько своих работ, каждая из которых выполнена в неповторимой манере. Он пробует себя в монументальной лаковой стенписи, делает и лаковые ширмы. Одна из них, увиденная советскими зрителями, имеет несколько створок, с одной стороны покрытых лаком разного цвета — зеленым, тускло-зеленым и желтым. На них выложены светло-серым камнем изображения летящих птиц. С другой стороны створок неожиданно открывается новый сюжет, выполненный в технике резьбы по черному лаку. Свою работу «Паруса на реке Лицзян» Цяо Шигуан создал в технике шлифованного натурального лака, причем сам черный грунт доски, черная и темно-зеленая краски, наложенные одна на другую, очень точно воссоздают ощущение ночного пейзажа. Последовательно нанесенные слои разноцветного лака очень тщательно высушиваются, а затем производится шлифовка наждачной бумагой, кирпичным порошком. При этом выявляются более светлые слои (там, где видны проблески на темном небе). Окончательная шлифовка непременно завершается ладонью, смоченной бобовым или арахисовым маслом. По шлифованному лаку художник свободной кистью создает мощные потеки со своеобразной рельефной фактурой черного цвета, усиливая тем самым впечатление глубины темного неба.

Цяо Шигуан и другие художники убедительно доказали неограниченные декоративно-выразительные возможности инкрустации яичной скорлупой. Экспонаты, выполненные в этой своеобразной технике, неизменно привлекали к себе взоры зрителей. Так, работа Цяо Шигуана «Городок на воде» дает ощущение звонкого серебристого воздуха, окутывающего небольшие домики вдоль канала. Домики изображены при помощи толченой яичной скорлупы, раздробленной на мельчайшие кусочки, трещинки между которыми очень сдержанно тонированы. Весь фон картины — и вода канала, и небо — изображен с помощью тончайшей серебряной пудры, распыленной на еще не просохший лак и подвергнутой тщательной шлифовке.

Нередко яичную скорлупу применяют как светлый фон, который можно оттенять различными красками. В работе Чжан Яньчжэна «Возвращение» две фигуры рыбаков, несущих огромную наполненную корзину, выполнены росписью лаком, а весь фон выложен, словно мозаикой, мелкими кусочками скорлупы.

Необычайно притягательны работы малого формата, рассчитанные на камерное восприятие и очень пристальное созерцание. Здесь мастера применяют особо тщательную отделку, дорогие натуральные материалы, отчего произведения приобретают характер драгоценных миниатюр. Это и маленькое панно Сунь Шихао «Подводное царство» (инкрустация перламутром и скорлупой по черному лаку, дополненная вкраплениями сусального золота), а также «Утренняя заря» Вэнь Цяньмина (кусочками перламутра неправильной формы выложен фон светлого неба, а незаполненные участки темного лака вырисовываются в голые стволы и ветви деревьев).

Своеобразно декоративное панно У Си «Сверкающая лестница», построенное на контрасте темно-синих, со звучной бархатистой фактурой, слегка рельефных плоскостей, изображающих валуны около водопата, и серебристой извивающейся ленты воды. Подобный эффект достигается сложнейшими приемами. Сначала плоскость камней покрывается тонким слоем лака, на который припудривается угольный порошок, затем — еще один тонкий слой цветного лака, сквозь который начинает просвечивать черный порошок, что придает изображению глубину. Там, где, по замыслу должна быть вода, кладется очень густой слой лака, который прокатывается деревянными косточками, а уже вслед за этим наклеивается алюминиевая фольга и серебряный порошок.

Оригинальна по художественному замыслу и техническим приемам картина Чэнь Энчуня «Старый баньян», деревянная основа которой покрыта черным натуральным лаком. По рисунку оставлен резерв для изображения огромного распластанного пятна ствола дерева с причудливыми ветвями, а остальной черный фон припудрен алюминиевым порошком. Все пространство в пределах обозначенного контура заполняется многократно нанесенными слоями искусственного лака без предварительной просушки, которые, быстро застывая, моментально собираются в мелкие волнистые складочки, образуя интересную гофрированную фактуру.

Ряд декоративных панно иллюстрирует поиски художников в области новой стилистики, отличной от традиционных графических и пластических решений. И эффекты материала, и определенные элементы композиции используются подчас в самых неожиданных «контекстах». Хань Юйго в работе «Жизнь» обращается к соединению принципов европейского витража и китайской перегородчатой эмали. На металлическую основу напаяны перегородки, углубления между которыми заполнены разнообразными синтетическими смолами ярких цветов, создающих ощущение праздничности. Иногда золото и серебро используют не только для накладок и припудривания, но и для работы чисто живописными приемами. Предельно изысканна небольшая композиция У Шоудуаня «Стройность», где черный благородный фон лака стремительно прочерчивает стебель, венчающийся серебристыми лепестками цветка.

Среди наиболее запоминающихся работ — «Река» Чэнь Шэнхоу и Фу Чжоухэй, где доминирует черная плоскость с предельно условным изображением извивающейся золотисто-коричневой полосы, изображающей реку, и маленькой женской фигуркой, уравновешивающей композицию.

Цю Бинь свою работу «Шелест листьев» выполнил в основном синтетическими лаками, но он работает в традиционной технике, с применением шлифовки и инкрустации, с тщательной проработкой фактуры фона и применением золотой пудры. На этом фоне — абстрактные черно-красные орнаменты, круги, извивающиеся линии, рождающие сложные ассоциативные образы. Из хаотического переплетения линий возникают, однако, упорядоченные формы реального мира. Гармонию теплой гаммы неожиданно прерывают вкрапления голубого перламутра и белой скорлупы.

Чжэн Ливэй создал горизонтальную панораму пейзажа Гуйлина, используя вариации разнообразных оттенков изумрудно-зеленого лака с введением перламутровой крошки, мерцание которой в толще лака выявляется сдержанной шлифовкой. Эта мягкая ненавязчивая манера отдаленно напоминает особенности живописи «гохуа» минеральными красками.

Нередко художники обращаются к эстетике национального театра, его ярким краскам, специфической пластике, символическому языку. Ассоциативная символика отражена в панно Ван Гуанъюя «Справедливый судья Бао Чжэн», где верхнюю часть черной доски занимает сложный рисунок белого грима, который воспринимается как образ-символ, а черный рисунок грима сливается с общим цветом картины. Известно, что рисунок и раскраска грима в традиционном китайском театре соответствовали определенным понятиям. Бао Чжэн (или Бао-гун) — популярный персонаж китайского фольклора и театра, мудрый и справедливый судья, который разрешает любые судебные загадки. Это человек, умеющий отличить «белое от черного». Поэтому именно эти цвета доминируют в колорите картины (белая краска — темперная, она покрывает вырезанные в темном лаке участки).

Молодой пекинский художник Ян Бэйли представил оригинальную композицию «Черная стрекоза и лотос», выполненную в нежных желто-зеленых тонах, где на светлом фоне неожиданным черным пятном возникает изображение стрекозы. Создание подобной работы подразумевает очень длительный подготовительный этап, когда на основу наносится один за другим слой лака разной расцветки (от десяти до ста слоев). После наращивания определенной, по замыслу автора, толщины можно приступить к резьбе. Изменяя наклон ножа, художник добивается особого разноцветного мраморовидного узора, который является как бы контуром сложной фактуры изображаемых предметов, что еще больше усиливает декоративный эффект. Кроме того, художник позволяет зрителю наблюдать его творческий процесс, увидеть последовательность наложения разных красочных слоев, проследить, как мастер «преодолевает» материал. На нижний черный слой сначала наносится светло-зеленый, темно-зеленый, желтый, опять зеленый и верхние белые слои лака (каждая краска накладывается в 5—6 слоев), а затем энергич-

ный резец создает желобки и штрихи самой разнообразной формы, выявляя очертания листьев, стеблей, стрекозы.

Перечислив далеко не все произведения, хочется еще раз отметить поразительное разнообразие технологических и художественных приемов китайских мастеров. Современное искусство лаковой живописи находится в стадии все новых успешных поисков и, несомненно, имеет большое будущее.

Л. И. КУЗЬМЕНКО

«Ксилография и книги по искусству КНР»

Выставка под таким названием также проходила в Государственном музее искусства народов Востока. Организаторами ее являлись В/О «Международная книга», представившее продукцию Центра изданий КНР «Гоцзи шудянь», а также Министерство культуры СССР. В экспозиции были представлены различные виды искусства, связанные с культурой письменности в Китае. Интересны некоторые принадлежности для «стола ученого». В старину говорили, что кисти, тушь, тушечница и бумага — это «четыре драгоценности». Их имел каждый образованный человек. Самые ранние образцы бумаги были обнаружены в гробнице II в. до н. э., а во II в. н. э. китайцам удалось получить тонкую писчую бумагу. Для получения лучших сортов использовались побеги молодого бамбука. Кисти делались из разных материалов, например из шерсти белки, барсука, ласки. Особо редкими считались кисти из усиков крысы. Рукоятки кистей нередко украшались росписью или инкрустацией.

Уже в раннем средневековье возникает настоящий культ туши, которую использовали и для деловых бумаг, и для создания живописных произведений. Тушь делалась из сажи, получаемой при сжигании сосны или тунгового масла. Сажу смешивали с клеем в определенных пропорциях и отливали в специальных формах. Затвердевшая тушь — это плитки различной формы, декорированные гравировкой или росписью. Перед употреблением сухую тушь растирали на специальной тушечнице из камня, в углубление которой подливали воду маленькими порциями с помощью капельницы, доводя тушь до нужной консистенции. Туши были посвящены целые трактаты, где для каждого мазка, штриха, движения руки была разработана специальная терминология.

Живопись и каллиграфия взаимосвязаны, так как их техника состоит из одних и тех же комбинаций тушевых линий и пятен. Рука каллиграфа должна обладать особой силой и в то же время быть гибкой. Какой бы длинной ни была тушевая линия, она на всем своем протяжении должна быть напряженной, «одухотворенной». Художник старается добиться того, чтобы «сила проступала сквозь бумагу». Основные мазки накладываются кончиком или боком кончика кисти.

Своеобразным акцентом при завершении каллиграфического текста или живописной композиции является красный оттиск печати. Печать делают из твердого камня или бронзы. Ее вырезают в виде продолговатого прямоугольного брусочка со скульптурным навершием, на основании гравированы архаизированные иероглифы с именем или псевдонимом владельца.

Распространение письменной культуры, появление большого количества литературных произведений и религиозных трактатов потребовало их тиражирования. Первая сохранившаяся до наших дней книга, отпечатанная методом ксилографии мастером Ван Цзе, датируется 868 г. В середине XI в. было изобретено печатание с подвижных литер из брусочков обожженной глины, а в конце XIII в. появляются деревянные подвижные литеры и вращающаяся наборная касса. В книгах печатался не только текст, но и иллюстрации, тоже при помощи оттиска с деревянных досок. Сохранились иллюстрации к трактату по живописи «Слово о живописи из сада величииной с горчичное зерно» к роману Цао Сюэциня «Сон в Красном тереме». В граверных мастерских делали не только книги, но и ксилографические копии известных произведений живописи. Качество печати мастерской Жунбаочжай было таким совершенным, что иногда даже авторы не могли отличить оригиналы от репродукции. Техника цветной ксилографии чрезвычайно сложна. Для передачи на бумаге (а иногда и на шелке) определенного цвета или оттенка вырезается отдельное клише на грушевой доске. Для воспроизведения одной живописной композиции необходимо изготовить несколько десятков печатных досок. Китайские граверы с большим мастерством умели передавать все тончайшие градации оттенков туши и красок. С особой виртуозностью передавали и густой тушевой

мазок, и тончайшие волосяные линии, для чего применяли гравировку досок особыми инструментами.

Посетители могли увидеть ксилографии известных пекинских и шанхайских мастерских. Такие работы оформляются традиционно: в виде альбомных листов, горизонтальных или вертикальных свитков, обрамленных шелковой тканью. Эти произведения отличаются высокими художественными достоинствами, трудно переоценить их значение для популяризации классической китайской живописи — не каждый может увидеть оригиналы, хранящиеся в различных музеях мира, некоторые работы утеряны.

На выставке были представлены копии старых мастеров начиная с периода Тан. Мы могли познакомиться с фрагментом свитка выдающегося живописца VIII в. Чжоу Фана, работами мастеров периода Сун, с двумя композициями минского художника Сюй Вэя. Широко было представлено творчество мастеров «гохуа» XIX—XX вв. Жэнь Боняня, У Чаншо, Ци Байши, Сюй Бэйхуна, Пань Тяньшоу, Линь Фэнмяня и ряда других.

Начиная с периода Цин в технике ксилографии делаются различные образцы почтовой бумаги, поздравительные открытки. В настоящее время открытки создаются не только печатью, но и дополняются аппликацией шелком, крашеной соломкой, засушенными листьями и цветами.

Большой популярностью пользуются сейчас открытки с накладными вырезками из цветной бумаги. Китайские бумажные вырезки являются древним видом народного декоративного искусства. Прежде их наклеивали на бумажные окна. Отсюда их название — «оконные цветы». Они имеют выразительный силуэт, причудливый орнаментальный рисунок, основанный на сочетании светлого и темного, сложное и в то же время легко читаемое композиционное построение. Обычно их режут мастерицы по памяти или переводят рисунок легким накальванием, используя яркие листы бумаги. Тематика народных вырезок безгранична, можно встретить и изображения цветов «четырёх сезонов», и знаменитые архитектурные памятники, героев народных легенд, преданий, классических литературных произведений. Серии «Образцы грима пекинской национальной оперы» являются предметом коллекционирования, оригинальными сувенирами, их используют постановщики театральных спектаклей и современных мультипликаций. В настоящее время вырезки имеют разнообразное применение. Например, наиболее миниатюрные из них наклеивают на форзац книги как своеобразный экслибрис.

Наиболее важную часть экспозиции составляли книги и альбомы по искусству, изданные двумя способами. Прежде всего следует сказать о книгах, созданных традиционным способом ксилографии. Книги в старом Китае были предметом особого почитания, неотъемлемым атрибутом «кабинета ученого». Старые ксилографии представляли собой листы тонкой бумаги с напечатанным на них текстом, с двух сторон обрамленные шелковой тканью и прошитые тонким шнуром. Несколько таких тетрадей, помещенных в один большой футляр, и образовывали собственно книгу. Футляры были шелковыми или парчовыми и имели застежки из кости или нефрита. Традиционно книгу рассматривали справа налево, как и горизонтальные свитки. При чтении книги особое значение придавали не только тексту, иллюстрациям, но и качеству бумаги, которая должна была быть приятной на ощупь и издавать приятный шелест. В периоды Тан и Сун иллюстрации были черно-белыми, а в годы правления Минской династии получает распространение и цветная ксилография. Среди изданий, созданных в последние годы по старым образцам, можно назвать «Образцы печатей известных художников», альбомы, посвященные творчеству Ци Байши, Жэнь Боняня, У Чаншо и др. Внимание посетителей привлекали и книги, изданные уже с применением современной полиграфической технологии. Их отличает печать высокого уровня, обилие иллюстраций, фактологического материала. Дизайнерское оформление этих книг выполнено на высоком художественном уровне. Наибольший интерес вызвали такие издания, как «История китайской живописи» и «Сокровища китайского искусства». Уникальными являются книги по истории китайского традиционного костюма, керамике, художественным тканям «кэсы». Разнообразны видовые альбомы, посвященные архитектурным и природным достопримечательностям Китая.

Выставка познакомила советских посетителей еще с одной яркой страницей древней китайской культуры.

Л. И. КУЗЬМЕНКО

«Кустарно-художественные изделия КНДР»

Выставка прошла в залах Государственного музея искусства народов Востока. Здесь неоднократно с большим успехом демонстрировались выставки корейского искусства: «Изобразительное и прикладное искусство КНДР» (1972), «Классическое и современное искусство Кореи» (1983), «Графика КНДР» (1984), «СССР—КНДР: 40 лет дружбы и сотрудничества» (1985). Новая экспозиция из Пхеньяна, посвященная 38-й годовщине со дня провозглашения Корейской Народно-Демократической Республики, познакомила советских людей с различными видами декоративно-прикладного искусства и народных ремесел братской страны, показала высокое мастерство корейских художников, их поиски и достижения.

Народные мастера Кореи издревле славятся своим талантом, богатой творческой фантазией, тонким вкусом. Художники Корейской Народно-Демократической Республики бережно относятся к наследию прошлого, демонстрируя в своих работах глубокую приверженность национальным культурным традициям. Отбирая самое ценное из накопленного опыта, они идут дальше, создавая самобытные, художественно выразительные произведения, созвучные духу времени, отвечающие современным эстетическим представлениям.

Значительный раздел выставки был посвящен керамике КНДР, занимавшей в течение ряда веков одно из первых мест в системе декоративно-прикладных искусств Кореи и с наибольшей полнотой отразившей национальные эстетические идеалы. Современные корейские художники-керамисты используют лучшие достижения народного гончарного искусства древности и средневековья. Они широко применяют серовато-зеленоватую селадоновую глазурь различных оттенков, цвет которой в средневековой Корее поэтично сравнивали с цветом осеннего неба.

Хризантема — символ спокойствия, душевной ясности — один из излюбленных образов корейского искусства. К нему часто обращались средневековые гончары Кореи. Нередко используют мотив хризантемы и современные керамисты КНДР, каждый раз трактуя его по-своему. Ветви с крупными листьями и головками, выполненные в технике подглазурной росписи, как бы оплетали представленную на выставке вазу художника Ким Гван Ена, органично сливаясь с мягкой округлой формой ее тулова. Художественный эффект мастер построил на контрасте графической четкости рисунка темных листьев и живописной размытости контуров белоснежных цветов. Веточка хризантемы на экспонируемой вазе мастера Пак Рён Уна, написанная в живой эскизной манере, выступая на фоне светлого ангоба, покрывающего поверхность вазы, казалась окруженной воздушным пространством. Царственно пышными выглядели многолепестковые цветы хризантемы на вазе художника Юн Гю Чера, выполненные в технике ажурной и рельефной резьбы.

Представленные на выставке образцы керамического искусства Корейской Народно-Демократической Республики обнаруживали широкое использование современными мастерами достижений средневековых корейских керамистов в сфере формообразования. Истоком живой и динамичной пластики классических сосудов Кореи часто служил растительный мир, искусно претворяемый художниками в предметные формы, — традиция, в которой нашли проявление присущие корейцам глубокое чувство любви к природе и талант вдумчивого наблюдения. Современные гончары КНДР в своих творческих поисках по-прежнему нередко вдохновляются природными формами дольчатой тыквы, двойной тыквы-горлянки, плода граната, дыни.

Получила развитие и нетрадиционная для классической корейской керамики роспись эмалевыми красками. Сосуды, украшенные артистично исполненными росписями, сохраняют характерную благородную сдержанность цветового решения. Немало сюжетных композиций связано с новой жизнью свободной Кореи. По своему образному строю и стилистике такие композиции близки современной корейской жанровой живописи.

На выставке демонстрировались также художественные лаки Корейской Народно-Демократической Республики: шкатулки, вазы, декоративные панно. Искусство лаков в Корее имеет многовековую традицию. Раскопки донесли до нас фрагменты лаковых изделий, украшенных тонкой миниатюрной росписью, датируемые V—VI вв. Особое распространение в декорировке корейских лаков получила техника «наджон», внешне напоминающая инкрустацию. На поверхность, покрытую черным лаком, с помощью рыбьего клея, смешанного с рисовым отваром, наклеиваются пластинки перламутра

нужной конфигурации и прессуются утюгом. После просушки изделие покрывается несколькими слоями черного лака. Перламутровый рисунок скрывается полностью и открывается вновь лишь после длительной шлифовки угольным порошком дерева гинко или особым камнем. Затем поверх рисунка накладывают несколько слоев прозрачного лака, тщательно удаляя его с пластинок перламутра.

Используют современные мастера Корейской Народно-Демократической Республики в своих лаковых изделиях и роспись. На вазе художника Че Чан Хва посетители выставки могли видеть сцены развлечений корейских девушек во время национального праздника Тано, который отмечался 5-го числа 5-го месяца. Главным развлечением девушек в этот день было соревнование в качании на качелях. Глубокие, насыщенные тона лаковых красок, вкрапления золотого лака и кусочков перламутра создают эффект нарядной праздничности.

Яркими мажорными красками, тонкой гармонией колорита отличались представленные на выставке произведения корейских вышивальщиц. В Пхеньяне создан научно-исследовательский институт вышивки, который успешно работает над созданием новой тематики, совершенствованием технологии.

Вышивают корейские мастерицы обычно шелковыми нитками по однотонному светлому шелку. Приемы вышивания разнообразны: узелковый шов, полукрест, но наиболее часто используется плоская гладь. Нити применяются тонкие, поэтому рельеф вышитого изображения получается минимальным. Многие вышивки выполнены настолько искусно, что с трудом отличимы от живописных работ. Вышивка Кореи по своим художественным принципам близка живописи. Мастерицы издавна заимствовали из живописи мотивы, композиционные приемы. В средневековой Корее существовали специальные альбомы для вышивальщиц. Рисунки в них создавались известными художниками. Поэтому в альбомах порой встречались те же сюжеты, что и в живописи того времени. Немало художников КНДР сегодня также участвуют в разработке композиций для вышивальщиц. Интересно заметить, что мастерицы в качестве образца берут чаще всего акварельный рисунок. Virtuозная техника позволяет им воспроизводить в вышивке тончайшие цветовые нюансы, для чего используется нередко до 20 оттенков одного цвета нитей — от светлых тонов до глубоких, насыщенных.

С большой натурной точностью на экспонируемых вышивках были изображены цветы, животные, птицы. Подолгу стояли посетители музея перед работой одной из старейших вышивальщиц, заслуженной художницы КНДР Ли Вон Ин «Тигр», восхищаясь удивительной способностью мастерицы воспроизводить с почти иллюзорной убедительностью фактуру различных предметов — мягкую шелковистость шкуры тигра и грубоватую шероховатость коры старой сосны.

В работах из дерева мастера КНДР обнаруживают глубокое понимание и знание материала, умение раскрыть его пластические, живописные и фактурные богатства. Инкрустация находит широкое применение в изделиях корейских мастеров. Художники нередко искусно обыгрывают в одной композиции цвет и фактуру различных пород. Мастер Ли Ен Гун при работе над панно, демонстрировавшемся на выставке, дополнил гладко отполированное дерево, отличающееся сложными тональными переходами, вставкой темного дерева с шероховатой фактурой, причудливыми наплывами и пятнами, создав почти безобразительных элементов (если не считать инкрустированных силуэтов чаек) впечатляющую картину разгула морской стихии.

Советские посетители могли познакомиться на выставке с таким своеобразным видом художественного творчества Кореи, как изготовление картин из раковин — «маньенхва» («вечная картина»). Это сравнительно молодое искусство, получившее развитие в последние десятилетия.

К новым видам художественного ремесла Корейской Народно-Демократической Республики относятся картины из перьев. Широко представлены были также плетеные изделия из сухой травы, соломы, волокон расщепленного бамбука: циновки, сумки, корзинки, шляпы и т. д. Их украшают узоры, образованные чередованием различных приемов плетения или частичной окраской травы и соломы. Особую нарядность плетеным изделиям придает вышивка золотой нитью.

Выставка явилась важным событием в культурной жизни Москвы.

И. А. ЕЛИСЕЕВА

СТРАНЫ. ОБЫЧАИ. ТРАДИЦИИ

Китай: время далекое и близкое

*Н. Т. ФЕДОРЕНКО,
член-корреспондент АН СССР*

Автор книг «Китайские записи», «Земля и легенды Китая», «Китайская литература» и многих других, Н. Т. Федоренко недавно совершил поездку в Китай. В предлагаемых читателю очерках Н. Т. Федоренко делится своими впечатлениями о виденном, о встречах с различными людьми, сопоставляет новое с прошлым этой страны, с удовлетворением отмечает повсеместное утверждение новой жизни на древней китайской земле.

Лики древнего Пекина

— Это ли не радость, когда встречаешь друга издалека? — обратился ко мне с крылатыми словами из конфуцианского канона давний мой знакомый Бай Лун.

Не виделись мы без малого тридцать лет, со времени моего последнего посещения Китая. Бай Лун долго и энергично пожимал мне руку, как бы желая выразить свои чувства. Кому же не приятно встретить доброго друга после долгой разлуки, особенно в наш встревоженный век. Но чрезмерная радость нередко порождает печаль.

В недавнем прошлом в Китае, как и в Японии, не было принято рукопожатие. Обычай этот пришел из заморских земель. Теперь он привился и за Китайской стеной. Что ж, быть может, время неотвратимо наступает и теснит застойные привычки. Между собой, однако, китайцы редко «хватают» и «трясут» друг друга за руки, предпочитая поклон или вежливость слов. С иностранцами же по-иностранному: и рукопожатия, и лобзания, и объятия.

Бай Лун — литератор, ученый, автор многочисленных исследований по китайской классике и современной литературе. Как и другие маститые, он претерпел унижения и надругательства во время «трагического десятилетия», как ныне называют недоброй памяти «культурную революцию». Теперь он реабилитирован, как многие другие. Но двадцатилетнее пребывание в трудовом лагере не прошло бесследно. Душевные раны оказались слишком глубокими. Здоровье необратимо подорвано.

С Бай Луном мы будем встречаться часто. Он согласился сопровождать меня. И я рад, что со мной такой знающий собеседник, всегда интересный, глубокий, обладающий острым взглядом. В общении сдержан, ненавязчив, тактичен. «Нет ничего хуже, чем непочтительность», — гласит китайское изречение.

— В последние годы, — начал Бай Лун, — зарубежными учеными, исследующими китайскую литературу, проявляется особенно живой интерес к творчеству наших писателей. Мы знаем, что многими из них достигнуты немалые успехи в изучении, переводе и популяризации современной китайской

литературы. Мы внимательно за этим наблюдаем и высоко ценим их вклад в развитие литературных связей и исследование проблем взаимовлияния литератур.

— Задачи, вытекающие из развивающегося литературного общения и обмена, — заметил я в свою очередь, — мы рассматриваем как обоюдные — двусторонние и многосторонние. Здесь не должно быть движения в одном направлении. Мы в равной мере заинтересованы в расширении литературных взаимосвязей и популяризации всего лучшего, что создается в наших странах.

— Именно в этих целях Союз китайских писателей, — продолжал Бай Лун, — решил провести в Шанхае международную конференцию на тему «Современная китайская литература: ее достижения, особенности и тенденции развития». На конференцию решено пригласить наиболее известных зарубежных литераторов и видных китайских писателей. Для удобства участников рабочим языком будет китайский. Это позволит нам говорить о китайской литературе на ее же языке и освободит нас от необходимости перевода, который забирает слишком много времени, часто усложняет процесс дискуссии и понимания.

— Для всех ли участников приемлемы эти условия? — спросил я собеседника.

— Свыше семидесяти зарубежных синологов уже подтвердили приглашение участвовать в шанхайской конференции. Все это люди с крупными именами, а некоторые имеют мировую известность.

Продолжая беседу с Бай Луном, мы вышли из гостиницы, чтобы полюбоваться Пекином. Шли долго, лишь временами задерживаясь у давно знакомых мест. Минули Тяньаньмынь в центре столицы, Ванфудзин, Цяньмынь, знаменитый рынок Люличан. Улицы многое помнят, пекинские улицы.

Постепенно добрались к знаменитому Храму Неба — Тяньтань.

В истории мировой культуры широкой известностью пользуются памятники архитектуры древнего Китая. Одним из таких сооружений, дошедших до нашего времени, является Храм Неба, которому присущи основные черты китайской архитектуры: глубокая самобытность, высокая художественность и ярко выраженный национальный характер. Храм был построен во времена династии Мин (1368—1644). Это был период расцвета архитектуры Китая, характерный отходом от старых канонов излишне строгой монументальности и переходом к более тонким, изящным формам.

Большая часть территории храма — прекрасный парк, разбитый еще в то время, когда были заложены первые постройки. В нем преобладают вечнозеленые туи с их роскошной кроной и стройные кедры. Некоторые деревья достигают 400-летнего возраста.

Весь ансамбль архитектуры Храма Неба можно сравнить с изящной древней восточной поэмой, где отточено каждое слово и слова эти отшлифованы в рифмы, образуя не пышные кружева безвкусицы, а полный глубокого смысла самобытный национальный орнамент, где поет каждая строчка, линия.

Начиная с X в. влияние Пекина все более возрастало. Он оставался столицей, хотя одна за другой менялись династии: Цзинь, Юань, Мин и последняя — Цин. Город раскинулся на территории шестнадцать тысяч восемьсот квадратных километров. Пекинцев насчитывается теперь девять миллионов двести тридцать тысяч человек.

Величествен и живописен ноябрьский Пекин в сиянии серебристых лучей солнца. Трудно оторвать взгляд от зрелища, открывающегося перед глазами: старинные дворцы, огромные сады и парки, лotosовые пруды, мраморные мосты и колоссальные разноцветные арки.

На высоких стенах бывшего «запретного города» — бывшего центра императорской столицы, в котором находилась резиденция «Сына неба», — огромными,

величиной в несколько метров, нероглифическими знаками начертано: «Да здравствует Китайская Народная Республика!»

У китайского народа — поистине исторические дни. Жизнь огромного государства, народ которого составляет почти четвертую часть населения земного шара, обновляется на глазах. Рушатся обветшалые традиции феодального Китая. В кипучую деятельность вовлекаются все более широкие народные массы. Уничтожаются институты социального неравенства и дискриминация трудового народа. Изменения политики партии идут вместе с экономическими преобразованиями.

Проходим через огромные ворота бывшего «запретного города» и попадаем в святая святых Танься — Поднебесной империи. Перед нами открывается сказочное зрелище: огромные арки, блещущие неожиданно яркими красками и эмалью, резные мраморные мосты, каменные и лепные своды, бесконечные дворцовые палаты.

Здесь сохранилась атмосфера давно ушедших, канувших в вечность столетий. В глубине двора видны каменные и мраморные террасы, стены которых расписаны орнаментами или покрыты древними фресками на исторические сюжеты. Дальше видны круглые столбы из мрамора и бронзы, увенчанные фигурами драконов и фениксов. Колоссальные своды, таинственный полумрак и светотени грандиозных храмов и дворцов рассчитаны на то, чтобы вызывать в человеке чувство страха, покорности, послушания.

В пояснительных записях читаем, что обычное меню императрицы Цы Си состояло из ста пятидесяти блюд. Только из риса ежедневно приготавливалось более пятидесяти блюд. Каждое приготовление пищи обходилось в сто лянов серебра, что равнялось стоимости пяти тысяч фунтов риса. Этого количества риса хватило бы для того, чтобы прокормить в течение дня несколько тысяч крестьян. Стоимость только семи нарядов императрицы равнялась одной тысяче тремстам сорока двум лянам серебра, то есть соответствовала стоимости шестидесяти семи тысяч ста трех фунтов риса. Это количество риса хватило бы для дневного содержания пятидесяти тысяч крестьян. На празднование одного дня рождения Цы Си было израсходовано четыре миллиона триста восемьдесят шесть тысяч двести четыре лян серебра (163 606 кг) — сумма, достаточная, чтобы прокормить семьсот тысяч крестьян в течение целого года.

И рядом с этой роскошью показаны предметы обихода, одежда и пища крестьянина времен Цинской династии (1644—1911): лохмотья и рубище, отруби и мука из древесной коры!

Таково недавнее прошлое Китая. Рядом со сказочной роскошью императорских дворцов в убогих полуземлянках целые семьи умирали медленной голодной смертью.

...Мы вышли из дворца. Свежий воздух, лучи солнца, шум уличного движения точно пробудили нас ото сна. Лица молодых людей, выходящих вместе с нами с выставки, однако, напоминают, что виденное нами в этих залах — не сон. На их лицах можно было прочесть презрение и ненависть к тем, кто еще так недавно безнаказанно угнетал и унижал китайского крестьянина, кто строил свое счастье на жестокой и бесчеловечной эксплуатации миллионов тружеников. Эти люди, одетые в стеганные куртки, исполнены достоинства и гордости. Молодежь — счастливая участница сегодняшних исторических побед. Она — носительница завтрашних успехов, революционных преобразований Китайской Народной Республики.

Высоко над приземистыми домами и пагодами Пекина вознеслись современные башни — новые отели для заморских путешественников и деловых людей. Иностранцы теперь частые гости в Китае, и для них созданы самые фешенебельные гостиницы, которые выделяются среди всех других строений и

стоят особняком. Они созданы по образу и подобию западной архитектуры. Ничего национального в них нет. Они не могут служить архитектурными символами.

— Не находите ли вы, что такое механическое заимствование не очень гармонирует с традициями города? — спросил я Бай Луна.

— Говорить, что эти башни и квадраты вписываются в окружающий пекинский ансамбль, вообще не приходится. Никак не вписываются. — ответил он.

— Это скорее нечто наднациональное?

— Знак времени. Внутренняя ирония. Потом будем преодолевать плоды непомерного подражания и бороться за сохранение нашей самобытности, возрождать силу народных традиций, духовной жизни! Мы все время боремся и преодолеваем. Всю нашу жизнь что-то преодолеваем.

— Значит, иной раз идем в гору, иной — вниз?

— Легче возводить новое, чем сохранять старое. Неожиданностью для всех нас было разрушение старинной пекинской крепостной стены. История как бы помешала прогрессу. И прогресс разрушил историю. А это ведь необратимо. Старину надо охранять не только как исторические памятники, но как свидетельство жизни, быта, традиций живших до нас людей. Разрушать памятники — значит перерезать живительные артерии культуры.

— Уж не против ли вы всего нового? Построены первоклассные отели...

— Речь о другом. Нельзя пренебрегать традициями китайской архитектуры, усердствовать в низкопоклонстве перед заморскими веяниями, в том числе архитектурными. У нас все реже и реже встречается счастливое сочетание национальных традиций и современности, хотя все мы ратуем за создание нового в органической взаимосвязи с нашим лучшим наследием, за бережное сохранение исторических памятников и наследия. Достаточно нам прискорбного опыта «культурной революции», когда в своем безумии хунвэйбины громили и сокрушали все, что напоминало традиционную культуру, когда устраивались костры из литературного классического наследия, варварски уничтожались бесценные творения искусства.

Изучение прошлого — это одновременно и познание современного. В нашей сегодняшней культуре заложено очень многое из того, что люди ранее достигли. Многие из прошлого настолько глубоко и органично вошло в нашу жизнь, что стало нерасторжимой ее частью, часто весьма существенной. Поэтому когда речь идет об изучении духовного наследия, то, в сущности, имеется в виду дополнительное обогащение нынешней культуры. Современное прочтение порой забытых идей, традиций, художественных образов всегда приносит нечто новое.

Освоение культуры прошлого отнюдь не означает движения вспять, реставрации, отхода или подмены современности. Это и немислимо, и противостоит естественности. Обращение к прошлому вовсе не отказ от современного. Понимание того, что было, понимание воззрений древних, их мирознания и идей не означает согласия с ними, тем более их некритического принятия.

Из прошлого многое забыто, многое оказалось под землей, многое не познано. Изучение наследия — это и процесс отбора. Не все приемлемо, не все равноценно. Нужно отобрать лучшее, тщательно отсеять, отшелушить от ненужных и вредных напластований. Речь идет не только об интересах нашего времени. Речь и о том, чтобы сохранить ценнейшее наследие для тех, кто будет на нашей земле в веках грядущих.

Изучение минувшего помогает нам познать ту жизнь, которой жили люди прежде, но не могли и не должны более жить так. И свою жизнь в ее истинном значении мы можем оценить лишь на широком фоне исторического движе-

ния, в свете веков и тысячелетий. В этом смысле понимание прошлого — верный наш ориентир, некий компас, который помогает нам не отклоняться от магнитного меридиана нашего поступательного развития.

— Когда люди устают, у них ослабевают, теряется здравый смысл, — заметил я, возвращаясь к затронутой теме.

— От чего же, собственно, устали хунвэйбины и цзаофани? От образования? Так они никогда в руках не держали «Книгу песен» или «Книгу истории» — великих творений народного гения Китая.

— Но безрассудство это уже позади, отшумело, покрылось серой пылью...

— Но пыль на улицах Пекина взбивается теперь целыми табунами западногерманских «мерседесов», французских «ситроенов», особенно японских «нисанов», «тойот», «судзук», «хонд», на бортах и кузовах которых крупными английскими буквами выведены названия автомобильных фирм.

— Это ведь тоже некий знак наших дней?!

— Знак с плюсом, только не для нас. Можно часто услышать: японцам не удалось покорить Китай силою оружия, теперь они стремятся завоевать его своими экономическими средствами, промышленными рычагами, современной технологией, всем прочим...

Кто бывает в Пекине, тот наверняка посетит букинистические лавки — царство старой и новой книги. Здесь их огромное множество. Они играют особую роль в духовной жизни столицы. Наиболее известны из них «Лайсюньгэ», «Суйячжай» и «Сюэнтан». Славятся также букинистические магазины на рынках «Дунъянь шичан» и «Сидань шанчан». Все они по своему богатству могут поспорить с большими библиотеками.

Каких только книг нет в этих магазинах: древние, современные, китайские, иностранные! На их полках редчайшие экземпляры многовековой давности, напечатанные ксилографическим способом еще во времена династий Сун (960—1279) и Юань (1280—1367). Что же касается книг 200—300-летней давности, то они уже не считаются здесь особенно редкими.

До самого потолка полки заполнены всевозможнейшими старинными редкими китайскими изданиями. Здесь можно найти почти любую книгу, изданную в период правления цинской династии (1644—1911). Но здесь не редкостью являются также и более древние книги.

В букинистических магазинах на рынках «Дунъянь шичан» и «Сидань шанчан» можно приобрести не только старые книги и журналы, которые нельзя купить в обычных магазинах. Здесь есть и художественная литература недавнего издания.

Букинистическая торговля возникла в Пекине очень давно. Книжный базар существовал здесь еще 450 лет тому назад. К 1772 г., когда была заново отредактирована и переписана самая большая в Китае энциклопедия «Сыку цюаньшу» («Полное собрание книг по четырем разделам»), в Пекине уже насчитывалось более 30 букинистических магазинов. Позже их число превышало 100.

Поздно вечером, усталые, но довольные прогулкой, мы вернулись с Бай Луном в гостиницу «Наньхуа фаньдянь». Вскоре нам подали горячий чай в керамических чашах.

— Это, кажется, цветочный чай, — произвольно вырвалось у меня.

— Не удивляйтесь, — спокойно сказал Бай Лун. — Цветочный чай раньше считался праздничным, особенно в столичном Пекине. Теперь часто подают не традиционный зеленый чай, а цветочный, особенно он нравится иностранцам. Праздничное стало повседневным, а каждодневное — праздничным. Качество чая, однако, желает много лучшего. Приобрести хороший чай теперь весьма непросто. Даже за приличные деньги.

— Зеленый чай — это, по слову мудрых, естественный вкус. Один из признаков жизни человека в простоте...

— Вкусы и привычки меняются. Буквально во всем. Послушайте хотя бы эту музыку.

Из японского магнитофона в холле разливалась японская мелодия.

— Современная японская музыка,— продолжал Бай Лун,— давно уже вытеснила американцев с их вестернами и музыкой «кантри». Она, можно сказать, господствует в нашем эфире. Все больше возникает мелодий, создаваемых китайскими композиторами в подражательной японской музыке манере.

Вернувшись к себе в номер, я включил телевизор в надежде услышать новости. Но передавали концерт и танцевальную музыку. На эстраде и в зале царило оживление, под громкие и беспорядочные металлические звуки джаза в зале металась, бесновалась молодежь в европейских одеждах.

В старину в китайском народе бывало выражение: для совершенства обычаев и манер нет ничего лучше музыки. И что музыка без поэзии не музыка, как и поэзия без музыки не поэзия. Возникает вопрос: почему не поют те, кто обладает голосом? Не создают музыку, которая облагораживает человека и общество?

Вообще национальная музыка вытеснена западной, которая звучит повсеместно, иногда невыносимо громко, с утра до поздней ночи. Лишь в Ихэюане, бывшем императорском летнем дворце, впервые услышал китайскую традиционную музыку. Кошунственно, видимо, оглушать этот храм заморской какофонией.

Молодежь, кажется, менее всего интересуется классической музыкой и пекинской оперой — традиционным театром с его старинными ариями и песнями. Ее все более влечет современное искусство, шлягеры, модные джазовые пьесы. Между тем в народном и традиционном искусстве крайне скупой и лаконичный язык персонажей, полный намеков и символики, красноречиво свидетельствует о богатстве выразительных средств сценической речи в китайской драме и опере. Это нередко поражает зрителя, положительно ослепляет его, интригует, вызывает восторг и слезы.

Но не только это. Теперь, как-то сказал мне Бай Лун, люди, особенно молодежь, значительно чаще смотрят и говорят, чем читают. Книга все более отодвигается на задний план. Средства массовой информации обуславливают то, что печатное слово шаг за шагом как бы отступает, утрачивает былое свое значение. Тиражи книг весьма заметно падают, особенно поэзии. Растет телевизионное поколение.

Многих привлекают программы преподавания по телевидению и радио японского, английского, французского языков, которые занимают многие часы. Английский преподается с явно американским акцентом. Это — «перспективные» языки. Китайский язык можно в основном услышать в выпуске новостей. Шведы как-то подняли вопрос о том, чтобы все печатные издания вообще выпускать на английском языке, который все более вытесняет шведский. Больше оставалось бы бумаги, считали они. Исполнители эстрадной песни, звезды современной музыки давно уже перешли на английский язык в целях проникновения на англоязычный рынок. Известно, что американцы почти не изучают иностранные языки. Комплекс превосходства? Обходятся английским. Мне как-то пришлось услышать ироническую реплику: у этого американца чудесное произношение — без малейшего английского акцента.

Осиротевшая обитель

В один из дней своего пребывания в Пекине я постучался в дверь старого дома Го Можо.

Высокие, выполненные в традиционном стиле ворота с навесом, покрытым глазированной черепицей, ответили на мой стук о металлический затвор гулким эхом. И я почувствовал, что после моего последнего визита пролегла целая вечность. Никогда ранее не приходилось мне сталкиваться с закрытой дверью дома моего учителя. Обитель его всегда была открыта для друзей и посетителей. Да и замков никаких на дверях не бывало. Он сам выходил навстречу, не зная, добрый ли друг или недоброжелатель стоит у порога. Он сам принимал гостей, как бы ни был занят, у себя в рабочей комнате. Скорее нам, его друзьям и коллегам, полагалось подумать, стоит ли беспокоить писателя. Но нас, кажется, менее всего заботила этическая сторона. Го Можо настолько радушно принимал всегда гостей, что ни у кого не возникало сомнения, будто он только и ждал этой встречи.

Пока стоял у ворот, в памяти всплыли строки китайского поэта Мэн Цзяо (VIII—IX вв.) из прославленного стихотворения «Пришел к отшельнику, но не застал его»:

Я спросил ученика, придя в обитель —
Под сосной густой, зеленоватой.
Он сказал мне, что ушел учитель
Собирать лекарственные травы:
Вероятно, он недалеко,
Между этих гор иль на лугу.
Но под плотной мглою облаков
Где он — указать вам не могу.

Вскоре вышел военный в полной форме, при оружии.

— Что вам угодно? — спросил он меня на пекинском диалекте, увидев перед собой иностранца.

— Могу ли войти в старую обитель учителя Го Можо? — ответил я вопросом на том же диалекте.

— Объект на ремонте, посетителей просят не спешить...

— Проезжий я, извините, может быть...

В разговоре со стражем едва не перешел на поэтические строки Мэн Хаожаня (689—740):

Скользит моя лодка:
Я в путь по реке уплываю.
Мне надо проведать
Обитель старинного друга...
(Перевод Л. Эйдлина)

— Прошу минутку, доложу старшему, не взыщите...

Добро беспредельно. Навстречу вышла дочь писателя Го Пинин.

— Извините, извините нас за формальность. Теперь такой порядок. Дом этот охраняется властями... с тех пор как отец оставил его навсегда. Это, конечно, странно. Когда человек был жив, его не охраняли. Он был против. Считал, что писатель должен быть всегда доступен всем. Иначе, что же... изоляция? От кого?

Го Пинин пригласила пройти на территорию и в дом, где провел последние свои дни Го Можо. Я вошел в прибежище писателя, чтобы ощутить сохранившийся для истории и, следовательно, для человека неповторимый аромат ушедшего времени.

Неподалеку от входа в дом на фоне слей стоит стенд, на котором

кистью Го Можо написаны слова:

Когда расцветают все цветы, поют все птицы,
Ценное поощряется, старое обновляется.
Взираю на ряды пионов, на осенние хризантемы,
Четыре времени года благоухают, как вечная весна.

Живая природа: неувядающая зелень хвон, шум птичьих голосов. опускающийся сверху свет. В этом — активная жизнь окружающего нас мира.

— Я узнал вас, вы очень похожи на Го Можо...

— Так ли? Думаю, что у меня большее сходство с мамой.

— У каждого человека свое восприятие. Я хорошо знал вашего отца в жизни. Сохранившиеся у меня его фотографии — еще одно убедительное свидетельство несомненного вашего сходства с ним.

— К сожалению, в нашем архиве, как это ни странно, не сохранились снимки Го Можо, получившие распространение в Советском Союзе.

— Творчество его широко известно в нашей стране. Издавались многие его произведения. И я постараюсь прислать вам книги с очень симпатичными фотоснимками писателя. Думаю, что после этого вы не станете возражать против вашего сходства с отцом...

— Нет, нет, я вовсе не против. Но знакомые вечно твердили мне о сходстве с Юй Лицунь, моей мамой... И это тоже мне приятно.

Вместе с дочерью Го Можо мы прошли по комнатам, и я не в силах был убедить себя в том, что в этот дом, где жил писатель, трудился, страдал и смеялся, уже поселился музейный холод, зловещая тень смерти.

Вскоре мы встретились с дочерью Го Можо в писательском клубе. Го Пинин пригласила нас на дружескую трапезу. Присутствовали ведущие исследователи творчества Го Можо, работающие в Комиссии по наследию писателя.

Традиционный круглый стол на двенадцать человек. Все места были заняты, за исключением одного — это произошло произвольно.

— Может быть, мы сохраним это место? — сказал я Го Пинин, намекая на память об отце.

— Верно, пусть оно останется за ним, это место Го Можо. — ответила она и тотчас взяла со стола и положила на стул желтую салфетку, символ разлуки.

За ужином шел разговор о Го Можо и его друзьях. Вспомнили минувшее. Вспомнилась встреча в доме Го Можо с известным прозаиком Лао Шэ, оказавшимся жертвой недоброй памяти «культурной революции». Разгул хунвэйбинов и цзаофаней дорого обошелся китайскому народу, разрушив все сферы интеллектуальной жизни страны и нанеся невосполнимый урон творческой интеллигенции.

Лао Шэ, помнится, заглянул тогда к Го Можо на минутку, чтобы поведать старого друга и подарить ему немного знаменитого чая «Лунцзин цинча» («Зеленый чай драконового колодца»), который выращивается на горных склонах неподалеку от города Ханчжоу. Большой знаток и поклонник зеленого чая, Го Можо сердечно поблагодарил Лао Шэ за подарок, спросив, не оставил ли он себя без чайных листьев, а затем разделил «Лунцзин» пополам и преподнес мне.

— Не церемоньтесь, я хорошо помню, как еще во время антияпонской войны в Чунцине мы с вами делились бесценными лепестками «Лунцина». — сказал Го Можо, в церемонном поклоне соединив две ладони, вручая мне коробку с чаем.

Да, в дни нашей жизни в провинции Сычуань всего труднее было

насладиться хорошим зеленым чаем. Но мир не без добрых людей. Друзья Го Можо какими-то неисповедимыми путями присылали ему лунцзинский чай, который производился в оккупированном японскими войсками районе, и писатель регулярно делился им с друзьями.

Мы давно не виделись с Лао Шэ. При встречах у нас всегда завязывалась дружеская беседа. Помимо всего, слушать Лао Шэ всегда было одно удовольствие — он говорил на прекрасном пекинском диалекте, который в его устах звучал как музыка. Беседу по обыкновению я вскоре записал в свою тетрадь. Она сохранилась. Вот несколько строк.

После нашей встречи в 1951 г. в Пекине мне показалось, что Лао Шэ помолодел по крайней мере лет на десять. Его лицо посвежело, озарилось какой-то внутренней радостью, улыбкой. Голос стал особенно ясным и звонким.

Мы заговорили как-то сразу же о наших встречах и беседах в Чунцине, о горьких днях и пьянивших тогда сердце надеждах на рождение в битве нового Китая, о свободном развитии его гигантских сил после победы над Японией, о грядущем расцвете творчества писателей. И я почувствовал, что Лао Шэ остался таким же оптимистом, каким я помнил его по нашим беседам в тяжелые годы войны и репрессий.

Затем Лао Шэ рассказал о том, что теперь трудно стало писать, что в жизни произошли перемены, опрокинувшие многие прежние представления. Люди сделались совсем другими, словно переродились, стали мыслить и жить по-иному, совсем не так, как в прежние годы. Другими оказались отношения, например, покупателя и продавца в связи с появлением кооператива, изменилось поведение учителей, которые теперь являются преподавателями государственных школ, с достоинством держатся шоферы — водители государственных машин и т. д.

Лао Шэ говорил об остроте идеологической и классовой борьбы в стране: помещики и компрадоры еще не сложили отравленного своего оружия. Они продолжают вести скрытую, тайную войну, их поддерживают извне силы империализма. Продолжается идеологическая перестройка и в рядах интеллигенции. Многие еще предстоит сделать, хотя главные проблемы окончательно решены в интересах трудовой интеллигенции.

Затронув вопрос о единстве интересов государства и личности, Лао Шэ сказал, что для него это ново. Прежде личная выгода, нажива, шкурные интересы были основой благополучия каждого. Теперь главный принцип — всем по труду.

Писатель говорил, что полон творческих планов. Работает над пьесой об идеологической перестройке сознания старых китайских рабочих на примере строительства нового городка. Действие происходит в наши дни на стройке в окрестности Пекина. Передовые рабочие стремятся выполнить досрочно план строительства современных жилых домов, используя при этом опыт Советского Союза. Они поставили задачу не только досрочно выполнить план, но и добиться высокого качества. Однако не все рабочие это осознают. Некоторые работают еще по-старому, не учатся, не стремятся к новому, порой преследуют лишь узколичные интересы. Идет борьба между передовыми и отсталыми. В пьесе показан рост сознания рабочих, повышение их квалификации, опыта, научная организация труда и новаторство рабочих. Тема эта совершенно новая для китайских писателей и требует знания материала во всех деталях.

Писатель рассказал, что новый отель «Пекин» — «Бэйцин фань-дянь» — построен за одиннадцать месяцев. Гостиница превосходит старый «Пекин», строившийся иностранным капиталом в течение нескольких лет. Теперь это лучшее помещение столицы, лучший зал в национальном стиле.

Гордость пекинских рабочих. По заключению иностранных специалистов, строительство этого отеля в течение менее одного года представляется феноменальным.

После беседы с Лао Шэ я часто возвращался к ее содержанию и каждый раз убеждался в глубокой искренности, откровенности писателя. Такие люди живут верой в то, что добро никогда не удастся победить мелким и ничтожным злом. Лао Шэ оказался человеком мужества и не унизился перед невежеством хунвэйбинов.

Расстались мы с Лао Шэ поздним вечером. Никто не думал, что это было расставание навсегда. Теперь остались одни воспоминания. Кому-то принадлежат слова: чем больше живет человек, тем годы короче, а чувства сильнее.

Сидя за столом, Го Пинин напомнила мне об одной нашей встрече с Го Можо. Это было в пекинском доме писателя. Во время застолья, сопровождавшегося воспоминаниями, Го Можо сказал, что уже многие годы считает себя моим должником и хотел бы воспользоваться нашей встречей, чтобы со своей стороны отблагодарить меня. Он вынул из кармана пиджака вечное перо и вручил мне со словами: «Помните Чунцин?»

Вот что имел в виду писатель, разговор с которым приводится в моей книге «Китайские записи». Однажды я сидел в домашней библиотеке поэта в Чунцине, просматривая словари. Среди книг Го Можо было много словарей, раскрывающих богатство языка. Поэт работал в своем кабинете. Неожиданно послышался звук отодвигаемого стула и более быстрые, чем обычно, шаги.

— Вот досада,— произнес Го Можо, протягивая мне свою ручку,— сломалось перо... Если бы я был хотя бы немножко суеверен, то мог бы подумать, что это не к добру.

Я быстро достал свою ручку из кармана пиджака:

— Вот вам мое перо.

Поблагодарив меня, поэт взял его и быстро вернулся в кабинет. Мне показалось, что он торопится занести на бумагу мысли, которые владели им в этот миг. Буквально через минуту он вернулся. Лицо светилось радостью. Его улыбка, такая юношески ясная, такая светлая, была особенно хороша в эту минуту. Он протянул мне авторучку.

— Этим пером,— улыбаясь, произнес он,— только что была дописана пьеса «Цюй Юань».

Я был счастлив поздравить Го Можо с окончанием произведения, которое могло быть полезным народу, борющемуся за свободу.

Принять свою авторучку, однако, я поначалу отказался:

— Позвольте, поскольку моим пером была закончена пьеса, я словно прикоснулся к чему-то вечному, к истине, у меня теперь есть некие права,— сказал я в шутку.

— Выбирайте сами: соавторство или исключительное право на перевод пьесы «Цюй Юань» на русский язык.— моментально ответил Го Можо.

— Предпочту право на перевод!

Перевод пьесы мною был выполнен безотлагательно. На русском языке она вышла в Москве в 1951 г., но до того пьеса «Цюй Юань» была успешно поставлена на сценах Москвы, Ленинграда и Киева.

У близких друзей бывает, очевидно, какое-то неуловимое понимание, залегающее в глубине их сознания. И даже после долгих лет разлуки — порой навечно — их посещает чувство, будто лишь вчера расстались они на площади Тяньаньмынь в Пекине или на Старом Арбате в Москве. Нет, не все растворяется в пространстве в беспредельном потоке времени. Колдовское обаяние минувших дней. Не оттого ли, что былого нельзя воротить?

В конце нашей встречи в писательском клубе Го Пинин от имени Комиссии по наследию Го Можо преподнесла мне восемнадцать вышедших в свет томов полного собрания сочинений писателя и ученого. Издание наследия Го Можо выходит в тридцати восьми томах большого формата. В них — двенадцать томов литературных произведений — поэзия, драматургия, проза, публицистика и критика. Издание воспроизводит произведения в том виде, в каком они вышли при жизни Го Можо. Полиграфически оно выполнено безупречно.

Историческим работам ученого отводится восемь томов, включающих известные и у нас в стране фундаментальные исследования — «Изучение древнего общества Китая», «Бронзовый век», «Эпоха рабовладения», «Ли Бо и Ду Фу», «Исторические личности» и др.

Археологические труды Го Можо занимают десять томов, среди которых оригинальные работы ученого — «Исследование гадательных письмен», «Изучение надписей на бронзе династий Инь и Чжоу», «Систематизация оракумских письмен», «Исследование надписей на бронзе», «Археологический сборник».

Остальные тома содержат эпистолярное наследие Го Можо, различные работы, не выпущенные в свет при жизни автора.

Часто люди спорят о том, существует ли жизнь после смерти человека. Для Го Можо она, несомненно, существует.

(Продолжение следует)

К. Ю. ФЕДОРОВ

В Китае изучению советского опыта экономического строительства неизменно уделялось большое внимание. На одном из симпозиумов в 1983 г. известный китайский экономист, вице-президент Академии общественных наук Китая Лю Гогун следующим образом объяснил особый интерес к этой области советологических исследований.

Прежде всего, сказал он, Советский Союз — это «первое в мире социалистическое государство, родина ленинизма», государство, накопившее «богатейший как положительный, так и негативный исторический опыт социалистического строительства, который является драгоценным достоянием трудящихся всего мира». По словам Лю Гогуна, «серьезное изучение и восприятие нами опыта и уроков СССР на всех исторических этапах имеет важнейшее значение для строительства социализма в Китае».

Во-вторых, отметил Лю Гогун, Советский Союз — сосед Китая, имеющий очень много сходных черт: огромные территорию и население, богатые природные ресурсы, обширный внутренний рынок и т. п., а также «в основном однотипную экономическую модель». В 50-е гг., отметил китайский ученый, Китай скопировал у СССР его модель, сложившуюся в 30-х гг., — систему директивного планирования с высокой степенью централизации, упором на развитие тяжелой, прежде всего оборонной, промышленности. В конце 50-х — начале 60-х гг. Советский Союз приступил к реформе и упорядочению структуры экономики. В связи с этим «изучение исторического опыта, нынешней практики и тенденций дальнейшего развития СССР в этих областях имеет для Китая непосредственное значение».

В-третьих, современный Советский Союз, как подчеркнул Лю Гогун, «оказывает огромное влияние на развитие международной обстановки в экономическом, политическом и военном плане... Поэтому изучение нами Советского Союза и его экономики имеет важное значение для понимания общемировой экономической и политической ситуации».

Принципиально важным представляется обращенный к многочисленному отряду китайских исследователей-советологов призыв Лю Гогуна опираться на марксистско-ленинскую теорию и методологию, следовать «реалистическому подходу», принцип которого — «не следует все слепо признавать, но нельзя и все огульно отрицать».

Необходимо отметить, что за последние годы, особенно после учреждения Академии общественных наук Китая и формирования сети специализированных исследовательских учреждений, в КНР была проделана значительная работа по комплексному изучению советских экономических теорий, системы управления и функционирования советского народного хозяйства. Как отмечал Лю Гогун, достигнутые результаты «не только обогатили экономическую теорию в Китае, но и сыграли непосредственную роль в деле социали-

стической модернизации, особенно в урегулировании народного хозяйства и реформы экономической системы».

Вместе с тем позиция китайских ученых в отношении целей и методов изучения советского опыта экономического строительства и его ценности оставалась неоднозначной и противоречивой. В конце 70-х — начале 80-х годов во многих работах китайских авторов по проблемам экономики СССР акцентировались негативные моменты, выискивались всевозможные «пороки» и «изъяны» в советском народном хозяйстве. Наряду с подлинным стремлением провести глубокий анализ советского хозяйственного опыта в интересах реформы экономической структуры в Китае значительное воздействие на научный поиск в этой области оказывали разного рода стереотипы мышления, а также недостаточное знакомство с реальным положением дел в СССР¹.

Успех реформы хозяйственного механизма в Китае и в осуществлении программы «четырёх модернизаций» некоторыми учеными КНР ставился в прямую зависимость от критического подхода к советскому опыту². Кроме того, определенный отпечаток на характер анализа и оценок наложило увлечение части китайских обществоведов и экономистов западными теориями в начале 80-х годов. В этой связи ряд ведущих ученых КНР призывали к более четкому марксистскому анализу проблем экономики³.

Необходимо отметить, что в Китае изучение экономики Советского Союза за последние годы осуществлялось в тесной взаимосвязи с исследованием опыта других социалистических стран⁴, часто в форме сравнительного анализа. При этом наиболее плодотворным был тот подход, при котором собственная хозяйственная реформа не противопоставлялась соответствующему опыту СССР и других социалистических стран, а дополнялась оправдавшими себя принципами социалистического хозяйствования.

Изучение в Китае советского опыта экономического строительства, развернувшегося после апрельского (1985) Пленума ЦК КПСС, вступило в новый, принципиально важный этап, характеризующийся не только общим ростом интереса к происходящим в социально-экономической жизни СССР преобразованиям, но и, что гораздо важнее, пересмотром ряда прежних подходов и оценок. Огромную стимулирующую роль в этом процессе сыграл критический и глубокий анализ положения в экономике и стране в целом, который был сделан на XXVII съезде КПСС, январском (1987) Пленуме ЦК КПСС, в выступлениях М. С. Горбачева, а также выработка стратегического курса КПСС на социально-экономическое ускорение развития страны и глубокую перестройку народного хозяйства. Не могло не сказаться и общее улучшение атмосферы в советско-китайских отношениях, постепенное восстановление и налаживание связей между практическими ведомствами и научными организациями двух стран, изменение в Советском Союзе и Китае многих взглядов на теоретические и практические проблемы строительства социализма. В Китае не могли не заметить принципиально важный подход КПСС, выступающей «за такие отношения между компартиями, которые исключают монополию на истину и какой бы то ни было «центр», благоприятствуют совместному поиску ответов на актуальные и перспективные вопросы, отношения доверия и искренности, когда умеют ценить опыт друг друга и дорожить принципами, которые позволяют извлекать из этого многообразного опыта уроки, полезные для каждого»⁵.

Большое значение имеют также слова из речи М. С. Горбачева во Владивостоке 28 июля 1986 г. о том, что «у нас с Китаем, насколько можно судить, приоритеты сходные — ускорение социально-экономического развития. И почему бы не поддерживать друг друга, не сотрудничать в осу-

ществлении своих планов там, где это очевидно пойдет на пользу обоим? Чем лучше будут отношения, тем больше мы сможем обмениваться опытом друг с другом»⁶.

Развитие событий последнего времени способствует тому, что между Советским Союзом и КНР в области экономики обнаруживается все больше общего, как в плане стоящих перед нами проблем, так и в выборе путей их решения. В китайских работах все чаще подчеркивается однотипность многих экономических преобразований в обеих странах, отмечается, что наряду с различиями, вызванными конкретными условиями, у социалистических стран есть много общего, что процесс развития и самосовершенствования производственных отношений социализма идет по одному руслу, согласно определенным закономерностям. У наших двух стран в настоящее время общая стратегическая цель — сделать все необходимое, чтобы в максимальной степени выявить преимущества социализма, а значит, от совместного поиска дальнейших путей развития выигрывают общие интересы.

После XXVII съезда КПСС в пользу желательности налаживания советско-китайского сотрудничества в обмене опытом экономического строительства стали высказываться руководители КНР. В ходе визита в КНР в сентябре 1986 г. кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, первого заместителя Председателя Совета Министров СССР Н. В. Талызина заместитель премьера Госсовета КНР Яо Илин, пожелав успеха перестройке в СССР, подчеркнул, что «обмен опытом и мнениями в процессе осуществления реформ будет полезен для обеих сторон»⁷. Тогда же было подписано соглашение о сотрудничестве в плановой деятельности между Госпланом СССР и Госпланом КНР⁸.

Об осознании общности задач по коренной перестройке хозяйственного механизма обеих стран свидетельствует вывод ряда серьезных китайских изданий о том, что реформа экономической системы — это «историческое явление, имеющее всеобщий характер и важнейшее значение для развития современного социализма»⁹. Подчеркивая, что Китай «не может заимствовать из других стран теорию хозяйственной реформы в качестве модели», ибо «она должна складываться на основе реальной обстановки в самой стране»¹⁰, ряд ученых-экономистов КНР справедливо отмечает необходимость «не только найти специфический путь реформы в Китае, но и нащупать общие закономерности реформы в социалистических государствах»¹¹. Китайские специалисты в последнее время уделяют большое внимание советским оценкам экономических реформ в КНР. Так, в специальном обзоре советских откликов, опубликованном в газете «Жэньминь жибао» 7 января 1987 г., отмечается возросший интерес советских специалистов к преобразованиям в китайской деревне, экономической реформе в городе, некоторым аспектам внешнеэкономической политики КНР. Шанхайская газета «Шицзе цзинци даобао», поместив интервью с известным экономистом академиком А. Г. Аганбегяном, особо отметила интерес советского ученого к реформе в КНР¹².

О заинтересованном и внимательном отношении в Китае к коренным преобразованиям в экономике Советского Союза говорит не только увеличение количества публикуемой информации¹³, но и активизация деятельности научных кругов, в частности Китайского общества по изучению советской экономики¹⁴. Осенью 1986 г. это научное общество совместно с восемью заинтересованными ведомствами организовало специальный симпозиум в городе Яньтай (провинция Шаньдун), на котором свыше 70 китайских специалистов и ученых, занимающихся проблемами Советского Союза, провели «углубленное обсуждение и изучение новых тенденций в теории совет-

ской экономической реформы, новых моментов и направлений в ее практике и других вопросов»¹⁵. Участники симпозиума особое внимание уделили теоретическим основам нынешних экономических преобразований в СССР, ибо, по их мнению, именно «отставание теории экономических реформ от практики», характерное для трех этапов хозяйственных преобразований в СССР за последние три десятилетия, «стало одним из главных препятствий на пути проведения глубоких экономических реформ». Констатируя появление новых положительных сдвигов в этой области, китайские ученые пришли к выводу, согласно которому «экономическая реформа в СССР уже вступила в этап всесторонней, полной и коренной перестройки», что «в дальнейшем она не будет больше ограничиваться лишь реорганизацией механизма управления и методов хозяйствования, а будет также включать преобразования всех сфер производственных и общественных отношений». Наряду с этим отмечалось, что Советский Союз «не откажется от высокоцентрализованной плановой системы управления и директивных плановых показателей», а поэтому «новая реформа не приведет к коренным изменениям экономической системы СССР»¹⁶.

Если говорить о высказываемых сегодня в Китае точках зрения относительно стратегии ускорения социально-экономического развития СССР и осуществляемых в стране экономических преобразований, то вполне понятно, что в условиях, когда процесс перестройки народного хозяйства лишь только начался, оценки китайских специалистов неоднозначны и зачастую противоречивы. Суммируя их, можно отметить следующие моменты.

Прежде всего подчеркивается, что концепция нынешнего советского руководства отличается от прежних представлений. Современная стратегия СССР в области экономики основана на понимании необходимости глубоких преобразований экономических отношений и всего комплекса социальных отношений, а также на «осознании экономической и политической обстановки в мире»¹⁷. При этом анализ причин, приведших к постановке задачи коренной перестройки хозяйственного механизма в Советском Союзе, в основном совпадает с соответствующими положениями в решениях ЦК КПСС и выступлениях М. С. Горбачева.

В появившихся в последнее время в китайских научных журналах статьях анализируется ряд важнейших вопросов, в том числе новая стратегия экономического развития Советского Союза. В специально посвященной этой проблеме статье сотрудника Института мировой экономики и политики АОН Китая Ло Чжаохуна отмечается, что XXVII съезд КПСС «знаменует конец стратегии традиционного (экстенсивного) развития и наступление нового периода» для СССР; указывается, что съезд «верно определил причины болезни советской экономики» и выработал стратегию ускорения, являющуюся, «по сути дела, руководящим курсом социального, экономического и политического развития СССР на ближайшие два десятилетия»¹⁸. Подчеркиваются такие моменты этой стратегии, как революционный характер, смелость, глубина, комплексность и др. Перечислен ряд характерных новых положений, например преобразование структуры собственности, создание условий, позволяющих повышать роль рыночного регулирования, полнее использовать товарно-денежные отношения, изменение структурной и инвестиционной политики, социалистическое самоуправление народа, гласность, предоставление народным массам больших возможностей для участия в выработке политики, осуществление демократизации экономической, политической и общественной жизни.

Раскрывая причины «поворота к лучшему в советской экономике в 1986 г.», автор другой аналитической статьи Сунь Чжэньюань на первое место

ставит выработку «комплексной и долгосрочной программы ускорения», согласно которой «перестройка не ограничивается экономической областью, она требует совершенствования общественных отношений, обновления методов и форм работы политических органов и идеологических ведомств, развития социалистической демократии, решительного вычищения всего, что мешает продвижению общества вперед, например инертности, закостенелости, рутины и консерватизма. Новое советское руководство увязывает курс ускорения с внешней политикой, проводя необходимое урегулирование во всех ее аспектах, препятствующих указанному курсу; ускоренными темпами осуществляется реформа системы внешней торговли». Кроме того, перечисляются экономические меры по «мобилизации активности и инициативы советского народа», оказывающие непосредственное воздействие на стратегию ускорения.

Особое значение, по мнению Сунь Чжэньюаня, имеет «реалистический подход советского руководства, который в первую очередь проявился в вопросе об оценке этапа общественного развития, достигнутого СССР». Китайский ученый отмечает, что «было покончено с длительной тенденцией слепого забегания вперед, была заложена прочная теоретическая база для реалистической выработки экономической политики партии, организационных форм и методов хозяйствования, открыты большие возможности и широкий простор для перемен в этой области»¹⁹.

Стремясь шире взглянуть на процессы перестройки, Сунь Чжэньюань обращает внимание и на внешнеполитическую деятельность СССР. По его мнению, «советское руководство в целях сосредоточения всех сил на строительстве осуществляет значительные перемены в области внешнеполитического курса. В целях уменьшения военной конфронтации с США, создания атмосферы для расширения экономического сотрудничества за последний год СССР инициативно и активно развивал диалог с Соединенными Штатами в области ограничения гонки вооружений. Вместе с тем он стал уделять внимание поискам путей улучшения политических отношений с соседними странами». При этом указывается на приоритетное значение научно-технического и экономического сотрудничества со странами — членами СЭВ, в том числе в рамках Комплексной программы научно-технического прогресса²⁰.

Особое место в современных советологических исследованиях специалистов КНР занимает изучение новейших изысканий советских ученых в области экономической теории. И это закономерно, ибо, как справедливо отметил известный китайский экономист Ян Пэйсинь, «без процветания экономической науки не может быть и подъема экономики, а в эпоху реформы экономическая наука наделена особой миссией»²¹. Наибольший интерес вызывает разработка тех теоретических проблем, по которым отсутствует единство взглядов и среди китайских экономистов, к примеру проблем соответствия производительных сил и производственных отношений, оценки уровня зрелости социалистического общества, форм собственности в условиях социализма, товарно-денежных отношений и т. д.

Весьма показательной в этой связи является статья ученого из Института управления экономикой при Цзилиньском университете Чжэн Бяо, озаглавленная «Сравнение экономических реформ в Китае и Советском Союзе»²². Отметив наличие в теории и практике экономических преобразований в СССР и КНР как общих моментов, так и закономерных различий, автор концентрирует основное внимание на двух крупных теоретических проблемах — товарно-денежных отношениях и распределении доходов. Наряду с часто встречающимся в работах китайских авторов выводом о том, что

«практика экономической реформы в Китае создала теорию плановой товарной экономики», явившуюся «вкладом в развитие политекономии социализма», Чжэн Бяо отмечает и новые идеи советских экономических кругов, а именно «преодоление предвзятого подхода к товарно-денежным отношениям и повышение их роли в экономике», а также идею о том, что правильное использование этих отношений «должно благоприятствовать развитию общественного хозяйства, способствовать реальному усилению социализма». Автор призывает воспринять рациональный советский опыт, при котором «все крупные меры по реформе перед их внедрением проверялись бы многократными экспериментами, проводившимися осторожно и осмотрительно, причем особое внимание уделялось анализу того, какой социально-экономический и морально-психологический эффект может вызвать то или иное мероприятие в ходе реформ»²³.

Остановившись на проблеме распределения доходов, Чжэн Бяо выделяет три, по его мнению, общих для СССР и Китая вопроса: во-первых, преодоление уравниловки; во-вторых, улучшение материального положения интеллигенции; в-третьих, осуществление принципа социальной справедливости. По мнению китайского ученого, в этих областях «положение в Советском Союзе гораздо лучше, чем в Китае».

Примечателен и общий вывод автора указанной статьи: «Со вступлением СССР на путь коренной перестройки между ним и Китаем началось настоящее соревнование в области экономических реформ и экономического развития, за которым следит весь мир. Смогут ли участники этого соревнования эффективно заимствовать преимущества другой стороны в интересах восполнения собственных слабостей — все это в определенной степени повлияет на ход и результаты самого соревнования».

Большой интерес в Китае привлекают конкретные мероприятия в СССР по ускорению научно-технического прогресса и решительному переводу производства на путь интенсификации, нововведениям в системе управления, активному использованию хозрасчета и товарно-денежных отношений, усилению роли экономических рычагов, расширению прав предприятий и трудовых коллективов, реформе системы планирования и материального стимулирования, заработной платы и ценообразования, форм индивидуальной трудовой деятельности и т. д. И это не случайно, ибо процесс экономических преобразований в наших двух странах во многом идет параллельно, причем выработка некоторых важнейших мероприятий совпадает даже по времени. Одним из примеров является разработка таких основополагающих законов, как Закона о государственном предприятии (объединении) (в СССР) и Закона о промышленном предприятии общенародной собственности (в КНР), призванных обеспечить существенное расширение их хозяйственной самостоятельности. Кроме того, хозяйственный механизм КНР, претерпевая значительные изменения в процессе экономической реформы, по ряду принципиальных моментов продолжает сохранять сходство с советским. Здесь можно перечислить такие аспекты, как ведущая роль плановой экономики и государственного сектора, приоритет общенародной собственности, некоторые элементы структуры управления народным хозяйством и ряд других. Определяющими являются и общность исторического опыта и целей социалистического экономического строительства, а также масштабы государств и экономик.

Китайские советологи и экономисты в целом склонны придерживаться осторожного и взвешенного подхода при определении перспектив нынешних экономических преобразований в СССР, они призывают не торопиться с окончательными выводами и оценками, продолжать тщательное изучение.

Необходимо также отметить, что если в недалеком прошлом в основном преобладало скептическое отношение к начинаниям Советского Союза в сфере экономики, то под воздействием реального продвижения советской экономики вперед, углубления процесса перестройки постепенно меняются и прогнозы китайских специалистов.

В большинстве работ китайских специалистов подчеркивается, что общая экономическая стратегия в СССР уже определена, причем «определена верно», но сама перестройка, ставшая «неодолимой тенденцией», находится пока в самой начальной стадии, «процесс перестройки — дело отнюдь не простое», он, по мнению специалистов КНР, «будет проходить в условиях накопившихся за многие годы трудностей» и «получит всестороннее развитие во время осуществления следующего пятилетнего плана»²⁴.

Среди факторов, способных, по мнению китайских ученых, оказать благоприятное воздействие на перспективы социально-экономического развития СССР, чаще всего называют «наличие прочной материально-технической базы и высокого культурного уровня народа»²⁵, решимость руководства довести дело подъема советской экономики до конца, широкую поддержку народом курса партии и правительства. Кроме того, упоминается «отказ от традиционных воззрений и мышления, утверждение принципа делового и реалистического подхода, серьезное выправление бытовавших длительное время и мешавших развитию экономики идей», а также учет опыта как внутри страны, так и за рубежом, прежде всего в Китае и социалистических странах Европы²⁶.

Наряду с этим, как указывают китайские авторы, имеется целый ряд сдерживающих факторов в развитии советской экономики, а именно: последствия традиционной системы управления, идеологического и теоретического «застоя»²⁷, психологическое сопротивление кадров, разрыв между научно-техническим прогрессом и внедрением его достижений в производство, трудности освоения восточных районов и т. д. Упоминается также негативное воздействие сложной международной обстановки, в особенности «гонки вооружений», которая, «пока не достигнуты соглашения с США, будет забирать соответствующую часть людских, материальных и финансовых ресурсов, а это в большой степени повлияет на экономическую работу и будет ее сдерживать»²⁸.

Большое внимание китайские исследователи уделяют определению возможных международных последствий социально-экономических преобразований в СССР. Наряду с традиционными заявлениями о том, что перестройка в Советском Союзе позволит-де СССР «подготовиться к схватке за мировую гегемонию в XXI веке»²⁹, все больше высказываются мнения о том, что быстрый рост советской экономики, повышение качества продукции ведущих отраслей промышленности и выход на передовые мировые рубежи, а также ускоренное развитие Сибири и Дальнего Востока и создание здесь крупной экспортной базы могут привести к существенному росту торгово-экономических связей между СССР и КНР, внедрению прогрессивных форм сотрудничества, а это пойдет на пользу осуществлению программы модернизации в Китае.

* * *

Анализ китайских материалов, посвященных проблемам социально-экономических преобразований в Советском Союзе, свидетельствует в целом о серьезном, заинтересованном отношении к происходящим в СССР процессам перестройки. Все более доказывает свою правоту вывод о том, что,

несмотря на специфику, диктуемую национальными условиями, самобытность и оригинальность форм социалистического экономического строительства, между нашими странами немало общего в том числе в характере стоящих перед нами проблем и поиске путей их решения.

Как указывал М. С. Горбачев в речи на митинге чехословацко-советской дружбы в Праге 10 апреля 1987 г., «одна из наиболее важных качественных характеристик нынешнего этапа развития сотрудничества стран социализма — это, по нашему мнению, резко возросшее значение обмена опытом социалистического строительства, его обобщения». В этой связи перед учеными и специалистами СССР и КНР встает ответственная задача — провести подлинно научный, марксистский поиск и обобщение тех аспектов взаимного опыта, ценность которого подтверждена «общественно-политической практикой, результатами социально-экономического развития, укреплением социализма на деле»³⁰.

¹ Важную роль сыграла осуществленная в феврале — мае 1982 г. поездка в СССР трех известных китайских экономистов — Лю Гогуана, Лю Суйняня и Чжэн Ли, которым советская сторона предоставила широкие возможности для ознакомления с советской экономикой и системой управления на разных уровнях. Вслед за этим начался активный обмен делегациями специалистов в области экономики и общественных наук.

² См.: Ян Пэйсинь. О проблеме экономической реформы в нашей стране.— «Цзинцзиское дунтай», 1980, № 11, с. 1.

³ См.: «Цзинцзи жибао», 8.XI.1983.

⁴ В речи на учредительном заседании Китайского общества изучения мировой экономики 21 апреля 1980 г. Цянь Цзюньжуй (тогда директор НИИ мировой экономики и политики АОН Китая) заявил: «Мы осуществляем социалистическую модернизацию... Поэтому прежде всего надо изучать опыт социалистического строительства различных стран в качестве подспорья и для предохранения себя от повторения чужих ошибок». — «Шицзе цзинцзи», 1980, № 6, с. 3.

⁵ Из сообщения о встрече М. С. Горбачева с делегацией Компартии Аргентины во главе с Генеральным секретарем А. Фавой.— «Правда», 4.III.1987.

⁶ «Правда», 29.VII.1986.

⁷ «Жэньминь жибао», 9.IX.1986.

⁸ См.: «Правда», 11.IX.1986.

⁹ Чжэн Хунцин. Теория и практика реформ экономической системы в СССР и странах Восточной Европы.— «Хунци», 1986, № 22, с. 12.

¹⁰ «Шицзе цзинцзи даобао», 2.XII.1985.

¹¹ «Бэйцзин жибао», 3.III.1986.

¹² См.: «Шицзе цзинцзи даобао», 17.XI.1986.

¹³ По неполным подсчетам, только за первый квартал 1987 г. в центральных газетах КНР было опубликовано свыше ста материалов о внутреннем положении в СССР, в том числе ряд аналитических статей, а также интервью известных советских экономистов (А. Г. Аган-бегяна, Л. И. Абалкина, Г. Х. Попова и др.). См.: «Жэньминь жибао», 26.III; 9.IV.1987.

¹⁴ Основано в 1978 г. См.: Китайский экономический ежегодник 1981. Пекин, 1982 (на кит. яз.), VIII—18. Первое годовичное собрание было проведено в Харбине в 1980 г.

¹⁵ «Шицзе цзинцзи даобао», 29.IX.1986.

¹⁶ Там же.

¹⁷ «Шицзе цзинцзи даобао», 26.II.1986.

¹⁸ См.: «Шицзе цзинцзи», 1987, № 1, с. 57—64.

¹⁹ Там же, № 2, с. 24.

²⁰ См. там же, с. 25.

²¹ «Гуанмин жибао», 31.VII.1986.

²² См.: «Дунбэй цзинцзи бао», 17.I.1987.

²³ Эта мысль акцентируется и в других работах, например: «Лилунь синьси бао», № 8, 23.II.1987.

²⁴ «Шицзе цзинцзи», 1986, № 3.

²⁵ См. там же, 1987, № 2.

²⁶ См. там же.

²⁷ См.: «Дунбэй цзинцзи бао», 17.I.1987.

²⁸ «Шицзе цзинцзи», 1987, № 2, с. 26.

²⁹ «Шицзе цзинцзи даобао», 24.II.1986.

³⁰ «Правда», 11.IV.1987.

К итогам пятой сессии ВСНП

*К. А. ЕГОРОВ,
кандидат юридических наук*

Пятая сессия Всекитайского собрания народных представителей шестого созыва проводилась в Пекине с 25 марта по 11 апреля 1987 г. Она явилась последней сессией шестого созыва, избранного в 1983 г. Поэтому сессия приняла решение о норме представительства и о проведении выборов в ВСНП седьмого созыва.

Особенностью сессии явилось детальное рассмотрение включенных в ее повестку важных вопросов, что определило продолжительность ее проведения — 18 дней. Депутаты по группам и на пленарных заседаниях рассмотрели доклад премьера Госсовета КНР Чжао Цзыяна о работе правительства, доклад председателя Госплана Сун Пина о проекте плана экономического и социального развития на 1987 г., доклад министра финансов Ван Бинцяня об исполнении госбюджета за 1986 г. и о проекте госбюджета на 1987 г. Во всех этих докладах в центре внимания были вопросы экономического развития страны.

Сессия выразила удовлетворение деятельностью Госсовета за истекший год. Как указал в своем докладе Чжао Цзыян¹, самое важное достижение 1986 г. в области экономики — это наметившееся урегулирование «явлений перегрева», возникших в конце 1984 г. с началом проведения хозяйственной реформы в городах. Как отметил в своем докладе Сун Пин, в этом году происходил переход в промышленности от сверхвысоких темпов роста к нормальным. Валовая продукция увеличилась по сравнению с предыдущим годом на 11,1 %. Если исключить сельскую промышленность, прирост составил 9,2 % (вместо 8 % по плану).

В это же время происходило «всестороннее развитие сельской экономики», прежде всего на основе роста производства зерновых, которых в 1986 г. получено 391,09 млн. т. В целом валовая продукция сельского хозяйства возросла по сравнению с 1986 г. на 3,5 % (вместо 3 % по плану).

В течение 1986 г. была приостановлена тенденция к чрезмерно быстрому росту вложений в основные фонды, форсировано строительство важнейших объектов. В то же время был обеспечен наибольший за последние 10 лет рост энергетических мощностей по угледобыче, нефтедобыче; рекордные показатели достигнуты по выплавке стали, а также по увеличению протяженности железных дорог и пропускной способности портов.

По большинству видов товаров были сбалансированы спрос и предложение. Отмечен заметный рост уровня жизни и городского, и сельского населения. Среднегодовой доход городских жителей в 1986 г. составил 828 юаней, что на 20,9 % больше, чем в 1985 г. Реальные доходы крестьян возросли в среднем на 3,2 %. Чистый средний доход на одного крестьянина составил 424 юаня, что на 6,7 % больше, чем в 1985 г.

В 1986 г. происходило расширение внешнеэкономических связей и технического обмена при сохранении пассивного сальдо торгового баланса в размере 12 млрд. долл. В то же время был несильно сокращен объем импорта (при его абсолютном росте на 1,6 %) и увеличен объем экспорта (на 13 % по сравнению с 1986 г.). В истекшем году было освоено иностранных кредитов на сумму 4,8 млрд. долл.²

При отмеченных на сессии очевидных успехах указывалось и на «некоторые факторы нестабильности», продолжавшие оказывать негативное влияние на состояние экономики страны. Так, при обсуждении доклада о работе правительства депутаты говорили о том, что в последние несколько лет игнорировались вопросы береж-

ливости и экономии, «появилась жажда к слишком высокому уровню потребления», распространилось «явление расточительства»⁴. По мнению депутатов, вопрос экономии стал не только хозяйственным, но и политическим.

Некоторые депутаты высказывали сожаление о том, что в докладе о работе правительства недостает указания эффективных мер для решения многих проблем, в частности совершенствования политики цен, «реального облегчения бремени крестьянства», более решительного сокращения масштабов капитального строительства⁴, подавления «потребительской горячки»⁵. Многие депутаты настаивали на внедрении «духа трудолюбия и бережливости» в хозяйственное строительство, на соблюдении традиций «упорной и самоотверженной борьбы», что, по мнению депутатов, является «важным средством строительства современного мощного государства». Депутаты требовали «вплотную заняться увеличением производства и соблюдением режима экономии, увеличением доходов и снижением расходов»⁶.

Такие требования становятся объяснимыми при рассмотрении доклада Ван Бинцяня по вопросам госбюджета. По его данным, сумма расходов в 1986 г. значительно превысила планируемую, в результате чего образовался дефицит в 7,08 млрд. юаней. На доходы госбюджета повлиял целый ряд негативных факторов: резкое падение цен на нефть на международном рынке, снижение цен на продукты первичной обработки, повышение инвалютной себестоимости экспортной продукции, сокращение доходов от таможенных пошлин. Собственными причинами образования дефицита в госбюджете в 1986 г. явились рост расходов на капитальное строительство, реконструкцию предприятий, освоение новых видов продукции; увеличение затрат, связанных с непомерно быстрым развитием обрабатывающей промышленности; строительство множества непроизводственных помещений; расточительное использование финансовых средств⁷.

Образование дефицита госбюджета отнесено и на счет проведения реформы, связанной с расширением прав предприятий на самостоятельное хозяйствование, усилением финансовой самостоятельности на местах. В результате доля госбюджетных средств в национальном доходе снизилась с 31,9 % в 1979 г. до 25 % в 1986 г. Удельный вес централизованных поступлений в госбюджет составил в 1986 г. всего 50 %⁸.

Поэтому экономической мерой государства явилось сокращение в 1987 г. всех статей расходов на 10 %. Государственный план экономического и социального развития на 1987 г. был составлен таким образом, чтобы путем всемерного развертывания движения за увеличение производства и соблюдение режима экономии, за увеличение доходов и ограничение расходов, путем углубления реформ и дальнейшего оживления хозяйственной деятельности крупных и средних предприятий, а также стимулирования дальнейшего развития сельского хозяйства добиться сбалансированности в основном совокупного общественного спроса и совокупного общественного предложения, обеспечить стабильное развитие народного хозяйства.

Центр тяжести хозяйственно-организаторской деятельности государства в 1987 г. предполагается перенести на повышение экономической эффективности производства, урегулирование структуры инвестиций, сокращение непроизводственных расходов, усиление контроля над инвалютой и внешними займами.

Как явствует из доклада Сун Пина о проекте государственного плана на 1987 г., предполагается прежде всего довести дальнейшее увеличение валового сбора зерна до 405 млн. т (на 13,9 млн. т больше, чем в 1986 г.). Предусматривается увеличение валового объема промышленной продукции на 7 %⁹.

Сессия закрепила курс на дальнейшее улучшение жизни народа на основе развития производства, соблюдения пропорций между спросом и предложением, обеспечения «такого положения, при котором темпы роста цен на продовольствие и предметы первой необходимости не превышали бы темпы роста доходов низкооплачиваемой части населения страны»¹⁰.

При отстаивании курса на стабильное развитие экономики депутаты делали упор на необходимость прочной связи роста потребления с возможностями развития производства. А в качестве важнейшего средства «обеспечения длительного стабильного развития народного хозяйства» они называли углубление «глобальной перестройки экономической системы»: расширение горизонтальных хозяйственных связей,

введение разнообразных форм хозяйственной ответственности, изменение хозяйственного механизма и структуры внутреннего руководства предприятий, совершенствование системы оплаты труда и методов хозяйственного управления¹¹.

Депутаты особо указывали на необходимость преодоления таких негативных явлений, как уравниловка и «принцип общего котла», служащих серьезным тормозом на пути поступательного развития страны¹².

На сессии ставился вопрос о недопустимости негативного воздействия развернувшейся борьбы против «буржуазной либерализации» на экономическое развитие страны. В связи с этим в докладе о работе правительства содержалась следующая установка: борьбу не следует увязывать с «установками относительно экономической реформы и работы в деревне, с научно-техническими исследованиями и творческой разработкой литературно-художественного стиля и методов, а также с повседневной жизнью людей»; «в деревне эту борьбу вообще не следует вести, а на промышленных предприятиях и в учреждениях нужно проводить лишь воспитание на положительных примерах»¹³.

Таким образом, сессия однозначно высказалась за то, чтобы не допускать развертывания массовой идейно-политической кампании в стране. Вместо этого депутаты призывали к максимальному развертыванию социалистической активности и инициативы широких масс трудящихся на основе демократизации политической жизни страны, продвижения шаг за шагом дела демократического строительства в политической, экономической и социальной жизни страны.

В докладе о работе правительства Чжао Цзыян подчеркнул: «Ни в коем случае недопустимо под предлогом борьбы против буржуазной либерализации глушить демократию, зажимать справедливую критику недочетов и ошибок в практической работе и мстить за нее»¹⁴. В этой связи большое значение придавалось расширению гласности и использованию методов демократического контроля.

Прежде всего предполагается своевременно рассказывать народным массам «об успехах строительства и реформ, существующих трудностях и проблемах». С другой стороны, обращалось внимание на необходимость «внимательно прислушиваться к мнению и голосу масс, принимать разумные предложения и справедливую критику». Цель намеченных мер — установление регулярного диалога, обмена мнениями, углубление взаимопонимания, «устранение отчужденности».

В качестве эффективного средства демократизации политической жизни общества предполагается использование демократического контроля, который призваны осуществлять органы единого фронта (НПКСК), демократические партии, профсоюзы, комсомол, федерация женщин и другие массовые общественные организации. Большое значение также придается развертыванию демократической потенции общественного мнения.

Именно в такой связи ставится вопрос о планомерном совершенствовании политической системы китайского общества, о «перестройке сверху донизу политического организма» КНР. В докладе на сессии Чжао Цзыян говорил о подготовке масштабных мероприятий по перестройке: «Мы ведем глубокое и системное обследование и изучение, а также собираемся на этой основе разработать приемлемый проект реформ, более ясно определить принципы, содержание, центр тяжести и шаги реформы политического организма и потом все это реализовать на деле»¹⁵.

Подготовка мер по совершенствованию политической системы вызывает живой интерес в китайском обществе. Об этом свидетельствуют и выступления депутатов ВСНП, высказавших пожелания о последовательном проведении реформы политической системы по мере углубления хозяйственной реформы¹⁶. Особое внимание они при этом обращали на необходимость совершенствования существующих институтов политической системы. В частности, речь шла о повышении роли ВСНП и местных СНП различных ступеней, составляющих политическую основу КНР.

Депутаты указывали, что в действительности ВСНП не выполняет определенной ему Конституцией роли высшего органа государственной власти КНР в должной мере. По их мнению, ВСНП следует смелее осуществлять контрольные полномочия верховного органа власти, улучшать формы и методы контроля с целью недопущения нарушений Конституции и законов, политических установок КПК, пресечения посягательств на законные права и интересы граждан¹⁷.

В связи с обсуждением вопросов совершенствования деятельности ВСНП депутаты

высказывались за необходимость улучшения состава ВСНП следующего, седьмого созыва. По их мнению, не следует подбирать кандидатов главным образом из числа лиц, занимающих почетные должности, как это практикуется в политической жизни; следует отказаться от практики подбора кандидатов по установленной сверху разверстке — от различных категорий населения и родов деятельности; следует отказаться и от подбора депутатов из числа лиц, которые готовы беспрекословно подчиняться любым указаниям руководства. Они требовали отбора кандидатов, способных смело отстаивать принципы, способных отражать интересы народных масс, с энтузиазмом занимающихся общественной деятельностью.

Депутаты потребовали отрешиться от формальных по своему характеру, проводимых один раз в год перед сессиями депутатских обследований, предполагающих выяснение положения дел на местах. По их мнению, такие обследования не могут быть эффективными, во-первых, потому, что они проводятся редко и поспешно — непосредственно перед открытием очередной сессии. Во-вторых, определенные замечания высказывались и по существу проводимых обследований. Так, депутаты направляются Постоянным комитетом ВСНП (ПК ВСНП) для проведения обследований положения на местах, как правило, без необходимого учета их рода занятий либо специальных знаний. Поэтому, как считают депутаты, они не в состоянии дать квалифицированных заключений по тем или иным вопросам. Вот почему депутаты настаивали на существенном улучшении организации проверок с учетом характера их деятельности и компетентности¹⁸.

При обсуждении на сессии вопроса о повышении роли депутатов ВСНП говорилось и о необходимости такого совершенствования внутренней структуры высшего органа государственной власти, которое способствовало бы активизации деятельности депутатов.

Отдельным предметом обсуждения на сессии явилась работа ПК ВСНП, организующего деятельность депутатов в период между сессиями, занимающегося организацией проведения выборов депутатов в ВСНП. В докладе о работе ПК ВСНП заместитель председателя ПК ВСНП Чэнь Писянь, в частности, говорил о мерах, направленных на совершенствование избирательной системы в ходе намеченных на июнь 1987 г. выборов депутатов в СНП уездного и волостного звена следующего созыва¹⁹.

Как известно, при принятой в КНР системе многоступенчатых выборов депутатов ВСНП избирательный процесс начинается с низового звена — волостей и уездов. Собрания народных представителей уездного уровня избирают депутатов СНП провинциального звена, а последние — в ВСНП. Таким образом, с низового звена фактически начинается и подбор вероятных кандидатов в депутаты ВСНП.

Вот почему в докладе Чэнь Писяня о работе ПК ВСНП обращалось внимание на определение критериев отбора кандидатов в депутаты СНП различных ступеней: обладание способностями к общественной деятельности, образцовое соблюдение Конституции и законов, поддержание тесной связи с народными массами, способность представлять мнения и требования масс.

На сессии отмечалось, что в ходе выборов в уездные и волостные собрания имели место противоправные действия руководящих должностных лиц. В связи с этим депутаты неоднозначно выступали за создание «совершенной системы контроля». Ее отсутствие объяснялось тем, что осуществление контроля ПК ВСНП так или иначе затрагивает весь политический механизм, поэтому, по мнению депутатов, целый ряд вопросов может быть разрешен только в ходе реформы политической системы²⁰.

На сессии также обсуждалась работа других высших органов государства — Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры. Руководители этих органов в своих докладах указывали на повышение эффективности их деятельности. Так, они отметили «заметный поворот к лучшему в сфере общественного порядка». Вместе с тем возникло много сложных вопросов в деятельности государственного аппарата. Так, по словам председателя Верховного народного суда Чжэн Тяньсяна, «нередко серьезная преступная деятельность переплетается с упущениями в работе». По его мнению, «причинами этого являются нехватка опыта, порочный стиль работы, бюрократизм, изъядны в действующей системе»²¹.

Выступавшие на сессии депутаты подчеркивали важность усиления эффективности работы государственного аппарата, призванного обеспечить успех главнейших политических мероприятий. Так, Генеральный прокурор Ян Ичэнь связал деятельность

органов суда и прокуратуры по подавлению хозяйственной преступности с обеспечением успешного проведения хозяйственной реформы, «расширением связей с внешним миром», оживлением экономики внутри страны²².

Депутатами было привлечено внимание государственных органов к положению в районах национальной автономии, которым Конституцией предоставлено право разработки положений об автономии, однако ни в одном из них подобные акты до сих пор не приняты²³. Депутаты высказали настоятельное пожелание, чтобы ПК ВСНП способствовал возможно быстрее разработке Госсоветом положения о порядке проведения в жизнь Закона КНР о районной национальной автономии (1984) и эффективных административных мероприятий, обеспечивающих последовательное проведение в жизнь положений закона, включая процедуру проверки случаев его нарушения²⁴.

На сессии широко ставился вопрос об упорядочении законодательной деятельности, о расширении сферы правового регулирования общественных отношений в условиях реформы. Например, при обсуждении экономических проблем говорили о необходимости принятия Закона о борьбе с расточительством²⁵. Депутаты настоятельно предлагали усилить законодательство в области регулирования вопросов научно-технического прогресса, разработать законодательные акты о капиталовложениях в основные средства²⁶.

В отличие от ряда предыдущих сессий ВСНП нынешняя не приняла ни одного законодательного акта. Первоначально предполагалось вынести на ее обсуждение проект Закона КНР о промышленном предприятии общенародной собственности, имеющий решающее значение для правового обеспечения углубления хозяйственной реформы. Однако незадолго до открытия сессии ПК ВСНП принял решение не выносить проект закона на сессию «в связи с необходимостью его доработки»²⁷.

На сессии рассматривался проект Положения об организации комитетов сельского населения, работа по образованию которых завершилась по всей стране в 1985 г. В настоящее время в КНР насчитывается 950 тыс. комитетов сельского населения, создаваемых по месту жительства и называемых в Конституции КНР (статья III) «низовыми массовыми организациями самоуправления»²⁸. Согласно Конституции, весь состав комитетов избирается населением, проживающим в данной местности.

По поводу принятия проекта этого положения на сессии высказывались мнения двоякого рода. С одной стороны, депутаты говорили о важности принятия такого акта, обеспечивающего предоставление 800 млн. крестьян демократического права участия в самоуправлении. В разъяснениях по проекту положения заместитель председателя ПК ВСНП Пэн Чун говорил о «важной форме развития прямой социалистической демократии», о стимулировании «дальнейшего повышения социалистической активности крестьянства»²⁹. Принимая во внимание важность этого акта, Пэн Чун предлагал переименовать его в Закон КНР об организации комитетов сельского населения. С другой стороны, депутаты указывали на неподготовленность и недостаточную изученность условий в стране для его принятия, на отсутствие в предложенном проекте четкого разграничения сферы компетенции между комитетами и волостными (или поселковыми) народными правительствами. Поэтому сессия, в принципе одобрив проект Закона КНР о комитетах сельского населения, поручила ПК ВСНП провести дальнейшее его изучение в свете предложений, внесенных депутатами в процессе обсуждения проекта.

Сессия также обсудила внешнеполитическую деятельность правительства КНР, определила характер современной международной обстановки. Указав на действие фактора военной опасности, она отметила и возможность сохранения мира. Сессия подтвердила последовательное проведение Китаем «независимой и самостоятельной внешней политики» с учетом потребностей «возрождения экономики страны». Депутаты выразили удовлетворение деятельностью правительства по решению вопроса об Аомыне (Макао), при этом сессия поручила ПК ВСНП рассмотреть и утвердить совместное китайско-португальское заявление по Аомыню.

В порядке решения прочих вопросов сессия ВСНП произвела назначения трех новых министров (общественной безопасности, здравоохранения, легкой промышленности) и председателя Госкомитета КНР по преобразованию системы хозяйственного управления.

В целом работа последней сессии ВСНП шестого созыва свидетельствует о дальнейшем повышении общественно-политической активности депутатов высшего органа государственной власти КНР.

¹ См.: «Жэньминь жибао», 13.IV.1987.

² См. там же, 27.III.1987.

³ См. там же, 3.IV.1987.

⁴ См. там же, 31.III.1987.

⁵ См. там же, 3.IV.1987.

⁶ Там же, 30.III.1987.

⁷ См. там же, 27.III.1987.

⁸ См. там же.

⁹ См. там же.

¹⁰ Там же, 12.IV.1987.

¹¹ См. там же, 13.IV.1987.

¹² См. там же, 29.III.1987.

¹³ Там же, 13.IV.1987.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ См. там же, 8.IV.1987.

¹⁷ См. там же.

¹⁸ См. там же.

¹⁹ См. там же, 15.IV.1987.

²⁰ См. там же.

²¹ Там же, 16.IV.1987.

²² См. там же.

²³ См. там же, 4.IV.1987.

²⁴ См. там же, 2.IV.1987.

²⁵ См. там же, 11.IV.1987.

²⁶ См. там же, 8.IV.1987.

²⁷ См. там же, 20.III.1987.

²⁸ Китайская Народная Республика. Конституция и законодательные акты. М., 1984, с. 51.

²⁹ См.: «Жэньминь жибао», 3.IV.1987.

Обмен торгово- экономическими выставками между СССР и КНР

М. Е. КИРЬЯНОВА

Развитию торгово-экономических и научно-технических отношений между СССР и КНР в последние годы во многом способствовало возобновление и расширение обмена выставками между нашими странами.

В 1984—1985 гг. Советский Союз после длительного перерыва принял участие в проводившихся в Китае Международной выставке медицинского оборудования и инструментов и в Международной торговой ярмарке АСПАТ-85. Китай в свою очередь регулярно участвует в московских международных книжных ярмарках, а в 1985 г. представил свою экспозицию в рамках выставки «Интербытмаш-85», проводившейся в Москве.

В сентябре 1985 г. в Москве между Торгово-промышленной палатой СССР и Китайским комитетом содействия развитию международной торговли было подписано соглашение о сотрудничестве, которое предусматривает оказание взаимного содействия при участии в международных ярмарках, проведении торгово-экономических выставок в обеих странах, а также в организации деловых переговоров, семинаров, конференций и других мероприятий в период проведения таких выставок. Была достигнута договоренность об обмене в 1986 г. торгово-промышленными выставками, утвержденная затем решением первого заседания советско-китайской комиссии по экономическому, торговому и научно-техническому сотрудничеству в марте 1986 г.

Достигнутые договоренности были успешно реализованы в 1986 г., который стал годом возобновления и расширения обмена выставками в крупных масштабах.

В апреле — мае 1986 г. в Пекине, Нанкине и Гуанчжоу была проведена передвижная выставка «Деловая информация из СССР» — первая за последние десятилетия советская выставка, организованная вне стен торгпредства СССР в КНР.

Основными ее задачами были: ознакомление широкого круга китайских специалистов с возможностями советского экспорта, с деятельностью на мировом рынке 20 советских внешнеторговых объединений, закрепление уже имеющихся и установление новых связей с заинтересованными китайскими заказчиками, проведение коммерческих переговоров. Выставка пользовалась успехом у деловых и промышленных кругов Китая, особенно в Нанкине и Гуанчжоу. Ее работа нашла достаточное отражение в массовой информации КНР, в частности в газетах «Жэньминь жибао», «Нанкин жибао», «Гуанчжоу жибао» и др., в телевизионных передачах. С экспозицией ознакомились около 27 тыс. китайских специалистов. Проявленная заинтересованность китайских потребителей в советской продукции способствовала включению ряда новых видов машин и оборудования в заявки китайской стороны на 1987 г.

В 1986 г. активизировалась деятельность В/О «Международная книга» по проведению выставок. Так, в марте была организована демонстрация двух экспозиций — «Художественный альбом» и «Экономическая литература». В сентябре В/О «Международная книга» приняло участие в первой Пекинской международной книжной ярмарке, в которой участвовало 35 стран и ряд международных организаций. В дни празднования 69-й годовщины Великого Октября с 4 по 9 ноября в Пекине

была проведена большая выставка советской учебной литературы, на которой было представлено более 3 тыс. учебников для начальной, средней и высшей школы. Выставка вызвала интерес у большого числа преподавателей, профессоров, студентов и учащихся средних школ и высших учебных заведений Пекина и других городов Китая, во время ее прохождения велась свободная продажа книг, был организован сбор заказов на советскую литературу.

В течение 1986 г. китайские внешнеторговые компании также провели в Москве выставки-показы своей экспортной продукции. В Сокольниках были организованы выставки текстильных товаров, изделий шелковой и легкой промышленности КНР, кустарно-художественных изделий. Советскими заказчиками был произведен отбор образцов, обновлена и расширена номенклатура китайских товаров, закупаемых нами в КНР.

Наиболее крупным событием в обмене выставками между СССР и КНР в 1986 г. стал обмен крупными торгово-промышленными выставками, состоявшийся после более чем тридцатилетнего перерыва.

С 25 июля по 10 августа 1986 г. в Москве на территории выставочного комплекса в Сокольниках проходила Торгово-экономическая выставка Китайской Народной Республики. На площади около 2500 кв. м было выставлено более 4 тыс. экспонатов, демонстрировавших достижения народного хозяйства Китая в области станкостроения, судостроения, металлургической, нефтяной, легкой, пищевой и других отраслей промышленности, сельского хозяйства, науки и техники.

В выставке приняло участие 26 китайских организаций, представляющих практически всю структуру китайских ведомств, имеющих право выхода на внешний рынок. Выставка пользовалась большим успехом у москвичей и гостей столицы, ее посетило около 300 тыс. человек. Экспозиция показала значительно возросшие экспортные возможности КНР, которая производит сегодня системы космической связи, нефтебуровые платформы, океанские суда, электронную технику, современные станки, бытовые электроприборы, высококачественные товары текстильной, легкой и пищевой промышленности и др.

В церемонии открытия Торгово-экономической выставки КНР приняли участие: с советской стороны — первый заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов и руководители министерств и ведомств; с китайской стороны — председатель Китайского комитета содействия развитию международной торговли Цзя Ши и посол КНР в СССР Ли Цзэван, который зачитал послание заместителя Премьера Госсовета КНР Ли Пэна. В послании от имени китайского правительства была выражена благодарность за содействие в организации проведения выставки.

В выступлениях советских и китайских руководителей было выражено стремление развивать и укреплять торгово-экономическое сотрудничество между нашими странами на основе равенства и взаимной выгоды, отмечена роль обмена выставками, который дает возможность лучше ознакомиться с достижениями и возможностями друг друга, способствует дальнейшему укреплению дружбы и взаимопонимания между народами Советского Союза и Китая.

Во время работы выставки ее посетили Председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков, руководители советских министерств и ведомств, которые осмотрели экспонаты, имели беседы с руководителями выставки и китайскими специалистами.

Значительным событием в развитии межгосударственных отношений между Советским Союзом и Китаем явилась Торгово-промышленная выставка СССР. Она была проведена в Пекине Торгово-промышленной палатой СССР с 12 по 28 декабря 1986 г. под девизом «Мир, дружба, взаимовыгодное сотрудничество».

Цели и задачи советской выставки заключались, во-первых, в содействии развитию и расширению торгово-экономических и научно-технических связей Советского Союза и Китайской Народной Республики и, во-вторых, в показе экономических, научно-технических и социальных достижений Советского Союза, занимающего одно из ведущих мест в мировой экономической системе. Выставка продемонстрировала неуклонно и последовательно осуществляемую ленинскую миролюбивую внешнюю политику нашей страны, а также на примере отдельных отраслей народного хозяйства показала большие возможности для дальнейшего расширения и углубления советско-китайского экономического сотрудничества.

Проведению выставки предшествовала всесторонняя подготовка и рекламная ра-

бота, в процессе которой посол СССР в КНР О. А. Трояновский дал интервью главному редактору газеты «Гоцзи маои сяоси». Он ответил на вопросы, связанные с состоянием и развитием торгово-экономического сотрудничества между СССР и КНР, характером и особенностями предстоящей советской выставки, осуществляемой в Советском Союзе реорганизацией системы внешнеэкономических связей.

Советская торгово-промышленная выставка разместилась в павильоне № 2 Международного выставочного центра на площади 3400 кв. м. В ней приняли участие 22 внешнеторговые организации МВТ СССР, 10 внешнеторговых объединений ГКЭС СССР, а также АН СССР, Госатом, Госкоминтурист, Центросоюз. Самостоятельным тематическим разделом выступила РСФСР с участием Алтайского, Приморского и Хабаровского крайисполкомов. Более 70 министерств, ведомств и предприятий Советского Союза представили свыше 3 тыс. экспонатов.

Тематическая направленность выставки была отражена в следующих разделах: «СССР — рубежи созидания»; «Сотрудничество СССР с другими странами»; «СССР — крупная экономическая держава»; «Советский образ жизни». Более полно раскрывали основные темы выставки конкретные тематические разделы: «Электротехника и атомная энергетика», «Космос — народному хозяйству», «Транспорт», «Медицина», «РСФСР в братской семье народов СССР» и «Посетите Советский Союз!».

На состоявшейся 12 декабря 1986 г. официальной церемонии открытия выставки присутствовали заместитель Премьера Госсовета КНР Ли Пэн, председатель Китайского комитета содействия развитию международной торговли Цзя Ши, руководители МИД КНР, Министерства внешних экономических связей и внешней торговли КНР, (МВЭС и ВТ КНР), других министерств и ведомств. С приветственными речами перед посетителями выступили глава советской правительственной делегации, министр черной металлургии СССР С. В. Колпаков, председатель Президиума ТПП СССР Е. П. Питовранов, посол СССР в КНР О. А. Трояновский. С. В. Колпаков зачитал приветственное послание Председателя Совета Министров СССР Н. И. Рыжкова посетителям торгово-промышленной выставки, стенд с текстом которого на китайском языке был выставлен у входа на выставку. В своем послании Н. И. Рыжков от имени правительства СССР выразил признательность правительству КНР и китайским организациям за содействие в организации выставки, пожелал китайскому народу новых успехов в социалистическом строительстве, мира и процветания. Послание советского руководителя было тепло встречено посетителями выставки.

От имени китайского правительства открытие советской выставки приветствовал заместитель Премьера Госсовета КНР Ли Пэн, отметивший, что между народами Китая и Советского Союза существует традиционная дружба и имеются хорошая основа и резервы для развития торгово-экономических связей и научно-технического сотрудничества. С приветственным словом выступил также Цзя Ши, председатель Китайского комитета содействия развитию международной торговли — устроителя и организатора советской выставки. Он пожелал успехов открывшейся выставке и выразил уверенность в том, что ее проведение будет способствовать взаимному расширению торговли и послужит делу экономического строительства в обеих странах.

Вводный раздел выставки познакомил посетителей с миролюбивой внешней политикой нашей страны, начиная с первого «Декрета о мире» и до последних советских мирных инициатив. Здесь были размещены материалы о содружестве стран социализма, а также о современном состоянии и развитии советско-китайских отношений.

Раздел «Космос — науке и народному хозяйству» показал яркий пример того, как освоение космоса советскими людьми позволяет решать не только научные, но и народнохозяйственные проблемы и направлено на решение одной из главных задач современности — предотвращение милитаризации космоса. Экспонаты этого раздела осветили темы: «25 лет со дня полета Ю. А. Гагарина», «Приоритетные достижения в исследовании Луны», «Международное сотрудничество в космосе», «Долговременные орбитальные станции», «Исследование Земли из космоса», «Проект Венера — Галлей (Вега)». Эти темы помогли раскрыть такие экспонаты, как макеты первого искусственного спутника Земли, научно-исследовательского комплекса «Союз — Салют — Прогресс», макеты «Вега», «Луноход-1» и др.

С учетом перспектив советско-китайского сотрудничества в области энергетики в тематическом разделе «Электротехника и атомная энергетика» были представлены действующий макет гидрогенератора и радиально-осевой гидравлической турбины, которые установлены на одной из крупнейших в мире Саяно-Шушенской ГЭС, макет одной из самых крупных в СССР и за рубежом теплофикационных турбин. Экспонировались образцы сварочного оборудования с применением плазменной резки, а также метода взрыва, различные взрывозащищенные электродвигатели и высоковольтное оборудование для систем электроснабжения. В этом же разделе на примере макетов АЭС с реактором ВВЭР-1000, термоядерной установки «Токамак-15» рассказывалось о развитии атомной и ядерной энергетики в СССР, а также рекламировались возможности советского технического содействия в строительстве за рубежом атомных электростанций.

Основные направления развития и отдельные достижения в цветной и черной металлургии, вопросы сотрудничества на взаимовыгодных условиях в сооружении комплектных предприятий этих отраслей промышленности были освещены на стендах объединения ГКЭС. По представленным макетам установок посетители смогли ознакомиться с новейшей технологией производства цветных металлов, с методом горячего алюминирования стальных изделий и другими достижениями отрасли.

В разделе «Станкостроение» экспонировались четыре модели станков, представивших значительный интерес для китайских специалистов. В их числе токарный полуавтомат с ЧПУ «Электроника», который по своим техническим данным превосходит зарубежные аналоги, а также контрольно-измерительные приборы и режущий инструмент, соответствующие уровню лучших зарубежных образцов.

Тема «Транспорт в СССР» была представлена в экспозиции комплексно. Посетители познакомились с новыми моделями легковых автомобилей, самолетов, вертолетов, а также речных пассажирских и транспортных судов. Фирма «Транспрогресс» наглядно показала фрагмент нового высокоэффективного вида транспорта будущего — трубопроводного контейнерного пневмотранспорта, которым очень заинтересовались китайские специалисты.

Материалы раздела «Медицина» познакомили посетителей с системой медицинского обслуживания в СССР. В связи с тем, что сейчас главным направлением здравоохранения у нас в стране стала профилактика, центральным экспонатом этого раздела был комплекс приборов с ЭВМ для массового доврачебного обследования населения. Впервые в Китае были продемонстрированы аппараты для ультразвуковой терапии различных заболеваний в дерматологии, неврологии, травматологии, стоматологии и др.

С достопримечательностями нашей страны и многообразием туристического потенциала СССР посетителей знакомила экспозиция «Посетите Советский Союз!», подготовленная Госкомитетом по иностранному туризму.

Экспозиция советских книг, периодических изданий, филателистических материалов и звуконосителей способствовала дальнейшему развитию и углублению культурного сотрудничества между СССР и КНР. Стенд В/О «Международная книга» как по художественному оформлению, так и по содержанию экспозиции (более 1500 наименований) пользовался всеобщим вниманием посетителей выставки.

Самостоятельным разделом на выставке выступила Российская федерация. Основной задачей экспозиции РСФСР явился показ достижений республики в области экономики, науки, техники, культуры и искусства, торжества ленинской национальной политики и советского образа жизни, а также экспортных возможностей регионов РСФСР, участвующих в приграничной торговле с Китаем, развития дальневосточных и восточносибирских районов России.

Тематическое содержание республиканского раздела было построено по следующим направлениям: вводный раздел, образование и наука в РСФСР, городское хозяйство и транспорт, приграничная торговля, декоративно-прикладное искусство, книги России.

В создании экспозиции раздела РСФСР приняли участие 7 министерств, 2 госкомитета, Алтайский, Приморский и Хабаровский крайисполкомы. Наиболее интересными экспонатами раздела, вызвавшими большой интерес посетителей, явились: оборудование школьных классов информатики и программирования; голографическая установка; разработки и приборы, выполненные студентами; макеты, рассказываю-

щие о природных ресурсах Севера, Тихого океана, а также образцы товаров приграничной торговли, изделия декоративно-прикладного искусства, книжная продукция.

На выставке функционировал киноконцертный зал на 180 мест, в программе работы которого были следующие мероприятия: показ документальных фильмов об условиях труда и отдыха советских людей, о сотрудничестве СССР с зарубежными странами, рекламных фильмов внешнеторговых объединений; выступления советских ученых перед аудиторией китайских специалистов с докладами об освоении космоса, о развитии энергетики и охране окружающей среды, о системе управления народным хозяйством СССР, о жилищном строительстве в Советском Союзе и др.; проведение «круглых столов» по тематике разделов выставки; показ моделей одежды колледжа Ленинградского дома моды и др.

Посетители смогли ознакомиться с фотовыставками ТАСС «Во имя мира и социализма» и «РСФСР сегодня». На выставке работало 5 видеомэгафонов в комплекте с 15 телевизорами, через каналы которых производился показ разнообразной программы: фильмы о советско-китайских встречах и деловых контактах, о претворении в жизнь решений XXVII съезда КПСС, о советских мирных инициативах, рекламные фильмы, концертная программа, мультфильмы, видовые фильмы и пр.

16-дневная работа выставки строилась исходя из насыщенной программы информационно-протокольных мероприятий. Советскими учеными и стендистами разделов проведены многочисленные встречи с китайскими специалистами, представителями Общества китайско-советской дружбы. Проведены «круглые столы» по обсуждению широкого круга социальных, экономических и технических вопросов.

Большой интерес вызвали доклады советских ученых и специалистов, прочитанные как в кинозале павильона, так и в помещениях Международного выставочного центра. 19 лекций посетило более 3 тыс. человек. Многочисленные и разнообразные вопросы слушателей свидетельствовали о большом интересе к различным аспектам жизни советского народа, к решению стоящих перед СССР экономических задач. Успешно прошли на выставке день РСФСР, два дня, посвященные вопросам образования, на которых приняло участие более 250 студентов и учащихся, а также лиц, окончивших советские вузы в 50—60-е гг., день китайско-советской дружбы.

Работа советской выставки широко освещалась в китайской печати — в газетах «Жэньминь жибао», «Гуанмин жибао», «Чайна дейли», «Интернешнл трейд ньюс» и др. Китайские корреспонденты и журналисты постоянно присутствовали на выставке, неоднократно публиковали интервью с ее директором, заметки и статьи об экспонатах, сопровождая их фотографиями, эмблемой выставки. Всего в китайской прессе за 16 дней было опубликовано более 40 статей, по телевидению показано около 10 сюжетов о выставке.

Пресса КНР обратила особое внимание на то, какое большое место уделялось космонавтике и энергетике, включая атомную, а также развитию приграничной торговли между нашими странами. Было отмечено, что тема транспорта представлена с учетом актуальных задач, поставленных седьмым пятилетним планом развития народного хозяйства КНР. В статьях подчеркивалось также, что проведение в Китае первой за последние тридцать лет большой выставки СССР, безусловно, будет способствовать укреплению торгово-экономических отношений между СССР и КНР, улучшению взаимопонимания и дружбы между двумя народами.

Коммерческая работа велась Коммерческим бюро совместно с начальником разделов — представителями внешнеторговых объединений — и оперативным составом торгпредства СССР в КНР. При содействии Коммерческого бюро в течение работы выставки были подписаны контракты на поставку в КНР ряда советских машин и оборудования, проданы многие экспонаты. С многочисленными представителями китайских внешнеторговых компаний, промышленных и сельскохозяйственных предприятий, прибывших на советскую выставку не только из Пекина, но и из различных провинций Китая, а также из Гонконга, проводились переговоры, рассматривались и регистрировались их заявки на советские товары, давались разъяснения по номенклатуре товаров, порядку оформления заявок, оперативно решались вопросы по обеспечению посетителей проспектами, каталогами и рекламной литературой. Результаты рекламной и коммерческой работы не замедлили проявиться на переговорах о товарообороте между СССР и КНР на 1987 г., во время которых китайская сторона запросила ряд новых машин и оборудования, представленных на выставке.

На состоявшейся 24 декабря 1986 г. пресс-конференции коммерческого директора выставки совместно с представителями посольства и торгпредства СССР в КНР присутствовало около 100 ответственных представителей МВЭС и ВТ КНР, различных внешнеторговых компаний, зарубежных корреспондентов и журналистов китайских газет, журналов, центрального телевидения. В завершение были проведены дни шести советских внешнеторговых объединений под девизом «Дни советско-китайского торгового и экономического сотрудничества».

Советскую торгово-промышленную выставку за 16 дней ее работы посетило более 300 тыс. человек.

13 декабря 1986 г. в качестве почетных гостей выставку посетили Премьер Госсовета КНР Чжао Цзыян, его заместители Яо Илинъ и Ли Пэн и другие ответственные работники государственного аппарата КНР, министерств и ведомств, представители общественных организаций. В беседе с главой советской правительственной делегации министром черной металлургии СССР С. В. Колпаковым Чжао Цзыян сказал, что проводимая в Пекине советская торгово-промышленная выставка помогает китайскому народу в деле социалистического строительства. Он выразил удовлетворение тем, что за последнее время в областях экономики, торговли, науки, культуры, спорта и других сферах наши двусторонние связи получили ощутимое развитие, и высказался за дальнейшее развитие советско-китайского сотрудничества в этих областях. В Книге отзывов для почетных гостей глава китайского правительства оставил запись: «Мы с большим интересом осмотрели Торгово-промышленную выставку СССР. Выставка продемонстрировала новые успехи, достигнутые советским народом в строительстве социализма. Хотелось, чтобы традиционная дружба между китайским и советским народами, а также экономическое и техническое сотрудничество двух стран получили еще большее развитие. Желая советскому народу еще больших успехов в ускорении развития народного хозяйства».

В 15 книгах-отзывах посетители оставили 2500 положительных откликов о работе выставки, о достижениях советского народа. Многие высказывали свои пожелания о проведении советских выставок и в других городах Китая.

Обмен выставками между Советским Союзом и КНР будет и дальше расширяться. В соответствии с решениями советско-китайской комиссии по экономическому, торговому и научно-техническому сотрудничеству в августе 1986 г. в Москве было подписано соглашение об обмене выставками в 1986—1990 гг. между Торгово-промышленной палатой СССР и Китайским комитетом содействия развитию международной торговли.

Договор Раротонга — шаг к безъядерному миру

Н. О. КАПРАЛОВ

Одним из важнейших событий 1986 г., провозглашенного ООН Международным годом мира, стало вступление в силу 11 декабря договора о создании безъядерной зоны в южной части Тихого океана (Договор Раротонга). Решение о создании такой зоны было принято 6 августа 1985 г. на XVI сессии Южно-океанского форума (организации, объединяющей 13 государств и самоуправляющихся территорий южной части Тихого океана), проходившей на острове Раротонга, в административном центре островов Кука городе Аваруа.

Страны-участницы пошли на этот важный политический шаг в связи с опасностью, которая исходит от возрастающей активности вооруженных сил ведущих капиталистических стран, в первую очередь США, в азиатско-тихоокеанском регионе. Большую озабоченность вызывают непрекращающиеся испытания ядерных взрывных устройств в бассейне Тихого океана, намерения ряда стран проводить захоронение радиоактивных отходов ядерной энергетики на дне Тихого океана.

Деятельность вооруженных сил США в бассейне Тихого океана не случайно беспокоит страны региона. В настоящее время США располагают в АТР 350 военными базами и объектами, из них почти 160 размещены в южной части Тихого океана¹. Общая численность американских военнослужащих в регионе составляет около 130 тыс. человек. На военных базах и кораблях ВМФ США находится около 45 тыс. единиц ядерных боеприпасов². ВМС США на Тихом океане представлены 7-м и 3-м флотами, в составе которых насчитывается шесть авианосцев, значительное число боевых кораблей и подводных лодок различных типов. Администрацией президента Рейгана разработана пятилетняя программа, по которой к началу 90-х гг. намечается увеличить число боевых кораблей в строю до 609, или на 10%³. Большую часть новых кораблей планируется включить в тихоокеанские оперативные флоты.

В 1985 г. в АТР было развернуто 350 крылатых ракет «Томагавк», которые могут нести как обычные, так и ядерные боеголовки. К началу 1990-х гг. планируется довести число ракет этого типа до 3994 единиц, в частности вооружить ими 140 надводных кораблей и подводных лодок⁴. На вооружение американских ВМС, дислоцированных в бассейне Тихого океана, поступают новейшие образцы военной техники. В 1982 г. на театр прибыла первая ПЛАРБ типа «Огайо», вооруженная 24 МБР «Трайидент», каждая из которых имеет 8 боеголовок индивидуального наведения. В настоящее время в бассейне Тихого океана действует 4 ПЛАРБ этого типа, а к 1990 г. их число планируется довести до 10 единиц⁵.

Южная часть Тихого океана печально известна как один из основных полигонов для испытания ядерного оружия. В период с 1946 по 1963 г. США провели в общей сложности 94 испытания ядерного оружия на атоллах Бикини и Эниветок (Маршалловы острова), в результате которых были заражены не только эти, но и соседние атоллы⁶. В 1952—1962 гг. 21 атмосферное испытание ядерного оружия на полигонах в Австралии и на острове Рождества провела Великобритания⁷. С 1966 г. испытания ядерного оружия на атоллах Муруроа и Фангатаута осуществляет Франция. До 1975 г. был произведен 41 атмосферный ядерный взрыв. Впоследствии под нажимом мировой общественности взрывы были перенесены под землю. В настоящее время общее число ядерных испытаний, проведенных на атоллах Французской Полинезии, превысило 100⁸.

С 1960 г. США стали использовать как мишень для испытательных запусков МБР атолл Кваджелейн (Маршалловы острова). Здесь же с 1955 по 1972 г. испытывались системы противоракетной обороны. На атолле размещены станции слежения за космическими объектами, которые активно используются в ходе исследований и испытаний по программе «звездных войн»⁹.

Политика правящих кругов империалистических держав, направленная на сохранение во всех формах своего ядерного присутствия в южной части Тихого океана, давно встречает растущее противодействие со стороны народов и правительств стран региона. Ширится число безъядерных зон, провозглашенных местными органами власти. В настоящее время в мире насчитывается 3022 местных безъядерных зоны, в том числе 1195 в странах АТР. В Австралии, например, в 102 безъядерных зонах проживает 56 % населения, а в Новой Зеландии в 101 безъядерной зоне — 65 %¹⁰. Правительства ряда стран на юге Тихого океана предприняли шаги, направленные на закрепление в той или иной форме безъядерного статуса. Новая Зеландия, Вануату, Соломоновы острова запретили заходы в свои порты кораблей с ядерным оружием или ядерными силовыми установками. В 1979 г. в ходе референдума 75 % населения Белау высказалось за принятие безъядерной конституции. Правительство Австралии заявило о запрете использовать свое воздушное пространство для самолетов ВВС США, контролирующих запуски ракет МХ¹¹.

Наиболее крупным, этапным шагом в деле превращения южной части Тихоокеанского бассейна в свободный от ядерного оружия регион явилось подписание Договора Раротонга. Идея создания в южной части Тихого океана безъядерной зоны была выдвинута лейбористским правительством Новой Зеландии еще в начале 70-х гг. и поддержана правительствами ряда стран региона. Создание такой зоны было одобрено большинством мирового сообщества на ХХХ сессии ГА ООН в 1975 г. Однако нажим со стороны США и приход к власти в Новой Зеландии и Австралии — наиболее крупных государств региона — правительств консерваторов, являющихся сторонниками укрепления военно-политических связей в рамках блока АНЗЮС, задержали ее реализацию.

В 1983 г., после прихода к власти в Австралии нового лейбористского правительства во главе с Р. Хоуком, эта идея была вновь предложена на рассмотрение Южнотихоокеанского форума. На XV сессии форума в 1984 г. было принято решение о создании рабочей группы с целью выработки основных положений о безъядерной зоне и проекта договора. Договор был представлен на рассмотрение XVI сессии Южнотихоокеанского форума и принят в день сорокалетия ядерной бомбардировки Хиросимы — 6 августа 1985 г. Он вступил в силу 11 декабря 1986 г., после того как восьмая по счету страна-участница передала ратификационную грамоту. Южная часть Тихого океана стала вторым имеющим постоянное население регионом, в котором провозглашено создание зоны, свободной от ядерного оружия. Первым таким регионом является Латинская Америка в соответствии с Договором Тлателолко о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке, который подписали и ратифицировали в 1967 г. 24 страны¹².

Договор Раротонга, носящий бессрочный характер, состоит из шестнадцати статей, определяющих отношение подписавших его стран к вопросу о ядерном оружии и систему функционирования договора. Он запрещает 4 из 17 существующих или возможных видов ядерной деятельности¹³. В частности, в рамках договора страны-участницы провозглашают отказ от ядерных взрывных устройств и обязуются не производить, не приобретать, не обладать или не иметь контроля над любым ядерным взрывным устройством какими-либо средствами где бы то ни было — внутри или за пределами безъядерной зоны в южной части Тихого океана. Страны обязуются также не стремиться к получению и не получать какой-либо помощи в производстве или приобретении любого ядерного взрывного устройства, не предпринимать никаких действий по оказанию помощи или поощрению производства либо приобретения любого ядерного взрывного устройства каким-либо государством.

В договоре содержится обязательство предотвращать размещение на своей территории любых ядерных устройств. Вместе с тем предусматривается свобода каждой страны-участницы в порядке осуществления своих суверенных прав самостоятельно решать вопрос о том, допускать или нет визиты иностранных кораблей и самолетов в свои порты и на аэродромы, пересечение воздушного пространства

страны самолетами и плавание иностранных кораблей в территориальных водах.

Договор Раротонга предусматривает также обязанность стран-участниц предотвращать испытания на своей территории любого ядерного взрывного устройства и не предпринимать каких-либо действий по оказанию помощи или поощрению испытаний ядерного взрывного устройства каким-либо государством.

Четвертым видом ядерной деятельности, запрещенным договором, является сброс радиоактивных отходов в море где-либо в пределах безъядерной зоны в южной части Тихого океана и поощрение кого-либо к подобным действиям.

Естественно, что для эффективного действия договора необходимо, чтобы безъядерный статус юга Тихого океана гарантировался державами, обладающими ядерным оружием. К этим странам обращены приложенные к тексту договора протоколы.

Протокол I относится к Великобритании, США и Франции, которые согласно тому или иному статусу контролируют некоторые территории в пределах зоны договора. По протоколу названные страны могут принять в отношении контролируемых ими территорий те же основные обязательства, какие были приняты странами-участницами.

Протоколы II и III, открытые для подписания всеми ядерными державами, содержат обязательства не способствовать любым действиям, нарушающим положения договора и его протоколов; не применять ядерные взрывные устройства и не угрожать их применением против стран — участниц договора и территорий в южной части Тихого океана, контролируемых теми державами, которые подпишут Протокол (Протокол II), а также не испытывать в пределах безъядерной зоны какие-либо ядерные взрывные устройства (Протокол III).

Договор Раротонга является весьма важным выражением права на территориальную самостоятельность и самоопределение, зафиксированного в таком основополагающем документе, как Хартия ООН (статья 2/4). В нем воплощается в жизнь принцип неприменения силы или угрозы силой, зафиксированный в документах ООН. Более того, при определении географических границ зоны, свободной от ядерного оружия, страны-участницы творчески развили концепцию «внутреннего законодательства» в рамках статьи 2/7 Хартии ООН, поскольку право народов региона быть свободными от угрозы или применения силы превалирует над «свободой» ядерных держав использовать в своих целях так называемое открытое море.

В отношении ядерных держав к Договору Раротонга проявилась их позиция по проблеме ядерных вооружений. СССР и КНР с самого начала поддержали идею создания в южной части Тихого океана зоны, свободной от ядерного оружия. Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев в речи 28 июня 1986 г. во Владивостоке заявил, что «СССР поддерживает объявление южной части Тихого океана безъядерной зоной и призывает все ядерные державы в одностороннем или многостороннем порядке гарантировать ее статус». Сразу же после вступления договора в силу 15 декабря 1986 г. в штаб-квартире Южнотихоокеанского форума в городе Сува (Фиджи) от имени Советского правительства были подписаны Протоколы II и III договора¹⁴, а 10 февраля 1987 г. они были подписаны от имени правительства КНР¹⁵. Решения правительств СССР и КНР уважать и гарантировать безъядерный статус южной части Тихого океана, выразившиеся в подписании протоколов к Договору Раротонга, являются продолжением последовательной политики социалистических стран, направленной на предотвращение ядерной войны и обеспечение международной безопасности.

Великобритания, США, Франция, несмотря на наличие прецедента (Договора Тлателолко, протоколы которого эти страны подписали), негативно прореагировали на предложение присоединиться к Договору Раротонга. Правительство Великобритании по-прежнему «изучает» его, а Франция отказалась подписать договор, заявив о своем намерении продолжать испытания ядерного оружия на атолле Муруроа. После трехмесячных дебатов государственный департамент США «пришел к выводу, что по соображениям глобальной безопасности и ответственности США договор, провозглашающий безъядерную зону в южной части Тихого океана, не может быть подписан правительством Соединенных Штатов»¹⁶. В качестве причин подобного отношения к созданию в этом регионе свободной от ядерного оружия зоны приводятся опасения, что признание США безъядерного статуса южной части Тихого океана будет способствовать созданию подобных зон в других районах мира, в част-

ности на севере Европы и на Балканах, что, по мнению американской администрации, окажет негативное воздействие на глобальную военную политику США.

Опасения официального Вашингтона, вызываемые расширением ядерного движения, не лишены оснований. Во всех странах мира, принявших на себя обязательство не иметь собственного ядерного оружия, Договор Раротонга был воспринят как реальная возможность противостоять ядерному шантажу. Особенно притягательным примером он стал, в частности, для государств — членов АСЕАН. В июле 1986 г. министры иностранных дел стран АСЕАН на своем ежегодном совещании единодушно высказались за превращение Юго-Восточной Азии в зону, свободную от ядерного оружия. В конституцию Филиппин, принятую в результате национального плебисцита 2 февраля 1987 г., была внесена статья, запрещающая использовать территорию страны для размещения ядерного оружия¹⁷.

Создание в Южной части Тихого океана зоны, свободной от ядерного оружия, явилось новым доказательством реальных возможностей антивоенного и антиядерного движения в деле обеспечения мира и равной безопасности для всех стран, устранения угрозы глобальной ядерной катастрофы.

¹ In «Pagkakaisa», Aklat IV, Bilang 3, Nob.-Dic. 1986, p. 4.

² In: B. Schirmer. Foreign Military Bases and Instalations. N. Y., 1985, p. 136.

³ In: «Pagkakaisa», p. 17.

⁴ Ibid.

⁵ In: P. Hayes, L. Zarsky. Pacific Arm Control and Regional Initiatives. — 8-th International Seminar of Problems of Peace and Cooperation in the Pacific, Nahodka, July 18—23, 1986, p. 6.

⁶ In: IV Pacific Trade Unions Conference, May 18—20, 1986, Auckland, New Zealand, p. 9.

⁷ Ibid.

⁸ In: «Far Eastern Economic Review», 1986, December 2, p. 32.

⁹ In: «Pagkakaisa», p. 17.

¹⁰ См.: «Хикаку дзити гай цусин», I.XI.1986, с. 192.

¹¹ In: «Pagkakaisa», p. 18.

¹² In: Nuclear Free Zones: Some Basic Questions, Sydney-Melbourn, 1986, p. 11.

¹³ Ibid.

¹⁴ См.: «Правда», 16.XII.1986.

¹⁵ См. там же, 11.II.1987.

¹⁶ «Newsweek», 1987, February 16.

¹⁷ См.: «Правда», 11.II.1987.

ЭСКАТО — возраст зрелости

Э. С. ГРЕБЕНЩИКОВ

Экономическая и социальная комиссия для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО) — одна из пяти региональных экономических комиссий системы ООН — отмечает свое 40-летие. Она была учреждена в соответствии с принятой 28 марта 1947 г. резолюцией Экономического и Социального совета ООН (ЭКОСОС) с целью содействия взаимному сотрудничеству и социально-экономическому прогрессу азиатских и тихоокеанских государств. До 1974 г. ЭСКАТО именовалась Экономической комиссией ООН для Азии и Дальнего Востока (ЭКАДВ). Изменение названия отразило возросший интерес комиссии к социальной проблематике, а также расширение географических масштабов ее деятельности за счет охвата молодых островных государств юго-западной части Тихого океана. Ныне регион ЭСКАТО простирается от Ирана на западе и Монголии на севере до островов Кука на юго-востоке и Японии на северо-востоке. Членами ЭСКАТО с правом решающего голоса являются 38 государств четырех континентов, в том числе высокоразвитые капиталистические, развивающиеся и социалистические страны.

ЭСКАТО находится под административным управлением генерального секретаря ООН. К работе различных органов комиссии могут привлекаться наблюдатели и консультанты любой страны — члена ООН, органов и учреждений, входящих в ее систему. Невзирая на частое обострение напряженности и многочисленные конфликты, возникавшие в зоне действия ЭСКАТО после второй мировой войны, комиссия в целом успешно выполняла функции форума, объединявшего усилия стран-членов и обеспечивавшего рабочие контакты их представителей. Не случайно ЭСКАТО пользуется репутацией своеобразного «парламента» стран Азии и Тихого океана.

Штаб-квартира организации расположена в Бангкоке (Таиланд). Ее высшим органом является созываемая, как правило, раз в год пленарная сессия. Делегации азиатских стран возглавляются на ней министрами или заместителями министров иностранных дел, экономики или планирования. Функции исполнительного органа возложены на секретариат, штат которого насчитывает примерно 190 оперативных сотрудников.

В составе ЭСКАТО функционирует ряд комитетов, названия которых раскрывают основные направления ее деятельности: по промышленности, технике, населенным пунктам и окружающей среде; по судоходству, транспорту и связи; по природным ресурсам; по планированию; по торговле; по развитию сельского хозяйства; по социальному развитию; по народонаселению; по статистике. Практикуется также созыв, по мере необходимости, специальных конференций на уровне министров для обсуждения наиболее острых проблем социально-экономического развития.

Под эгидой ЭСКАТО работают Комитет по координации исследований в бассейне нижнего течения реки Меконг, Комитет по координации совместной разведки минеральных ресурсов, Азиатско-тихоокеанский статистический институт и другие организации. В рамках комиссии исследуются меры по сокращению ущерба от тайфунов.

Многообразная деятельность ЭСКАТО осуществляется в соответствии с программами, которые принимаются на пленарных сессиях и утверждаются ЭКОСОС. Финансируются они как из регулярного бюджета ООН, так и за счет добровольных взносов, других источников. По линии Организации Объединенных Наций ЭСКАТО на 1984—1985 гг. было ассигновано, в частности, 34,8 млн. долл., но более крупные суммы поступают по другим каналам¹.

Высоко оценивается издательская деятельность ЭСКАТО. Упомянем, в частности, такое авторитетное издание, как ежегодно публикуемый обзор экономического

и социального положения в странах Азии и Тихого океана². Таких обзоров вышло уже 39. Помимо этого, силами сотрудников секретариата и экспертов осуществлялись различные исследовательские работы, в том числе по таким проблемам, как образование и занятость, стратегия регионального развития на 80-е гг., энергетическая ситуация, финансовая политика в регионе и т. д. Публикации ЭСКАТО, как правило, содержат богатейший статистический материал и развернутый анализ многосложных проблем региона.

Главная из этих проблем — борьба с экономической отсталостью и бедностью. По некоторым подсчетам, в обширном регионе деятельности ЭСКАТО проживает две трети сельского населения планеты, при этом свыше 600 млн. человек живут ниже уровня бедности. Согласно данным комиссии, в середине 70-х гг. за «чертой бедности» находилось 70 % населения Филиппин, 52 — Таиланда, 51 — Индонезии и 36 % — Малайзии. Более того, при изучении экономической обстановки в регионе в научный оборот было введено понятие «абсолютная бедность», под которой подразумевается отсутствие средств для обеспечения элементарных потребностей в питании, одежде и жилье. Во многих странах Азии в таком именно состоянии пребывают многомиллионные массы. Многие развивающиеся государства являются ареной деятельности империалистических транснациональных корпораций (ТНК), которым при развитии международного капиталистического разделения труда выгодна консервация отсталых и деформированных хозяйственных структур. Наблюдавшийся в 70-е гг. в странах АСЕАН и некоторых других развивающихся государствах региона экономический подъем не сопровождался адекватным повышением уровня жизни широких масс населения, зачастую он приводил к усугублению социальных диспропорций и противоречий. В документах ЭСКАТО анализируется невосполнимый ущерб, наносимый развивающимся странам региона в результате кризисных явлений и конъюнктурных перепадов в мировой капиталистической экономике, своекорыстной практики международных монополий. Здесь сохраняются высокий уровень неграмотности и плохое медицинское обслуживание, бичом населения остается безработица и неполная занятость. Так, в одном из последних обзоров комиссии приводились следующие цифры: в 1983—1984 гг. треть всего трудоспособного городского населения в Бангладеш не имела работы, среди лиц старше 15 лет в Индии было 209 млн. безграмотных, 28 млн. — в Индонезии, 34 млн. — в Пакистане³.

ЭСКАТО ведет очень важную и полезную работу, разрабатывая рекомендации о наиболее целесообразных путях преодоления экономической отсталости, выдвигая прогрессивные концепции социально-экономического развития, в частности предусматривающие повышение роли государства и планирования, укрепление государственного и кооперативного секторов, проведение земельных реформ, индустриализации, вовлечение широких масс в процесс развития.

В середине 70-х гг. в комиссии разработаны положения о техническом сотрудничестве развивающихся стран. В них подчеркивается необходимость максимально широкого использования региональных ресурсов — материальных и интеллектуальных, — а также накопленного этими странами опыта. В этих целях ЭСКАТО организовывала курсы подготовки кадров, предоставляла консультации и выделяла стипендии.

На Филиппинах был создан региональный центр сельскохозяйственного машиностроения, где отрабатывается технология, пригодная для использования мелкими землевладельцами, что имеет громадное практическое значение⁴. В Бангалоре (Индия) открыт региональный центр по передаче технологий, оказывающий многообразные услуги развивающимся странам (предоставление информации, определение технологических нужд, оценка и выбор техники и оборудования). Центр в Бангалоре предоставляет помощь национальным технологическим центрам, координирует взаимосвязи между ними.

Тесные контакты поддерживаются между ЭСКАТО и различными субрегиональными группировками развивающихся стран. В частности, по заказу министров иностранных дел стран — членов АСЕАН комиссия подготовила и опубликовала доклад о перспективах и направлениях экономического сотрудничества в рамках ассоциации.

Все большее содействие ЭСКАТО оказывает малым островным государствам

южной части Тихого океана. В октябре 1984 г. в Виле (Вануату) начал функционировать центр комиссии, что позволило повысить эффективность уже существовавших здесь организаций (Бюро экономического сотрудничества южной части Тихого океана, Университета южной части Тихого океана и др.).

В последние годы ЭСКАТО делает упор на осуществление практических мероприятий по реализации конкретных проектов. Крупнейшие из них — трансазиатские железная дорога и автомагистраль. В начале 1985 г. в Бангкоке состоялось совещание министров транспорта и связи стран — членов ЭСКАТО, где обсуждались пути и средства совершенствования транспорта и связи в регионе. На последних сессиях ЭСКАТО большое внимание уделялось выполнению мер в рамках международной стратегии ООН в интересах наименее развитых стран. В документах комиссии отмечалось в данной связи, что экономическая ситуация в Афганистане, Бангладеш, Бутане, Лаосе, Мальдивских островах и Непале (они относятся к группе наименее развитых стран), по сути дела, не улучшилась, а уровень жизни там даже снижился. Это объясняется целым рядом причин, но одна из главнейших — стремление ТНК к получению максимальной прибыли и сохранению контроля над высокосложной технологией. Развитые капиталистические страны, как отмечалось, не принимают должных мер для подкрепления рекомендаций, содержащихся в документах ЭСКАТО и относившихся к области торговли и движения капиталов.

Особую озабоченность в странах Азии, пишут эксперты ЭСКАТО, вызывают жесткие ограничения на вывоз текстильных изделий из развивающихся стран на рынки развитых, а также высокие нетарифные барьеры, воздвигаемые перед импортом как традиционных сырьевых товаров, так и многих готовых изделий обрабатывающей промышленности бывших колониальных стран. Это ведет к резкому сокращению экспортных доходов развивающихся стран, к значительному росту безработицы и другим трудностям. В качестве мер, направленных на решение проблемы, эксперты комиссии предлагают укреплять сотрудничество как между самими развивающимися странами, так и между ними и европейскими социалистическими государствами⁵.

42-я сессия ЭСКАТО, состоявшаяся в апреле 1986 г., продемонстрировала стремление подавляющего большинства ее участников к оздоровлению международных экономических отношений и понимание ими неразрывной связи между обеспечением мира, стабильности и ускорением социально-экономического прогресса развивающихся стран. Советские внешнеполитические инициативы, касающиеся азиатско-тихоокеанского региона, получили широкий позитивный отклик на сессии. Несколько позднее, в конце мая 1986 г., в Пекине прошел международный семинар, организованный комиссией для изучения опыта развивающихся стран в области экономического и социального строительства и международного сотрудничества. Китайские специалисты ознакомили участников с проводимыми в КНР экономическими реформами.

Советский Союз постоянно и конструктивно участвует в работе ЭСКАТО⁶, перешагнувшей сорокалетний рубеж и вступившей в возраст зрелости. В послании Председателя Совета Министров СССР Н. И. Рыжкова участникам 43-й, юбилейной сессии комиссии, состоявшейся в апреле 1987 г. в Бангкоке, говорится, что «Советский Союз, располагающий мощным экономическим и научно-техническим потенциалом, готов принять активное участие в мирном региональном сотрудничестве». Председатель сессии, тайландский министр Чираю Итсаранкун в интервью подчеркнул значение выдвинутых СССР в последнее время конструктивных инициатив, позволяющих «начать заново строить мир, доверие, добрососедство». На сессии выступил глава советской делегации министр внешней торговли Б. И. Аристов. Он, в частности, заявил, что международное сообщество ожидает от ЭСКАТО «обсуждения практических шагов по сокращению затрат на военные цели и использованию высвобождающихся средств на нужды социального и экономического развития стран азиатско-тихоокеанского региона». В выступлении министра отмечалось также, что происходящая в СССР перестройка механизма внешнеэкономических связей создает немалые возможности для расширения его сотрудничества со странами — членами ЭСКАТО.

В нашей стране проходят курсы обучения тысячи специалистов из стран — членов ЭСКАТО, проводятся семинары с целью ознакомления с опытом СССР в области планирования, железнодорожного транспорта, судоходства, охраны окружающей среды. В этом наглядно проявляется конструктивный подход Советского Союза к сотрудничеству с развивающимися государствами, его стремление и готовность внести до-

стойный вклад в решение глобальных проблем, к числу которых относится и преодоление сохраняющейся во многих развивающихся странах экономической отсталости.

¹ In: Far East and Australasia. 1986, p. 104.

² In: Economic and Social Survey of Asia and the Pacific (до 1974 г. — Economic Survey of Asia and the Far East).

³ In: Economic and Social Survey of Asia and the Pacific. 1985. Bangkok, 1986, p. 95, 109.

⁴ In: ESCAP in Brief, p. 10—12.

⁵ In: Economic and Social Survey of Asia and the Pacific. 1985, p. 226—227.

⁶ См.: Е. К. Семенов. ЭКАДВ: вопросы экономического сотрудничества молодых государств Азии. М., 1971.

⁷ См.: «Правда», 22.IV.1987.

Исповедь китайского маршала

С 2 июля по 16 августа 1959 г. в местечке Лушань провинции Цзянси под председательством Мао Цзэдуна проходило расширенное совещание Политбюро ЦК КПК и вслед за ним 8-й пленум ЦК КПК 8-го созыва. Они получили общее наименование Лушаньского совещания.

На совещании выявились серьезные разногласия по поводу оценки положения в стране. Некоторые участники, как признает китайская историография, критически высказались относительно «большого скачка», заявляя, что эта линия в корне неверна, что партийное руководство оторвалось от масс и совершило серьезные левацкие ошибки, что совещание должно принять экстренные меры для преодоления катастрофических последствий этих ошибок. Другая группа, в основном те, кто были непосредственными участниками проведения «большого скачка», заявили, что критика ведется «правыми оппортунистами», которые выступают против «линии масс» и не желают считаться с их энтузиазмом.

Наиболее решительную и принципиальную позицию на этом совещании занял министр обороны КНР, член Политбюро ЦК КПК, маршал Пэн Дэхуай. Он заявил, что известные успехи послужили основанием для игнорирования частью партии ранее принятых решений, что среди партработников получили широкое распространение бюрократизм и злоупотребления. Основываясь на материалах проведенного им перед совещанием обследования и на изучении множества документов, Пэн Дэхуай подверг резкой критике левацкий курс на кустарную выплавку стали и создание без предварительной подготовки гигантских «народных коммун». Он прямо обратил внимание участников на нарушение принципа коллективного руководства в КПК, на удушающую атмосферу культа личности¹, поставил вопрос о недопустимости подмены экономической работы игрой в политические лозунги: «Как политике, так и экономике присущи свои законы, и, следовательно, идеологическое воспитание не может заменить хозяйственной работы». Министр обороны выступил против наклеивания всевозможных ярлыков типа «скептиков-созерцателей» с целью не дать возможности членам партии открыто говорить правду. Все это привело к тому, отмечал Пэн Дэхуай, что «наверх» стали докладывать только благоприятные факты, а в такой обстановке «легко не заметить и не услышать вещей противоположного характера».

Выступления и положительный отклик на них привели Пэн Дэхуая к мысли о необходимости изложить свою позицию более обстоятельно. Он считал, что если бездействовать, то «левые» ошибки окажут еще более пагубное влияние на развитие страны. «К вечеру 12 июля у меня сложилось мнение о том, что сейчас в Китае создались серьезные диспропорции... Это и стало основным содержанием моего письма от 14 июля 1959 г., — вспоминал Пэн Дэхуай. — В письме я только изложил в общих чертах несколько довольно важных вопросов, но не комментировал причин, порождающих эти проблемы, да в то время я и не мог объяснить причины. Во всяком случае, думал я, мое письмо даст председателю необходимый справочный материал². Однако письмо было истолковано весьма превратно. 16 июля Мао Цзэдун дал указание канцелярии ЦК размножить и распространить его среди участников совещания в качестве документа, свидетельствующего о «наступлении на партию». «До 22 июля на секциях в течение 6 дней шла дискуссия, — вспоминал Пэн Дэхуай, — мое письмо получило полное одобрение, только один товарищ был против и один «в основном не согласен». А часть товарищей не высказали своего мнения³. 23 июля на совещании с резкой критикой Пэн Дэхуая

выступил Мао Цзэдун. Он заявил, что письмо является «антипартийной программой правого оппортунизма».

По мнению китайских историков, в связи с тем, что в то время авторитет Мао Цзэдуна в партии был высок и культ личности уже расцвел махровым цветом, а также в связи с тем, что «группа лиц в то время пыталась подлить масла в огонь», после выступления Мао Цзэдуна совещание резко изменило повестку дня и начало критиковать и разоблачать Пэн Дэхуая, начальника генерального штаба, секретаря ЦК КПК Хуан Кэчэна, первого секретаря комитета КПК провинции Хунань Чжоу Сяочжоу и заместителя министра иностранных дел, кандидата в члены Политбюро ЦК КПК Чжан Вэньтяня (бывшего посла в СССР) за так называемый правый уклон.

Как говорится в «Решении по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР», принятом 6-м пленумом ЦК КПК 11-го созыва (1981), «во вторую половину работы этого совещания тов. Мао Цзэдун развернул несправедливую критику тов. Пэн Дэхуая, что вылилось в ошибку — так называемую борьбу против правого уклона» в масштабах всей партии. Совершенно ошибочной явилась и резолюция 8-го пленума ЦК КПК 8-го созыва о так называемом антипартийном блоке Пэн Дэхуая, Хуан Кэчэна, Чжан Вэньтяня и Чжоу Сяочжоу⁴.

Пэн Дэхуай в другом письме к Мао Цзэдуну, уже после пленума, заявил, что он дает партии три обязательства, которые будет свято выполнять: никогда не станет контрреволюционером, не покончит жизнь самоубийством, будет зарабатывать на жизнь своим трудом. В письме Мао Цзэдуну от 9 сентября 1959 г. он просил разрешения поехать работать в народную коммуну и стать простым крестьянином⁵. В ответном письме Мао Цзэдуна высказывалось несогласие с предложением Пэн Дэхуая, обосновывалось это возрастом и физическими нагрузками. Взамен ему предлагалось несколько лет поучиться, заняться «обследованием и изучением» на городских предприятиях и в деревне.

После Лушаньского совещания, когда Пэн Дэхуай был снят с должности министра обороны, он вынужден был перебраться жить из Чжуннаньхя в западный пригород Пекина, в парк Уцзя, где его поместили в полуразрушенном домике У Саньгуя, имя которого стало символом национального предательства. Там Пэн Дэхуай прожил почти шесть лет. Он чистил сточные канавы, убирал нечистоты, занимался разведением овощей, стирал и штопал свою одежду, сам убирал дом. Его жена Пу Аньсю в то время работала в педвузе и приезжала из Пекина только в воскресенье.

В конце 1961 г. Пэн Дэхуай написал еще одно письмо Мао Цзэдуну, в котором просил разрешения поехать в Хунань на несколько месяцев «для обследования». Результатом поездки явились 5 докладов о положении дел на местах, где было убедительно показано, что курс «трех красных знамен» провалился и положение в деревне тяжелое.

С 11 января по 7 февраля 1962 г. в Пекине было проведено расширенное (с участием 7 тыс. кадровых работников) рабочее совещание ЦК КПК, самое представительное за всю историю КНР. Многие оценки экономического развития Китая в докладе Лю Шаоци совпали с теми, которые в свое время давал Пэн Дэхуай. «Поветрие коммунизации» привело к тому, что «экономика страны оказалась на грани краха». В докладе отмечалось, что у многих руководящих работников не стало скромности, появилось зазнайство и самодовольство, они отошли от стиля «практика — критерий истины», от «линии масс». На совещании с самокритикой выступили Мао Цзэдун, Лю Шаоци, Дэн Сяопин, Чжоу Эньлай, Линь Бяо⁶. Лю Шаоци открыто высказался за реабилитацию Пэн Дэхуая. 27 апреля 1962 г. ЦК КПК издал специальное «Уведомление об ускорении темпов частичной реабилитации членов партии и кадровых работников», однако она осуществлялась крайне медленно.

Пэн Дэхуай решил обратиться в ЦК КПК и лично к Мао Цзэдуну с большим письмом, в котором излагалась просьба пересмотреть решение о нем, вынесенное Лушаньским пленумом. 16 июня 1962 г. это письмо объемом в 80 тыс. иероглифов было закончено. В августе он написал еще одно письмо. Пэн Дэхуай опровергал обвинение в том, что он «поддерживает тайные связи с заграницей», что существует какая-то «антипартийная группировка Пэн Дэхуая», что он стремится «узурпировать» власть в партии. Оба письма остались без ответа. Полностью они не опубликованы до сих пор. Мао Цзэдун считал, что «поветрие реабилитации» является ошибочным, что «Пэн Дэхуая нельзя реабилитировать».

Вернувшись в Пекин, Пэн Дэхуай не терял даром времени, прочел множество

произведений К. Маркса и В. И. Ленина, книг по философии и политической экономии. Два преподавателя Центральной партийной школы — по философии и политической экономии — занимались с ним на дому. Вместе с тем давление на Пэн Дэхуая продолжалось, от его жены потребовали развода.

Осенью 1965 г. Пэн Чжэнь, тогда первый секретарь Пекинского горкома КПК, встретился с Пэн Дэхуаем и передал ему предложение Мао Цзэдуна о том, чтобы Пэн Дэхуай поехал на Юго-Запад страны руководить строительством военных сооружений. В связи с курсом на «подготовку к войне» на рабочем совещании ЦК КПК (май — июнь 1964 г.) по инициативе Мао Цзэдуна был выдвинут план строительства «трех основных линий обороны». «Третья линия обороны» — зона военно-промышленного строительства в районах глубокого тыла. Строительство шло под лозунгом «строить в горах и под землей». [В 80-х гг. меры по созданию «третьей линии обороны» подверглись критике в китайской печати как необоснованные, они привели к крупным экономическим потерям]. Пэн Дэхуай не согласился и попросил, чтобы его послали работать в деревню, где он станет простым крестьянином. Через несколько дней рано утром Мао Цзэдун сам позвонил Пэн Дэхуаю и предложил ему приехать: «Быстрее приезжай, мы славно поболтаем». Встреча состоялась 23 сентября 1965 г. В результате разговора Пэн Дэхуай согласился ехать в Чэнду и 30 ноября прибыл на место службы. Казалось, жизнь нормализуется...

Однажды ночью в конце декабря 1966 г. хунвэйбины из «специальных боевых полков по поимке Пэн Дэхуая» (они ссылались на указания Цзян Цин и Яо Вэньюаня) ворвались к нему в дом, связали его и увели. 27 декабря 1966 г. маршала доставили в Пекин, где он был арестован. 1 января 1967 г. Пэн Дэхуай пишет последнее в своей жизни письмо Мао Цзэдуну следующего содержания: «Председатель! Вы приказали мне поехать в партком «третьей линии». Кроме назначения третьим заместителем начальника главного штаба по оборонному строительству, другой какой-либо работы мне не поручалось... 22 декабря вечером в Чэнду я был схвачен хунвэйбинами Пекинского авиационного института и доставлен в филиал их штаба в Чэнду. 23 числа передан хунвэйбинами организации «Дунфанхун» Пекинского геологического института. 27 декабря под конвоем доставлен в Пекин, сейчас нахожусь под стражей... С самым последним приветом к вам! Желаю вам долгих лет жизни! Пэн Дэхуай»⁷.

Надругательствам, избиениям и оскорблениям подвергалась и его жена Пу Аньсю. По словам Пу Аньсю и племянницы Пэн Дэхуая, он во время «культурной революции» подвергался избиениям более ста раз. Была сформирована «специальная группа по расследованию преступлений Пэн Дэхуая», которая неоднократно допрашивала его, пытаясь выбить угодные ей признания. 17 сентября 1970 г. она представила в ЦК КПК «итоговый доклад» «о расследовании преступлений антипартийного главаря, имеющего тайные связи с заграницей, Пэн Дэхуая».

«Во время десятилетней смуты, — писала племянница маршала, — дядя подвергался жестокому преследованию. После того как ЦК КПК пересмотрел дело дяди, мне попался один материал, где было запротоколировано, как в ходе «расследования спецгруппы ЦК КПК» дядя оставался олицетворением честности... Однажды, когда его в очередной раз стали вынуждать к признанию, он возмущенно ударил кулаком по столу: «Не будет этого, хоть голову отрежьте! Я не желаю писать, я ничего не боюсь, я буду твердо стоять за правду!»⁸

Вот что содержится в документе, подготовленном для «группы по делам культурной революции»: «Вчера в Пекинском авиационном институте был проведен митинг борьбы с Пэн Дэхуаем, на котором присутствовало 30—40 человек. На митинге били Пэн Дэхуая, били семь раз. Был разбит лоб, в районе легких имеются внутренние раны, завтра будет новый раунд... После митинга борьбы 19 июля 1967 г., — говорилось далее в документе, — Пэн Дэхуай лег на кровать отдохнуть, болела грудь, было трудно дышать, непрерывно стонал, вечером не мог сплевывать. Когда от него потребовали, чтобы он написал материалы, он сказал: «Я сейчас не могу писать». 22 числа — сегодня — боль в груди всесторонне расширилась, стало еще тяжелее. Даже трудно встать с постели... не может сказать и нескольких слов»⁹. Врач обнаружил, что у него сломаны два ребра, учащен пульс и повышено кровяное давление, имеются внутренние повреждения.

Моральные и физические истязания подорвали здоровье Пэн Дэхуая. В 1973 г. он заболел раком, очень ослаб. В 1974 г. болезнь обострилась, раковая опухоль рас-

пространилась на легкие, она вызывала страшную боль, однако не нашлось человека, который сделал бы ему обезболивающие уколы. 29 ноября 1974 г. в 3 часа 35 минут ночи Пэн Дэхуай скончался на 76-м году жизни. Все эти годы он был «изолирован и крайне одинок». На его похоронах не было ни души. На 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва в декабре 1978 г. Пэн Дэхуай был реабилитирован.

В 1981 г. в Китае издана книга, названная «Мемуары Пэн Дэхуая», отрывки из которой мы публикуем. Книга объемом в 300 страниц состоит из 15 разделов, которые охватывают период его жизни до Лушаньского совещания ЦК КПК 1959 г. с приложением двух документов: письма Пэн Дэхуая Мао Цзэдуну от 14 июля 1959 г. и записи его беседы с Мао Цзэдуном от 23 сентября 1965 г. В КНР опубликовано несколько рецензий на это издание, наиболее важными среди них считаются две — Вэнь И и Ян Шанкуня («Жэньминь жибао», 14.III., 18.III.1982).

«Мемуары Пэн Дэхуая» — это не воспоминания в нашем понимании. Как указывается в предисловии к книге, она составлена на базе множества документов, написанных самим маршалом по требованию «спецгруппы по расследованию» его дела. Разделы 1—12 [1898 г. — август 1945 г.] составлены из «показаний» биографического характера, представленных Пэн Дэхуаем «спецгруппе» в 1970 г. Три последних раздела [1946—1959] содержат материал из письма Пэн Дэхуая ЦК КПК и Мао Цзэдуну от 16 июня 1962 г. объемом в 80 тыс. иероглифов. Как отмечал Ян Шанкунь, следует учитывать то обстоятельство, что Пэн Дэхуай писал свои материалы, будучи отрезанным от всего мира, поэтому могут встречаться отдельные неточности в датировке и фамилиях. По некоторым конкретным вопросам Пэн Дэхуай не мог высказаться открыто, недосказанное предостой додумывать читателю. Писал маршал «с петлей на шее», пытки и избиения в любой момент могли повториться. Отсюда и язык автора — лаконичный, краткий и часто довольно сухой.

В 1988 г. Воениздат Министерства обороны СССР планирует публикацию книги Пэн Дэхуая на русском языке, посвящая ее 90-летию замечательного сына китайского народа, героя китайской революции, негибаемого Пэн Дэхуая.

В. Н. УСОВ,
кандидат исторических наук

Я нашел Коммунистическую партию Китая (1917—1928)

...Как и многие мои товарищи по службе, я находился под впечатлением Октябрьской революции, хотя в условиях жестокой милитаристской блокады своевременную и правдивую информацию о ней было нелегко получить. После взятия городов Чанша и Юэчжоу наши связи с внешним миром несколько улучшились. Не было никакого сравнения с тем временем, когда мы были заперты на юге Хунани...¹⁰

После поражения в кампании против Фу Лянцзо в 1917 г. сянская армия¹¹, отведенная в южное захолустье Хунани, в течение 23 месяцев не получала жалованья. Все это время командование обманывало солдат, прикрываясь лозунгами поддержки конституции и закона, любви к Родине, борьбе с бэйянскими милитаристами и объединения Китая. Бойцам обещали, что для них будут созданы учебные центры, где они смогут получить образование, и что они получат задержанное жалованье после свержения милитариста Чжана. Все это делалось в целях сохранения власти армейского командования. Однако после окончательной ликвидации войск Чжан Цзинтяо и объединения провинции долги не только не были возвращены, но и продолжали накапливаться. Солдаты требовали незамедлительной выплаты жалованья, выдачи его впредь регулярно без произвольного сокращения. Около 100 тыс. солдат были едины в своих стремлениях и, подняв мятеж, все, как один, двинулись на Чанша и взяли его. В каждой дивизии, бригаде, полку, батальоне, роте были организованы союзы солдатских представителей. В Чанша был образован генеральный союз.

Во всех своих действиях войска следовали только приказам солдатских представителей. Распоряжения каких бы то ни было старших офицеров не имели силы. В армии поддерживался полный порядок, что свидетельствовало о большой способности солдат к самоуправлению. В Пинцзяне и Лилине были убиты два командующих военными районами (равнозначно нынешним военным подокругам). Говорили, что они препятство-

вали солдатским выступлениям. Власть солдатских представителей в армии была тогда наивысшей. Офицеры же полностью утратили контроль над своими подразделениями и частями. Со всей провинции в Чанша стекались войска под руководством солдатских представителей.

Покинув Синьшицзе, 6-й полк выступил в направлении железнодорожной станции Гуйи, расположенной на берегу реки Милоцзян. Достигнув станции, он готов был двигаться и на Чанша, но в это время было достигнуто какое-то компромиссное соглашение по поводу выплаты задержанного жалования, и полк остался в Гуйи. Командир полка Лю Син сидел и плакал, не в силах произнести ни слова. Командир же нашего батальона Юань Чжи и командир роты Чжоу Пань заявили, что одобряют действия солдатских представителей до тех пор, пока они не идут в ущерб интересам народа.

Поскольку политическое руководство этими солдатскими выступлениями отсутствовало, их использовал в своих интересах Чжао Хэнти — хитрая бестия, расправившийся затем с восставшими. Его метод заключался в следующем: солдату выдавалось удостоверение в том, что у него задержали жалование. Данный документ давал право на получение в течение трех лет в соответствующем уездном правительстве определенной доли собранного поземельного налога. Этот метод был провокационным. По его поводу в союзах солдатских представителей возникли коренные разногласия. На некоторых солдатских представителях подействовали подкуп и угрозы. Но ни одно из обещаний не было выполнено.

Я не поддался ни на угрозы, ни на подкуп и вынес из этого бунтарского движения солдат один урок: если простые бойцы сознательно организуются, это будет большая сила. Вспоследствии мой опыт сыграл огромную роль. Исходя из него, я организовывал солдатские комитеты и вводил солдатское самоуправление.

Все более проникаясь решимостью «защитить слабых и угнетенных», Пэн Дэхуай в сентябре 1921 г. организовал покушение на одного крупного землевладельца-тирана, после чего был вынужден покинуть сяньскую армию. В конце того же года в городе Сянтань (провинция Хунань) по его инициативе был образован Союз спасения бедняков — тайная организация патриотически настроенных военнослужащих. В 1922—1923 гг. Пэн Дэхуай был на офицерских курсах армии провинции Хунань, окончив которые продолжил службу. В 1924 г. был назначен исполняющим обязанности командира батальона.

...Несмотря на то что в 1925 г. обострились противоречия внутри правящих классов Хунани, последние были едины в своем антисоветизме, антикоммунизме, в борьбе против большевизации. В тот год основные усилия в своей деятельности я направлял на усиление сплоченности моего батальона, на дальнейшее укрепление 1-й роты и тщательное налаживание работы во 2-й, 3-й и 4-й ротах. Я надеялся, что к концу 1925 г. в каждой из рот будет по 3—5 членов Союза спасения бедняков, старался регулярно проводить среди солдат беседы о текущих событиях. Члены союза советовали мне больше внимания уделять работе среди командного состава, а также дальнейшему укреплению связей со всем полком в целом. Они шли на риск ради того, чтобы не остаться в изоляции. Если бы нам удалось расширить работу среди солдат в каждой из рот и установить контакты между верхами и низами, то результаты могли бы оказаться весьма значительными. Я понял, что их предложение верное.

При обсуждении материалов, в которых отражались текущие события, мы познакомились со следующими сообщениями: Советская Россия отказалась от неравноправных договоров с нашей страной и в настоящее время поддерживает Сунь Ятсена в провинции Гуандун; в первую мировую войну мы боролись вместе с великими державами, а в результате на смену германским интересам в Китае пришли японские; Парижская мирная конференция ничего не принесла Китаю кроме вреда; европейские и американские товары заполнили наш рынок, это означает экономическую агрессию; в политической и культурной областях также усиливается экспансия. Китай вновь пытаются разделить. Кое-кто не считал империалистов плохими, а напротив, явно искажая истину, называл плохой Советскую Россию; некоторые и так и этак честили компартию, хотя на самом деле она за три—четыре года своего существования не отдала врагам китайскую территорию, не была виновна в выплате контрибуций, не заключала неравноправных договоров с иностранными державами и никоим образом не торговала какими бы то ни было интересами китайского народа. С первого дня своего существования она

боролась против империализма, и все, что она делала, было хорошо. Какой же смысл твердить, что она плохая, но не клеймить позором предателей Родины и продажные правительства, которые со времен «опиумных войн» отдавали врагу китайскую территорию, были виновны в выплате контрибуций, в потере суверенитета и в унижении государства, не клеймить позором Юань Шикая, подписавшего «21 требование» японских империалистов, а сваливать все на компартию? Какой же в конце концов в этом смысл? На чью же сторону становиться? Если не размышлять, а следовать тому, о чем говорят, то ведь можешь оказаться вместе с предателями Родины. Были люди, которые говорили: «Большевизация — это нехорошо». А большевизация означала в действительности борьбу с продажными чиновниками, с тухао и лешэнь, с проституцией. Она являлась не чем иным, как уравнением в правах мужчин и женщин, борьбой с опиекурением. Что же здесь в конце концов было плохого? И мы говорили о том, что необходимо осуществить разок широкую большевизацию, чтобы покончить с явлениями коррупции. Такая большевизация была бы полезной.

Эти простые истины (в то время такие отсталые люди, как я, могли предложить в качестве материала для обсуждения только такие конкретные факты) мы обговаривали по нескольку раз. В результате в 1-м батальоне резко сократилось число солдат, болтающих всякую реакционную чепуху. Поэтому особенно необходима была дальнейшая организация работы по антиимпериалистическому и патриотическому воспитанию в старой армии того времени.

В мае 1926 г. Национально-революционная армия (НРА) Китая, сформированная в провинции Гуандун при активном участии китайских коммунистов и с помощью советских советников, начала Северный поход с целью разгрома милитаристов и объединения Китая. Сянская армия была разгромлена. 6-й полк 3-й бригады, в котором служил Пэн Дэхуай (в то время уже командир батальона), был преобразован в 1-й полк 1-й дивизии 8-го корпуса НРА. Командиром корпуса стал генерал Тан Шэнчжи.

...После короткого периода переподготовки наши войска сразу же присоединились к Северному походу. 1-й полк принял участие в штурме южных ворот Учана, во взаимодействии с войсками Е Тина¹², стремившимися прорваться в город справа от нас через ворота Чаоян, и с частями 36-го корпуса, наступавшими слева. 2-й и 3-й полки нашей дивизии не участвовали в сражении, так как к тому времени еще не закончили реорганизацию.

Несколько дней спустя политический инструктор нашего полка Ми Цинь познакомил меня с прибывшим в мой батальон секретарем политотдела дивизии Дуань Дэчаном¹³, который передал мне немало пропагандистских материалов. Я попросил Дуань Дэчана почаще приезжать к нам. Он обещал и слово свое сдержал. Дуань постоянно и в высшей степени оперативно снабжал меня выходившей в то время прогрессивной литературой.

...Проведя несколько дней в Ханьяне, наш полк, минуя Сяогань, повел наступление на Данъян. Когда 1-я дивизия заняла Данъян, мы получили сообщение о том, что остатки войск У Пэйфу, оставившие Ичан, бегут в Наньян. Их путь пролегал мимо горы Юйцюань, и Чжоу Пань¹⁴ приказал мне преградить им дорогу, заняв позиции на вершине этой горы. Дуань Дэчан вызвался сопровождать меня. Чжоу Пань не возражал. Прибыв на гору Юйцюань, мы узнали, что противник еще накануне миновал этот район.

На вершине горы, господствуя над ближайшими окрестностями, возвышался большой храм, воздвигнутый в честь полководца Гуаня. Вокруг росли древние кипарисы и сосны. Все здесь было пропитано особым колоритом — ведь это было то самое место, где по старинному роману «Троецарствие» является дух полководца Гуаня.

Мои солдаты расположились на этой горе лагерем. Мы с Дуань Дэчаном устроились на охатке рисовой соломы, бросив ее перед глиняной статуей полководца Гуаня. У нас завязался чрезвычайно оживленный и поучительный для меня разговор. Дуань спросил, что я думаю о полководце Гуане.

— Гуань был орудием феодальных правителей, да и сейчас точно так же используется правящими классами. Его жизнь не имела смысла, — ответил я.

— А как хотел бы прожить ты, чтобы твоя жизнь имела смысл? — вновь задал вопрос Дуань.

— Жизнь наполняется смыслом только тогда, когда служишь рабочим и крестьянам, — произнес я.

— А как ты считаешь, в чем конечная цель национальной революции?

— Разве не в том, о чем все кричат каждый день, — не в свержении империализма, милитаризма, продажных чиновников, тухао и лешэнь и не в снижении арендной платы на 25 %? Лично я считаю, что надо осуществить принцип «каждому пахарю — свое поле», а не останавливаться только на снижении арендной платы на 25 %.

— Настоящий революционер, — сказал мне Дуань, — не должен останавливаться и на осуществлении принципа «каждому пахарю — свое поле». Он обязан преобразовать систему частной собственности на средства производства в систему общественной собственности, для того чтобы система распределения по труду развилась в коммунистическую систему распределения по потребностям. Коммунистическая партия ведет борьбу именно за эти идеалы. После того как произошла Октябрьская социалистическая революция в России, там уже осуществили принцип распределения по труду, уничтожив классовую эксплуатацию. Задача нашей коммунистической партии состоит в том, чтобы стремиться к осуществлению социализма и коммунизма, а коммунист должен до конца своих дней бороться за справедливое общество.

Затем Дуань поинтересовался, не вступил ли я в гоминьдан. Я ответил, что нет и не собираюсь этого делать.

— Почему?

— Посмотри сам. Ведь сейчас Тан Шэнчжи, Хэ Цзянь¹⁵ и им подобные — это милитаристы и крупные землевладельцы, к тому же обманывающие людей проповедью буддизма. Хэ Цзянь и Лю Син, кроме того, торгуют опиумом и состоят в сговоре с империалистами. Они выступают даже против снижения арендной платы на 25 %, как же они могут быть революционерами?

Дуань промолчал, а я вновь задал ему вопрос:

— А какова обстановка внутри Центрального исполнительного комитета гоминьдана?

— Чан Кайши, Ху Ханьминь, Сунь Кэ, Сун Цзывэнь, Дай Цзитао и им подобные, — ответил он, — в общем-то фальшивые революционеры и даже контрреволюционеры.

Мы с ним оживленно проговорили около двух часов, и я испытал немалое удовольствие. Я поблагодарил Дуаня и выразил свое восхищение. До сих пор я иногда вспоминаю ту нашу беседу.

...В конце января 1927 г. 35-й корпус и 1-я дивизия были передислоцированы опять на северо-запад Хунани. Официально объявлялось, что войска направляются в этот район для борьбы с бандитизмом, фактически же они предназначались для подавления местного населения и поддержки контрреволюционных элементов. Предатель Хэ Цзянь готовил мятеж.

Находившийся под моим командованием 1-й батальон остановился в уездном центре Цыли. И вот как-то в марте солдаты из бригады Дай Доуюаня убили члена постоянного комитета крестьянского союза района Цзянья. В марте или апреле на учебном плацу перед входом в штаб бригады Дай Доуюаня состоялся большой траурный митинг, вылившимся в мощную демонстрацию крестьян, требовавших наказания преступников и выплаты компенсации семье убитого. Все солдаты и офицеры 1-го батальона приняли участие в этом митинге, а политический инструктор нашего батальона Оу Цюньхуа и я выступили на нем с речами, охладив пыл бесчинствовавших контрреволюционеров. Это явилось хорошим уроком для наших солдат и ободряюще подействовало на местных крестьян. О том, что 1-й батальон принял участие в траурном митинге, узнал Хэ Цзянь. Он передал Чжоу Паню текст моего выступления, полученный от Дай Доуиня, и потребовал не спускать с меня глаз. Однако Чжоу показал мне полученное им от Хэ Цзяня письмо.

В середине марта Хэ Цзянь организовал в Линьли массовый буддистский митинг, на который было приказано явиться для посвящения в сан всем офицерам (от младших лейтенантов и выше). Узнав об этом, я отказался идти.

— Да сходи ты, — убеждал меня Чжоу Пань. — Верись ты в буддизм или нет — это твое дело!

— Если уж не верю, — возразил я, — то зачем же ходить?

Солдатский комитет 1-го батальона также бойкотировал это контрреволюционное мероприятие. Мы верили в три народных принципа¹⁶ и выступали против феодальной мистики. Ни один офицер не пошел принимать посвящение, и ни один солдат не участвовал в чтении сутр.

После этого Хэ Цзянь заявил Чжоу Паню:

— Боюсь, что Пэн — коммунист.

Чжоу ответил, что я левый гоминьдановец. Услышав это, Хэ велел Чжоу передать под мое начало бюро по лицинию¹⁷ второй ступени. Однако Чжоу сказал, что я не интересуюсь деньгами.

В начале мая 1-я дивизия получила приказ двигаться в Юэчжоу. Через несколько дней после нашего прибытия в этот город произошли события «21 мая», явившиеся продолжением и развитием переворота «12 апреля»¹⁸. Когда же 1-я дивизия пересекала уезд Юаньцзян, подняла мятеж и отдельная бригада под командованием Чэнь Гуанчжуня, которая напала на Баоцин и разгромила на своем пути все крестьянские организации. В Чанша Сюй Кэсян вероломно обрушил массовые репрессии на революционный народ, а взбунтовавшийся корпус Ся Доуиня придвинулся вплотную к Учану, атаковав отряды Е Тина у Хэшэнцяо. Войска сычуаньского милитариста Ян Сэня, двигаясь вдоль левого берега Янцзы, захватили город Байшици, расположенный как раз на противоположном берегу от города Чэнлинци, а также взяли город Синьди. Это свидетельствовало о том, что Ян Сэнь действует в координации с Ся Доуинем. Хэ Цзянь и 1-я дивизия держали под контролем город Юэчжоу. Было очевидно, что они готовятся установить взаимодействие между южанами и северянами. Хэ Цзянь несомненно являлся одним из главных инициаторов событий «21 мая». За спиной предателей, кроме того, по-видимому, стояли губернатор провинции Хунань Чжоу Лань и Тан Шэнчжи.

Обо всем этом я переговорил с политическим инструктором полка Ми Цинем, который стал уверять меня, что Тан Шэнчжи ни в коем случае не поднимет мятеж, так как проводит «арбузную» политику. Последнее означало, что Тан лишь внешне белый, а внутри красный. Я, однако, считал, что все эти генералы, задуривавшие людей буддизмом, являются фальшивыми революционерами, обманывавшими народ. Поэтому я просил Ми Цина обязательно и как можно быстрее сообщить в провинциальный комитет Хунани¹⁹, что в настоящее время два полка, 2-й и 3-й, настроенные реакционно, еще не прибыли в Юэчжоу, так как задержались на переправе. 1-й же полк в полном составе уже высадился на берег. На его 1-й батальон можно положиться, а 2-й и 3-й батальоны — нейтрализовать. Ми Цин согласился съездить в Чанша, и я дал ему денег и пистолет. Он, однако, не вернулся назад, и с тех пор о нем не было ничего слышно. Политический инструктор моего батальона Оу Цюньхуа вышел в отставку еще до того, как мы выступили из Цыли, и я не знал, куда он уехал.

Ся Доуинь предал революцию и повел наступление на Учан. Когда это произошло, я предложил Чжоу Паню пойти на север, чтобы во взаимодействии с войсками Е Тина уничтожить силы генерала Ся. Чжоу, однако, ответил, что у него нет приказа. Через два дня после событий «21 мая» я опять пришел к Чжоу и предложил ему быстро организовать наступление на Чанша, подавить мятеж Сюй Кэсяна и восстановить революционный порядок в городе. В то время в Юэчжоу стояло достаточное количество пароходов и поездов, и мы могли в предельно сжатые сроки перебросить наши войска к Чанша и неожиданно ударить по врагу. Чжоу вновь сослался на отсутствие приказа, не посмев предпринять самостоятельные действия. В гневе я выложил ему:

— Все это тайно организовано бандой Хэ Цзяня, Чжоу Ланя и Тан Шэнчжи. Как же они могут отдать приказ бороться против самих же себя? В этот критический момент все зависит от 1-й дивизии и если она останется в стороне, революционная ситуация в Хунани и Хубэе сойдет на нет.

Мало кто из низших чинов старой армии так резко разговаривал с высшими. (Как можно судить сегодня, мятеж Ся Доуиня и события «21 мая», по-видимому, направлялись непосредственно Чан Кайши.) Прежде Чжоу Пань принимал в основном все мои предложения. На этот раз, исходя из собственных классовых позиций, он решительно отказался.

Вернувшись тогда в штаб батальона, я почувствовал гнев и стыд, так как не мог подавить даже такую небольшую реакционную силу, как Сюй Кэсян. В один момент распались так называемые дружеские отношения, которые связывали меня с Чжоу Панем на протяжении почти 10 лет совместной службы. Раньше я еще верил в то, что Чжоу Пань хоть и немного, но разделяет патриотические идеи. Но о каком же патриотизме можно было говорить теперь, когда он так безучастно взирает на то, как революция истекает кровью, как гибнут тысячи и тысячи простых граждан и

коммунисты? Я не мог более оставаться орудием в его руках! И вот урок: не доверяй хорошим речам, которые говорятся в спокойные времена, достаточно одного практического дела, чтобы ясно увидеть, кто перед тобой. Я все время считал, что хотя Чжоу Пань и не особенно талантлив, но все же честен. На самом деле он оказался всего лишь честолюбивым.

Узнав, что Ся Доунь не смог разбить войска Е Тина, Чжоу Пань по телефону вызвал меня в штаб дивизии. Это произошло утром, на второй день после того, как я высказал ему свои предложения. Прибыв в штаб, я услышал от Чжоу Паня, что Ян Сэнь силами от трех до пяти полков захватил населенные пункты Цзяньли, Чжухэ, Байци и Сиьди, явно собираясь во взаимодействии с Ся Доунем напасть на Ухань. Чжоу послал меня во главе 1-го полка в Чэнлинцзи для того, чтобы произвести за рекой обманной маневр, цель которого — сковать силы Ян Сэня, стоявшие на левом берегу Янцзы. Таким образом он мог бы что-то «предъявить» и в том случае, если бы победили коммунисты.

Войдя в Чэнлинцзи, я не стал делать обманных маневров, а скрытно сконцентрировав силы, подготовил суда и произвел все другие приготовления для настоящей атаки. Под покровом вечерней мглы мои войска форсировали реку и в один миг отбили у неприятеля город Байци, расположенный как раз на противоположном от Чэнлинцзи берегу, в том самом месте, где с Янцзы сливается река Сянцзян. Ширина водной преграды в этом районе от шести до семи ли, и противник никак не ожидал нашего появления. Войска Ян Сэня были абсолютно не готовы к возможному нападению и обнаружили нас лишь тогда, когда находившийся под моим командованием 1-й батальон уже был на их берегу. Они не подготовились к обороне, и их огонь был слабым. Мой батальон потерял всего несколько человек убитыми и ранеными. Почти 20 ли мы преследовали противника, отступавшего в направлении Чжухэ.

Чжоу Пань не позволил ввести в бой 2-й и 3-й полки, а также главные силы 1-го полка, к тому же приказал мне на следующий день отвести 1-й батальон в Чэнлинцзи. Встретившись со мной, он сказал:

— Шичуань²⁰! Ты действовал вчера слишком рискованно!

— Мы форсировали реку, — ответил я, — воспользовавшись тем, что из-за одновременного разлива Янцзы и Сянцзяна противник никак не ожидал нашего нападения. Операция только кажется рискованной.

Про себя я подумал: «Ты-то хотел нажить капитал на обманном маневре, а я действительно форсировал реку. Я собирался помочь Е Тину, ударив в спину Ся Доуню, а ты не согласился; сейчас я разбил Ян Сэня, ослабив угрозу правому флангу Е Тина. Это тоже неплохо, может быть, хоть в моральном плане окажет какую-то поддержку его войскам».

После серии контрреволюционных переворотов, осуществленных лидерами правого крыла гоминьдана, и разрыва единого антиимпериалистического фронта летом 1927 г. Компартия Китая перешла на нелегальное положение. Чжоу Пань вступил в сговор с новыми хунаньскими милитаристами, его 1-я дивизия, переименованная в 5-ю отдельную дивизию Хунаньской армии, была дислоцирована в трех северных уездах провинции — Наньсянь, Хуажун и Аньсян. Действовавшие в 1-м батальоне 1-го полка этой дивизии под руководством Пэн Дэуая подпольные организации — Союз спасения бедняков и солдатский комитет — прилагали все усилия для того, чтобы ограничить засилье местной реакции. Им удалось сорвать организацию в уезде Наньсянь контрреволюционного «комитета по очищению деревень», намечавшуюся на 10 октября (10 октября — праздник Двойной десятки, годовщина начала Синьхайской революции 1911—1912 гг., свержшей монархию в Китае).

...В 1927 г., на второй день после праздника Двойной десятки, в сумерках ко мне для переговоров прибыл представитель особого комитета КПК уездов Наньсянь, Хуажун и Аньсян. Молодой человек, назвавшийся Чжан Куаном, сказал:

— Я знаю о вас уже давно.

Он одобрил все то, что мы сделали в праздник 10 октября, отметив следующее: проведенная в праздник Двойной десятки акция, направленная против организации «комитета по очищению деревень», — дело хорошее, она сбила реакционную спесь с тухао и лешэнь. Однако она была слишком рискованной и могла привести к рассекречиванию внутриармейской партийной организации.

Зная, что он послан коммунистической партией, я сказал:

— Я не коммунист. В армии все считают меня левым гоминьдановцем. И хотя я и не отрицал и не признавал этого, на самом деле никогда не подавал заявления о вступлении в гоминьдан. Как-то в январе 1927 г., на митинге в годовщину памяти Сунь Ятсена, Чжоу Пань заявил в своем выступлении, что все офицеры, которые официально числятся в списках дивизии, являются членами гоминьдана. Но я никогда не участвовал в партийных собраниях, не платил взносы и не писал никакого заявления о приеме в партию.

Выслушав меня, Чжан Куан несколько насторожился. Я же продолжал:

— Можете не волноваться, я искренне сочувствую коммунистической партии. Начиная с осады Учана в период Северного похода и вплоть до событий «21 мая» я был сравнительно хорошо знаком с товарищем Дуань Дэчаном. Будучи в то время секретарем политотдела нашей дивизии, он оказывал мне большую помощь. Я много раз беседовал с ним, прося дать мне рекомендацию для вступления в коммунистическую партию. Но он мне сказал тогда: «Центральный комитет партии принял решение не развивать в 8-м корпусе организации КПК, поэтому твоя просьба не может быть удовлетворена». После событий «21 мая» я не встречался с Дуань Дэчаном и очень хочу с ним увидеться. В настоящее время мое желание вступить в коммунистическую партию еще более возросло. Гоминьдан контрреволюционен с головы до пят.

Чжан Куан рассказал мне кое-что о текущей политической обстановке и о событиях, происходивших в нашем районе. При этом он отказался признать, что первая великая революция закончилась поражением, заявив о непрерывно прогрессирувавшем развитии революционной ситуации. Я чувствовал, что это не соответствует действительности, однако, поскольку видел своего собеседника в первый раз, не стал возражать.

Через несколько дней на закате он пришел вновь, сообщив, что Дуань Дэчан рекомендовал меня к вступлению в коммунистическую партию. Коллективную рекомендацию дали мне и товарищи из особого комитета [КПК уездов Наньсянь, Хуажун и Аньсян].

— К настоящему времени, — сказал он, — особый комитет уже обсудил вопрос о твоём членстве в Коммунистической партии Китая, решив его положительно. Докладная записка об этом уже послана в провинциальный комитет, и, как только он утвердит тебя, мы сообщим.

Я очень обрадовался и поблагодарил особый комитет за оказанное мне доверие. Затем я спросил, где находится Дуань Дэчан. Чжан ответил, что во время восстания в районе Шаши он получил легкий ожог, но сейчас уже вернулся в Наньсянь. Ранение Дуань Дэчана взволновало меня, и в присутствии Чжан Жуншэна²¹, который в тот раз был у меня, я спросил, не следует ли Дуаню под фамилией «Чжан»²² перебраться в дом Ли Цаня²³.

— В этом случае, — объяснил я, — мой полковой врач окажет ему медицинскую помощь.

Чжан Жуншэн заметил, что мы вернемся к этому вопросу после его обсуждения с другими товарищами. Спустя еще несколько дней, по-видимому, уже в конце октября, Чжан Жуншэн сообщил мне о том, что Дуань Дэчан перебрался к Ли Цаню. Я велел ему вечером пойти за мной, чтобы вместе отправиться навестить Дуаня. С наступлением сумерек он явился ко мне, и мы пошли. Чжан остался караулить на улице, я же стал расспрашивать Дуаня о его самочувствии. Ответив, что с его легким ожогом уже все в порядке, он кратко проинформировал меня о текущем моменте. То, что он рассказал, приободрило меня. Смысл его слов в общих чертах сводился к следующему.

Грандиозная великая революция потерпела поражение. Гоминьдан не смог решить ни одной из проблем и изменил революции. Правый оппортунизм Чэнь Дусю обанкротился, а восстания «осеннего урожая» обернулись авантюризмом. Сейчас революционная волна спала. Но коммунистическую партию и революционный народ нельзя уничтожить. Они извлекли большой опыт и будут работать еще лучше. Ты смог устоять на революционной платформе, говорил Дуань, и вот достиг своей давней мечты — особый комитет принял тебя в члены Коммунистической партии Китая. Докладная записка об этом уже послана в провинциальный комитет, который обязательно утвердит тебя.

Еще он говорил о необходимости уделять внимание конспирации, подчеркнув, что

создать партийное ядро в армии совсем непросто. Для этого надо, взяв за исходную базу 1-й батальон, постепенно распространять работу на весь полк и даже на всю дивизию. Когда созреют условия, партийная организация в армии сыграет важную роль. Он сказал, что коммунистическая партия будет всегда стремиться к революции.

— Есть, однако, люди, — добавил он, — которые идеализируют каждого коммуниста. Это также не соответствует действительности. Так что, если увидишь в партии отдельные недостатки, не разочаровывайся.

Он дал мне две книги. В одной содержалось популярное изложение «Капитала», в другой разъяснялась пролетарская философия. С его стороны не было сделано ни единого намека на то, что он дал мне рекомендацию в партию.

После его слов я почувствовал прилив сил, и чувство одиночества, преследовавшее меня все время после событий «21 мая», исчезло. Я понял, что, установив связь с коммунистической партией, по существу, вошел в контакт с народными массами, т. е. обрел нечто вроде точки опоры. Часто я вспоминал этот наш разговор. И до сих пор не раз мысленно возвращаюсь к нему.

Как-то раз в сумерки Чжан Жуншэн привел ко мне одного молодого человека. Представившись как специальный уполномоченный по уезду Наньсянь (имени я его не запомнил), он сообщил, что хочет рекомендовать ко мне на работу некоего Дэн Пина²⁴.

— Это безработный молодой человек 21—22 лет, прекрасно образованный, знаток каллиграфии и художник. Можете ли вы найти ему место у себя? — поинтересовался он.

— В штабе батальона, — ответил я, — есть две вакансии: писаря (по рангу старший сержант) и секретаря третьего класса (младший лейтенант или лейтенант). Жалованье первого — 15—16 юаней в месяц, второго — 30 юаней. Деньги небольшие.

— На еду хватит, и то хорошо.

— В таком случае пусть вначале попробует поработать писарем!

Мой собеседник не возражал.

Я поинтересовался, где сейчас находится этот человек. Ответил мне Чжан Жуншэн, сообщивший, что Дэн Пин жил где-то вдали от нашего расположения, в комнате, которую делил с приятелями.

— Вы с ним посоветуйтесь, — предложил я, — и если он не против, завтра же может переехать ко мне и жить в соседней комнате.

— Скажешь всем, — обратился я к Чжану. — что он мой приятель.

Удовлетворенный итогом нашей беседы, специальный представитель спросил, не состою ли я в коммунистической партии.

— Нет, — сказал я. — Некому рекомендовать меня.

— Нам известны и ваши слова, и дела, — заявил он. — Такие, как конвоирование крупнейшего помещика-тирана из местечка Мэйтяньху, которого все звали «Живым Яньваном» [сатаной], по улицам этого городка и окрестным дамбам; разыгрывание живых газет и театрализованных представлений, осуждающих тухао и лешэнь, солдатами гарнизона, расквартированного в Цзюдушане; скандирование при построении лозунга о служении рабочим и крестьянам; борьба против «комитета по очищению деревень» и против репрессий в отношении революционной молодежи. Все это — ваша наилучшая рекомендация, и кто же еще нужен, чтобы дать вам рекомендацию?

...Однажды с наступлением вечера, за несколько дней до Нового года по лунному календарю, Чжан Жуншэн привел ко мне некоего Вана, одного из ответственных работников комитета КПК уезда Наньсянь. Он хотел купить олеограф, масляную краску и кальку для того, чтобы подготовиться к развертыванию борьбы в канун Нового года. Планировалось издание листовок и плакатов. Самому ему купить это было сложно. Я сказал, что мы все сделаем, и тут же поручил Чжан Жуншэну заняться этим.

Пришедший рассказал также о том, что во время предновогодней акции они собирались расправиться с несколькими контрреволюционерами, а нескольких богачей арестовать для того, чтобы получить за них выкуп. Он попросил помочь им с оружием.

— У нас есть немного винтовок, которые нигде не зарегистрированы, — сказал я. — Вы подумайте, как их взять и передать вам, а затем сообщите мне. В этом деле требуется соблюдать как можно более строгую конспирацию.

Он попросил также выделить ему патроны. Я ответил, что к каждой винтовке будет выдано по 100—200 патронов. В заключение разговора я сказал:

— Не берите выкуп с тех тухао, которых вы собираетесь убить, просто конфискуйте

их имущество. Если же после получения выкупа все равно их убьете, то не сможете больше ничего получить от других. И еще — не жгите дома. В этом озерном крае, на дамбах, покрытые соломой жилища стоят настолько тесно друг к другу, что достаточно поджечь одно, как дотла сгорят все. Разумеется, это лишь мои предложения, которые я оставляю на ваше усмотрение.

О необходимости борьбы с авантюризмом я ничего не сказал.

— Хорошо, — ответил он, — я доложу в уездный комитет, и ваши предложения будут рассмотрены.

Насколько я помню, доставку винтовок скрытно осуществлял Ли Шоусюань. Ныне он является командующим железнодорожными войсками НОАК, а в то время был членом нашего подпольного солдатского комитета. Вопросы, связанные с транспортировкой, были согласованы Ли Цанем и Чжан Жуншэном с членами партийного комитета уезда Наньсянь.

Дуань Дэчан покинул Наньсянь после выздоровления, примерно в ноябре. Подготовкой к его отъезду занимался Чжан Куан. Несколько винтовок и деньги на дорогу передали Дуаню Чжан Жуншэн и Ли Ли. Позже Чжан Жуншэн переправил еще несколько винтовок, а также патроны и некоторую сумму денег особому комитету КПК.

В один из дней последней декады декабря (возможно, это было, правда, 30-е число двенадцатого месяца по лунному календарю) ко мне пришел Чжан Жуншэн. Весь светясь радостью, он сказал, что хочет сообщить мне одну хорошую новость. Оказалось, что провинциальный комитет утвердил меня членом КПК. Я поинтересовался, откуда он это знает, но он только улыбался и ничего не ответил. По-видимому, он вступил в коммунистическую партию раньше меня.

В конце 1927 г. Пэн Дэхуай был назначен командиром 1-го полка 5-й отдельной дивизии Хунаньской армии. Вскоре после этого он выехал в батальоны полка для выполнения некоторых формальностей, связанных со вступлением в должность.

...Находясь в местечке Саньсяньху в войсках 2-го батальона, я собрал все данные (номера рейсов, водоизмещение и время швартовки) о судах, которые заходили в города Чанша, Юэчжоу, Чандэ, Шаши и Ичан. Это должно было пригодиться на случай чрезвычайных обстоятельств. Моя часть могла бы тогда быстро продвинуться в район междуречья Юаньцзяна и Цзыцзяна.

Церемония моего вступления в партию была проведена в штабе полка уже после того, как я вернулся в Наньсянь, в последней декаде первого месяца или в начале второго месяца по лунному календарю. Сейчас я не в состоянии точно вспомнить, когда именно. Если в последней декаде первого месяца 17-го года Республики, то, следовательно, по общепринятому летоисчислению — вероятнее всего где-то около 15 февраля 1928 г. А если в начале второго месяца, то, по-видимому, в последней декаде февраля. Если же в начале добавочного второго месяца в високосный год, то в первой декаде марта.

...В тот день вечером при вступлении в партию я произнес клятву. Церемония была торжественной. На стене висели портреты К. Маркса и Ф. Энгельса (они были нарисованы Дэн Пином), а также полотнище с надписью: «Пролетарии всех стран, соединитесь и боритесь за коммунистическое общество!» От имени особого комитета присутствовал Чжан Куан. Он сидел напротив меня. По другие стороны стола сидели Дэн Пин и Чжан Жуншэн. Больше никого не было. Чжан Куан зачитал текст клятвы вступающего в партию, а затем сделал краткое сообщение о текущей политической обстановке. Говоря о революционной ситуации в Китае, он по-прежнему утверждал, что революция находится на подъеме. Такая позиция принципиально отличалась от точки зрения, которую высказывал Дуань Дэчан. Я поклялся бороться за дело китайской и мировой революции, за дело коммунизма и ради этого пожертвовать всем, что у меня есть, а в случае необходимости отдать и свою жизнь. Эта церемония произвела на меня очень глубокое впечатление.

Тогда же была образована наша партийная ячейка, которая стала непосредственно подчиняться особому комитету. В нее вошли четыре человека: Дэн Пин, Чжан Жуншэн, Ли Гуан и я. (Ли был послан ко мне связным от особого комитета и партийного комитета уезда Наньсянь. По социальному происхождению он был из крестьян, официально числился моим денщиком. Пропал без вести, когда Красная армия прорывалась из окружения в горах Цзинганшань в январе 1929 г.) Чжан Куан спросил нас, кто станет секретарем ячейки. Я предложил Дэн Пина. Чжан поинтересовался мнением

остальных, но те промолчали. Тогда он сказал, что самое лучшее, если секретарем ячейки станет старина Пэн. На этот раз я не стал отказываться. Через несколько дней состоялось собрание нашей партийной ячейки, которое приняло в партию Ли Цаня и Ли Ли. После утверждения этого решения особым комитетом КПК мы провели церемонию их официального приема, на котором опять присутствовал Чжан Куан. После собрания Чжан Куан и Дэн Пин уехали, а мы остались обсудить кое-какие проблемы. Ли Цань рассказал, что недавно из Чанша прибыл человек, который сообщил о разгуле там белого террора. По его словам, если раньше в Чанша коммунистов убивали только днем, то теперь убийства происходят и каждую ночь. На это я заявил, что всех коммунистов не перебьешь.

— Разве мы здесь не добавили в партию еще одну долю?

Много лет спустя, в период работы VII съезда Коммунистической партии Китая, в пещере, где я проживал, собралось несколько товарищей. Мы разговорились о том, какой страшный белый террор имел место в Китае зимой 1927 — весной 1928 г. Товарищи заинтересовались, как этот террор ощущался в армии. Я пересказал им изложенную выше беседу, добавив, что сейчас наши силы уже выросли настолько, что весь вопрос состоит не в том, уничтожит нас гоминьдан или нет, а в том, как нам его свергнуть.

Когда все это всплыло на Лушаньском совещании, то меня обвинили, что я якобы вступил в партию с идеей «войти в долю». На самом же деле я употребил слово «доля» в совершенно ином значении. За те три с лишним года, которые длится это расследование²⁵, наибольшее время — около одной трети — было отведено на выяснение вопросов, касающихся времени моего вступления в КПК, а также личности тех, кто дал мне рекомендации. На многочисленных допросах мне твердили о том, что я был рекомендован к вступлению в партию не особым комитетом КПК уездов Наньсянь, Хуажун и Аньсян и не Дуань Дэчаном, а кем-то другим. Мне говорили, что я якобы не хочу делить с другими заслуги в организации Пинцзянского восстания и поэтому скрываю имя того, кто рекомендовал меня в компартию. На все мои объяснения следователи заявляли, что я старая хитрая лиса. Вначале они показали мне письмо одного товарища, в котором содержался намек на то, что меня рекомендовал в партию Хуан Гунлюэ²⁶. В конце же допросов была предъявлена докладная записка Пань Синьюаня²⁷ в Центральный Комитет КПК. В ней также указывалось, что рекомендацию дал мне Хуан Гунлюэ. Говорил ли этому товарищу Хуан Гунлюэ о том, что я вступил в партию по его рекомендации, я не могу судить. Хуан Гунлюэ давно уже пал смертью храбрых. Но то, что Пань Синьюань никогда не встречался с Хуан Гунлюэ, я знаю совершенно определенно. В феврале — марте 1930 г. некоторые части 5-го корпуса Красной Армии вместе с войсками, непосредственно приданными нашему штабу, проходили переподготовку в районе, расположенном на границе уездов Юнсинь и Аньфу. Целью ее являлась организация наступления на города. В то время еще не закончилась война между Чан Кайши и гуансийскими милитаристами, и в этих условиях мы рассчитывали овладеть Аньфу и всеми другими городами в долине реки Юаньшуй и, уничтожив помещичьи вооруженные формирования, объединить пограничные районы Хунань — Цзянси и Хунань — Хубэй — Цзянси. Пань Синьюань был препровожден в штаб 5-го корпуса партийными связными из городов Наньчан и Цзиань и оставался у нас примерно в течение недели. За три или четыре месяца до того Хуан Гунлюэ, бывший ранее заместителем командира 5-го корпуса, был перемещен на место командира 6-го корпуса (впоследствии переименован в 3-й корпус). Таким образом очевидно, что Пань не мог с ним встретиться. Позже Пань Синьюань не приезжал в Центральный советский район. Говорю совершенно твердо: я не верю этим «историческим документам», еще меньше доверия вызывают у меня «свидетельства товарищей». Ведь на самом деле я видел всего несколько иероглифов из тех писем, о которых упомянул выше, так что никоим образом не могу судить, о чем они написаны.

В комиссии по расследованию мне неоднократно внушали, что подследственный «может лишь признавать вину, а не выгораживать себя». Ответственные лица в комиссии показывали мне лишь несколько иероглифов, закрывая ладонями остальную текст. Еще раз утверждаю: когда я вступил в партию, товарищ Хуан Гунлюэ еще не вернулся в уезд Наньсянь провинции Хунань.

До VII съезда Коммунистической партии Китая, когда возник вопрос о том, кто рекомендовал меня к вступлению в партию, я указывал особый комитет уездов Наньсянь, Хуажун и Аньсян. В последние же несколько лет называл Дуань Дэчана. В обоих случаях я был не вполне точен. Почему я только после VII съезда стал упоминать имя Дуань

Дэчана как давшего мне рекомендацию? В период VII съезда Жэнь Биши руководил работой по подготовке «Решения по некоторым вопросам истории»²⁸. Я также принимал в ней участие. В ходе работы мы проанализировали и биографию Дуань Дэчана. Жэнь Биши дал тогда Дуаню исчерпывающую характеристику, оценив его как несгибаемого революционера. Услышав это, я был очень тронут. Желая почтить его память, а также стремясь у него учиться, я с тех пор на вопрос о том, кто дал мне рекомендацию в партию, всегда отвечал: Дуань Дэчан. Кто же на самом деле рекомендовал меня? Ответ следует искать в словах Чжан Куана: «Товарищ Дуань Дэчан дал тебе рекомендацию в партию. Кроме того, тебя коллективно рекомендовали товарищи из особого комитета».

В конце апреля 1952 г., вернувшись из Кореи в Пекин, я был помещен в госпиталь, где мне удалили опухоль. Выписавшись, я поселился в резиденции Юнфутан (в правительственном квартале Чжанныанхай). В то время меня попросили подготовить краткую автобиографию в форме ответов на вопросы. Мне объяснили, что с аналогичной просьбой ко всем членам Политбюро ЦК КПК обратился ЦК КПСС. Наши автобиографии предназначались для энциклопедии. Я не мог тогда точно вспомнить дату своего вступления в партию, и, исходя из того, что лучше указать более поздний срок, поставил «апрель 1928 г.» С тех пор я предпочитаю указывать эту дату.

(Продолжение следует)

*Перевод с китайского,
комментарии и примечания
А. В. ПАНЦОВА*

¹ См.: Чжунго гунчаньдан люшинянь (60 лет КПК). Пекин, 1984, т. II, с. 516.

² Пэн Дэхуай цзышу (Мемуары Пэн Дэхуая). Пекин, 1981, с. 275.

³ Пэн Дэхуай юаньшуай фэнбэй юнцунь (Жизнь и деятельность маршала Пэн Дэхуая). Шанхай, 1985, с. 585.

⁴ Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР. Пекин, 1981, с. 29 (на кит. яз.).

⁵ См.: Цзай Пэн цзун шэньбянь: 1950—1966 (Рядом с главнокомандующим Пэном: 1950—1966). Чэнду, 1980, с. 65—67.

⁶ См.: Чжунго гунчаньдан лиши цзяньи (Лекции по истории КПК). Шанхай, 1981, т. II, с. 90, 93; «Данши яньцзю», 1981, № 5, с. 19—29.

⁷ «Синь гуанча», 1982, № 7, с. 33.

⁸ «Жэньминь жибао», 26. XI. 1984.

⁹ «Синь гуанча», 1982, № 7, с. 35.

¹⁰ В 1916 г. Пэн Дэхуай (1898—1974), выходец из семьи крестьян-бедняков, потеряв родителей, чтобы не погибнуть от голода и спасти родных, был вынужден поступить на службу в армию хунаньских милитаристов, воевавших с бэйяньским милитаристом Чжан Цзинчао.

¹¹ Сян — сокращенное название провинции Хунань, происходящее от наименования реки Сянцзян, протекающей по территории этой провинции.

¹² Е Тин (1896—1946) — член КПК с 1924 г. Во время штурма города Учана командовал Отдельным полком 4-го корпуса НРА. Затем вплоть до завершения национальной революции 1925—1927 гг. являлся командиром 24-й дивизии 11-го корпуса НРА и командующим гарнизоном Уханя («трехградье» Учан — Ханькоу — Ханьян). Один из руководителей Наньчанского восстания 1 августа 1927 г., которое положило начало формированию Красной армии Китая, и Кантонской коммуны (11—13 декабря 1927 г.). В период войны сопротивления Японии (1937—1945) был командиром находившегося под руководством КПК Нового 4-го корпуса НРА. В 1941 г. пленен гоминьдановцами во время предательского нападения на штабную колонну нового 4-го корпуса НРА. В 1946 г. погиб в авиационной катастрофе.

¹³ Дуань Дэчан (1904—1933) — член КПК с 1925 г. После разрыва гоминьданом летом 1927 г. единого фронта с КПК принимал активное участие в организации революционной борьбы пограничного района Хубэй — Хунань, в формировании 6-го корпуса Красной армии Китая.

¹⁴ Чжоу Пань — в то время командир 1-й дивизии 8-го корпуса НРА.

¹⁵ Хэ Цзянь (1887—1956) — в описываемое время являлся командиром 35-го корпуса НРА. В конце 1926 г. 1-я дивизия Чжоу Паня перешла под его командование.

¹⁶ Три народных принципа («национализм», «народовластие», «народное благосостояние») — идеологическая программа вождя китайской национальной революции Сунь Ятсена.

¹⁷ Лицзинь — внутренняя таможенная пошлина.

¹⁸ События «21 мая» — антикоммунистический переворот в Чанша в 1927 г., осуществленный командиром 33-го полка 35-го корпуса НРА Сюй Кэсяном. События «12 апреля» — серия антикоммунистических переворотов 12—13 апреля 1927 г. в городах Восточного Китая — Шанхае, Нанкине, Ханчжоу, Нинбо, Аньцине, Фучжоу, — совершенных Чан Кайши и его сторонниками.

¹⁹ По-видимому, имеется в виду комитет гоминьдана провинции Хунань.

²⁰ Шичуань — дружеское прозвище-псевдоним Пэн Дэхуая.

²¹ Чжан Жуншэн — один из членов Союза спасения бедняков.

²² Имеется в виду иероглиф, отличный от используемого в написании фамилии Чжан Жуншэна.

²³ Ли Цань являлся одним из ближайших соратников Пэн Дэхуая, членом Союза спасения бедняков.

²⁴ Дэн Пин (1909—1935) — вскоре после описываемых событий, в начале 1928 г., вступил в КПК. Впоследствии являлся начальником штабов 5-го корпуса, а затем 3-й армейской группы Красной армии Китая.

²⁵ Имеется в виду расследование так называемой антипартийной деятельности Пэн Дэхуая, проводившееся в период «культурной революции».

²⁶ Хуан Гунлюэ (1898—1931) — член КПК с 1927 г., ближайший сподвижник Пэн Дэхуая. С 1929 г. — заместитель командира 5-го корпуса, с 1930 г. — командир 3-го корпуса Красной армии Китая. Сыграл большую роль в отражении первых трех карательных походов Чан Кайши на Центральный советский район.

²⁷ Пань Синьюань (1902—1931) — член КПК с 1922 г., один из организаторов коммунистического движения в провинции Хунань. После завершения национальной революции 1925—1927 гг. являлся последовательно секретарем Хунань-Хубэйского особого комитета КПК, политкомиссаром 3-го и 4-го корпусов Красной армии Китая. В 1931 г. был назначен секретарем комитета КПК провинции Чжэцзян.

²⁸ Жэнь Биши (1904—1950) — член КПК с 1922 г., один из организаторов китайского комсомола, активный деятель КПК. Член ЦК КПК пятого — седьмого созывов, Временного Политбюро (1927—1928) и Политбюро ЦК КПК (1931—1950). «Решение по некоторым вопросам истории» было принято 7-м пленумом ЦК КПК 6-го созыва 20 апреля 1945 г., накануне VII съезда КПК. В нем обобщался (при участии Мао Цзэдуна) опыт более чем 20-летней истории китайского коммунистического движения.

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

Планирование семьи в Китае

Население Китая уже превысило 1 млрд. человек и продолжает расти. Судя по информации в газете «Жэньминь жибао» (4.XII.1986) о состоявшейся в начале декабря 1986 г. в Пекине Всекитайской рабочей конференции по планированию семьи, а также по другим публикациям, это вызывает озабоченность у руководства страны, усилия которого в течение многих лет были направлены на сокращение темпов роста населения. О внимании в КНР к демографическим проблемам свидетельствует хотя бы то, что на конференции присутствовали премьер Госсовета КНР Чжао Цзяян, заместитель премьера Вань Ли и другие ответственные лица.

Председатель Комитета по планированию семьи Ван Вэй в своем докладе на конференции проанализировал демографическую обстановку в стране и отметил, что работа по осуществлению программы планирования семьи в настоящее время осложнилась, так как «в годы седьмой пятилетки в Китае наблюдается новый пик рождаемости и в 1986 г. в стране родилось примерно на 1 млн. человек больше, чем в предыдущем году». Говоря о конкретных мерах по проведению политики планирования семьи, Ван Вэй сказал, что в настоящее время они включают пропаганду поздних браков, проведение в жизнь лозунга «одна семья — один ребенок».

Этот лозунг был выдвинут руководством КНР в 1979 г. В течение ряда лет принимались различные постановления, направленные на его осуществление. В соответствии с ними семьи, решившие иметь одного ребенка, получали различные льготы: право на первоочередное получение жилплощади, на бесплатное содержание ребенка в детском саду и обучение его в средней школе и др. Крестьянским семьям в этом случае увеличивались размеры выделяемых приусадебных участков. С другой стороны, были введены санкции для супругов, имеющих более двух детей. Например, при рождении третьего ребенка снижается заработная плата родителей, они лишаются премий, как матери, так и ребенку медицинская помощь в этом случае предоставляется только за плату.

Лозунг «одна семья — один ребенок» проводится в жизнь с учетом конкретных условий на местах и национальных особенностей. Ван Вэй в своем докладе, как пишет «Жэньминь жибао», подчеркнул необходимость и в дальнейшем сохранять дифференцированный подход при проведении в жизнь этого лозунга. В большинстве районов страны, сказал он, разрешение на рождение второго ребенка должно выдаваться только тем семьям, где это действительно необходимо и будет сохранен запрет иметь в семье более трех детей. Однако в районах национальных меньшинств этот предел может не соблюдаться.

Чжао Цзяян в своем выступлении на упомянутой конференции выдвинул задачу в текущем столетии удержать народонаселение страны на уровне 1200 млн. человек. Эта задача выполнима, подчеркнул он, даже в условиях очередного пика рождаемости. Для достижения цели необходим строгий административный контроль, который остается главным средством и не может быть отменен. Указав на важность достижения этой цели, Чжао Цзяян отметил, что «если рост народонаселения будет слишком быстрым, то в проведении политики четырех модернизаций могут возникнуть трудности».

Премьер Госсовета КНР подчеркнул, что в работе по планированию семьи «должно быть единое понимание и стабильная долгосрочная политика». За прошедшие годы политика планирования семьи в Китае совершенствовалась с учетом складывающейся обстановки. Эта политика, по оценке Чжао Цзяяна, «получила поддержку широких

народных масс и будет проводиться далее длительное время, по крайней мере без изменений в течение десяти и более лет». Ее совершенствование должно быть направлено на обеспечение лучшего контроля за демографической обстановкой.

Заместитель премьера Госсовета КНР Вань Ли в своем выступлении на конференции, пишет «Жэньминь жибао», сделал акцент на том, что «важно обеспечить рождение здоровых детей, чтобы компенсировать снижение рождаемости». Здоровье детей, указал Вань Ли, — это дело не только одного какого-либо ведомства, это задача всего общества. В этих целях необходима широкая пропаганда соответствующих научных знаний.

Законодательство, касающееся планирования семьи, пишет «Жэньминь жибао» (23.X.1986), было выработано «исходя из фактической обстановки в стране, для преодоления анархии в вопросах воспроизводства населения». В таком огромном государстве, как Китай, отмечает обозреватель газеты, в стране с довольно отсталой экономикой и культурой, при миллиардном населении, из которого 800 млн. — крестьяне, внедрение планирования семьи, несомненно, является глубокой реформой, несущей с собой смену понятий и традиций, взглядов и привычек. Эта реформа затрагивает интересы миллионов семей, оказывает влияние на чувства и настроения народных масс, бьет по традиционным взглядам и старым привычкам, доставшимся в наследство от многих поколений. Планирование семьи — это сознательные действия по регулированию воспроизводства населения, к которым люди прибегают на основе познания объективных законов развития общества.

В той или иной форме, в первую очередь исходя из необходимости повышения производительности труда работающих женщин и заботы об их здоровье, планирование семьи начало активно внедряться в Китае с 1963 г. Многолетняя практика проведения этой политики, пишет «Жэньминь жибао», показала, что «особое внимание необходимо обращать на воспитание сознательности у населения, на работу по изменению взглядов широких народных масс на деторождение».

Отношение населения к планированию семьи, сообщает далее газета, определяется не только материальными условиями быта и производства, но и уровнем общественной культуры. Поэтому программа планирования семьи — одна из задач строительства социалистической духовной культуры. Газета призывает воспитательными мерами, наращиванием усилий по пропаганде научных взглядов в области демографических проблем окончательно преодолеть еще сохраняющиеся в быту и сознании изжившие себя традиции и взгляды на семью в целом и на роль ее членов. «Жэньминь жибао» призывает отказаться, например, от все еще бытующего представления, по которому «чем больше в семье детей, тем она богаче». Как одну из важнейших задач газета выделяет необходимость «воспитания в массах чувства уважения к женщине», привития новых взглядов, по которым при рождении ребенка «ценились бы одинаково как мальчик, так и девочка». Цель воспитания, делается вывод в статье, — добиться того, чтобы курс на планирование семьи проводился в результате осознанных действий миллионных народных масс.

«Жэньминь жибао» призывает уделять внимание не только борьбе со старыми взглядами и предрассудками, но и распространению научных знаний и общей культуры, чтобы ликвидировать невежество и отсталость. В городах и селах, особенно отдаленных районов, ставится задача «повсеместно распространить элементарные, а затем и научные знания по проблемам планирования семьи». Реформа и политика расширения связей с внешним миром, отмечает газета, дали новый импульс делу строительства социализма и вместе с тем «оказали большое влияние на политику планирования семьи». Положительное влияние объясняется тем, что в деревнях, где довольно быстро развивается хозяйство и повышается культура, происходят изменения в формах производства и быта, старые представления о большой семье оказались под ударом в обстановке стремления населения к науке и культуре.

Однако процесс проведения в жизнь мер по сдерживанию роста народонаселения все еще сталкивается с определенными трудностями. Видимо, поэтому «Жэньминь жибао» призывает кадровых работников и население «осознать, что курс на планирование семьи отвечает коренным и долговременным интересам государства и народа, отражает интересы масс». С другой стороны, как указывают китайские руководители, многие мероприятия, направленные на осуществление этого курса, порождают новые проблемы, хотя и более легко разрешимые. Из них Чжао Цзыян в своем вы-

ступлении на прошедшей конференции выделил, например, две: старение населения и воспитание детей-одиночек в семье.

Эти проблемы рассматриваются во многих публикациях китайских газет. Так, «Жэньминь жибао» (25.XII.1986), касаясь проблемы старения населения, пишет, что в настоящее время в Китае насчитывается 88 млн. человек старше 60 лет. По прогнозам, к 1995 г. их число достигнет примерно 120 млн. человек, или превысит 10 % населения страны. Старение сопровождается ростом коэффициента социального содержания. В настоящее время в Китае один престарелый приходится на каждые 8 человек трудоспособного возраста, а к 2025 г. этот показатель сократится до трех человек. По мере сужения рамок семьи трудоспособным придется содержать и следующее поколение, и стариков. Возможно, пишет «Жэньминь жибао», что сложится такое положение, при котором прокормить иждивенцев будет трудно.

Газета предлагает «поднять проблему престарелых на стратегическую высоту, чтобы привлечь к ней внимание широкой общественности». Нужно, подчеркивает «Жэньминь жибао», не только проводить курс на сокращение темпов роста населения, но и активнее развивать производительные силы общества, экономику, чтобы повысить возможности общества содержать престарелых.

Для решения проблем, связанных с ростом числа престарелых, в 1982 г. по решению Госсовета КНР был создан Всекитайский комитет по проблемам престарелых. К настоящему времени подобные комитеты созданы в 26 провинциях, автономных районах и городах центрального подчинения. Этим комитетам, как пишет «Жэньминь жибао», вследствие быстрого роста числа престарелых предстоит решить немало проблем, как экономических, так и социальных. Государство и общество, пишет газета, берут на себя определенные расходы по пенсионному обеспечению, лечению, оказанию материальной помощи из социальных фондов и т. д. Сейчас пенсии выплачиваются уже примерно 18 млн. человек.

Газета указывает на безотлагательную необходимость выработки специального законодательства, так как в обществе часты проявления неуважения к престарелым, имеют место отказы содержать их и даже случаи, когда стариков бросают. Необходимо, говорится в статье, искать пути решения проблемы престарелых, отвечающие специфике Китая, и в частности учитывающие то, что 80 % населения страны проживает в деревне. Газета указывает на важность проведения в ближайшее время реформы действующего трудового страхования, пересмотра роли государства в системе социального обеспечения с учетом существования в стране общественной, коллективной и индивидуальной собственности. Что касается ухода за престарелыми, то здесь основной формой, как считает автор статьи, предполагается содержание в семье, а вспомогательной — содержание в больницах и домах престарелых. Таким путем, по его мнению, можно было бы удовлетворить пожелания большей части престарелых.

Другой, не менее сложной проблемой, возникшей в ходе проведения руководством Китая курса на административное регулирование деторождения, является воспитание детей-одиночек в семье. Претворение в жизнь лозунга «одна семья — один ребенок» приводит к тому, что быстро растет число семей с одним ребенком. Так, в Показательной базовой школе Пекина № 1, как пишет директор школы в статье в газете «Гуанмин жибао» (4.VI.1986), в целом по школе 60 % учеников — «единственные дети в семье», а в первых классах их уже 80 %. Родительская любовь, вытекающая на единственное чадо, пишет директор школы, ведет к тому, что среди школьников наблюдается рост эгоцентризма. Дети не желают выполнять простейшие обязанности, например делать уборку своего рабочего места в школе и дома, помогать родителям в домашних делах. Учителя считают, что рост эгоцентризма у детей «является результатом чрезмерной заботы о них в семьях». В результате такой заботы у детей «ослабляется сила воли, они боятся трудностей, препятствий на жизненном пути, у них весьма низкая самостоятельность». В статье отмечается, что «особо тревожное положение сложилось с детьми кадровых работников». Они, пишет директор школы, считают себя лучше других, полагают, что в любом деле они должны быть лидерами и выбор всегда должен падать на них.

Автор статьи призывает школьных работников обратить особое внимание на «воспитание ответственности у единственных детей по отношению к родителям». В то же время, пишет директор школы, «требуется не только постоянное системное воспи-

тание в школе, но и соответствующее воспитание в семье и обществе, отвечающее современным требованиям и методикам».

Главная причина большинства проблем в том, говорится в статье, что нет оптимального сочетания семейного и общественного воспитания, в том, что наблюдается значительное отставание семейного воспитания, а эффективное воспитание, считает директор школы, возможно лишь тогда, когда «для детей семья станет школой номер один, а родители — учителями номер один».

Административные меры, направленные на сокращение темпов роста населения, экономическая реформа, политика расширения связей с внешним миром, по свидетельству китайской печати, вызывают и глубокие изменения в семейных отношениях. В интервью газете «Жэньминь жибао» (16.IX.1986) заведующий отделом быта, брака и семьи Научно-исследовательского института социологии Академии общественных наук КНР Лю Ин сказал: «На смену традиционной семье, когда несколько поколений жили под одной крышей, приходит малая семья — муж, жена и не вступившие в брак дети. Она уже стала основной семейной ячейкой нашего общества». Лю Ин в качестве примера приводит деревню Пэйян провинции Аньхой, где малые семьи уже составляют 61 %. Лю Ин указывает, что внедрение семейного подяра ускорило темпы перехода от больших семей к малым. Это наблюдается, например, в отдаленных провинциях, таких, как Ганьсу, и др.

В развитии семейных отношений в Китае, сказал в интервью Лю Ин, отмечается несколько тенденций:

1. Укрепляется и повышается положение женщины. Доход жены стал важной частью семейного дохода, и это ведет к тому, что отношения супругов становятся все более равноправными, демократичными, основанными на взаимном уважении и любви. Появилась материальная основа для такого развития. Так, если в городских китайских семьях до 1949 г. сообща решались семейные вопросы только в 50 % семей, то в 1977 г., как показывают опросы, этот показатель увеличился до 90 % и более. В целом возрастная, культурная и профессиональная разница между супругами становится все меньше. Женщина уже не является больше «идущей за мужем или сыном». Однако в связи с влиянием традиций и обычаев, все еще низкого культурного уровня установление брачных отношений в большинстве случаев происходит через посредников, отмечает Лю Ин.

2. Происходят изменения и в межсемейных отношениях. Ранее они строились главным образом на основе кровнородственных вертикальных связей по мужской линии. Сейчас все большую роль играют межсемейные связи, возникающие в результате заключения браков. При образовании молодой семьи или выделении ее из комплексной сохраняются очень тесные семейные связи. Семьи родителей и детей, хотя и не живут в одном доме, взаимопривязаны, оказывают поддержку друг другу. Сыновья и дочери помогают родителям, а родители проявляют заботу о детях. Другие родственники оказываются как бы между этими семьями, считает Лю Ин.

Таковы некоторые аспекты складывающейся в КНР демографической обстановки и подходов руководства КНР к проблемам планирования семьи. Председатель Комитета по планированию семьи Ван Вэй, выступая как глава делегации Китая на проведенной под эгидой ООН в 1984 г. в Мексике Международной конференции по народонаселению, расценил как успешную политику планирования семьи в КНР. При этом он подчеркнул, что Китай не стремится навязывать свои принципы этой политики другим, как и не считает приемлемым навязывание целей демографической политики извне.

Б. Н. БАСОВ

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Как строить мир и безопасность в АТР

«Тихоокеанское сообщество»: Планы и перспективы. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1987, 350 с.— Рез. на англ. яз.

Научная литература по актуальным проблемам азиатско-тихоокеанского региона (АТР) пополнилась серьезной монографией. Главная особенность новой книги, написанной группой ученых Института мировой экономики и международных отношений АН СССР (ответственный редактор И. И. Коваленко), состоит в комплексном характере исследования. Отталкиваясь от частной задачи — вскрыть действительное существо замысла формирования «Тихоокеанского сообщества» по сценарию правящих кругов США и Японии, авторы монографии исследуют отношение к нему различных стран и групп стран региона, но на этом не останавливаются. Они идут значительно дальше: анализируют объективные предпосылки многостороннего экономического и политического сотрудничества в бассейне Тихого океана, показывают настоятельную необходимость во имя не сиюминутных, а долгосрочных, коренных интересов государств АТР отвергнуть ограниченное, конфронтационное понимание облика возможного «Тихоокеанского сообщества», избирательное отношение к его составу. Планам формирования замкнутой региональной группировки противопоставляются советские предложения: идея обеспечения безопасности в регионе совместными усилиями находящихся здесь государств, выдвинутая М. С. Горбачевым и нашедшая отражение в Заявлении Советского правительства от 23 апреля 1986 г., в котором содержится призыв совместно рассмотреть вопросы безопасности в регионе, включая экономическую, выражена поддержка инициатив

других стран по демилитаризации региона, изложена широкая программа общерегионального хозяйственного сотрудничества.

Как подчеркивается в предисловии к монографии, ее авторы «исходят из того, что «Тихоокеанское сообщество» в подлинном смысле слова закономерно должно было бы создаваться и развиваться в условиях мира и при равноправном и разностороннем участии в нем всех желающих государств, включая социалистические» (с. 9). Подобное участие в принципе отвечало бы интересам всех стран АТР. Оно создало бы базу для мира и безопасности в регионе в виде хозяйственного сотрудничества, позволило бы развитым странам рациональнее спланировать назревающие структурные сдвиги в их экономике с учетом более широкого международного разделения труда, а развивающимся — опереться на социалистических партнеров в преодолении экономической зависимости, совместно осуществить крупные долговременные проекты, в том числе под патронажем ЭСКАТО (с. 9). В монографии указывается на готовность Советского Союза принять самое активное участие в мирном региональном сотрудничестве, обращается внимание на использование в этих целях природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока, советских промыслового и транспортного флотов, технологии, технической помощи, опыта подготовки кадров и хозяйственного строительства, социалистической интеграции и новых форм внешнеэкономических связей.

Весьма богат фактический материал, который привлекли авторы для аргументации своих взглядов. С этой точки зрения книгу можно рассматривать как своеобразный справочник по современному экономическим, политическим и военным отношениям между странами региона. Важно также отметить, что построенное на принципе историзма исследование дает не статическое изображение состояния этих отношений, а показывает их в процессе эволюции. А это в свою очередь облегчает выявление господствующих тенденций и разноплановых факторов, определяющих нынешнюю ситуацию в регионе и возможности ее изменений в будущем.

Детально анализируются в книге планы и конкретная политическая и военная деятельность США на Тихом океане.

Сейчас многие американские политики, ученые, даже военные, включая министра обороны Уайнбергера, твердят о том, что США якобы несут странам АТР мир и экономическое процветание, а Советский Союз, напротив, имеет лишь «военное присутствие», угрожает безопасности расположенных здесь стран. Авторы книги напоминают факты, свидетельствующие об обратном. «Основную ставку стратеги и политики Вашингтона делала на силу, на использование военной (а «в случае необходимости» и ядерной) мощи, дабы воспрепятствовать национальному и социальному освобождению народов азиатско-тихоокеанского региона. Именно в этом регионе — сначала в Корее, затем во Вьетнаме — США в послевоенные годы прибегли к крупномасштабному использованию военной силы для достижения политических целей» (с. 21).

Известно, что американская агрессия во Вьетнаме обернулась для Вашингтона подрывом позиций в регионе, глубоким внутренним кризисом в самих США. В этих условиях одна за другой возникали тихоокеанские доктрины США, смысл которых состоял в том, чтобы переложить значительную часть бремени по защите позиций капитализма в АТР на своих союзников и партнеров. Но правящие круги США отнюдь не отказались от цели «закрепления и расширения американского влияния в западной части бассейна Тихого океана и обеспечения здесь политического и стратегического перевеса над СССР и силами социализма...» (с. 29), с тем чтобы с позиций неоглобализма обеспечить господствующее положение в регионе.

Важнейшими элементами экспансионистской политики США на современном этапе явились наращивание военной мощи на Тихом океане, забота об укреплении системы уже существующих военно-политических союзов, планы вовлечения государств региона в новые блоки, включая идею «Тихоокеанского сообщества». Особенно опасный характер имеет наращивание морских наступательных ядерных вооружений. Происходят глубокие качественные перемены в военно-морских силах США, расположенных в регионе. Они расширяют возможности по нанесению ядерного удара: на вооружение поступают новейшие подводные лодки-ракетоносцы типа «Огайо» с ракетами «Трайидент», в регионе на-

ходятся шесть из одиннадцати больших авианосцев, на которых базируются самолеты-носители ядерного оружия, ядерными крылатыми ракетами средней дальности «Томагавк» оснащаются надводные корабли и торпедные подводные лодки. Читатель найдет в книге конкретные сведения по военной деятельности США в АТР.

Рассматривая японские взгляды на концепцию «Тихоокеанского сообщества», авторы книги обращают внимание на то, что появление и развитие этой концепции на современной японской почве перекликаются с прежним лозунгом создания «Великой восточноазиатской сферы процветания», попытки претворить который в жизнь обернулись трагическими последствиями и для народов Азиатского континента, и для японского народа. Япония, имея собственные империалистические интересы, не желает отставать от США в деле формирования «Тихоокеанского сообщества», более того, она хотела бы занять наиболее влиятельные позиции. Но нынешние взгляды японских политиков вырабатываются в особых условиях, когда Япония не только вынуждена считаться с тем, что в Азии еще не забыли японскую агрессию, но и связана теперь военно-политическим союзом с США. Ее внешняя политика тесно увязана с американской глобальной стратегией. «Причем, — по мнению авторов книги, — «увязка» носит такой характер, когда Токио «предполагает», а Вашингтон «располагает», — сегодня это одна из главных черт японской внешней политики» (с. 87).

Что же касается военной стороны политики Японии в АТР, то в монографии справедливо отмечается распределение ролей между США и Японией. США наращивают ядерный потенциал и обычные вооруженные силы в районе Азии и Тихого океана, а Япония увеличивает военную активность в зоне Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (ЮВА). «Средствами достижения этих целей являются: усовершенствование механизма японо-американского «договора безопасности»; усиление военно-технического потенциала Японии; увеличение расходов Токио на содержание американских войск на японской территории и частично в ЮВА (в частности, на обслуживание американских баз на Филиппинах); защита морских и воздушных зон «силами самообороны» в северо-

западной части Тихого океана, для начала на расстоянии 1000 миль от японских берегов; наконец, формирование военно-политических коалиционных связей в треугольниках США — Западная Европа — Япония и США — Южная Корея — Япония» (с. 91). Характерным моментом нынешних американо-японских военных отношений является их подъем на качественно новый уровень. «Япония переходит от опоры на США к взаимодействию с ними» (с. 101).

Интересен анализ отношений Японии с ее соседями по региону — Южной Кореей, странами АСЕАН, Тайванем. Авторы приходят к выводу об экспансионистском, эгоистическом характере политики Японии в АТР, определяемом желанием обеспечить выгоды и преимущества для японского монополистического капитала без учета национальных интересов других стран и народов региона. Япония хотела бы создать «условия как максимум для единоличного доминирования, как минимум для совместного с США кондомината в регионе» (с. 119).

Уже из анализа взглядов США и Японии — инициаторов идеи «Тихоокеанского сообщества» — видны различия целей, которые ставят перед собой империалистические партнеры и в то же время конкуренты. Но еще более наглядными становятся экономические и политические противоречия между странами региона, когда в монографии исследуются подходы к этому вопросу со стороны других государств.

Если Австралия, Канада, Новая Зеландия, а также дальневосточные «новые индустриальные страны», в особенности Южная Корея, проявили интерес к обсуждению идеи тихоокеанской экономической интеграции, хотя, разумеется, во взглядах каждой из этих стран имеются свои нюансы и различия, которые хорошо показаны в монографии, то совершенно иначе дело обстоит с государствами ЮВА. Эти страны отдают предпочтение взаимодействию в рамках АСЕАН, выступая против таких форм сотрудничества в Тихоокеанском бассейне, которые могут принизить роль Ассоциации и повредить связям внутри нее. Они отвергают навязываемое им мышление блоковыми категориями, для них в целом характерно стремление к проведению независимой внешней политики. Конечно, нельзя утверждать, что уже сейчас государства, входящие в

АСЕАН, совершенно не втянуты в блоковую, конфронтационную политику. Об этом свидетельствует, в частности, их позиция вокруг кампучийского вопроса. Однако именно факты вольного или невольного участия в осуществлении глобальной политики американского империализма становятся наглядными уроками несоответствия действий по рецептам США и Японии национальным интересам развивающихся стран.

В специальную главу вынесено рассмотрение вопросов, касающихся Китайской Народной Республики. Четко проведено различие между теми замыслами и надеждами, которые присущи правящим кругам США и Японии, когда они включают Китай в свои планы, и реальной политикой, проводимой КНР в настоящее время. Вывод, который сделан в монографии: «Совокупность факторов, включая учет национальных интересов и интересов развития социализма в Китае, осознание подлинных целей США и Японии в азиатско-тихоокеанском регионе, объективно не может не побуждать китайских лидеров воздерживаться от успешных решений относительно приобщения к «Тихоокеанскому сообществу» (с. 244).

В монографии представлен краткий обзор антивоенного, антиядерного движения в регионе, развитие которого по отдельным странам весьма неравномерно, но в целом идет по восходящей линии. Здесь же даны заметки об обстановке, создавшейся в южной части Тихого океана, где борьба небольших островных государств в защиту своих национальных интересов тесно переплетается с их стремлением противодействовать ядерной политике США и Франции в этой части мира. В книге рассказывается о миролюбивых инициативах социалистических государств региона — МНР, трех стран Индокитая, КНР.

В монографии содержится очерк истории последовательной и настойчивой борьбы СССР за мир в Азии и Тихом океане, разъясняются принципиальные основы советской концепции комплексного подхода к обеспечению безопасности в АТР совместными усилиями стран региона.

За короткий промежуток времени, после того как рецензируемая книга была сдана в печать, в азиатско-тихоокеанском регионе произошло немало

важных событий. Наша страна выступила с новыми инициативами, направленными на то, чтобы народы этого региона смогли жить в мире, чтобы между всеми государствами региона, независимо от их общественного строя, ширилось и развивалось экономическое, научно-техническое и культурное сотрудничество. Развернутая программа действий для достижения этих целей была изложена в речи Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева во Владивостоке в июле 1986 г. Подписанная М. С. Горбачевым и Р. Ганди в ноябре 1986 г. Делийская декларация о принципах свободного от ядерного оружия и

ненасильственного мира указала магистральное направление, по которому должны двигаться страны АТР, чтобы ответить на насущные интересы их народов. Неуклонное проведение в жизнь миролюбивых инициатив Советского Союза в азиатско-тихоокеанском регионе — наш практический ответ на концепции «Тихоокеанского сообщества». Идея комплексного обеспечения мира и безопасности в регионе совместными усилиями его государств завоевывает все больше сторонников, демонстрирует свою привлекательность и жизненную силу.

А. И. СЕНАТОВ

Корейский вопрос: правда истории и ее фальсификаторы

В. И. Петухов. У истоков борьбы за единство и независимость Кореи. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987, 236 с. с ил.

Крах гитлеровского фашизма и японского милитаризма ускорил исторически закономерный процесс образования новых, независимых государств в Европе и Азии. В августе 1945 г. Советская Армия освободила от японского колониального господства Корею. В северной части страны осуществлялись революционно-демократические преобразования, был взят курс на строительство социализма и в сентябре 1948 г. провозглашена Корейская Народно-Демократическая Республика.

Народ Кореи на протяжении уже более 40 лет ведет борьбу за объединение родины, за создание единого независимого демократического государства. Осуществлению этого препятствует агрессивная неоколониалистская политика американского империализма, которая привела к расколу Кореи, противопоставила одну часть страны другой, посеяла семена раздора и конфронтации между ними. Рецензируемая книга впервые комплексно рассматривает две

внешнеполитические линии — США и СССР — по корейскому вопросу.

Автор — профессиональный дипломат, в течение длительного периода после второй мировой войны принимавший непосредственное участие в выработке важных внешнеполитических документов Советского Союза по корейскому вопросу. Рецензируемая книга представляет интерес как важное свидетельство участника событий и как компетентное научное исследование проблемы. Тема монографии очень важна, так как она посвящена незабываемым страницам истории возрождения корейского народа после избавления от господства японского империализма. В ней убедительно показана бескорыстная помощь СССР как в построении основ независимого государства и социалистическом развитии, так и в обеспечении благоприятных внешнеполитических условий для отпора агрессивным политическим и военным планам американского империализма.

Книга В. И. Петухова убедительно опровергает тезис заокеанской буржуазной историографии и пропаганды о традиционно «дружественном» отношении США к Корее. Американские идеологи искажают существо корейского вопроса, представляют в превратном свете историю борьбы вокруг него на мировой арене. Они стараются извинить Соединенные Штаты от ответственности за раскол Кореи и срыв выполнения международных соглашений об обеспечении ее независимости путем создания единого демократического правительства. Особые усилия направляет буржуазная пропа-

ганда на фальсификацию фактов, связанных с позицией Советского Союза, последовательно и решительно отстаивающего право корейского народа на самостоятельное демократическое развитие. Искажая действительность, эти истории пытаются представить Советский Союз инициатором установления иностранной опеки над Кореей и противником независимости корейского народа.

Как подчеркивает автор, с первых дней деятельности советских и американских военных властей в Корее обнаружилось принципиальное различие в их политике. В то время как мероприятия советского командования в Северной Корее были направлены на ликвидацию пагубных последствий японского господства в политической и экономической жизни страны, полное разрушение японского колониального аппарата управления, установление и развитие демократических институтов, содействие проведению в стране радикальных демократических преобразований, мероприятия американского командования в Южной Корее преследовали цели ограничения и подавления демократического движения корейского народа, сохранения тех институтов японского колониального режима, которые могли быть использованы Соединенными Штатами Америки для установления своего контроля в Корее (с. 31).

Автор на основе обширного фактического материала разоблачает враждебную интересам корейского народа политику США. Будучи очевидцем событий в Корее в годы после ее освобождения, он освещает узловые моменты начального периода ее послевоенной истории — от изгнания японских захватчиков и разделения страны на две зоны до вооруженной интервенции США и срыва ими политического урегулирования корейского вопроса на Женевском совещании министров иностранных дел в 1954 г. и сессиях Генеральной Ассамблеи ООН. Этот период представляет особый интерес потому, что он вобрал в себя крупнейшие события, в которых четко и рельефно проявилось столкновение двух диаметрально противоположных позиций в подходе к корейским делам — линии Советского Союза, отстаивавшего право корейского народа на единство, независимость и демократическое развитие, и линии Вашингтона, взявшего курс на закабаление Кореи и с этой

целью прибегшего к различным ухищрениям и манипуляциям, чтобы не допустить подлинного самоопределения корейского народа.

Осуществление демократических преобразований, которые означали коренную перестройку экономической и общественно-социальной жизни в северной части страны, было позже закреплено в Конституции КНДР как прочная демократическая основа нового, свободного государства. Нет сомнения, что осуществленные народной властью преобразования отражали чаяния и интересы всего корейского народа, в том числе и на юге страны. Об этом, подчеркивает автор, свидетельствовали многочисленные выступления в сеульской печати, резолюции массовых митингов трудящихся и интеллигенции в различных городах и поселках Южной Кореи. Во время всеобщей забастовки, охватившей Южную Корею в сентябре — октябре 1946 г., одним из главных требований бастующих было проведение реформ, подобных тем, которые были осуществлены в Северной Корее (с. 52).

Значительное место отводится в книге В. И. Петухова разоблачению экспансионистской сущности политики американского империализма в Корее. Агрессивные цели утверждения господства в Корее (или на части ее территории) определяют официальную политику правящих кругов США от времен второй мировой войны до сегодняшних дней.

Автор указывает, что истоки этой политики — не в тайниках подсознания, не в изломах психики государственных деятелей, не в их мнимых «ошибках» и «заблуждениях», а в материальных, экономических и политических интересах господствующего класса США, издавна рассматривавшего Корею как выгодную сферу приложения капитала и как «разменную монету» крупной международной политической «игры» в азиатско-тихоокеанском регионе. Автор показывает бесплодность попыток американской идеологии и пропаганды оправдать под различными предлогами такие крупные акции внешней политики Вашингтона, противоречащие интересам корейского народа, как вмешательство США во внутренние дела Южной Кореи, поддержка обанкротившегося режима Ли Сын Мана, агрессия против корейского народа. Именно США несут ответственность за то, что до сих пор остается нерешенным

шенной основной национальной проблемой, волнующая каждого корейца, — проблема воссоединения родины и создания единого независимого демократического государства. На пути к решению этой проблемы по-прежнему стоят американский империализм и направляемая им южнокорейская реакция.

Политика грубого вмешательства в дела корейского народа, фактическая оккупация его территории со ссылкой на всякого рода соглашения с режимом американских ставленников продолжают и поныне. Одним из результатов этой политики является подавление в Южной Корее всяких демократических свобод, вызывающее гневное осуждение во всем мире попрание элементарных человеческих прав, разгул антинародного режима.

Советский Союз и другие социалистические государства твердо стоят на стороне правого дела корейского народа. Как и в прошлом, у истоков борьбы за единство и независимость Кореи, так и в последующем — на всех этапах этой борьбы — Советский Союз был и остается верным другом Кореи, защитником ее законных национальных интересов и чаяний. Что касается национальной проблемы, волнующей весь корейский народ, заключает автор, то со-

ветская сторона неоднократно подтверждала «неизменную поддержку инициатив КНДР, направленных на вывод американских войск из Южной Кореи, достижение мирного, демократического объединения страны, создание Демократической конфедеративной республики Корё, замену соглашения о перемирии мирным соглашениям и проведение широкого диалога между Севером и Югом (с. 218).

Параллельный анализ советской и американской позиций по корейскому вопросу, проводимый автором, наглядно показывает, кто искренне стремится к поддержанию усилий корейского народа в деле создания единого, независимого демократического государства, а кто раздувает военный психоз и нагнетает напряженность, чтобы оправдать свои агрессивные замыслы и отказ вести диалог между Севером и Югом.

Рецензируемая книга, в которой широко и многосторонне анализируется положение в одном из самых сложных «узлов противоречий», оставшихся в наследство от второй мировой войны, несомненно, привлечет внимание как советских, так и зарубежных читателей.

В. А. АРХИПОВ

Перспективы советско-японских отношений

«Ниссо хэйва-но дзёкэн» (Условия мира между Японией и Советским Союзом). Под редакцией Синдо Эйнти. Токио, 1987 г., 450 с. На яп. языке.

Рецензируемая коллективная монография вышла в издательстве «Нингэн-ся» в начале 1987 г. Для читателя она представляет особый интерес прежде всего потому, что ее авторский коллектив, включающий специалистов самых различных направлений — от бывших членов японского парламента, в прошлом ответственных сотрудников Управле-

ния национальной обороны Японии до профессоров японских университетов, — сделал попытку продемонстрировать «новое мышление» в подходе к анализу наиболее сложных проблем нынешнего этапа советско-японских отношений. Насколько она удалась — об этом и пойдет речь в предлагаемой рецензии.

Большое место в работе отведено вопросам улучшения советско-японских отношений, поиску путей к подписанию мирного договора. Не обошли авторы вниманием и так называемую «территориальную проблему». Хорошо известно, что именно территориальные притязания Японии к Советскому Союзу активно используются противниками улучшения советско-японских отношений как в самой Японии, так и за рубежом (в первую очередь в США). Выдвижение японской стороной незаконных территориальных претензий к СССР на южную часть Курильских островов является, по существу, единственным препятствием на пути

Воспоминания китайского революционера

Чжан Жуйлинь хуй лу. Цзай мань мань чан е чжун. Воспоминания Чжан Жуйлиня. В долгой ночи. Харбин, 1985, 207 с.

Восьмилетняя война сопротивления Японии — важная страница в истории борьбы китайского народа за национальное освобождение, время, когда перед лицом национального кризиса, угрозой порабощения все слои и политические силы китайского общества сплотились в едином порыве сопротивления японской агрессии. Этой длительной и тяжелой всенародной войне предшествовало не менее длительное и героическое сопротивление, оказанное японским оккупантам населением Маньчжурии. Борьба партизан в Маньчжурии, призывы КПК к единству действий всколыхнули всю страну и подняли широкую волну патриотического антияпонского движения, приведшего в итоге к созданию единого фронта сопротивления Японии, который сыграл значительную роль в победе китайского народа в войне за национальную независимость.

История антияпонской войны посвящено множество исследований как в КНР, так и за ее пределами. Опубликовано значительное количество документов, воспоминаний и наблюдений очевидцев, других материалов. Однако лишь в последнее время все более пристальный интерес исследователей стал привлекать маньчжурский регион, деятельность КПК и гоминьдана в северо-восточных провинциях Китая, организация и борьба партизан против японцев, деятельность оккупационных властей в Маньчжурии. Объясняется это, видимо, стремлением глубже и обстоятельнее исследовать деятельность политических партий Китая в 30-х гг., становление и развитие гоминьдановской государственности, историю войны сопротивления. Идет поиск истоков, сравнение таких сложных феноменов, как антияпонский единый фронт, организация партизан-

ского движения, деятельность японцев на оккупированных территориях и т. д. И здесь исследователь наталкивается на ряд трудностей, связанных прежде всего с источниковедческой базой потому, что в Китае опубликовано сравнительно небольшое число материалов и документов по Маньчжурии 30—40-х гг. Вышедшие же в свет главным образом касаются вопросов военных действий партизан и японских оккупационных частей. В качестве примера можно назвать хорошо известные воспоминания одного из руководителей Объединенной антияпонской армии (ОАА) Дунбэя Чжоу Баочжуня¹. Недавно фонд мемуарной литературы о событиях в Маньчжурии в 30—40-х гг. пополнился воспоминаниями еще одного китайского революционера старшего поколения — Чжан Жуйлиня, который в небольшой книжке, вышедшей в серии воспоминаний о революционной борьбе, изложил свой опыт революционной борьбы в Маньчжурии во время японской оккупации.

Чжан Жуйлинь, родившийся в бедной крестьянской семье в провинции Ляонин в 1911 г., активно участвовал в подпольной борьбе китайских коммунистов Маньчжурии, был одним из руководителей Харбинской городской подпольной организации КПК, командовал подразделением ОАА Дунбэя. После освобождения Северо-Восточного Китая занимал ряд важных постов в местной администрации, активно сотрудничал с представителями Советской Армии. После образования КНР возглавлял отдел единого фронта парткома провинции Хэйлуцзян, работал заместителем председателя Политического консультативного совета провинции. В период «культурной революции», как и многие старые революционеры, был репрессирован, а после реабилитации стал заместителем председателя СНП и заведующим отделом единого фронта парткома провинции Хэйлуцзян.

Воспоминания Чжан Жуйлиня охватывают главным образом период с 1933 по 1945 г. Основой их послужили материалы так называемых исповедей, которые он был вынужден писать, находясь в заключении во время «культурной революции». После 1976 г. эти материалы были пересмотрены и дополнены автором и с 1980 г. стали публиковаться в периодическом сборнике «Хэйлуцзян вэньши цзыляо». Перед выходом в свет

отдельной книгой автор вновь уже с помощью сотрудников Института истории партии при Хэйлуцзянском парткоме и Комитета по изучению исторических материалов НПКС Хэйлуцзяна пересмотрел и дополнил свои воспоминания, что в значительной мере повышает надежность данной работы как исторического источника.

Описывая начальный период своей жизни, автор указывает, что на путь революционной борьбы он вступил в 1933 г. под влиянием одного из членов организации КПК Пекина Цао Гоаня, который был направлен в Маньчжурию для подпольной работы и организации вооруженного сопротивления японцам. Это важное свидетельство для историка, ибо сведений, а тем более документов о конкретной работе КПК по оказанию помощи антияпонскому сопротивлению в Маньчжурии чрезвычайно мало. Тем большего внимания заслуживают сообщения Чжан Жуйлиня о методах работы КПК в Маньчжурии в то время, когда армия Чжан Сюэяна была отведена во внутренние районы Китая, а крупные партизанские отряды, состоявшие из частей бывшей Дунбэйской армии, были разгромлены. В 1933 г. по совету Цао Гоаня Чжан Жуйлинь поступил на службу в марионеточные войска Маньчжоу-го с задачей ведения антияпонской патриотической пропаганды и организации антияпонских отрядов с последующим восстанием против оккупантов. Используя на первых порах традиционные методы тайных обществ, Чжан Жуйлинь организовал «братский союз», не вызывавший каких-либо подозрений. Собрав в этот союз сравнительно большое число солдат, Чжан Жуйлинь развернул «политическое антияпонское воспитание». Перед отправкой в карательный поход против партизан руководители союза решили подготовить восстание. Накануне его Чжан Жуйлинь был принят в КПК. В выступлении участвовало около 120 человек, которые затем были объединены в Большой минометный отряд сопротивления Японии (с. 21). К 1933 г., после поражения частей бывшей Дунбэйской армии, таких отрядов в Маньчжурии насчитывалось довольно много. Как правило, все они были малочисленны и довольно быстро терпели поражения либо распались. Вследствии КПК по согласованию с Коминтерном вела большую работу по объединению их в единую

армию. Одним из центров такого объединения и партизанского движения стал уезд Паньши, куда и прибыл в апреле 1933 г. отряд Чжан Жуйлиня, влившийся в Объединенный Южноманьжурский партизанский отряд Красной армии, комиссаром которого был один из видных руководителей ОАА Дунбэя, член КПК Ян Цзинъюй.

Если вопросы деятельности партизанских отрядов, работы коммунистов по организации партизанского движения в Маньчжурии более или менее освещены в исторической литературе, то подпольная деятельность партии в городах Северо-Востока все еще не исследована. Такая ситуация обусловлена почти полным отсутствием документов и материалов по этому вопросу. Воспоминания Чжан Жуйлиня в этом плане представляют ценный источник, ибо довольно значительное место в них отводится описанию восьмилетней подпольной работы КПК в Харбине, связям Маньчжурской партийной организации с Коминтерном. После оккупации Маньчжурии японцами партийная организация в регионе потеряла многих своих членов и была немногочисленна. В течение первых пяти лет несколько раз менялась структура руководящих органов провинциальной организации КПК, часты были провалы, не было надежной и постоянной связи с ЦК КПК, Коминтерном. Известные трудности представлял и тот факт, что порой секретари Маньчжурского провинциального комитета были выходцами из внутренних районов Китая и их выговор был непривычен для маньчжурцев. В 1936 г., в связи с очередным разгромом комитета КПК Маньчжурии и Харбинского горкома, по решению Дальбюро ИККИ Маньчжурский провинциальный комитет был упразднен и вместо него было создано три временных провинциальных комитета — Южноманьчжурский, Восточноцилиньский и Североманьчжурский — с главной задачей более эффективного и гибкого руководства борьбой отрядов ОАА Северо-Восточного Китая. Руководство же подпольными организациями партии в крупных городах Маньчжурии было возложено на созданный Особый Харбинский комитет, где Чжан Жуйлинь возглавил орготдел. Ему было поручено восстановить городскую подпольную организацию КПК (с. 39).

Несмотря на реорганизацию и боль-

щую восстановительную работу, проведенную новым руководством, партийная организация Маньчжурии и ее руководящие органы оставались слабыми и вскоре вновь были разгромлены. Уже в октябре 1936 г. Североманьчжурский провинциальный комитет потерял связь с Коминтерном, а Особый Харбинский комитет остался без источников финансирования. В результате неопытности руководителей, пренебрежения правилами конспирации в апреле 1937 г. Харбинская подпольная организация вновь была разгромлена японцами. Часть уцелевших руководителей, в том числе и Чжан Жуйлинь, выехали в сельские районы Маньчжурии и на какое-то время потеряли связи с вышестоящими партийными органами. Однако вскоре Чжан Жуйлинь возвратился в Харбин. Здесь он по собственной инициативе создает небольшие партийные ячейки среди рабочих, пытаясь восстановить связи с вышестоящими партийными органами и частями 8-й армии КПК. Потерпев неудачу, он, с одобрения членов ячеек, покинул Харбин, решив включиться в борьбу в составе одного из партизанских отрядов Маньчжурии. В то время сопротивление японцам в основном оказывали части ОАА под руководством коммунистов и разрозненные мелкие отряды местных хунхузов. В один из таких отрядов и попал Чжан Жуйлинь. Представившись представителем ОАА, с помощью нескольких членов партии он начал постепенно разворачивать политическую и пропагандистскую работу, делая упор на усиление антияпонских настроений. Вскоре коммунистам удалось завоевать полное доверие членов отряда, который затем присоединился к одной из частей ОАА (с. 66—83).

О трудностях борьбы партизан говорит тот факт, что к концу 1940 г. от подразделения ОАА, в котором находился Чжан Жуйлинь, осталось не более 100 человек, оно потеряло связи с вышестоящим командованием и действовало на свой страх и риск. После 1937 г. в результате карательных акций японцев таких малочисленных разрозненных отрядов ОАА становилось все меньше и меньше. С начала 1939 г. японцы усилили нажим в Маньчжурии с целью полного подавления и ликвидации ОАА. В такой ситуации в конце 1940 г. командованием ОАА было принято решение о сохранении сил армии и отводе основ-

ных ее частей в труднодоступные горные районы. Возможно, что в это время до маньчжурских партизан дошли общие установки ЦК КПК о необходимости сохранения живой силы и прекращения активных действий. Однако не все были согласны с таким решением. В частности, Чжан Жуйлинь вспоминает, что один из командиров партизанского отряда отказался подчиниться приказу и настаивал на продолжении борьбы (с. 117). Тем не менее обстановка была настолько серьезна, что весной 1941 г. после возвращения командующего 3-й армией ОАА Ли Чжаолиня из Советского Союза Североманьчжурский временный провинциальный комитет КПК принял решение изменить формы борьбы и главные силы ОАА перебазировать в Советский Союз для отдыха и реорганизации.

Оправданность и необходимость этого решения все еще вызывают споры как у бывших участников событий, так и у историков. Чжан Жуйлинь, судя по изложению, вполне согласен с этим решением и указывает, что в начале 1942 г. в Советский Союз выехало почти все командование ОАА Дунбэя во главе с Чжоу Баочжуном и Ли Чжаолинем. В августе 1942 г. на территории СССР был создан Северокитайский комитет КПК, осуществлявший руководство эвакуированными частями (с. 149). В Маньчжурии же к этому времени остались действовать лишь небольшие отряды партизан по 10—12 человек, руководил которыми Североманьчжурский временный комитет КПК. Из дальнейшего изложения Чжан Жуйлиня становится ясно, что их главной задачей была разведка, а также «мобилизация и организация масс» на борьбу с японцами (с. 129—130). Командиром одного из таких отрядов и был назначен Чжан Жуйлинь. В октябре 1942 г. Североманьчжурскому комитету удалось провести совещание руководителей таких отрядов и выработать решение о необходимости сосредоточения усилий на организационной работе по мобилизации масс, создания «антияпонских обществ спасения страны» и других подобных патриотических организаций. Однако в связи с пассивностью сельского населения в регионе, чей жизненный уровень был выше, чем во внутренних районах Китая, в связи с карательными операциями японцев, нередко использовавших пассивность крестьян, эта работа давала весьма сла-

бые результаты, гораздо чаще случались неудачи и провалы.

Сравнительно высокий уровень жизни населения оккупированных японцами районов Маньчжурии, пассивность крестьян и городского населения в борьбе против японцев, видимо, представляли огромные трудности для деятельности КПК в северо-восточных провинциях, особенно в деле развертывания единого антияпонского фронта. Возможно, поэтому Чжан Жуйлинь, описывая свою деятельность и в подполье, и в партизанских отрядах, ни разу не упомянул о попытках коммунистов Маньчжурии осуществить на практике установки единого антияпонского фронта. Во всяком случае, его молчание на этот счет весьма красноречиво.

Небольшой раздел книги посвящен воспоминаниям о работе автора в Цицихаре после освобождения Северо-Востока Китая. В то время Чжан Жуйлинь активно сотрудничал и помогал представителям Советской Армии в восстановлении нормальной жизни в регионе, был занят созданием массовых организаций

как будущей опоры КПК, организацией общества дружбы с СССР, Советской Армией. Интересен ряд замечаний автора о роли Советского Союза в оказании помощи коммунистам по созданию местной власти в Маньчжурии. К сожалению, автор не дает более конкретной и подробной картины деятельности партии в Маньчжурии после освобождения от японцев, и изложение доводится лишь до 1947 г.

В целом мемуары Чжан Жуйлиня содержат много интересных и новых фактов героической борьбы китайского народа за свое национальное освобождение и представляют большой интерес для исследователей, изучающих историю китайской революции.

Ю. М. ОВЧИННИКОВ,
кандидат исторических наук

¹ Чжоу Баочжун. Антияпонская партизанская война и Объединенная антияпонская армия в Северо-Восточном Китае.— «Данши цзыляо», 1954, № 9.

Литература Японии в борьбе за мир и демократию

Н. И. Чегодарь. Человек и общество в послевоенной литературе Японии. М., «Наука», 1985, 189 с.

Современная японская литература представляет собой важную часть мирового литературного процесса. Имена многих японских писателей приобрели широкую известность, их произведения переводятся на различные языки мира. Понятен тот интерес, который в настоящее время проявляется к изучению литературы Японии в Советском Союзе.

В своей новой работе Н. И. Чегодарь предпринимает попытку проследить основные тенденции литературного процес-

са, протекавшего в Японии в послевоенные годы, когда утвердилась внутренняя связь японской художественной литературы с потоком общественного сознания эпохи, с реальным политическим контекстом.

Изменение социально-политической обстановки, смена общественных идеалов, возникновение новой шкалы ценностей, раскрытие того, что представляет собой герой в социальном и нравственно-психологическом отношении, каковы его идеалы, с какими жизненными коллизиями он сталкивается,— таков спектр научного поиска автора рецензируемой монографии. Безусловной заслугой Н. И. Чегодарь как исследователя является то, что ей удалось с особой наглядностью оттенить антивоенное течение японской литературы, миролюбивые устремления авторов входящих в него произведений, их решительный протест против войн и насилия.

В книге отмечается, что война и предшествовавший ей период фашизации страны прервали естественный ход развития литературы. Поэтому период, наступивший вслед за безоговорочной капитуляцией, был воспринят прогрессив-

ными деятелями культуры как начало новой эры. Он явился точкой отсчета и в истории новейшей японской литературы. Самый яркий явлением на этом этапе ее развития стал антивоенный роман. Создавшие его писатели — Хироси Нома, Сёхэй Оока, Есиэ Хотта, Дзюмпэй Гомикава и др. — впервые в японской литературе осудили тоталитарный режим и развенчали весь комплекс идей, связанных с понятием милитаризма, на который он опирался. В их произведениях были поставлены важнейшие проблемы послевоенной действительности, такие, как вопрос о виновниках национальной трагедии, об ответственности за войну, о свободе нравственного выбора человека в конкретной исторической ситуации.

В книге подробно рассматривается один из лучших романов японской антивоенной литературы — «Зона пустоты» Хироси Нома. Осуждая милитаризм, Нома рисует страшную картину жизни японской армии и царивших в ней порядков, имевших целью убить в солдате человека, превратить его в «живую машину». Именно на них опирался абсолютистский режим, вся система господства японской военщины, игравшей главную роль в управлении страной.

В качестве одного из важных достижений антивоенной литературы И. Н. Чегодарь обоснованно отмечает поднятую в романах С. Оока «Огни на равнине», Е. Хотта «Время», Д. Гомикава «Условия человеческого существования» и других тему разоблачения зверств японской армии на оккупированных территориях. Солдаты армии, нормой существования которой являлись жестокость и насилие, были воспитаны на мысли о том, что «убийство на войне довольно обычное дело» (с. 24). Д. Гомикава показывает крах благих намерений своего героя облегчить жизнь подчиненных ему китайских рабочих. В их глазах он представитель той страны и социальной системы, которые выступили в качестве враждебной силы, уничтожающей все на своем пути к господству. Только активная борьба с ней, осознание ответственности за судьбы человечества и решимость отдать себя благородному делу защиты мира могут отбросить и уничтожить ее — такова мысль художника, на которой акцентирует внимание Н. И. Чегодарь, говоря об общественной значимости его произведения.

С еще большей ясностью эта мысль выражена в романе Е. Хотта «Время». Его героем является один из представителей китайской интеллигенции, вступивший на путь открытой борьбы против оккупантов. Мир для него — это вызов фатализму, борьба с теми, кто уверен в безнаказанности своих преступных действий против человечества. Сочувствуя китайскому народу, страдающему в условиях японской оккупации, писатель устами своего героя предсказывает неизбежность революционного обновления Китая и освобождения страны.

В исследовании подчеркивается большое общественное значение, которое имела для послевоенной Японии смелая постановка многими писателями вопроса об ответственности за войну императора. В глазах одного из литературных героев императорский герб в виде хризантемы, выгравированный на затворе винтовки, становится символом убийства и насилия, обрушившихся на народы Азии.

Многие произведения, вошедшие в золотой фонд японской антивоенной литературы, появились в начале 50-х гг., что отражает особенности политической ситуации, сложившейся в стране в тот период. Автор монографии настойчиво проводит мысль о том, что в обстановке оживления деятельности японских монополий и связанных с ними милитаристских кругов, постепенного превращения страны в оплот американской военщины японская антивоенная литература увидела свое призвание не только в том, чтобы сказать во весь голос о жертвах, принесенных народом во имя осуществления бредовых планов милитаристской клики, но и сурово предостеречь всех людей против повторения ошибок прошлого. Центральный герой антимилитаристского романа не только жертва войны, но в то же время и ее соучастник, не сумевший сделать правильный нравственный выбор в реальных социально-исторических условиях. Основной пафос антивоенной литературы состоял в утверждении необходимости активной борьбы за мир. Эта тема получила дальнейшее развитие в литературе о последствиях атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, литературе, ставшей важным идеологическим фактором борьбы японского народа за мир и ядерное разоружение.

Борьба за мир неотделима от борьбы за демократию, сохранение демократи-

ческих завоеваний. Одновременно с анти-милитаристским романом в японскую прогрессивную литературу мощным потоком вошли произведения, осветившие процесс борьбы за углубление демократических преобразований. Впервые в послевоенной Японии со страниц произведений художественной прозы сошел герой по-настоящему деятельный, полный исторического оптимизма. В его образе нашли отражение важные социально-политические сдвиги, изменения в сознании людей, происшедшие в обстановке глубоких демократических преобразований. В исследовании Н. И. Чегодарь акцентируется непреходящая общественная значимость этой демократической литературы. Она подчеркивает, что писатели, создавшие тип нового романа — Юрико Миямото, Сунао Токунага, Тэру Такакура, Кисэ Накадзато и др., — ставили вопрос уже не столько об ответственности за совершенные ошибки, сколько об ответственности за будущее своей страны, за выбор путей преодоления страшного прошлого.

Вторая половина 50-х — начало 60-х гг. были ознаменованы усилением консервативных тенденций в политической жизни Японии. Стало очевидным, что многое из того, за что боролись прогрессивные силы, оказалось неосуществленным. Явно замедлился процесс демократизации общества, появились признаки возрождения бюрократии и реакции. Все это углубило противоречия между личностью и капиталистическим общественным механизмом. Эти явления незамедлительно нашли свое отражение в литературе, в частности в творчестве Томодзи Абэ, Дзюндзи Киноити, Такэси Кайко и других писателей. В литературе этого периода все еще просматривается наличие социального конфликта, однако герой постепенно утрачивает надежду на возможность его разрешения. Он уже не мыслит себя деятельным субъектом исторического процесса, его мучит ощущение собственной ненужности. Отказ от борьбы за высокие общечеловеческие идеалы ведет к внутренней опустошенности.

В 60-х гг. на литературную арену выходит новое поколение писателей, представленное Сётаро Ясуока, Дзюноскэ Есиюки, Нобуо Кодзима и др. В исследовании Н. И. Чегодарь отмечается, что в произведениях этих авторов углубляется атмосфера скепсиса и разо-

чарованности. Их герои отказываются от осмысления своего места в общественно-политической жизни и полностью погружаются в тину повседневных мелочей. Углубляющееся противоречие между личностью и капиталистическим обществом, обрекающим человека на внутреннее бессодержательное существование, в их творчестве не находит разрешения.

Прослеживая развитие этой линии художественного творчества, автор рассматривает феномен полностью отчужденного, утратившего какую-либо связь с обществом героя. В книге показано, как в 60—70-х гг. в условиях изменившейся социально-культурной действительности происходит переориентация литературы на отражение мироощущения буржуазных и мелкобуржуазных слоев. На первый план в творчестве отдельных писателей выступают признаки, характерные для общего упадка буржуазной культуры, а именно — отсутствие объединяющих демократических идей, утрата стремления к познанию закономерностей реальной жизни, отход от прогрессивных идеалов недалекого прошлого. В произведениях Кобэ Абэ, Кэндзабуро Оэ и др., рисующих общество, враждебное раскрытию человеческого духовного потенциала, отклик на реальную действительность утрачивает аналитический, конкретно-исторический характер, становясь эмоционально-poleмическим или отвлеченно-метафизическим. Все большее место в литературе начинают занимать произведения, в которых действительность перестает быть главным объектом критического изображения. В обстановке расширения сферы отчуждения и усиления дегуманизации общества буржуазная литература отразила процесс затухания сознания социальной ответственности у определенной части интеллигенции.

Но нужно отдать должное автору, сумевшему избежать односторонней оценки литературы этого направления и остаться на позициях объективного исследователя. Уклонившись, однако, от поиска глубинных причин этого процесса, она обращает внимание на его сложность и неоднозначность. Часть писателей, как подчеркивается в книге, вызывая сочувствие к судьбе маленького человека, стремится привлечь внимание читателей к факту самоценности любой, даже самой незаметной человеческой

жизни. Социальный пафос этой литературы заключается в утверждении идеи о том, что, как бы незначительны ни были переживания и горести ее героев, какой бы личный характер они ни носили, общественное устройство, при котором исключено счастье для рядового человека, требует критической оценки с точки зрения исторических судеб человеческого бытия.

В современной японской литературе, как и в любой другой, сосуществуют различные художественные и идеологические школы, идет непрерывный, сложный процесс, в котором принимают участие художники самых различных ориентаций. Наибольшей эстетической ценностью обладает литература демократической направленности, имеющая в Японии давние традиции. Творчество писателей этого течения отличается подлинно гуманистический взгляд на человека, критическое отношение к социальным порокам капиталистического общества. Они выступают за мир и демократию, защищая высшие ценности человеческой жизни, оберегая от ядерного пожара мировую цивилизацию. Книга Н. И. Чегодарь рисует наглядную картину возникновения и развития этой линии творчества. Но художественный охват действительности не может быть однозначным, унифицирующим все общественные явления. Эта специфика эстетической деятельности проявляется себя и в Японии,

вызвав к жизни литературу хотя и не сумевшую влиться в мощный демократический поток, но основанную на мироощущении, неизбежно подводящем к нему — к участию в борьбе за обновление общества на стороне демократических сил.

Работа, проделанная Н. И. Чегодарь, безусловно, заслуживает высокой оценки, хотя книга не лишена недостатков. Некоторые ее главы и разделы нуждаются в более широких обобщениях, иногда автор увлекается изложением частных деталей жизни литературных героев, отдельные рассуждения не свободны от социологизирования, сужающего значение тех или иных произведений. Серьезным упущением автора является то, что в монографии анализ антивоенной, демократической литературы не доведен до наших дней. Было бы целесообразно расширить хронологические рамки литературоведческого исследования, имея в виду, что литература этого направления в настоящее время, в условиях обострения борьбы между силами мира и силами войны, обладает наибольшей эстетической и общественной значимостью, составляя неотъемлемую часть антивоенного потенциала японской художественной культуры.

*Б. В. ПОСПЕЛОВ,
доктор исторических наук*

В интересах взаимопонимания и добрососедства

К ю д з о К а т о. Заметки о путешествиях по Европе и Азии. Токио, изд-во университета «Хосэй», 1984, 244 с.

Тщетно было бы искать в рецензируемой книге логически увязанную структуру, строгий анализ явлений современной или далекой от нас по времени действительности, какую-либо экстравагантную концепцию, созревшую на основе полевых наблюдений. Это не диссертация,

не эссе, не трактат. Это именно заметки, восхитительные в своей пестроте, протокольной точности, безыскусственности, легкой юмористичности, искренности и теплоте.

Автор — профессор К. Като из Государственного этнографического музея в Осака — проделал, казалось бы, элементарную работу. Он собрал материалы, опубликованные им ранее в самых различных изданиях (центральные и местные газеты, специализированные журналы, бюллетени, книги), распределил по двум, весьма условно отграниченным друг от друга разделам («Путевые записки» и «Биографии и размышления») и выпустил отдельным томиком.

Результат, однако, оказался превосходным. В первую очередь оцуют его, естественно, японские читатели, имеющие редкую возможность получить концентрированную дозу информации об

историческом прошлом и нынешнем житье-бытье дальневосточных, сибирских, среднеазиатских и северокавказских районов Советского Союза (из других стран в книге фигурируют только Монголия и Афганистан), об обычаях населяющих его народов, о трудах и судьбах его ученых, путешественников, поэтов, о кулинарных рецептах и т. п.

Неоспоримое достоинство, огромная польза этой информации состоит в простоте, в отсутствии всякого ложного пафоса, благодаря чему она ненавязчиво и убедительно свидетельствует, что северные соседи японцев — не некие злобные чудовища, а такие же люди, которым не чуждо ничто человеческое, восприимчивы многовекового культурного наследия, с обыкновенными радостями и печалью, с достижениями и нерешенными проблемами.

Для меня же, в общем-то знакомого со многими, если не с большинством приводимых в книге фактов, главный интерес представила воплощенная в их селекции, манере подачи и оценке личность самого автора. Думаю, не опасаясь впасть в преувеличение, можно утверждать, что К. Като прежде всего — несгибаемый энтузиаст своей профессии, влюбленный в этнографию, одержимый, очарованный ею подобно тому, как был очарован Гималаями Н. Рерих — герой одного из очерков рецензируемой книги (перевод этого очерка на русский язык см. в журнале «Проблемы Дальнего Востока», 1987, № 2).

С такой же уверенностью можно сказать, что К. Като — настоящий, надежный друг нашей страны, советских людей. Он не принадлежит к числу тех, кто в запальчивости рвет на себе рубашку, громогласно клянясь в вечной любви и преданности. К. Като лаконичен, спокоен, даже несколько суховат. Ему случается и посетовать на отсутствие специальных упаковочных фирм, на нечеткую работу такси, на трудности с оформлением разного рода документов, на «обескураживающий интерьер» некоторых отелей (с. 16, 18, 31).

Но зато сколько сдержанной поэтической силы в его описаниях Байкала, обоженных безжалостным солнцем архитектурных шедевров Самарканда и Бухары, затерянной в горных ущельях деревушки — родины великого певца Осетии Косты Хетагурова, в мастерски исполненных портретах ушедших и благо-

получно здравствующих этнографов, археологов, лингвистов, геологов! Сколько глубокой благодарности в адреса хабаровского, иркутского, новосибирского музеев, хранящих уникальную коллекцию идолов, которым поклонялись тунгусы, нанайцы, остяки, буряты, удэгейцы, другие народы необъятного таежного региона (автор занимался там обмерами и фотографированием бесценных статуэток с целью создания их копий для осыпского музея)! Сколько мимолетных бытовых сцен, трогательных, веселых и печальных, но неизменно проникнутых глубокой симпатией!

Среди них, например, случай на душанбинском базаре, где К. Като приценивается к таджикскому музыкальному инструменту (очередной музейный экспонат!) и где вмешавшийся в торг милиционер, ссылаясь на то, что покупатель — гость, клиент, «дар аллаха», добивается от продавца скидки (с. 15). А рядом — рассказ о жизни и трудах академика А. П. Окладникова и упоминание о его похоронах, во время прощальной речи на которых у К. Като «выступали слезы и прерывался голос» (с. 91).

В книге немало переводного материала, что, разумеется, неудивительно, поскольку за автором числится длинный список доведенных до японской общественности трудов русских и советских ученых — от Н. Пржевальского до Г. Пиотровского.

Здесь хотелось бы прежде всего привлечь внимание к переводам стихов классика туркменской литературы Махтумкули и современного узбекского поэта Р. Фархада. Трудно отделаться от впечатления, что стихотворения эти отображены вполне сознательно: ведь одно из них называется «Жажда странствий», а в другом человечество сравнивается с караваном, шествующим в вечность.

Судя по всему, К. Като из тех, говоря словами Пушкина, немногих, для которых охота к перемене мест есть тот самый «добровольный крест», что несут с готовностью и удовольствием. И он меньше всего праздный турист. Путешествия в его представлении органично слиты со служением интересам науки. Объектом этнографии, подчеркивается в книге, служит традиционная бытовая культура, формирующая национальные особенности. Этнография черпает основные сведения из наблюдений за

жизнью народов, наблюдений, накапливаемых не в ходе путешествий как формы проведения досуга, а путешествий-экспедиций. Человек, знающий только один — собственный — народ, на деле не знает ни одного народа. Лишь посредством сопоставлений с другими народами можно понять собственный народ (с. 176—177).

Верность этим установкам, по-видимому, имеет для К. Като принципиальное значение в качестве основных установок личного поведения. И, подтверждая это, он разворачивает величественную панораму исследовательских подвигов в глубинах Азиатского континента.

Нельзя не согласиться с авторским выводом о «русской эпохе» в изучении Азии, которая пришлась на вторую половину XIX в., о достоянии Российского географического общества, выступившем инициатором и практическим организатором многих захватывающих воображение миссий (с. 99—100).

Пишет ли К. Като о Ч. Валиханове или Г. Потанине, М. Певцове или Г. Грум-Гржимайло, П. Козлове или С. Ольденбурге, В. Обручеве или Н. Пржевальском, он неизменно выделяет те стороны их деятельности, которые укладываются в рамки своеобразного кодекса этнографа-путешественника, сформулированного еще одним русским исследователем — Л. Штернбергом.

Уместно упомянуть в данном случае о следующих статьях этого кодекса: (1) не возводить в абсолют свою национальную принадлежность, свое вероисповедание, свою культуру и не навязывать последнюю изучаемому народу; (2) относиться с уважением к своим великим предшественникам и учителям в науке и общественной жизни; (3) не убивать науку подтасовкой фактов, поверхностными, неточными наблюдениями, скороспелыми, поспешными заключениями; (4) не вульгаризировать науку, не осквернять ее карьеризмом; только любящие человечество и людей могут стать настоящими этнографами (с. 178—179).

С особым пиететом подается в книге подвижничество Н. Пржевальского. К. Като указывает, что знаменитый исследователь преодолел за девять лет три месяца и двадцать семь дней более тридцати тысяч километров, без помощи автомобилей, на лошадях и верблюдах. Под холодными дождями, при ночных

температурах, опускавшихся ниже нуля, он годами жил в палатках и при этом регулярно, непрерывно вел многообразные наблюдения, картографическую съемку, собирал образцы флоры и фауны, подробно записывал результаты изысканий. Пржевальский издавал свои труды на собственные средства, был равнодушен к комфорту, обеспечиваемому цивилизацией, чуждался светского общества. Даже обретя мировую известность, ученый всецело подчинял себя избранной цели.

«Пржевальский жил в совершенно иную, чем я, эпоху, — пишет К. Като, — в совершенно иной стране, в совершенно ином окружении. Он был сыном крупного помещика, а я — сын крестьянина-бедняка. Что же, невзирая на все эти различия, меня притягивает в нем? Не та ли «всепоглощенность», которую он ярко демонстрировал на протяжении всей своей жизни?.. Для меня, человека заурядного, такой образ жизни служит лишь предметом восхищения» (с. 144).

Разумеется, самому автору не довелось принимать участия в головокружительных, рискованных, с призрачными шансами на удачу путешествиях в неведомое, которые совершали первопроходцы — герои книги. А в тех научных командировках и прочих поездках, которые он предпринимал, современные транспортные средства, гостиничный сервис всегда находились в его распоряжении. Это, однако, нисколько не мешает ему раз за разом демонстрировать и свою «всепоглощенность» этнографической наукой.

Упомянем в связи с этим только о двух эпизодах. Один из них имел место в Иркутске, другой — в Коканде (одни названия этих географических пунктов могут много сказать о размахе авторских «скитаний» по Советскому Союзу, о масштабах его интереса к культуре народов, населяющих нашу страну).

На пути из иркутского аэропорта в отель К. Като случайно увидел, как рабочие разбирают старый бревенчатый дом. Моментально вспомнив, что «украшения старинных русских деревянных строений поистине великолепны» и что «Иркутск — сокровищница русских деревянных построек в Сибири», он не успевая, пока в его руках не оказались резные оконные наличники от сносимого дома, пополнившие экспозицию Государ-

ственного этнографического музея в Осака (с. 34).

Коканд, лежащий в стороне от «утопанных туристических троп», автор посещал трижды, пока, наконец, в дополнение к знакомству с «лучшим в советской Средней Азии шашлыком», с редким по изыществу архитектуры ханским дворцом, с легендами о приключениях узниц ханского гарема ему не удалось, исколесив городские окрестности и близлежащие кишлаки, обнаружить и приобрести для музея... арбу (с. 66, 223).

Перевозку этого негабаритного груза на полutorке в Ташкент, а затем в Москву и Японию автор сравнивает с «цирковым номером на проволоке» и добавляет, что он никогда не забудет о помощи, оказанной ему в этом деле сотрудниками узбекского отделения «Интуриста» Усмановым и Института этнографии АН СССР Башиловым. Характерное добавление, ибо отношения с советскими людьми — тоже сквозная тема книги.

Что ни приезд в страну, то бесчисленные контакты — с таксистами и академиками, с официантками и литераторами, с зелеными юнцами и умудренными старцами и больше всего, конечно, с коллегами-этнографами. Как же оценивает эти контакты К. Като?

Лучше всего предоставить слово ему самому: «Ныне, когда я осматриваю собранные образцы, то думаю о воплощенных в каждом из них товарищеских чувствах и доброты многих людей в Советском Союзе, проникаюсь острым осознанием того обстоятельства, что экспозиция этнографического музея — это дар мира и международного обмена» (с. 18); «Результаты (очередного путешествия в Сибирь. — В. Р.) были отменными. В Новосибирске, по указанию академика Окладникова, нам активно помогал Р. Василевский, в Иркутске благодаря посредничеству профессора Медведева с кафедры археологии Иркутского университета нам оказали всестороннюю поддержку в хранилище местного музея, в Хабаровске мы получили помощь со стороны директора краеведческого музея. Я и на этот раз глубоко прочувствовал, как приятны дружеские отношения мирной эпохи» (с. 20); «В своих поездках я сталкивался и с минусовой температурой, и с сорокоградусной жарой. Встречался с самыми различными народностями: на Алтае — с похожими на японцев монголами; в Прибалтике — с блондинами;

на Кавказе — с волосатыми кавказцами. Повидал разные пейзажи — степи, горы, холмы, морское побережье. Я уставал в поездках, но безграничное доброжелательство множества людей делало их поистине прекрасными» (с. 238—239).

Подобные оценки вдохновляют в большой мере и потому, что самая первая «экспедиция» К. Като в СССР состоялась в крайне неблагоприятной для него обстановке: он был взят в плен при разгроме советскими войсками Квантунской армии. С какими настроениями автор отправлялся в ту «экспедицию», можно только догадываться. Но сейчас он вспоминает о годах плена не только «без горечи», но и с «гордостью», поскольку ему выпало работать на трассе будущей Байкало-Амурской магистрали — «большой стройки во имя счастья человечества» (с. 37). Вспоминает он и о простой русской женщине Нине, которая угощала его черемшой и посвящала в народные поверья, связанные с черемухой (с. 205—206).

Это, как и все сказанное выше, достаточно красноречиво характеризует теперешний образ мыслей К. Като. И словно бы в назидание тем своим соотечественникам, которые «неуютно» чувствуют себя в условиях «мирной эпохи», стремятся толкнуть страну на путь безудержной милитаризации, он цитирует в книге заметки о Японии начала XX в. принадлежавшие перу известного русского этнографа В. Серошевского, высоко отзывавшегося об экономических достижениях японского народа, его трудной этике, но сурово осуждавшего бесконечную военную муштру «в школах и на площадях»: «Почему, почему в этом земном рае (Японии. — В. Р.), созданном для любви, добросердечия и мирного совершенствования, надо думать о смерти и насилии?» (с. 147—148).

К. Като не ставил перед собой задачу провести анализ японо-советских отношений, их состояния, проблем, перспектив развития, но всем содержанием, всем духом своих «Заметок» он зовет к взаимопониманию и добрососедству обеих стран, и это составляет едва ли не главную ценность его труда.

В. Б. РАМЗЕС

Совместные предприятия в Китае

Чу Баотай. Сто вопросов по иностранным капиталовложениям в Китае (Да лайхуа тоуцзычже ибай вэнь). Пекин, Вайвэнь чубаньшэ. 1986, 281 с., на кит. и англ. яз.

В декабре 1978 г. ЦК КПК принял решение о проведении «политики расширения связей с внешним миром». В июле 1979 г. Всекитайское собрание народных представителей приняло Закон Китайской Народной Республики об эксплуатации совместных предприятий, основанных на китайском и иностранном капитале. Затем в августе 1980 г. в провинции Гуандун были созданы три специальные экономические зоны — Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу. В октябре того же года к ним прибавилась еще одна зона — Сямэнь (Амой) в провинции Фуцзянь. В 1984—1985 гг. в продолжение «политики расширения связей с внешним миром» Китаем было «открыто» еще 14 прибрежных городов, остров Хайнань, три района в дельтах рек Янцзы и Чжуцзян и район Чжанчжоу — Цюаньчжоу — Сямэнь в южной части провинции Фуцзянь.

Все эти мероприятия направлены на поощрение иностранных бизнесменов, зарубежных китайцев и китайцев из Сянган (Гонконга), Аомэня (Макао) и с Тайваня к организации различных форм экономических связей с КНР.

Вопросам деятельности иностранных предпринимателей в КНР, в первую очередь созданию совместных предприятий, посвящена книга Чу Баотая «Сто вопросов по иностранным капиталовложениям в Китае». Ее цель — дать необходимую информацию в указанной области иностранным предпринимателям и китайцам, работающим с ними.

Автор сообщает, что в результате «расширения связей с внешним миром» с июля 1979 г. по конец 1984 г. в КНР было создано более 900 совместных предприятий с общей суммой капиталовложений, превысившей 1 млрд. ам. долл.; около 2 тыс. кооперативных проектов с общей суммой капиталовложений свыше 4 млрд. ам. долл.; более тысячи проектов

компенсационной торговли; в специальных экономических зонах было создано 80 предприятий, целиком принадлежащих иностранному капиталу, с общей суммой капиталовложений в 500 млн. ам. долл., такое же количество капиталовложений обеспечивается для нескольких сотен лизинговых соглашений и соглашений по совместному производству (с. 6). Были организованы, например, такие предприятия, как «Шанхай-Фольксваген», «Бэйцзин Джип», «Фуцзянь-Хитачи тивисете К^о», «Грэйт уол-Шератон», «Бэйцзин эйр-Катеринг К^о», «Китайско-французская винодельческая компания» и др.

Согласно седьмому пятилетнему плану (1986—1990), государство поощряет иностранные инвестиции в тех областях, где они могут способствовать развитию экономики Китая, повышению научно-технического уровня на благо социалистической модернизации. Такими областями являются энергетика, машиностроение, электроника, точное приборостроение, химическая промышленность, нефтедобыча и ряд других. В первую очередь поощряются капиталовложения с привлечением передовой техники и технологии, позволяющие расширить экспорт, поднять эффективность и увеличить прибыль, в том числе и в иностранной валюте.

Чу Баотай подчеркивает, что в КНР не разрешается создание предприятий с привлечением иностранного капитала, если они нарушают суверенитет и законы страны, находятся в противоречии с требованиями экономического развития Китая, являются источниками загрязнения окружающей среды, а также если в подписываемых контрактах существует очевидное неравенство. Ограничены капиталовложения в предприятия, связанные с обороной, в предприятия, где сборочные линии, части и компоненты импортируются для производства продукции на внутренний рынок, а также в специализированные коммуникации, средства массовой информации, радио и телевидение.

В книге отмечается, что все предприятия, привлекающие иностранный капитал, находятся под защитой китайского закона. Согласно статье 18 Конституции КНР, разрешается «иностранцам предпринимать и другим иностранным хозяйственным организациям либо отдельным лицам в соответствии с законами Китай-

ской Народной Республики вкладывать капиталы в Китае, осуществлять в различных формах экономическое сотрудничество с китайскими предприятиями или другими китайскими хозяйственными организациями»¹.

Сотрудничество с иностранными предпринимателями осуществляется в разнообразных формах. Автор выделяет следующие:

Совместное предприятие. Это предприятие, финансируемое китайскими и иностранными участниками и совместно управляемое партнерами.

Кооперативная хозяйственная деятельность. (Автор также называет ее контрактной совместной хозяйственной деятельностью.) При организации проектов кооперативной хозяйственной деятельности китайские и иностранные участники обычно сотрудничают как самостоятельные юридические лица, не образуя новой экономической единицы. Распределение доходов происходит в соответствии с контрактом. Одним из вариантов является кооперативное строительство (отелей, ресторанов, жилых зданий и т. п.).

Предприятия по совместной разработке полезных ископаемых. Эта форма в основном относится к разработке нефтяных месторождений. За сотрудничество с иностранными предпринимателями в этой области отвечает «Китайская генеральная компания по шельфовой нефти».

Компенсационные соглашения. Китайская сторона оплачивает оборудование, сборочные линии и т. п. продукцией, производимой на импортируемом оборудовании (прямая компенсация), или другими товарами, которые не производятся на ввезенном оборудовании (косвенная компенсация).

Переработка импортного сырья и сборка из деталей и компонентов, предоставляемых заказчиком. Как правило, при этой форме сотрудничества иностранная сторона поставляет сырье или детали и компоненты китайской стороне для обработки или сборки конечной продукции. В ряде случаев китайская сторона сама закупает части и компоненты и продает иностранному покупателю конечную продукцию.

Лизинг. К марту 1985 г. было создано шесть крупных лизинговых компаний. Одной из первых была создана «Чайна-Ориентал лизинг компани» — совместное предприятие «Международной посредни-

ческой инвестиционной компании Китая» и «Джапан ориентал лизинг компани». Эти компании сдают в аренду оборудование, которое по истечении срока контракта либо покупается арендатором, либо передается другому арендатору.

Предприятия, целиком основанные на иностранном капитале. Большинство таких предприятий находится в специальных экономических зонах.

Чу Баотай считает, что наиболее поощряемой формой должны быть совместные предприятия, поскольку они обладают четкой организационной структурой. Как сообщается в книге, среди организаций, ведающих созданием совместных предприятий, основной и крупнейшей является «Международная посредническая инвестиционная компания Китая». Созданная по решению Госсовета КНР для привлечения иностранного капитала, она ставит своей задачей создание условий для всесторонней проработки возможностей создания совместных предприятий и организации других форм сотрудничества с иностранными участниками. Компания может по просьбе обеих сторон вкладывать средства в конкретные проекты. Кроме «Международной посреднической инвестиционной компании Китая», посреднические компании такого же характера были образованы в Пекине, Шанхае, Гуандуне, Хэйлунцзяне и других местах.

В КНР созданы также посреднические компании, занимающиеся делами зарубежных китайцев. Крупнейшая из них — компания «Чжунго Хуацзянь гунсы». Она выступает в качестве посредника при инвестировании в иностранной валюте, помогает создавать совместные предприятия и предприятия, целиком основанные на иностранном капитале, проводит консультации, по просьбе сторон вкладывает свои капиталы в развитие предприятий. Банком Китая организована кредитная сеть: отделы кредитования имеются в головном отделении банка и в отделениях в Шанхае, Гуанчжоу и других местах.

Автор книги подчеркивает, что создание совместных предприятий возможно только с одобрения Министерства внешнеэкономических связей и внешней торговли, в рамках которого существует Управление иностранных капиталовложений. Правом рассматривать вопросы о создании совместных предприятий обладают и правительства провинций, авто-

номных районов и городов центрального подчинения. Однако их права ограничены объемом капиталовложений. Например, в Шанхае — до 30 млн. долл., в Гуандуне, Пекине — до 10 млн. долл.

Для получения разрешения на создание совместного предприятия государственным органам сообщается вид деятельности, предполагаемый объем производства и объем капиталовложений. В плановые органы представляются ключевые положения проекта (например, технико-экономические характеристики продукции, ее стоимость, предполагаемая цена и т. п.). После получения разрешения предприятие регистрируется Государственным управлением промышленно-торговой администрации и получает лицензию на хозяйственную деятельность.

Как отмечается в книге, в совместном предприятии может быть более двух участников. Например, в «Чайна-Шиндлер элевейтор компани» два иностранных участника и один китайский. На основе принципов равенства и взаимной выгоды стороны заключают контракт, который представляется для утверждения в государственные органы, и формируют новую экономическую единицу, которая обладает правами самостоятельного юридического лица. Законом установлена минимальная доля капиталовложений иностранного участника — 25 %, но не существует верхнего предела. Китайский участник может вкладывать и большую часть (например, в «Чайна-Шиндлер элевейтор компани» китайская доля составляет 75 % вложений), и меньшую (в «Чайна Наньтун-Рикё компани» японские инвестиции составляют 60 %, а в «Цзянхуэй шипбилдинг инжиниринг компани» английские инвестиции составляют 89,5 %). Доля капиталовложений устанавливается на переговорах и закрепляется в контрактах. Затем в соответствии с долей вложений распределяются доходы.

Автор подчеркивает, что от иностранных вкладчиков ожидают внедрения передовой технологии и оборудования, вложений в иностранной валюте, а китайская сторона предоставляет право на использование земли, производственных построек, сырья, средств в китайской валюте и рабочей силы. Хотя китайские законы не устанавливают строгих правил, но доля технологических ресурсов (технология промышленного производства, патентованное оборудование, ноу-хау),

предоставляемых иностранным участником, в целом не должна превышать 20 % в общем объеме вложений.

За пользование землей совместное предприятие расплачивается с государством по ценам, установленным правительствами провинций, автономных районов и городов центрального подчинения в зависимости от целей использования, размера и расположения участка. Плата за землю может являться частью капиталовложений со стороны китайского участника. В этом случае доход, полученный от этой части капиталовложений, передается государству. На использование конкретного участка земли подписывается контракт с соответствующими городскими или уездными государственными органами. В контракте определяется расположение участка, цели его использования, плата за него и т. д.

В соответствии с политикой централизованного валютного контроля совместное предприятие должно открыть счет в иностранной валюте в Банке Китая. Этот счет служит для осуществления расчетов и вкладов. Совместное предприятие может получить кредит в Банке Китая как в иностранной валюте, так и в юанях. Условия кредитования практически такие же, как и для государственных предприятий.

Управление совместным предприятием — это совместное управление. Главный орган предприятия — совет директоров. Он решает все основные вопросы деятельности предприятия: направления хозяйственной деятельности, распределение прибылей и т. п. Состав совета утверждается на четыре года. Председателем должен быть китаец, а заместитель или заместители — с иностранной стороны. Председатель не обладает правом решающего голоса, по спорным вопросам проводятся консультации. Председатель — представитель предприятия как юридического лица, он отвечает за его каждодневную деятельность.

Как отмечает автор, совместное предприятие подчиняется той организации, которой подчиняется китайский участник. Перед ней оно должно отчитываться о своей деятельности. Руководящая организация контролирует хозяйственную и финансовую деятельность, планы развития, соблюдение законов. Совместное предприятие имеет право самостоятельно принимать решения. Однако оно долж-

по руководствоваться государственным планом. Координация плана предприятия с государственным осуществляется путем заключения контрактов.

Совместное предприятие может закупать сырье и полуфабрикаты, топливо, запчасти и оборудование как внутри страны, так и на внешнем рынке. На экспорт и импорт товаров предприятие должно получить разрешение от Министерства внешнеэкономических связей и внешней торговли. Импорт и экспорт не должны выходить за рамки установленной деятельности предприятия.

Чу Баотай указывает, что при реализации продукции совместного предприятия внутри Китая она включается в план руководящей ведомственной организации, а затем продается определенному покупателю органами материально-технического снабжения. Предприятие может самостоятельно продавать ту продукцию, которая не входит в плановое государственное распределение. Совместное предприятие имеет право устанавливать цены на свою продукцию, реализуемую на внутреннем рынке, но оно обязано действовать под руководством организаций, контролирующих ценообразование. Цены на продукцию совместного предприятия на мировом рынке должны соответствовать ценам на подобные товары государственных предприятий.

С совместных предприятий взимаются следующие налоги: промышленно-торговый единый налог (на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, на торговый оборот и объем услуг; ставки для большинства товаров около 20 %), подоходный налог с совместных предприятий (ставка 30 % плюс местный налог, всего 33 %). Совместные предприятия в специальных экономических зонах, районах экономического развития вносят 15 %. При вывозе доходов за рубеж дополнительно взимается 10 % (с. 64), кроме того, взимается индивидуальный подоходный налог на недвижимость, на транспортные средства, таможенные пошлины.

После уплаты налогов, выплаты заработной платы работникам, внесения денег в резервный фонд и фонд развития предприятия оставшаяся часть доходов распределяют между участниками в соответствии с их долей вложений. Китайский закон не ограничивает доходы иностранного инвестора. Он имеет право вывозить полу-

ченные средства за рубеж в соответствии с положениями о валютном контроле.

Автор сообщает, что совместное предприятие имеет право самостоятельно нанимать и увольнять работников. При найме обычно используют квалификационные экзамены. Совместное предприятие сообщает о потребностях в кадрах в органы трудоустройства, которые затем информируют о возможностях в наборе. С нанимаемыми подписывается контракт индивидуально или коллективно. В оплату труда рабочих и служащих на совместном предприятии входят основная зарплата, надбавки и премии. Основная зарплата фиксирована, а надбавки и премии меняются в зависимости от доходов предприятия и деятельности работников. Общий заработок может быть на 20—50 % выше дохода рабочего или служащего государственного предприятия.

На совместном предприятии организуется профсоюз, который входит в местный отраслевой союз. Профсоюз имеет право подписывать трудовые соглашения с руководством от имени рабочих, наблюдать за их соблюдением. Профсоюз защищает права и интересы работников, организует политическую учебу, научно-техническое обучение, поддерживает трудовую дисциплину. Он имеет представителя в совете директоров с совещательным голосом, может просить руководство отчитаться перед работниками о деятельности предприятия, дает (или не дает) согласие на увольнение работников.

В заключение автор рассматривает некоторые тенденции в привлечении иностранных капиталовложений. Он указывает, что быстро увеличивается количество проектов с привлечением иностранного капитала и их размер. Так, в 1979—1984 гг. было создано 931 совместное предприятие. Из них 83 — в 1982 г., 105 — в 1983 г., 743 — в 1984 г. Если в 1982 г. организовывались в основном мелкие и средние предприятия, то после 1983 г. были созданы предприятия с капиталовложениями в десятки и сотни миллионов долларов, например такие, как «Бэйцзин-Джип», «Шанхай-Бэл телефон эквипмент маньюфакчуринг компани», «Гуандунская совместная компания по ядерной энергетике» (с. 245).

Создание на территории КНР совместных предприятий, основанных на китайском и иностранном капитале, является составной частью проводимой китай-

ским руководством «открытой внешне-экономической политики». В настоящее время проблемам, связанным с осуществлением этой политики, уделяется большое внимание в китайской экономической литературе и периодической печати. Одной из таких публикаций и является книга заместителя начальника Управления иностранных инвестиций Мини-

стерства внешнеэкономических связей и внешней торговли КНР Чу Баотая «Сто вопросов по иностранным капиталовложениям в Китае».

Ю. В. ЦЫГАНОВ

¹ КНР. Конституция и законодательные акты. М., 1984, с. 27

Проблемы НТР в Японии

Япония: Проблемы научно-технического прогресса. М., «Наука», 1986, 256 с.

Ю. И. Березина. Япония: социальные последствия научно-технического прогресса. М., «Наука», 1986, 224 с.

Перед советским обществом стоит грандиозная задача — обеспечить проведение в жизнь разработанного апрельским (1985) Пленумом ЦК КПСС и XXVII съездом КПСС стратегического курса на ускорение социально-экономического развития страны. Выступая на январском (1987) Пленуме ЦК КПСС, М. С. Горбачев подчеркивал: «Главный замысел нашей стратегии — соединить достижения научно-технической революции с плановой экономикой и привести в действие весь потенциал социализма»¹.

Было бы неверным при этом замыкаться лишь в национальных рамках научных исследований и опытно-конструкторских работ, не используя богатейшего опыта других стран в этой области.

Естественно, что в странах с различными социальными системами научно-технический прогресс протекает по-разному, да и приводит он к различным, зачастую противоположным социальным результатам. Вместе с тем ряд определенных закономерностей имманентно присущ развитию производительных сил в любом обществе, независимо от его социально-экономического устройства. Изучение этих закономерностей в развитии капиталистических стран может принести конкретную практическую поль-

зу в решении задач, стоящих сейчас перед нашей экономикой.

В этой связи, справедливо полагают авторы сборника «Япония: проблемы научно-технического прогресса», весьма полезно «проанализировать опыт Японии — страны, относительно недавно вступившей на интенсивный путь развития» (с. 3). Япония — буржуазное государство со всеми характерными для капиталистического строя противоречиями и пороками, она не может служить для нас моделью хозяйственного развития. К тому же экономические успехи страны нередко переоцениваются. Однако тот факт, что эта страна на протяжении послевоенных десятилетий демонстрировала необычайно высокие для капиталистической страны темпы экономического роста и за относительно короткий исторический период стала высокоразвитой, второй по экономической мощи державой капиталистического мира, не может не привлекать внимания.

Несмотря на то что за минувшее десятилетие японская экономика испытала и глубокий экономический кризис, и продолжительную депрессию, и неоднократные спады деловой активности, она и сейчас — во второй половине 80-х гг. — продолжает показывать хотя и вдвое меньшие по сравнению с предшествующим периодом, но все еще высокие темпы роста. Механизм «японского феномена» продолжает действовать достаточно эффективно. Во многом это связано с тем, что и в изменившихся условиях Япония продолжает выделяться в капиталистическом мире не только темпами экономического роста, но и чрезвычайно быстрой структурной перестройкой промышленности, освоением наиболее передовых направлений научно-технического прогресса.

В предлагаемом читателю сборнике помещены статьи по таким важным с точки зрения НТП и экономики в це-

лом проблемам, как производство и применение ЭВМ, персональных компьютеров, гибких производственных систем, промышленных роботов и других средств автоматизации, рассматриваются современные тенденции в развитии черной металлургии и химической промышленности, сельского хозяйства и финансовой инфраструктуры. Большое внимание уделено общеэкономическим проблемам — структурной перестройке, энергосбережению, использованию вторичных ресурсов, управлению на уровне фирм, стимулированию регионального развития, взаимодействию НТП и потребительского спроса. Освещаются особенности современного этапа и основные направления научно-технического прогресса в Японии и его влияние на социально-классовую структуру японского общества, роль государства в стимулировании научно-технического развития страны.

Не ставя задачу подробного ознакомления с материалами сборника — специалисты-японоведы и сотрудники соответствующих ведомств и организаций народного хозяйства сами выберут наиболее интересующие их темы, — считаем необходимым охарактеризовать основные черты «японского варианта» использования достижений НТП.

Важнейшим фактором высокой эффективности реализации результатов НТП в Японии является разработка перспективной общенациональной стратегии при руководящей и координирующей роли государства. Каждому этапу экономического и научно-технического прогресса соответствует концентрация деятельности государственных органов и частных предпринимателей на приоритетных направлениях. В 50—60-е гг. были созданы мощные базовые отрасли индустрии (энергетика, черная и цветная металлургия, химическая промышленность, общее и транспортное машиностроение), «однако на рубеже 60—70-х гг. дальнейшее развитие японской промышленности стало все более тормозиться накопившимися в ходе предыдущего периода ускоренного роста структурными диспропорциями» (с. 47).

Катастрофическое загрязнение окружающей среды, нехватка воды и земельных участков для нового промышленного строительства, дефицит рабочей силы, недостаточное развитие инфраструктуры — решение этих проблем тре-

бовало скорейшей структурной перестройки промышленности Японии. Ее основной целью стало повышение наукоемкости производства при одновременном снижении его материало-, трудо- и энергоемкости. В наши дни приоритет безоговорочно отдан таким отраслям, как электроника, новые средства коммуникаций, биотехнология, робототехника, авиакосмическая промышленность, точное машиностроение и т. п.

Важнейшим направлением НТП на современном этапе становится автоматизация производственных процессов и обработки информации. Причем происходит пересмотр прежних и выработка новых концепций автоматизации. На смену традиционной, так называемой жесткой автоматизации, нацеленной на длительный выпуск продукции крупными партиями, изыскиваются принципиально новые пути автоматизации, обеспечивающие высокую эффективность средне- и мелкосерийного производства, быструю перестройку процесса выпуска продукции при минимальных издержках. Один из них — автоматизация заводов, ведущая к созданию «безлюдных технологий» на базе «гибких» средств автоматизации. При этом «под автоматизацией заводов понимают массовое внедрение ЭВМ, металлообрабатывающего оборудования с числовым программным управлением (ЧПУ), промышленных роботов, новых средств связи, полностью автоматизированных промышленных транспортных средств и складов, устройств с функциями адаптивного контроля и других базовых устройств, работающих в соответствии с заданной программой, а также тесное интегрирование базовых устройств с системами автоматизированного проектирования» (с. 124).

Стимулированию научно-технического прогресса содействуют совместные проекты, организуемые министерством внешней торговли и промышленности (МВТП), а также Управлением по науке и технике. При их осуществлении объединяются возможности государственных организаций и частных фирм, что дает значительный коммерческий эффект. К таким проектам можно отнести программу «создания сверхбольших интегральных схем (СБИС), проект по созданию обрабатывающих систем, в которых используются лазеры (принят в 1977 г.), проект «Программа

исследований и разработок базовой промышленной технологии нового поколения» (принят в 1981 г.) и др.» (с. 61). Наконец, с 1982 г. ведутся работы по проекту создания «супер-ЭВМ», на который ассигновано 23 млрд. иен. Предполагается, что машина сможет производить 10 млрд. операций в секунду, что в несколько раз превышает скорость современных ЭВМ.

Важным фактором, способствующим скорейшему освоению новой техники и технологии и смягчающим возникающую при этом проблему риска, является диверсифицированность производства японских промышленных фирм. Крупные «старые» фирмы имеют возможность компенсировать убытки на начальном этапе выпуска новых изделий за счет высокой рентабельности ранее освоенной и параллельно выпускаемой продукции. Ускоренному внедрению новой техники способствует также специфическая система вертикального производственно-сбытового кооперирования японских компаний, которая позволяет головным фирмам предъявлять жесткие требования своим подрядчикам и поставщикам, находящимся от них в экономической зависимости.

Авторы сборника справедливо выделяют человеческий фактор как один из самых главных, предопределивших значительные успехи Японии в реализации достижений НТП на современном этапе. В японских фирмах уделяется постоянное внимание повышению качества рабочей силы. Предпочтение отдается внутрифирменным методам доводки уровня рабочей силы до требуемой степени совершенства и гибкости. Причем, в отличие от зарубежных корпораций, практикующих в основном специальную подготовку рабочих кадров, японские компании, используя практику пожизненного найма, большое внимание уделяют и общей, и так называемой административной подготовке. Включение в комплекс внутрифирменного обучения курсов общей подготовки, которые по своему практическому уровню существенно выше соответствующего государственного образования, создает предпосылки для получения японскими корпорациями рабочей силы, обладающей весьма ценными качествами. «Высокий уровень общей подготовки кадров в период стремительной технической перестройки японской экономики созда-

вал и продолжает создавать в долговременной перспективе широкую и прочную основу для их последующей безболезненной приспособляемости к введению технических новшеств. Он закладывает, по существу, ту основу для опережения повышения качества рабочей силы по сравнению с развитием материального базиса производства, которая требуется на современном этапе научно-технического прогресса» (с. 84).

Было бы наивным рассматривать столь глубокое внимание японских предпринимателей к профессиональной и общей подготовке своих рабочих и служащих как проявление бескорыстной заботы «отцов»-работодателей. Предпринимателю нужен персонал, отвечающий требованиям современного производства и преданный интересам фирмы. Каким образом это будет достигнуто, особенного значения не имеет. Эксплуататорская сущность производственных отношений полностью сохраняется в Японии и на современном этапе НТП.

Вообще следует отметить неоднозначное воздействие научно-технического прогресса на современное японское общество: с одной стороны, он объективно играет прогрессивную роль, способствуя развитию производительных сил страны, с другой стороны, его реализация связана со многими негативными явлениями и проблемами, особенно в социальной сфере.

В условиях капиталистического общества результаты НТП в первую очередь присваиваются буржуазией — в последние годы рост реальной зарплаты лиц наемного труда существенно замедлился (0—2 % в год). Прибыли же крупнейших корпораций возрастают весьма внушительно. Переход Японии к интенсивной модели развития сопровождался не только замедлением темпов экономического роста, но и более чем двукратным повышением уровня безработицы. Причем это только первые «плоды» внедрения достижений НТП. «Подобная безработица по своему характеру считается «технологической», или «структурной». Она пока еще не приобрела в Японии таких крупных масштабов, как, например, в странах Западной Европы, но к концу 80-х гг. в связи с массовым внедрением роботов ожидается значительное

ее увеличение (по некоторым прогнозам, до 12 млн. человек в 1990 г.)» (с. 248).

Подробно разбираются именно социальные аспекты внедрения НТП в японское общество в монографии Ю. И. Березиной.

Рассматриваемая работа представляет собой попытку комплексного анализа социальных последствий НТП в Японии на современном этапе, анализа сдвигов в структуре, поведении, сознании японского рабочего класса в условиях интенсивной технологической модернизации. При этом автор, по собственному признанию, «не претендует на полное и детальное освещение многочисленных аспектов последствий научно-технического прогресса, затронувшего буквально все стороны жизни современного японского общества, а останавливается на наиболее важных, с его точки зрения, проблемах влияния НТР на сферу занятости, социальную структуру, массовое сознание и политическое поведение японских трудящихся» (с. 11).

Исследуя такие последствия научно-технического прогресса, как резкое уменьшение сельского населения и мелкобуржуазных слоев города, рост рядов рабочего класса и повышение качества рабочей силы, улучшение материального положения трудящихся, Ю. И. Березина приходит к выводу, что преломление подобных изменений в сознании социальных слоев оказывает существенное воздействие на их ценностные ориентации и мотивации политического поведения. Остановимся несколько подробнее на этих пока еще недостаточно разработанных в советском японоведении вопросах.

Если до и во время второй мировой войны на первом месте в системе жизненных идеалов у большинства японцев стояло своеобразно понимаемое «благо родины», а уже затем личное счастье, то после войны господствующую позицию заняли ценности, ориентированные именно на личность. «Основные тенденции в изменении ценностных ориентаций заключаются главным образом в ориентации на потребление (а не на сбережение, как прежде), на досуг (а не на труд), в изменении отношения к политическим проблемам» (с. 141).

Сдвиг от накопительских ценностей к потребительским сопровождается про-

цессом постепенного перехода от ориентации на коллектив к индивидуализации. Хотя традиционная ориентация на «группу» еще далеко не изжила себя в японском обществе, в последние годы явно наметился подрыв этой базисной ценности и одновременно резко возрос интерес к развитию личности. С этим связано и изменение отношения японцев к труду как высшей ценности, без которого ранее невозможно было представить их существование внутри «группы». «Вызванное развитием научно-технического прогресса упрощение в ряде случаев характера труда рабочих, усиление их изолированности в производственном процессе наряду с постепенным подтачиванием основ системы пожизненного найма приводят к чувству разобщенности, отчужденности, к привычке считать работу чем-то временным, преходящим. Эти тенденции особенно усилились в последние годы в результате обострения конкурентной борьбы в условиях роста безработицы, связанной с технологическими сдвигами» (с. 145).

В декабре 1983 г. на вопрос радиокорпорации Эн-Эйч-Кей, что является основным интересом в жизни, лишь 28,4 % опрошенных ответили — работа (1978 г. — 43 %). «Культивируя идеологию «семейной организации», правящий класс Японии пытается замаскировать подлинную сущность капиталистической эксплуатации, стремится сохранить раздробленность японского пролетариата, помешать выявлению классовых противоречий между трудом и капиталом» (с. 63). Однако усиленно насаждаемое представление «мое предприятие — мой дом» в наше время перестает доминировать. Снижение степени лояльности к «своему» предприятию способствует более критическому подходу рабочих масс к капиталистической рационализации, означает собой неизбежное в будущем их тяготение к солидарности, к классовому сплочению. «В этом смысле, — считает автор, — тенденция к размыванию групповой ориентации, безусловно, имеет прогрессивное значение и представляет собой шаг вперед в развитии массового сознания» (с. 146).

В последнее время в Японии в условиях определенной экономической стабильности и относительно высокого уровня жизни наблюдается известное поп-

равенне правящих кругов и консервативной Либерально-демократической партии, усиливается также идейно-пропагандистское давление на население, ставшее возможным благодаря достижениям НТИ, предоставившим разнообразные средства для манипулирования общественным мнением. Тем не менее проведенный автором монографии анализ изменений системы ценностей, политических предпочтений и электорального поведения масс (прежде всего молодежи, которая в очень большой степени определяет направление перемен в общественном сознании) убедительно показывает, что массовые слои в Японии проявляют все более критическое отношение к политическим реалиям своей страны.

Японская действительность свидетельствует о том, что высокие темпы роста экономики не являются панацеей от пороков, присущих капиталистическому обществу. Более того, ускоренное эко-

номическое развитие на базе форсированного научно-технического прогресса не только не приводит к смягчению старых трудностей, но и порождает новые сложные проблемы. Обе книги, рассматриваемые в данной рецензии, несомненно, помогут более глубокому осмыслению далеко не однозначного воздействия научно-технического прогресса на японское общество. Отдельные же достижения японской научно-технической мысли, особенно способы и методы их внедрения в производство, возможно и, на наш взгляд, необходимо с пользой применить в нашей хозяйственной практике.

Ю. Е. ЕВГЕНЬЕВ

¹ «Правда», 28.1.1987.

Монография о творчестве Чэнь Байчэня

Дун Цзянь. Творческий путь Чэнь Байчэня (Чэнь Байчэнь чуаньцзо личэн лунь). Пекин, 1985, 406 с.

В настоящее время в Китае идет серьезное, углубленное изучение своей национальной литературы XX в. Выходит «Библиотечка исследований по современной литературе Китая»¹, издаются сборники материалов о творчестве отдельных писателей, в которых публикуются подборки критических статей за разные годы, а также отклики на появление того или иного произведения, заметки о писателях². Создана «Библиотечка по изучению китайской литературы за рубежом», первый выпуск которой целиком посвящен современности³. С привлечением большого фактического материала ведутся монографические исследования творчества крупных китайских писателей. Изданы книги о Тянь Хане⁴, Цао Юе⁵, Юй Дафу⁶

и др. В число трудов о современных писателях входит и работа Дун Цзяня «Творческий путь Чэнь Байчэня».

В нашей стране имя Чэнь Байчэня пока известно лишь узкому кругу специалистов. А между тем он играл и играет заметную роль не только в литературе, но и в общественной жизни Китая. В 1951—1961 гг. Чэнь Байчэнь был секретарем Союза китайских писателей, в 1979 г. стал членом правления Союза китайских писателей и членом Всекитайской ассоциации работников литературы и искусства в 1960 г. — членом правления Союза китайских драматургов, в 1979 г. — заместителем председателя Союза китайских драматургов и членом комитета Всекитайской ассоциации кинематографистов.

Чэнь Байчэнь (наст. имя Чэнь Чжэнхун) родился 1 марта 1908 г. в семье мелкого торговца в городе Цинцзяне (провинция Цзянсу). С юных лет знакомился с китайской классической литературой, потом открыл для себя творчество Лу Сяня, Юй Дафу и других современных писателей. С 1926 г. изучал китайскую литературу в специальной литературной школе Шанхая, затем перешел в Академию художеств при театральном обществе «Южное царство» («Нань го»), которым руководил Тянь Хань. Встреча с основоположником современной драматургии

Китай определила его дальнейший путь. В 1929 г. Академия из-за финансовых трудностей закрылась. Чтобы заработать себе на жизнь, Чэнь Байчэнь вынужден был работать продавцом, клерком, учителем, выступал как актер в пьесах Тянь Ханя, пробовал себя в прозе. В том же году вместе с единомышленниками создал театральное общество «Народные массы» («Миньчжун сицзюй»), потом — «Модерн» («Модэи»), которое затем влилось в Лигу левых драматургов. В 1930 г. Чэнь Байчэнь поехал в Японию, но через полгода вернулся, стал преподавать в средней школе, работать под руководством литераторов из Лиги левых писателей (1930—1936). В 1932 г. он был арестован за революционную деятельность, освобожден в 1935 г. В этот первый полужизненный, полуподражательный период наметились особенности сатирического и юмористического таланта будущего комедиографа.

В начале 30-х гг. Чэнь Байчэнь впервые заявил о себе как драматург. Появились его пьесы, различные по жанрам, темам и проблемам — «Излучина реки Фэн» (1931), «Камера номер 10» (1933), «Ураганная ночь» (1934), — обличающие порядки в тюрьмах, где содержались политические заключенные. В пьесах «Ночь на улице» (1934), «Луна в середине осени» (1936) драматург напоминал о бедственном положении широких народных масс. Трагедия национальной буржуазии в полуколониальном, полуфеодалном обществе показана в пьесе «Ночь под Новый год» (1934). Патриотические пьесы «Двое детей» (1934), «Отцы, сыновья, братья» (1935), «Непоставленная пьеса» (1936) разоблачали политику японцев, призывали к справедливой борьбе с оккупантами. В комедии «На втором этаже» (1935) осмеянию подверглась мелкобуржуазная интеллигенция. Разложение общества бичевалось в сатирической комедии с элементами драмы и трагедии «Благославляю обогащение» (1936).

Десятилетие с 1938 по 1948 г. явилось порой зрелости, высокого идейного роста и художественного мастерства Чэнь Байчэня-драматурга. В это время он создал большую часть своих произведений, открыл новую страницу в современной драматургии Китая — комедии, наполненные политической сатирой. В комедии-памфлете «Заколдованная пещера» (1938) (поставлена в том же году под

названием «Шабаш чертей») фарс переплетается с трагедией, бичуются предатели и капитулянты. Сатирическая комедия «Люди суетного мира» (1939) показывает поведение «подонков» общества, которые пробрались к власти во время войны. Гротескная комедия «Жених и невеста», трагикомедия «Свадебный марш» (1942) ставят вопросы об общественном положении женщины, о свободе брака. В комедии «Перестань безобразничать» (1941) — о разложении гоминьдановского бюрократического аппарата — вскрываются закулисные махинации в государственных учреждениях. Не случайно именно эту пьесу поставили в 1949 г. к I съезду писателей. В трагедии «Большая переправа через реку» (1942) драматург возвращается к жизни Юань Шикая, заостряет внимание на исторических уроках прошлого.

Вершина творчества Чэнь Байчэня того времени — драма «Суровая година» (1944) и сатирическая комедия «Лестница карьеры» (1945). Они составляют как бы две стороны одной медали: первая говорит о стойкости интеллигенции в годы антияпонской войны, вторая разоблачает гоминьдановский строй, систему продвижения по служебной лестнице мошенников, подхалимов и пройдох.

Помимо творческой, Чэнь Байчэнь вел большую организационную работу: являлся редактором газет «Хуаси ваньбао», «Хуаси жибао», «Синь минь бао», а с 1939 по 1941 г. читал лекции по драматургии в театральном обществе Хун Шэня и в музыкальной школе, основанной Сюн Фоси, в 1941 г. возглавил общество «Китайское театральное искусство» («Чжунхуа цзюйшэ»).

С 1946 г. Чэнь Байчэнь работал в кино, возглавил группу по сбору материалов для исторического фильма «Сун Цзинши», работал над фильмом «Лу Синь».

«Культурная революция» вынудила Чэнь Байчэня замолчать на одиннадцать лет. В 1977 г. он был реабилитирован, вернулся к творчеству, написал историческую пьесу «Песнь большого ветра» (1978) — о борьбе наследников основателя династии Хань, об их жестокости и беспринципности, — которая была удостоена Государственной премии. К столетию со дня рождения Лу Синя драматург создал сценарий по повести «Подлинная история А—Q», который потом переделал в пьесу с тем же названием (1980).

Чэнь Байчэнь — писатель-реалист. Его волнует духовная и нравственная жизнь человека, он разрабатывает конфликт правды и лжи, прекрасного и безобразного. Его беспокоит дальнейшая судьба отечественной драматургии, он стремится передать молодежи свой богатый опыт, воспитать достойную смену, на которую можно возложить ответственность за развитие современной драматургии.

В 1978 г. Чэнь Байчэнь стал профессором и деканом факультета китайской литературы и языка Нанкинского университета, в следующем году организовал «Рабочую группу 47», в которой воспитываются будущие драматурги и исследователи драмы. Первый выпуск состоялся в 1981 г. Пьесы некоторых студийцев, например Ли Лунъюня и Яо Юаня, написанные как дипломные работы, были опубликованы в центральной печати. Автор монографии Дун Цзянь, выпускник этой группы, заинтересовался творчеством своего учителя, подолгу беседовал с ним. Личные контакты помогли понять человека и художника.

Свою главную задачу Дун Цзянь видел в том, чтобы, «проанализировав и рассмотрев творческий путь писателя в связи с историей общества того времени, осветить некоторые изменения в истории целого общества» (с. 376). Такая постановка проблемы в работе Дун Цзяня не вызывает возражений, потому что продиктована потребностью разобраться в сложных задачах, поставленных самой жизнью, его творчество отличается социальной и политической остротой.

Книга Дун Цзяня состоит из семи глав и построена по хронологическому принципу. Ученый прослеживает творческий путь Чэнь Байчэня от истоков до наших дней. Дун Цзянь намечает пять этапов в творческом развитии писателя: 1925—1932, 1933—1937, 1938—1948, 1949—1977 гг. и последний, начавшийся после 1977 г. Главное внимание исследователь уделяет анализу произведений, который сделан подробно и тщательно, с глубоким знанием материала, содержит интересные наблюдения над идейными и художественными особенностями творчества драматурга.

Изучение творчества любого писателя, предпринятое впервые, в данном случае Чэнь Байчэня, неизбежно сочетает в себе исследовательские задачи с необходимостью воссоздать образ художника

слова. Автор заостряет внимание на актуальной для китайской литературы проблеме историзма, сущности и особенностях жанра исторических пьес, намечает три этапа в развитии исторической драматургии Китая. Однако его точка зрения недостаточно подкреплена художественным материалом, отсутствуют объяснения, в силу каких причин и обстоятельств именно так идет развитие жанра.

Намечена в монографии и другая, не менее важная и острая проблема — это инсценировка и экранизация классики. Вопрос о культурном наследии затронут в связи с работой Чэнь Байчэня над экранизацией произведений Лу Синя, в частности «Подлинной историей А—Q», которая и до него привлекала к себе внимание драматургов. Чэнь Байчэнь, сохраняя верность первоисточнику, сумел найти свой индивидуальный подход, раскрыл дух времени.

Книга Дун Цзяня по собранному и проанализированному материалу, по тому, как представлена личность одного из ведущих писателей, который продолжает оказывать влияние на ход развития литературы, несомненно, представляет большую научную ценность.

Л. А. НИКОЛЬСКАЯ,
кандидат филологических наук

¹ См.: Библиотечка исследований по современной литературе Китая (Чжунго сяндай вэньсюэ яньцзю цункань). Пекин, 1981; Материалы, исследования по литературе Китая наших дней (Чжунго дандай вэньсюэ яньцзю цзыляо цуншу). Нанкин, 1984, и др.

² См.: Материалы по изучению Чжан Тяньи (Чжан Тяньи яньцзю цзыляо). Пекин, 1982; Сб. статей о жизни и творчестве Чэнь Байчэня (Чэнь Байчэнь чжуаньцзи). Нанкин, 1983, и др.

³ См.: Библиотечка по изучению китайской литературы за рубежом. (Говай чжунго вэньсюэ яньцзю луньцун). Пекин, 1985.

⁴ См.: Хэ Иньтай, Ли Дасинь. Биография Тянь Ханя (Тянь Хань пинчжуань). Чанша, 1984.

⁵ См.: Тянь Баньсян. Творчество Цао Юя (Цао Юй чуаньцзо лунь). Пекин, 1981.

⁶ См.: Юй Юнь. Биография Юй Дафу (Юй Дафу чжуань). Фучжоу, 1984, и др.

⁷ См.: Л. А. Никольская. Тянь Хань и драматургия Китая XX века. М., 1980.

16—18 марта 1987 г. в Москве по инициативе Института экономики мировой социалистической системы АН СССР и Института экономических исследований ДВО АН СССР состоялось совещание по проблемам и перспективам развития внешнеэкономических связей Дальневосточного экономического района (ДВЭР). В работе совещания приняли участие научные сотрудники указанных институтов, а также Института Дальнего Востока АН СССР, Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, Института США и Канады АН СССР, институтов ДВО АН СССР, ряда других научно-исследовательских учреждений, а также работники практических организаций.

На совещании было заслушано 34 доклада, затронувших весьма широкий спектр проблем. В целом доклады разделились на два достаточно самостоятельных и в то же время взаимосвязанных «блока». Первый охватывал такие проблемы, как роль АТР в мировой экономике и политике; перспективы развития регионального экономического сотрудничества; перспективы и направления сотрудничества Советского Союза с социалистическими странами Азии; развитие экономических связей СССР с капиталистическими и «новыми индустриальными странами» АТР; основные направления научно-технического прогресса в странах азиатско-тихоокеанского региона (д. э. н. В. П. Лукин, д. э. н. В. Н. Шаститко, к. э. н. М. Е. Тригубенко, к. э. н. В. И. Иванов, к. э. н. Ю. С. Столяров и др.).

Во втором «блоке» докладов подробно исследованию подвергались такие проблемы, как основные тенденции и перспективы развития народного хозяйства и экономических связей Дальневосточного экономического района со странами АТР; участие в них отдельных краев и областей ДВЭР; возможные направления новых форм экономического сотрудничества с АТР (д. э. н. П. А. Минакир, к. э. н. Н. М. Сигур, А. Г. Попов, к. э. н. Н. Л. Шлык и др.).

На совещании подчеркивалась необходимость резкого подъема потенциала советского Дальнего Востока в условиях концентрации политических и экономических сил в районе Тихого океана, возникновения здесь нового индустриального региона, мощь которого в перспективе будет возрастать. В этой связи участники совещания указывали на принципиальную необходимость разработки единой научной концепции сотрудничества ДВЭР со странами азиатско-тихоокеанского региона. При этом выступавшими подчеркивалась неотложность задачи создания новой экспортной стратегии для ДВЭР с учетом того, что качественный уровень его внешнеэкономических связей (прежде всего в силу важности стоящих перед регионом задач) должен быть на порядок выше, чем в других районах страны.

Выступавшими отмечалось, что разработка внешнеэкономической стратегии «Дальний Восток — АТР» должна охватывать три аспекта: региональный, структурный и организационный.

Первый аспект состоит в точном определении места каждого экономического партнера в иерархии внешних связей ДВЭР, сохранении приоритета в них за социалистическими странами Азии. Уже в настоящий момент имеется вполне достаточный «задел» для развития научно-технического сотрудничества, производственной специализации и кооперации с СРВ, КНДР, КНР, а также МНР, пока слабо связанной экономическим сотрудничеством с ДВЭР. Для повышения эффективности взаимовыгодной экономи-

ческой кооперации Советского Союза с социалистическими странами Азии требуется, подчеркивалось на совещании, перевести ее на долгосрочную основу, создать более гибкий механизм управления региональными внешнеэкономическими связями.

Что касается капиталистических стран АТР, то на совещании указывалось на важность использования наряду с развитием экономического сотрудничества с Японией всех возможностей взаимовыгодных связей с такими государствами, как Канада, Австралия, Новая Зеландия, а также с «новыми индустриальными странами». Основа для взаимовыгодного партнерства с этой группой стран существует, хотя нуждается в дальнейшем качественном совершенствовании и развитии.

Участники совещания подробно обсудили структурный аспект внешнеэкономической стратегии на Дальнем Востоке, включающий ряд важных отраслевых комплексов ДВЭР, в том числе лесопромышленный, рыбопромышленный, горнопромышленный, топливно-энергетический, агропромышленный, машиностроительный, транспортный, строительный. В ходе обсуждения его участниками были сделаны конкретные предложения по развитию экономического потенциала Дальнего Востока и использованию его во внешнеэкономических связях региона.

Организационный аспект внешнеэкономической стратегии, с точки зрения участников совещания, подразумевает создание гибкого механизма управления, сочетающего разумный централизм с предоставлением ДВЭР благоприятного режима, нацеленного на решение поставленных перед регионом задач ускоренного социально-экономического развития. В частности, предлагалось шире использовать возможности, предоставляемые новой системой управления внешнеэкономическими связями, активно преодолевать инерционность экономического мышления, приверженность к традиционным формам управления, боязнь нововведений. В этой связи некоторые участники совещания предлагали продумать, учитывая специфику ДВЭР, возможность осуществления краями и областями Дальнего Востока самостоятельных и прямых экономических связей со странами АТР.

Советский Дальний Восток находится в настоящий момент на важном этапе своего развития. Перед ДВЭР стоят сложные задачи, которые должны быть качественно решены в сжатые сроки. Долг научных учреждений — внести свой вклад в решение этой актуальной как в политическом, так и социально-экономическом отношении задачи. В целом совещание по проблемам и перспективам развития внешнеэкономических связей Дальневосточного экономического района явилось определенным шагом в деле научного обеспечения ее решения. Вместе с тем оно показало, что научным учреждениям еще предстоит проделать в этом направлении большую исследовательскую работу, неуклонно продолжать научный поиск.

П. Ю. МАСЛОВ

Мир и молодежь в азиатско- тихоокеанском регионе

14—15 мая 1987 г. в Москве состоялась научно-практическая конференция «Мир и молодежь в азиатско-тихоокеанском регионе», организованная Институтом Дальнего Востока АН СССР при содействии ЦК ВЛКСМ и КМО СССР. В работе конференции приняли участие молодые ученые и аспиранты ведущих институтов АН СССР, представители ряда общественных организаций и средств массовой информации.

Открывая конференцию, заместитель директора ИДВ АН СССР, доктор исторических наук, профессор В. С. Мясников отметил быстро возрастающую роль АТР в мировом развитии, подчеркнул традиционно важное место региона во внешней политике Советского Союза. Докладчик охарактеризовал стратегию СССР в этом регионе как последовательный курс, направленный на разоружение, урегулирование локальных конфликтов, расширение двусторонних связей с государствами АТР, установление атмосферы доверия как важнейшего условия развития широкого, охватывающего политические, экономические и другие сферы международного регионального сотрудничества. В этой связи он всесторонне рассмотрел значение крупных инициатив, с которыми СССР выступил в последнее время. Среди них — предложение от 21 мая 1985 г. о комплексном подходе к проблеме безопасности в Азии, предложение от 23 апреля 1986 г. о налаживании широкого экономического, научно-технического и культурного сотрудничества всех стран азиатско-тихоокеанского региона, инициативы, изложенные в выступлении Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева во Владивостоке и в ходе его визита в Индию в ноябре 1986 г. и др. В докладе В. С. Мясникова были также освещены инициативы социалистических и несоциалистических стран региона, направленные на разрядку, укрепление мира и безопасности, развитие международного сотрудничества в АТР. В заключение докладчик остановился на процессе улучшения советско-китайских отношений и позитивном влиянии этого процесса на международную обстановку в регионе.

Работа конференции проходила в форме «круглых столов» по двум темам — «Мир и безопасность в АТР» и «Проблемы молодежи и молодежного движения в АТР».

Участники первого «круглого стола», отметив угрожающие темпы и масштабы милитаристских приготовлений империализма в бассейне Тихого океана, сконцентрировали внимание на обсуждении путей вовлечения АТР в борьбу за всеобъемлющую систему международной безопасности. Они особо подчеркивали, что выработанная СССР совместно с Индией Делийская декларация стала важным вкладом в философию нового политического мышления, что она дает новый импульс конструктивному диалогу между странами АТР. При этом отмечалась необходимость самого широкого вовлечения в этот диалог, в активную борьбу за безопасность всех стран региона, в том числе и развивающихся государств различной социальной ориентации.

В ходе дискуссии конкретно рассматривались также взаимосвязи проблем безопасности стран региона и развития регионального экономического сотрудничества.

Оживленно обсуждался вопрос о дальнейшем повышении роли СССР в экономических связях АТР на основе осуществления планов развития советского Дальнего Востока. Важное место в этом блоке проблем выступавшие отдели экономическим связям СССР с КНР.

Анализу подверглись и различные аспекты деятельности транснациональных корпораций и международных финансовых центров в АТР, в частности, их роль как орудия империализма, стремящегося вовлечь большинство стран региона в русло своей военно-политической стратегии, важным элементом которой является блоковая политика. В результате дебатов «круглый стол» пришел к общему мнению, что блоковая структура империализма в регионе, в последнее время претерпевшая сильную эрозию, имеет тенденцию к возрождению с учетом изменившейся политической обстановки в регионе.

Участники «круглого стола» «Проблемы молодежи и молодежного движения в АТР» отметили рост социально-политической активности этой группы населения в странах региона. Большой интерес вызвали сообщения о развитии международных связей молодежных организаций КНР, идеологической ситуации в Китае, националистических тенденциях в молодежной среде Японии.

Обсудив проблемы молодежного движения в АТР в целом, участники конференции пришли к выводу, что в преддверии XIII Всемирного фестиваля молодежи и студентов (1989) имеются неплохие перспективы развития сотрудничества молодежных и студенческих организаций различной идеологической и политической ориентации в борьбе за мир, в создании климата доверия и взаимопонимания между молодежью стран региона. В ходе работы «круглого стола» был высказан ряд практических предложений и пожеланий в связи с задачами развития этого сотрудничества. В частности, говорилось о необходимости координации деятельности научных и практических организаций в области изучения молодежного движения в регионе, создания специальной рабочей группы по проблемам молодежного движения в АТР. Подчеркивалось также, что молодые научные работники должны уделять внимание не только сбору материала о деятельности зарубежных молодежных организаций, но и развешивать углубленные исследования в этом направлении.

На заключительном пленарном заседании были подведены итоги дискуссий в рамках тематики двух «круглых столов», поставлены проблемы, на которых целесообразно сосредоточить внимание молодых ученых, была отмечена научная и практическая значимость проведенного обмена мнениями, хорошее качество многих выступлений. Прозвучали также и пожелания участникам повышать теоретический и профессиональный уровень исследований.

М. А. ЯКОВЛЕВ

«ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА», 1987, № 4, 232 с.
Технический редактор *Сологубова Т.*

Сдано в набор 25.5.87. Подписано в печать 03.07.87. А09319. Формат 70×100 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура литер. Усл. печ. л. 18,85. Уч. изд. л. 19,87. Усл. кр.-отт. 38,6.
Изд. № 43441. Тираж 11 149 Заказ 1400. Цена 70 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс»
Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли 119817. ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17.

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат
ВО «Союзполиграфпром» Государственного комитета СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
142300, г. Чехов Московской области

Кашмадзе И. Индонезия: острова и люди. — М.: Наука, 1987. — 311 с. — (Рассказы о странах Востока). — 1 р. 30 к. 15 000 экз.

Вафа А. Х., Литман А. Д. Философские взгляды Джавахарлала Неру. — М.: Наука, 1987. — 286 с. — 2 р. 40 к. 5 000 экз.

Токуиро Намикоши. Шиацу — японская терапия надавливанием пальцами. Пер. с англ. — 2-е изд. — Киев: Вища шк., 1987. — 72 с. — 20 к. 200 000 экз.

Дорога к замку: Современ. япон. новелла. Пер. с япон., сост. Г. Чхартишвили. — М.: Известия, 1987. — 252 с. — 1 р. 20 к. 50 000 экз.

Ашрафян К. З. Дели: история и культура. — М.: Наука, 1987. — 263 с. — 1 р. 30 к. 13 000 экз.

Дипломатический вестник. Год 1986: Ежегодник. Гл. ред. С. Л. Тихвинский. — М.: Междунар. отношения, 1987. — 438 с. — 3 р. 70 к. 8 000 экз.

Кино Индии. Ф. Рангунвалла и др.; Пер. с англ. — М.: Радуга, 1987. — 383 с., ил. — 1 р. 70 к. 40 000 экз.

Интернациональное сотрудничество КПСС и КПВ: история и современность. Под. общ. ред. А. Г. Егорова и Нгуен Виня. — М.: Политиздат, 1987. — 334 с. — 1 р. 60 к. 5 000 экз.

Малайзия: Справочник. Отв. ред. Г. И. Чуфрин. — М.: Наука, 1987. — 363 с. — 1 р. 60 к. 6 200 экз.

Коваленко И. И. Коммунистическая партия Японии: Очерки истории. — М.: Наука, 1987. — 527 с. — 3 р. 10 к. 2 350 экз.

Русско-корейский и корейско-русский словарь: Около 50 тыс. слов. Ю. Н. Мазур, Ко Хён и др. — М.: Рус. яз.; Пхеньян: Наука и энциклопедия, 1987. — 900 с. — 8 р. 46 к. 10 750 экз.

Сидихменов В. Я. Китай: страницы прошлого. — 3-е изд., испр., доп. — М.: Наука, 1987. — 448 с. — 1 р. 90 к. 39 000 экз.

Парканский А. Б. Американо-японские противоречия в 80-е годы. — М.: Наука, 1987. — 152 с. — 1 р. 40 к. 2 700 экз.

Поправки

Стр. 17 (17, 18, 19 строка сверху) следует читать:

Индия играет также важную роль в борьбе против расистского режима Претории в Южной Африке и против продолжающейся агрессии Израиля в Палестине.

Стр. 59. Сноска № 19. После слова *A Geostrategie* следует пропущенное слово *Framework*.

Стр. 205. В конце полосы ошибочно напечатан текст начала рецензии. Эта рецензия будет опубликована в следующем номере журнала.